

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

L'ETHNOGRAPHIE SOVIETIQUE

3

1 9 2 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия

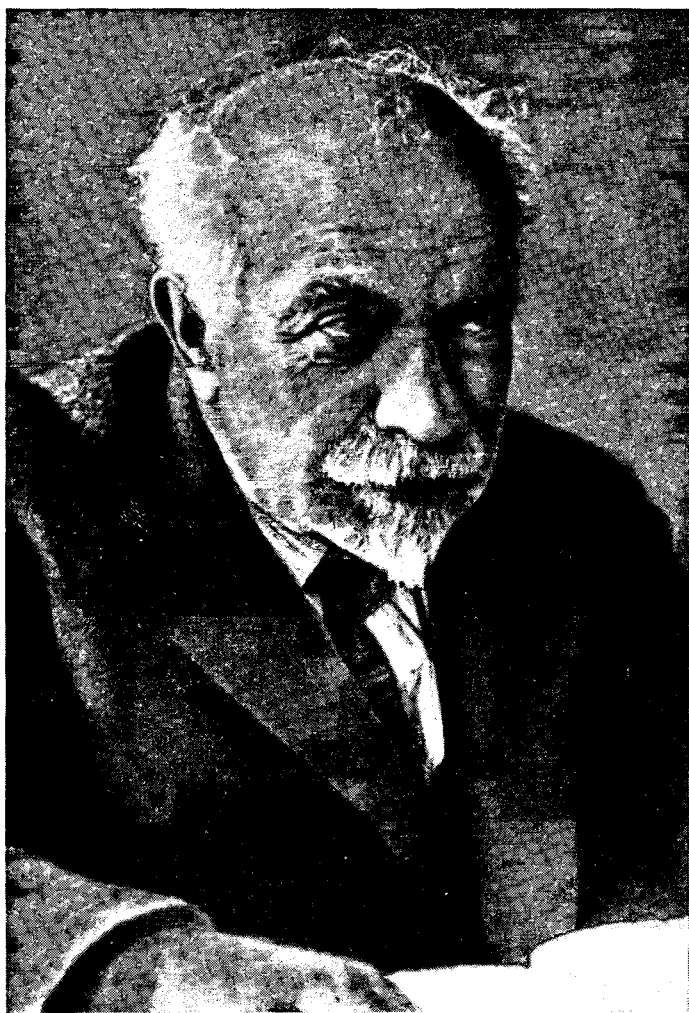
Ответственный редактор профессор С. П. Толстов

Заместитель ответственного редактора доцент М. Г. Левин

Член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,

Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Н. Н. Степанов.

Журнал выходит четыре раза в год

В. Г. БОГОРАЗ
(1860—1936)

ПАМЯТИ В. Г. БОГОРАЗА

10 мая 1946 г. исполнилось 10 лет со дня смерти вилнейшего советского этнографа, историка религий, фольклориста и лингвиста Владимира Германовича Богораза (псевдоним — Тан). В течение ряда лет В. Г. состоял сотрудником Музея и Института этнографии Академии Наук СССР, директором Музея истории религий Академии Наук и профессором Этнографического отделения Ленинградского государственного университета и других высших учебных заведений Ленинграда. Своим капитальным трудом о чукчах, изданном первоначально на английском языке, а также многими другими работами по этнографии народов Севера В. Г. Богораз снискал себе широкую известность. Перу его принадлежат свыше 100 печатных работ на русском и иностранных языках. Многие ценные материалы, собранные им во время экспедиций, а также полевые дневники, рукописи статей и стенограммы лекций, хранящиеся в архиве Академии Наук СССР, остаются пока неиспользованными. Большой интерес представляет также переписка В. Г. с рядом крупных иностранных и русских ученых.

Научная и общественная деятельность В. Г. была разносторонней и многогранной: он был революционером-народовольцем, ученым, педагогом, музейным работником, активным участником социалистического строительства среди народов Севера, а также талантливым писателем-беллетристом¹.

В. Г. Богораз родился в 1860 г. в г. Овруче, Волынской губ. Среднее образование получил в Таганрогской гимназии, где учился вместе с А. П. Чеховым. Поступив в 1880 г. в Петербургский университет на физико-математический факультет, В. Г. перешел затем на юридический факультет, но не окончил его, так как в 1882 г. за революционную деятельность был выслан из Петербурга. Через год, за принадлежность к партии «Народная Воля», был арестован и заключен на год в тюрьму. В 1886 г. вновь был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и после трехлетнего заключения сослан в Колымский край сроком на 10 лет.

Здесь, в начале 90-х годов, В. Г. Богораз впервые приступает к этнографическому изучению местного населения, в первую очередь — чукоч и ламутов, знакомится с бытом и языками этих народностей и собирает их фольклор. По словам самого В. Г., «социальное задание эпохи для последних землеvolьцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно не известных»². Наряду с указанными народами, внимание В. Г. привлекает также русское население на Колыме, которое он изучает в течение нескольких лет, записывая народные песни,

¹ Под псевдонимом Тан им напечатаны: «Чукотские рассказы» (1899), «Стихотворения» (1900), романы «Союз молодых» и «Воскресшее племя» (1935). В 1912 г. было издано собрание его сочинений в 12 томах. В советское время рассказы и повести Тана были дважды переизданы в пяти томах.

² Из предисловия к авторизованному переводу «Социальной организации чукоч», вышедшему в 1934 г.

сказки, былины, пословицы, загадки и другие виды русского фольклора.³

Вскоре В. Г. Богоразу представился счастливый случай более основательно заняться изучением местного населения. В 1894—1896 гг. была организована Якутская экспедиция, снаряженная на средства купца-мецената И. М. Сибирякова. К участию в ней, в качестве этнографа, был приглашен и В. Г. Богораз. Будучи членом этой экспедиции, он продолжал изучение чукоч и русских. В 1896 г. он прислал из Средне-Колымска Этнографическому отделу Московского общества любителей естествознания несколько русских былин, три из которых вскоре были напечатаны в журнале «Этнографическое обозрение» (кн. XXIX—XXX).

Цена научные заслуги В. Г. Богораза, Академия Наук возбудила ходатайство о досрочном возвращении его в Петербург, и оно было удовлетворено. Вернувшись в столицу, В. Г. поступает научным сотрудником в Музей антропологии и этнографии Академии Наук и одновременно сотрудничает с так называемыми легальными марксистами М. И. Туган-Барановским, П. Б. Струве и др. в журналах «Начало» и «Жизнь». Но охранка продолжает следить за Богоразом, и вскоре он вновь подвергается высылке из Петербурга.

В это время происходит событие, которому суждено было сыграть важную роль в жизни В. Г. и на много лет определить его дальнейшую деятельность как ученого. В 1898 г. известный американский этнограф, профессор Колумбийского университета и директор Антропологического отдела Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, Франц Боас организует крупную экспедицию, в задачи которой входит этнографическое изучение народов Тихоокеанского побережья, выяснение истории населения Америки и отношения народов Америки к народам северо-восточной Азии. Экспедиция финансировалась президентом Американского музея естественной истории Джемсом.

Полагая, что изучение народов крайнего северо-востока Азии целесообразнее было бы поручить русским ученым, Боас в 1898 г. обратился в Петербург в Академию Наук с просьбой выделить для этой работы нескольких лиц, из которых он предполагал организовать особый отряд Северо-Тихоокеанской экспедиции. Академия Наук прислала Боасу краткий ответ, который гласил: «У нас есть три ссыльных ученых — Богораз, Штернберг и Йохельсон. Если они вам нужны — можете ими располагать». Так был сформирован азиатский отряд экспедиции Джемса.⁴ Попав снова на север, на этот раз уже добровольно, В. Г. в 1900—1901 гг. совершил путешествие по Камчатке, Чукотскому полуострову и Анадырскому краю, изучая ительменов, коряков, азиатских эскимосов и продолжая дальнейшее собирание материалов по языку, материальной культуре, социальным отношениям, религии и фольклору чукоч.

Возвратившись в 1901 г. из экспедиции в Петербург, В. Г. Богораз снова был выслан отсюда, после чего уехал в Нью-Йорк и работал в Музее естественной истории. Окончательно возвратился он в Россию только в 1904 г. Здесь он вновь включается в политическую жизнь страны, участвует в организации Всероссийского «Крестьянского союза» и «Трудовой группы» Государственной думы, а в 1906 г. принимает участие в организации право-народнической «Народно-социалистической партии».

³ См. подробнее об этом в ст. Д. К. Зеленина: «В. Г. Богораз — этнограф и фольклорист», помещенной в «Сборнике памяти В. Г. Богораза», изд. Институтом этнографии АН СССР и Научно-иссл. ассоциацией Ин-та народов Севера в 1937 г.

⁴ Л. Я. Штернберг в эту экспедицию не поехал.

Когда разразилась первая империалистическая война, В. Г. занял оборонческую позицию, ушел добровольцем на фронт и до 1917 г. работал в санитарном отряде. В 1918 г., после длительного перерыва, В. Г. возвращается в Музей антропологии и этнографии Академии Наук. Полный энтузиазма и энергии, В. Г. принимает самое деятельное участие в работе Музея, руководит его экспозицией, устраивает выставки, выступает с научными докладами, разрабатывает программы и вопросы для лиц, едущих в экспедиции. Под ближайшим руководством В. Г. была организована в Музее экспозиция на тему: «Чукотское общество», по-новому осветившая различные стороны жизни и культуры народа, изучением которого В. Г. занимался всю свою жизнь. В последние годы В. Г. усиленно работал над составлением плана задуманной им большой комплексной экспедиции на крайний северо-восток Азии для всестороннего изучения эскимосов, коряков и ительменов. Предусмотрены были при этом и археологические раскопки на Чукотском полуострове, результаты которых должны были, по мнению В. Г., способствовать разрешению проблемы происхождения американского человека. Сейчас эта комплексная экспедиция успешно осуществляется советскими учеными.

Интерес В. Г. к археологии выразился, между прочим, в устройстве в Музее антропологии и этнографии Академии Наук выставки, на которой наряду с современными орудиями труда были представлены орудия палео- и неолитической эпох. Эта выставка привлекла к себе внимание и этнографов, и археологов, нашедших в ней интересные и поучительные аналогии как в форме современных и древних орудий, так и в технике их изготовления, способах скрепления, сверления и т. п.

В 1932 г. В. Г. организовал Музей истории религий Академии Наук СССР в Ленинграде и был назначен его директором. На этом посту он оставался до конца жизни.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. Г. Богораз принимает активное участие в работе учреждений, оказывающих всестороннюю помощь малым народностям северных окраин Союза ССР. Так, еще в 20-х годах в Народном комиссариате по делам национальностей, где рассматривался вопрос о положении малых народностей Севера, В. Г. выступил с рядом конкретных предложений, ставших впоследствии известными под наименованием «тезисов Тана». После организации при Президиуме ВЦИК «Комитета Севера» В. Г. вошел в состав его президиума, а с открытием в Ленинграде филиала Комитета был назначен председателем этого филиала. Много внимания и времени уделял В. Г. Институту народов Севера ЦИК СССР, в котором вел большую исследовательскую и лекционную работу. В последние годы он был занят разработкой письменности на чукотском языке, подготовил ряд учебников и грамматику чукотского языка.

В 1932 г. В. Г. вошел в состав редакционной коллегии журнала «Советская этнография».

Особого внимания заслуживает работа В. Г. в ряде высших учебных заведений Ленинграда, связанная с подготовкой кадров молодых этнографов. Эта работа была начата еще в 1918—1919 гг., когда был организован Географический институт с двумя факультетами: общегеографическим и этнографическим, в организации которого деятельное участие принял профессор Л. Я. Штернберг. Чтение В. Г. Богоразом лекций продолжалось и позднее, после открытия этнографического отделения на географическом факультете Ленинградского гос. университета. Здесь В. Г. читал курсы: 1) «Эволюция материальной культуры и хозяйственных форм», 2) «Этнография СССР», 3) «Культура

народов Севера» и 4) «Эволюция первобытных религиозных верований» (с 1927 г.). Особое внимание на этнографическом отделении уделено было языкам народов СССР, преподавание которых поручено было крупным специалистам. За ряд лет этнографическое отделение окончило много этнографов-славистов, финно-угроведов, тюркологов, тунгусоведов, кавказоведов, монголистов и т. д. Введение обязательной практики студентов на местах, во время которой они углубляли свои познания в языке, учились собиранию коллекций и т. д., дало хорошие результаты. Полевой работе В. Г. всегда уделял особое внимание, всячески поощряя инициативу, проявленную в этом направлении. Для студентов В. Г. Богораз был не только профессором. Он отечески заботился о них, нередко помогал им материально, устраивал новичков, снаряжал отъезжающих на практику, составлял для них программы и делился с ними опытом полевой работы.

Кроме этнографического отделения, В. Г. читал на факультете общественных наук ЛГУ курсы: «Фольклор народов Севера», «Материальная культура первобытных народов» и «Культура народов арктических и субарктических стран». Кроме того, В. Г. Богораз читал лекции по языкам и этнографии народов Севера на северном отделении Рабфака ЛГУ (впоследствии — на северном факультете Института живых восточных языков), в Институте народов Севера и в Институте им. Герцена.

Нельзя не отметить также работу В. Г. в области американистики. Разрабатывая относящиеся к ней проблемы, В. Г. способствовал развитию и укреплению научных связей русских ученых с учеными и научными учреждениями Америки. Эти связи он устанавливает еще в 1900 г., поддерживая их в течение всей своей жизни. Будучи вместе с Л. Я. Штернбергом и В. И. Иохельсоном основателем Русского отдела Союза американистов, В. Г. участвует в международных конгрессах американистов и печатает свои доклады в трудах конгрессов. Так, на XIV конгрессе, происходившем в 1904 г. в Штуттгарте, им был сделан доклад на тему: «Religions ideas of primitive man, from Chukchee material», на XXI конгрессе в 1924 г.: доклады: «New problems of ethnographical research in polar countries» (Гаара) и «Early migrations of the Eskimo between Asia and America» (Гетеборг)⁵.

В 1926 г., на XXII Конгрессе американистов в Риме В. Г. выступил с докладами: «Paleoasiatic tribes of South Siberia», «Le mythe de l'Animal-Dieu, mourant et ressuscitant», и «Le centième anniversaire des expéditions russes à l'Amérique du Sud». Последний раз В. Г. Богораз участвовал в работе американистов в 1928 г. Это был 23-й конгресс, происходивший в Нью-Йорке. На нем В. Г. сделал три доклада: «New Data of the Types and Distribution of Reindeer Breeding in Northern Eurasia», «Shamanistic Coll and the period of Initiation in Northern Asia and Northern America» и «Cultural Work among the Lesser Nationalities of the North of USSR» (совместно с Н. Леоновым).

Направление и характер научных работ В. Г. Богораза на протяжении 40 с лишним лет были не одинаковы. Его деятельность как ученого можно разделить на два периода. Первый период (от начала 90-х годов XIX в. до 1920 г.) характеризуется собиранием этнографического материала и его обработкой. Второй (с 1920 г. до конца жизни) — постановкой отдельных проблем, как общих, так и частных, значительным расширением рамок этнографического исследования и разработкой теоретических и методологических вопросов.

Публикацию полевых материалов В. Г. начал еще в 1896 г. (см. выше). В течение первого периода им выпущены в свет такие ценные

⁵ Результаты работы 2-й части этого конгресса, проведенной в Гетеборге, изложены В. Г. Богоразом в журнале «Этнография», № 1—2 за 1926 г.

работы, как «Краткий отчет об исследовании чукок Колымского края» (Изв. Вост.-Сиб. отд. Русского Геогр. Об-ва, т. XXX, № 1, за 1899 г.), «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора», ч. 1 (изд. Академии Наук, 1900), «Областной словарь колымского наречия» (Сб. Отд. русского языка и словесности Академии Наук, т. LXVIII, прил. 4, 1901), «Очерк материального быта оленных чуков» (Сб. Музея антропологии и этнографии при Академии Наук, т. I, вып. 2, 1901), «The Folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America» («American Anthropologist», N. S., vol. 4, 1902), «Religious ideas of primitive man, from Chukchee material» («Internat. Amerikanisten-Kongress, XIV», Stuttgart, 1904); на русском языке эта работа вышла в 1908 г. в журнале «Землеведение» (т. XV); «Материалы для изучения языка азиатских эскимосов» («Живая старина», вып. II—III, 1909), «К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии» «Этнографическое обозрение», кн. LXXXIV, № 1—2, 1910) и ряд других работ.

Капитальный труд В. Г. Богораза о чуках, вышедший в четырех томах, печатался в течение семи лет. Первый том под названием «The Chukchee. Material Cultur» вышел в 1904 г., второй том — «The Chukchee. Religion» — в 1907 г., третий — «The Chukchee. Social organisation» — в 1909 г. и последний — «Chukchee Mythology» — в 1910 г. Монография о чуках получила высокую оценку и выдвинула В. Г. в ряды видных этнографов⁶.

Между 1910 и 1920 гг. В. Г. опубликовал также следующие крупные работы: «The Eskimo of Siberia» («Memoire Americ. Museum of Nat. History», vol. VIII, part III, New York, 1913), «Koryak Texts» («Publications of the American Ethnological Society», vol. V, Leyden, 1917) и «Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia» («Antropolog. Papers of the Americ. Mus. of Nat. History», vol. XX, Part I, New York, 1918).

В первый период своей научной деятельности В. Г. оставался убежденным эмпириком, примыкая в этом отношении ко многим современным ему американским этнографам. В уже упомянутой статье «К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии» (1910) он так изложил свою точку зрения на задачи этнографической науки: «Я считаю,— писал он,— что этнография в ее настоящем состоянии еще не созрела для обобщений и более всего нуждается в обильных и тщательно проверенных и научно исследованных фактах»⁷. Тем не менее, в ряде своих работ, опираясь на собранный материал, В. Г. уже тогда приходит к новым выводам теоретического характера.

Иной характер приобретает направление работ В. Г. Богораза во второй период, обнимающий последние 16 лет его жизни. Если прежде научные интересы его вращались преимущественно в круге народов крайнего северо-востока Азии и отчасти народов Северной Америки, то теперь он выступает с рядом работ, далеко выходящих за пределы этнографии упомянутых народов. Расширяя круг своих исследований, В. Г. переходит к обобщениям и к постановке проблем общэтнографического характера. Заметно усиливается при этом его интерес к вопросам, связанным с социальной организацией изучаемых им народов,— вопросам, которые прежде, по собственному признанию В. Г., стояли у него на втором плане. В этот период выходят в свет такие его работы, как «Эйнштейн и религия» (1923), «К вопросу о графическом методе анализа элементов этнографии и этногеографии»

⁶ См. об этом заметку Е. Г. Кагарова «В. Г. Богораз в зарубежной критике» («Советская этнография», 1935, № 4—5, стр. 233—235).

⁷ «Этнографическое обозрение», кн. LXXXIV—LXXXV, № 1—2, стр. 2.

(«Этнография», кн. V, 1928, № 1), «Новые данные к вопросу о протоазиатах» («Изв. Ленинградского гос. университета», т. I, 1928), «Распространение культуры на земле», «Основы этнографии» (1928), «Христианство в свете этнографии» (1929), «Новые данные по этнографии малых народностей Севера» («Северная Азия», кн. III, 1928), «Elements of the Circumpolar Zone» («American Antropologist», N. S., vol. 31, № 4, 1929), «Чукотский общественный строй по данным фольклора» («Сов. Север», № 6, 1930), «Шаманство» (Энциклопедический словарь Гранат, т. 49, 7-е изд., 1930), «Классовое расслоение у чукоч-оленьеводов» («Советская этнография», № 1—2, 1931), «Религия, как тормоз соцстроительства среди малых народностей Севера» («Сов. Север», № 1—2, 1931), «Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—1927 гг.» («Советская этнография», № 4, 1932), «Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы» («Труды лабор. генетики», вып. 1, Акад. Наук, 1933), «Луораветланский (чукотский) язык» (Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, Л., 1934), «Юицкий (азиатско-эскимосский) язык» (там же), «Социальный строй американских эскимосов» (Вопросы истории доклассового общества. Сб. статей к 50-летию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд. Акад. Наук, 1936), упомянутые выше работы, опубликованные в трудах XXI, XXII и XXIII Международных конгрессов американистов, и многие другие статьи⁸. Все они написаны на широкой этнографической основе и опираются на большой фактический материал.

Будучи передовым ученым-обществоведом, принимая активное участие в работе Комитета Севера и других организаций и учреждений, ведущих работу по социалистическому строительству народов Севера, В. Г. Богораз сознает необходимость в пересмотре своей методологии. В 1930 г. он выступает со статьей «К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений», в которой излагает много оригинальных и ценных мыслей. Его новое сredo изложено также в авторском предисловии к русскому переводу «Социальной организации чукоч», вышедшему в 1934 г. Здесь В. Г. отказывается от некоторых своих прежних формулировок, касающихся общественного строя чукоч, и подчеркивает, что в советский период практическое применение накопленных им ранее знаний привело его к изменению теоретического подхода к фактам и перестройке методологии в целом. «...Новый метод научного марксизма,— пишет В. Г.,— я стараюсь усвоить по мере своих сил и разума и применяю его в своих новых работах так, как велит мне моя совесть ученого»⁹.

Правда, В. Г. Богораз так и не усвоил «новый метод научного марксизма» и в области методологии до конца дней своих оставался народником и эклектиком. В особенности ярко его эклектизм проявился в работе «Распространение культуры на земле», которая, по мысли автора, должна была обосновать необходимость существования этнографии как особой науки, противопоставляемой им истории. Несомненно, что в этой книге В. Г. Богораз отдал дань модной в то время, реакционной в научном отношении теории «культурных кругов», которую он пытался обосновать историческим материалом.

Оставленное В. Г. Богоразом большое научное наследство является крупным вкладом в этнографическую науку и еще долгие годы будет служить важным источником по этнографии народов Севера, особенно — по этнографии чукоч.

С. В. Иванов

⁸ Список печатных трудов В. Г. Богораза, составленный И. Н. Винниковым, помещен в № 4—5 журнала «Советская этнография» за 1935 г.

⁹ «Чукчи». Авторизованный перевод с английского, ч. 1, Л., 1934, стр. XXX.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

И. Я. БАХОФЕН И РУССКАЯ НАУКА

I

В 1881 г. известный немецкий юрист Иосиф Колер, представитель «этнографической юриспруденции», в рецензии на одну из книг другого представителя того же направления, А. Г. Поста, напечатанной в редактировавшемся Колером «Журнале для сравнительного правоведения» (*Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*), мимоходом упомянул о Бахофене и его «Материнском праве».

Престарелый уже тогда Бахофен немедленно отозвался письмом на имя Колера (от 23 октября 1881 г.), в котором между прочим писал: «Вы упомянули... мое «Материнское право». Скоро уже четверть века, как оно появилось... С того времени я издал и дальнейшие работы, которые остались так же незамеченными, как и первое мое сочинение»...

Когда затем, в 1883 г., Колер напечатал хвалебную рецензию на вышедшую еще в 1870 г. книгу Бахофена «Предание о Танахвиль» и I том «Антикварных писем», вышедший в 1880 г., Бахофен написал Колеру новое, пространное благодарственное письмо (от 6 мая 1883 г.). В этом, проникнутом чувством глубокой горечи, письме Бахофен вновь говорит о том непризнании и неодобрении, которое он встретил со стороны современной, в особенности немецкой цеховой науки и которое заставило его чувствовать себя «отшельником»¹.

Если сейчас, восстанавливая историографически и библиографически литературную судьбу Бахофена, в частности его «Материнского права», нельзя все так сказать, чтобы оно оставалось в зарубежной науке совершенно незамеченным в течение указываемого Бахофеном периода, то все же правильно, что, как эта книга, так и вообще все учение великого швейцарского историка, пребывало на протяжении весьма долгого времени неизвестным, малоизвестным и во всяком случае непризнанным.

Мы не будем здесь входить в описание всей литературно-идеологической истории учения Бахофена. Это сделано нами с возможной полнотой в другом месте, в работе, ожидающей напечатания. Отметим только наиболее существенное.

Можно действительно сказать, что появление «Материнского права» было встречено гробовым молчанием. И это не только вообще в зарубежной науке, но в частности в Германии, т. е. в стране, где Бахофен, как представитель немецкой Швейцарии, писавший на немец-

¹ Оба письма приведены в нашей работе о Бахофене: «Советская этнография». 1933, 1.

ком языке, мог ожидать раньше всего найти своего читателя. Нам известна только одна, повидимому и единственно появившаяся на немецком языке, рецензия на «Материнское право», написанная одним из друзей Бахофена, лежским профессором, историком литературы и фольклористом, Феликсом Либрехтом. Скорей лишь излагающая содержание книги Бахофена, рецензия эта дает положительную, но все же осторожную оценку этой книги. Указывая на громоздкость труда швейцарского ученого и трудность его освоения даже для специалистов, Либрехт следующим образом заканчивает рецензию: «Если даже «Материнское право» Бахофена и не найдет себе сейчас признания, то... лежащие в основе этого сочинения идеи, хотя бы и медленно, все же проложат себе путь в будущем»². Еще одна коротенькая рецензия на «Материнское право» появилась на французском языке. Автор ее, известный историк права Родольф Дарест, в весьма сочувственном тоне, но лишь в нескольких словах передал тему рецензируемой книги и указал на громадный собранный здесь материал³. Почти полное молчание сопровождало выход в свет и последующих трудов Бахофена. Так, «Предание о Танаквиль», помимо написанной десять лет спустя помянутой рецензии Колера, вызвало по своему выходе две рецензии, напечатанные: одна — тем же Либрехтом, другая — точно также другом Бахофена и его товарищем по профессуре в Базельском университете, швейцарским историком Францем Герлахом⁴.

Но если взять не только Германию, а и весь зарубежный научный мир в хронологических пределах 60—70 годов прошлого века, притом не только широкие научные круги, но и более узкий круг специалистов по первобытной истории или смежным дисциплинам, то литературно-научная судьба Бахофена представится в следующем виде.

Еще в 1865 г. не имели понятия о Бахофене Мак Леннан, Тэйлор, Морган, Леббок, Мэн. Между тем, в ту пору и на некоторое последующее время по вопросу о матриархате получили широкое распространение и признание взгляды Мак Леннана в том узком понимании, которое у шотландского юриста сводилось к матрилинейному счету происхождения и родства. Если затем, в начале 70-х годов, идеи Бахофена и получают кой-какой отклик, то это касается лишь отдельных его высказываний, причем в случайных и невлиятельных литературных выступлениях. Женевский профессор Алексис Жиро-Телон, считавшийся учеником Бахофена, начал с того, что в первой своей книжке «Мать у некоторых народов древности»⁵ отказался последовать за Бахофеном в его обобщении матриархата, как универсальной исторической стадии, и предпочел примкнуть к Экштейну, утверждая в свою очередь, что у арийцев и семитов матриархата не существовало⁶. Следующая работа Жиро-Телона «Происхождение семьи»⁷ представляет собой уже комбинацию из взглядов Мак Леннана и Бахофена, причем сущность матриархата все же сводится к матрилинейному порядку наследования и отдельным обычаям. Некоторое значение имел сделанный Жиро-Телоном в 1874 г. в парижском Географическом обществе доклад о различных формах семьи и родства у отсталых наро-

² «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1862, I, 10.

³ «Revue historique de droit français et étranger», 1865, 1.

⁴ «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1870, 19; «Heidelberger Jahrbücher der Literatur», 1870, 15 и 60.

⁵ Giraud-Teulon, La mère chez certains peuples de l'antiquité, Paris — Leipzig, 1867.

⁶ Об Экштейне см. нашу работу: «История брака и семьи в истории науки до середины XIX в.», «Советская этнография», 1931, 1/2.

⁷ Les origines de la famille, Genève — Paris, 1874; новая, не имеющая значения переработка: Les origines du mariage et de la famille, Genève — Paris, 1884.

дов, где докладчик призывал к собиранию соответствующего этнографического материала⁸. Большое влияние приобрел в 70-х годах Леббок. Его «Происхождение цивилизации» было сводкой и комбинацией из всех высказанных к тому времени взглядов по первобытной истории, в частности взглядов Мак Леннана, Бахофена и Моргана, с присоединением некоторых собственных, иногда удачных, иногда весьма произвольных конструкций. Книга Леббока была первым популярным, к тому же очень живо написанным, иллюстрированным разнообразным этнографическим материалом, сочинением по первобытной истории и потому получила широкое распространение. Однако, взгляды Бахофена, о котором он имеет понятие видимо из вторых рук, возможно, по первой книжке Жиро-Телона, Леббок усвоил или изложил совершенно неправильно. Вместе с тем Леббок отверг всю сущность учения Бахофена и присоединился по вопросу о матриархате преимущественно к Мак Леннану. Таким образом у Леббока матриархат выглядит опять таки в основном как матрилинейный счет происхождения и родства, сопровождающийся «курьезным порядком», по которому имущество переходит по наследству к сестриным детям. Наконец, в ту же эпоху выступил и первый «опровергатель» нового учения о первобытности — немецкий географ Оскар Пешель со своим популярным «Народоведением». Заняв оборонительное положение на позициях «патриархальной теории», Пешель с особой развязностью целиком отверг учение Бахофена⁹. Надо кстати сказать, что «патриархальная теория», энергично возобновленная Генри Мэном и получившая ряд влиятельных защитников в лице таких ученых, как Фюстель де Куланж, Адольф Пикте, Пауль Лабанд, Поль Жид и Эдуард Тэйлор, также примыкавший тогда к этой «теории», впоследствии свои взгляды изменивший, — занимала в ту эпоху весьма сильные позиции.

Выразительной иллюстрацией положения дел, о котором мы говорим, служит тот факт, что конгениальный Бахофену Морган, как мы это с очевидной достоверностью установили, узнал о Бахофене и его взглядах в известной мере случайно, притом из вторых рук и, наконец, лишь тогда, когда он уже заканчивал свое «Древнее общество», т. е. около 1877 г.¹⁰

Мы имеем таким образом все основания сказать, что, если не считать того влияния, которое оказал Бахофен на Моргана, и не говоря о незначительных литературных явлениях, впервые на Западе широкое признание получило учение Бахофена только у Энгельса в 1884 г., в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹¹.

Остается добавить, что в конце концов, если не считать литературных явлений опять таки малозначительных или не оказавших влияния, полного признания учение Бахофена на Западе так и не получило и в последующее время, вплоть до сегодняшнего дня. Исключением надо считать сравнительно недавнее выступление английского писателя Р. Бриффо с его трехтомным сочинением «Матери» (1927).

Причины охарактеризованной литературной и идеологической судьбы Бахофена в зарубежной науке — сложны.

⁸ Des différentes formes de la famille et des parentés chez les peuples barbares, «Bulletin de la Société de géographie», 1874, 1.

⁹ O. Peschel, Völkerkunde, Leipzig, 1874; семь переизданий; существует русский перевод.

¹⁰ См. об этом в нашей работе: «Л. Г. Морган, Жизнь и учение», издание 2, переработанное и дополненное, Ленинград, 1935.

¹¹ Кстати заметить, достаточно говорилось и писалось о влиянии Моргана на Маркса и Энгельса, но совершенно неисследованным остается соответствующий вопрос относительно Бахофена. Между прочим, высказанное в литературе мнение, будто Маркс и Энгельс узнали о Бахофене только из книги Моргана, совершенно неверно. Мы имеем убедительные доказательства того, что и Маркс, и Энгельс были знакомы с Бахофеном до их знакомства с Морганом.

«Я жалею,— писал Бахофен одному из своих друзей, итальянскому археологу Агостино Джервазио, в Неаполь, 24 октября 1857 г., сообщая о предстоящем окончании работы над «Материнским правом»,— что немецкий язык, которым я пользуюсь, будет для многих серьезным препятствием к тому, чтобы заняться моим трудом»¹². Немецкий язык, знакомство с которым в те времена, как и сейчас, было очень мало распространено в других зарубежных странах, действительно должен был явиться препятствием для ознакомления с этой книгой. Язык Бахофена, к тому же особо изысканный, сочетается и с весьма своеобразным, порой очень тяжелым стилем. Наконец, обширный труд Бахофена написан в прихотливой манере, несистематично, с бесконечными отступлениями и повторениями, с обильными цитатами, нередкими экскурсами на частные темы, представляя собой таким образом в целом нечто чрезвычайно громоздкое. Это дало основание Энгельсу сказать: «Простудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная».¹³

Но если Бахофен, считая немецкий язык своей книги препятствием к тому, чтоб она стала известна в других странах, рассчитывал скорей на читателя в Германии, то здесь, как можно было видеть, он жестоко ошибся. Гораздо правильнее оценил положение опять таки Энгельс: «Толстый том Бахофена был написан по-немецки, т. е. на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась первобытной историей современной семьи. Поэтому книга осталась незамеченной».¹⁴

При этом в зарубежной литературе никогда не появлялось и не существует до сего дня ни одного отчетливого, правильного и сколько-нибудь подробного изложения взглядов Бахофена во всей их широте.¹⁵

Как это выше отмечено относительно отдельных авторов, представления о взглядах и всем учении Бахофена не основывались за рубежом на изучении или хотя бы знакомстве непосредственно с его произведениями, а по общему правилу заимствовались из вторых или третьих рук, так что учение это оставалось известным главным образом в передаче его «интерпретаторов». Из всего многостороннего и сложного, однако сводящегося к глубокому единству, учения Бахофена брались лишь отдельные высказывания, отдельные положения, причем переданные нередко неточно или неправильно. При таких условиях, наряду с незнакомством, игнорированием, непризнанием и неприязненной критикой, все учение Бахофена, в особенности его сущность, преподносилось в искаженном виде. Это обратилось в своего рода традицию, причем в особенности обычными сделались два утверждения.

Надо сказать, что в данном случае в известной мере повинен сам Бахофен, вернее, его неудачная терминология.

Как известно, для обозначения ранних форм брака Бахофен предложил неудачный термин гетеризм¹⁶. Но более, чем неудачный выбор термина, неблагоприятное влияние оказало и само понятие. Бахофен обозначил этим термином то, что мы называем доиндивидуальными

¹² Письмо это в более полном виде см. в нашей вышеназванной работе о Бахофене.

¹³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 120.

¹⁴ Там же, стр. 121.

¹⁵ Таковым нельзя считать ни изложение в общих книгах, например, в выше-названном сочинении Жиро-Телона, 1874 г., ни специальные статьи: Elie Reclus. Le matriarcat d'après Bachofen, «Revue internationale des sciences», 1881, VIII, 9; немецкий перевод: Das Mutterrecht, «Kosmos», 1882, 5; русский перевод с немецкого: Материнское главенство в примитивной семье, «Русское богатство», 1883, 1; C. Kelles-Krauz, J. J. Bachofen, Aus den Studien über die Quelle des Marxismus, Vortrag, «Neue Zeit», 1902, 1; E. Fromm, Die sozialpsychologische Bedeutung der Mutterrechtstheorie, «Zeitschrift für Sozialforschung», 1934, 2 (Paris).

¹⁶ На неправильное применение Бахофеном этого термина указал Энгельс; см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 18, Примечание.— Сам Бахофен в «Антикварных письмах» уже заменил термин «гетеризм» термином «промискуитет».

формами брака. Представление о начальном отсутствии индивидуального брака — одно из наиболее старых в истории общественной науки, всегда пользовавшееся значительным распространением, и не оно было создано Бахофеном, создан был им только этот новый термин. Однако Бахофен объединял этим «гетеризмом» две последовательные исторические формы брачных отношений: промискуитет и групповой брак. Морган, создав эти два новых термина и соответственно — два понятия и присоединив сюда, в качестве следующей ступени, парный брак, ввел в этом отношении существеннейшее, притом принципиальное разграничение и пошел здесь по сравнению с Бахофеном далеко вперед. Промискуитет у Моргана был и остается необходимо предполагаемой, все же гипотетической, формой начальных, беспорядочных, отношений полов, групповой брак — первой организованной формой брака, выглядывающей, если к ней присмотреться и ее правильно исторически распенить, как выразился Энгельс, «отнюдь не так ужасно».¹⁷

«Гетеризм» у Бахофена обозначал самую раннюю форму брачных отношений, означая вместе с тем и самую раннюю стадию развития общества. Стадия эта вообще очерчена у Бахофена неотчетливо. Хотя вообще бахофеновой периодизации не хватает четкости, однако этот «гетеризм» у него совершенно определенным образом отличается и отграничивается от эпохи матриархата, с установлением которого возникает уже индивидуальный брак (т. е. парный брак, по терминологии Моргана). Таким образом «гетеризм» у Бахофена ничего общего не имеет с матриархатом, хотя Бахофен и говорил о существовании при матриархате пережитков «гетеризма» (т. е. группового брака, как мы бы сказали). Именно здесь учение Бахофена и подверглось одному из тех искажений, о которых мы говорили. Искажение это состояло в том, что «гетеризм» нелепым образом был не только приписан всей эпохе матриархата, но, в изображении многих «толкователей» Бахофена, был возведен в характерный признак и даже сущность матриархата. Здесь следует помянуть и Леббока, прибавившего сюда и свое искажение. В свою очередь не различая моргановских двух ступеней в развитии индивидуального брака, Леббок раннее состояние брака обозначил выражением «коммунальный» или «общинный» брак, заменив им, как он выразился, «для приличия» (*for convenience*) «групповой брак» Моргана (термин «коммунальный брак» Леббок, впрочем, заимствовал у Мак Леннана). Заимствовав весьма старое, основанное еще на одном из геродотовских отзывов, представление, широко распространившееся в литературе XVI—XVIII вв. и прочно удерживавшееся затем, Мак Леннан, за ним — Леббок и многие другие в понятие этого «коммунального брака» вкладывали абсурдную идею, что на данной стадии женщины «принадлежали» всем или составляли «общее достояние» или «общую собственность». Нелепейшим образом это положение связывалось с якобы изображением первобытного коммунизма: как все блага, так и женщины якобы были «общим достоянием». И вот, весь этот грубо извращавший и фактическую сторону, и сущность первобытных отношений клубок нелепостей, причем термины «гетеризм» и «коммунальный брак» часто отождествлялись, был приписан Бахофену, сделавшись в передачах его учения изображением «сущности» матриархата и довольно широко вошел в обращение в литературе того времени, сказываясь, впрочем, иногда и в наши дни.

Другой, не Бахофеном созданный, идущий еще из античности, но Бахофеном воспринятый и примененный, термин — *гинекократия* оказался также неудачным. Бахофен применял его, не делая какого-либо различия, наряду со своими терминами «материнское право», «матернитет» и проч. Между тем, термин этот был принят как обозначаю-

¹⁷ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 29.

щий политическую или, во всяком случае, определенно выраженную общественную власть женщины при матриархате. Ряд «интерпретаторов» Бахофена, не желая или не умея вникнуть в его глубоко историческое понимание матриархата, как развивающегося этапа первобытной истории, неправильно толкуя самый, действительно неудачно примененный, термин, выставляли дело так, будто бахофенов матриархат был эпохой обязательного и притом полного господства или «власти» женщин.

Вот эти два термина и вместе с тем два представления о матриархате, к которым в изображении многих толкователей Бахофена сводилась сущность матриархата, которые как бы отождествлялись с матриархатом, явились теми искажениями, которые широко распространились при передаче взглядов Бахофена. То и другое, либо в отдельности, либо своеобразно сочетаясь, стало трафаретным изображением как учения Бахофена, так и сущности матриархата и, надо сказать, немало и серьезным образом повредило Бахофену. По крайней мере, возражения и критика Бахофена в литературе того времени были преимущественно направлены на эти две приписываемые Бахофену позиции: «гетеризм», став неким пугалом для буржуазных авторов, просто отрицался и опровергался во имя восстановления морального реноме человеческого прошлого, хотя бы и весьма отдаленного, «гинекократия» — как не подтверждаемая историческими и этнографическими данными. При этом, тогда как «гетеризм» многими авторами все же признавался, «гинекократия» вызвала особые протесты и, в противовес ей, признание получала только материнская филиация.

Но более существенная, основная причина непризнания Бахофена лежит глубже. Это — совершенная неприемлемость его учения для господствующего большинства представителей зарубежной буржуазной мысли с точки зрения идеологической. При господстве вполне отвечавшей этой идеологии «патриархальной теории» учение Бахофена о матриархате, как универсальной стадии исторического развития человеческого общества, было положением совершенно неприемлемым. И это в особенности в том освещении матриархата, которое создавалось указанными искажениями, с «гетеризмом» или «гинекократией». Совершенно недопустимым в особенности представлялось предположение, что бахофенов матриархат может быть отнесен и к прошлому «благородных» «арийских» народов. Вспомним, что в ту же эпоху начала распространяться и расовая теория. Отсюда, если матриархат отдельными авторами в том или ином виде, в частности в виде матрилинейного счета, и принимался, то только не для «арийцев» и, — в ту пору, — также и не для семитов, не для «белых», а если уж на то пошло, то лишь для «цветных» народов. Отсюда — создававшаяся своеобразная теория «не-арийского матриархата».

Наконец, то содержащееся в учении Бахофена освещение матриархата, которое теснейшим образом связывало этот строй с первобытным коммунизмом (у него, конечно, без нелепого отождествления женщины с имуществом!), которое вводило в характеристику матриархата, говоря его словами, «всеобщее братство всех людей», «принцип всеобщей свободы и равенства... в качестве основной черты», его формула: «по материнскому праву все люди равно свободны», — все это решительным образом отвращало буржуазную мысль от этого строя, этого учения, этого представления об общественном прошлом человечества.

Так, в целом высокопрогрессивная, можно сказать, революционная, сущность учения великого швейцарца явилась для классовой мысли естественным препятствием к его признанию.

Таковы те, как видим, многообразные, сложные и глубокие причины, которые обусловили на протяжении указанного нами времени, от

выхода в свет «Материнского права» в 1861 г. и до 1884 г., до Энгельса, в значительной мере действующее и по сей час, непризнание Бахофена и его учения за рубежом.

Обращаемся теперь к историографии учения Бахофена в России.

II

Учение Бахофена стало известно, распространилось и со стороны ряда представителей прогрессивной мысли получило признание гораздо раньше в России, чем в Западной Европе и вообще за рубежом.

Начать однако с того, что и в России, как и за рубежом, Бахофен имел своих, неведомых ему, предтеч.

В 1848 году, известный юрист и историк, выдающийся общественный деятель, Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885), в напечатанной им обширной статье-разборе вышедшего в том же году, ставшего затем широко известным, сочинения А. Терещенко «Быт русского народа», констатируя противоречивые черты, которыми рисуется положение женщины в первобытную эпоху, писал: «Соображая эти резкие противоположности, мы выводим из них вот что: в первоначальном быту, управляемом естественными, природными, а не нравственными законами, физиологическое назначение женщины быть женой, матерью, должно было выдаваться очень ярко и играть важную роль в определении общественного положения женского пола». Возражая вместе с тем против взгляда, будто женщина в «первобытной славянской семье» была рабой и проч., и указывая на противоречия и этому утверждению показания источников, Кавелин вновь заключал: «Мнение, что женский пол есть слабейший, не вполне оправдывается историей, а потому не может быть принято за аксиому в исторических исследованиях о женщине». Анализируя в той же работе древние семейные и брачные обычаи восточных славян, Кавелин отметил некоторые особенности: отсутствие в архаической большой семье строгого подчинения домочадцев главе этой семьи и пассивную роль отца в свадьбе его детей, наряду с тем — отраженное в свадебных обрядах большое влияние брата на судьбу своей сестры, странную роль жениха в восточно-славянском свадебном обряде «ловли жениха», не находя однако объяснения этим фактам и называя даже роль брата в свадебном ритуале «загадкой»¹⁸

В 1850 году вышла монография киевского историка Виталия Яковлевича Шульгина (1822—1878) «О состоянии женщин в России до Петра Великого». Вслед за Кавелиным и Шульгин констатирует, что «в языческом быту славян и руссов мы находим, что все сферы жизни открыты женщине, она пользуется свободой в первобытном, еще не установившемся обществе». Анализируя в свою очередь русские свадебные обряды и песни в качестве условного источника для восстановления архаического состояния брака на Руси, Шульгин приходит к следующим выводам: «Древнейшей формой брачного союза, которую, смотря с нашей точки зрения, можно назвать отсутствием брака, было общение жен (*coniubia communia*)... Впоследствии... развились две другие формы брака: многоженство и последовательно сменявшиеся, временные супружества; первое было господствующим у родов владельцев, второе — в простом народе, не имевшем материальных средств содержать несколько жен»: — формулировка, в которой Шульгин, можно сказать, предвосхищая Бахофена и Моргана, намечает ран-

¹⁸ «Современник», 1848, 9—12; перепечатано в кн. К. Д. Кавелин, Сочинения, т. IV, М., 1859; то же — новое издание: Собрание сочинений, т. IV, Этнография и правоведение, СПб, 1900. — Оценку Кавелина, имеющего все права на выдающееся место в истории этнографии, указавшего, между прочим, задолго до Тэйлора, на метод пережитков, см.: М. И. Кулишер, Кавелин и русская этнография, «Вестник Европы», 1885, 8.

ную историю брака с двумя последовательными ступенями: неупорядоченными отношениями или групповым браком и сменяющим его парным браком. Очень хорошо у него и это различие брака в среде «господствующих» и «простого народа», с отнесением многоженства только к среде первых. Отметим еще у Шульгина, что, говоря далее о переходе от брака умышкой к покупному, он первый объяснил вено как компенсацию семьи женщины за утрату этой семьей работницы и одновременно как плату за приобретение таковой мужем,— объяснение, ставшее впоследствии широко распространенным¹⁹.

В 1864 году вышла работа петербургского историка Александра Васильевича Добрякова (1841—1908) «Русская женщина в домонгольский период». Начав с указания на глубоко-разрушающее влияние монгольского ига на общественную жизнь Руси, Добряков отмечает: «В это-то время и создается тот мрачный образ русской женщины, который у некоторых отечественных исследователей принят за общий тип женщины древней Руси». Совершенно иную картину видит и рисует автор для до-татарского прошлого. Привлекая довольно обширный и оригинальный материал по летописи, «житиям святых», церковным и правовым памятникам и анализируя брачные и семейные порядки, Добряков находит здесь ряд черт, характеризующих свободное и независимое положение русской женщины: наряду с практикуемой умышкой, непрочность брака и его расторжение по воле женщины, положение и роль женщины как главы дома, имущественные права женщины, значение матери и отношение к ней сыновей, связь замужней женщины со своим родным домом, почетное положение вдовы и проч. Особо подчеркивает автор веру в «вещную силу» женщины, ее культовую роль и ее значение как врачевательницы. В отдельной, заключительной главе «Женщины былин» автор, анализируя русский эпос, находит и здесь отражение всех обнаруженных им в письменных памятниках элементов положения женщины, впервые, насколько мы знаем, в русской литературе обратив внимание на героический образ русских былинных богатырей — «удалых полениц», нередко превосходящих своей силой и храбростью богатырей, вступающих с ними в состязание или единоборство и побеждающих их. Обратил внимание Добряков и на то, что все богатыри и богатырши воспитываются матерями, но не отцами. Оригинальная, насыщенная материалом, работа Добрякова сохраняет интерес и значение по сей час.²⁰

Таковы, насколько мы могли розыскать, три выступления русских ученых, относящиеся к добахофеновскому периоду (работа Добрякова вышла после выхода «Материнского права», но не носит никаких следов знакомства автора с Бахофеном). Так, совершенно самостоятельно русскими историками было создано оригинальное представление о свободном, независимом и нередко почетном положении русской и славянской вообще женщины в отдаленном, «первобытном» прошлом, представление по тому времени далеко незаурядное. Как увидим, взгляд этот оказал затем значительное влияние.

Первым,— опять таки, насколько мы смогли проследить,— кто в России не только оказался знакомым с учением Бахофена, но и в широкой мере принял это учение, был известный в свое время историк-публицист Серафим Серафимович Шашков (1841—1882).

В 1869 году, в статье под заглавием «Исторические судьбы женщины», Шашков, основываясь на всех новейших работах по истории брака и семьи, дал общий очерк первобытного состояния женщины и полностью присоединился ко всей схеме Бахофена, вместе с признанием

¹⁹ В. Шульгин, О состоянии женщин в России до Петра Великого, вып. I. Киев, 1850; дальнейших выпусков не появлялось.

²⁰ А. Добряков, Русская женщина в домонгольский период, СПб, 1864.— Работа эта вызвала в современной печати длинный ряд отзывов.

«известной доли исторической действительности» за преданием об амазонках. Исходя из этого представления о первобытности, Шашков выставил положение, что исторические судьбы женщины сводятся не к прогрессу, а к регрессу²¹. В более поздней своей работе на тему о первобытной культуре, в частности истории брака и семьи, Шашков еще раз развил свои взгляды в духе учения Бахофена²². Наконец, в еще одной работе, посвященной истории русской женщины и составляющей продолжение или дополнение его вышеназванной первой работы, Шашков, отправляясь от своего тезиса, что женщина в первобытном обществе была «гораздо более свободнее и влиятельнее, чем в дальнейшем», иллюстрирует это положение и на истории древних славян. Охарактеризовав здесь ряд черт, уже отмеченных его предшественниками по разработке данной темы, привлекая и кой-какой новый материал, Шашков сосредоточивается затем на обрисовке перехода к новым, патриархальным отношениям и радикального изменения в положении женщины²³.

В 1872 году известный народник Петр Лаврович Лавров (1823—1900) печатает (под одним из своих псевдонимов — П. Кедров), с целью, как он указывает, «познакомить читателя», обзор новых иностранных сочинений по первобытной истории, в частности по истории брака и семьи, где излагает взгляды Бахофена, Мак Леннана, Моргана, Леббока, Мэна и Дарвина. Впрочем, сведения о Бахофене, как и о Моргане, Лавров заимствует, повидимому, только из писаний Леббока.²⁴

Обширное и основательное, основанное на непосредственном изучении почти всех работ Бахофена, изложение и применение его идей и взглядов дал в 1873 году знаменитый филолог и историк литературы и искусства Федор Иванович Буслаев (1818—1897) в своей работе о сравнительном изучении народного быта на основе фольклорного материала. Посвятив три главы (гл. VIII—X) этой работы учению Бахофена, изложив не только историческую сторону этого учения, но и соответствующую религиозно-философскую концепцию швейцарского ученого, остановившись не только на «Материнском праве», но и довольно подробно на «Предании о Танаквиль», Буслаев признал матриархат универсально-историческим этапом общественного развития. Обратившись в свою очередь к славянской теме в исследовании матриархата, Буслаев также указал на ряд отраженных в памятниках славянского прошлого пережитков матриархата, в частности на различие славянских терминов родства по материнской и отцовской линиям. Обратив внимание, вслед за Добряковым, на то место, которое в былинах занимает мать богатыря, «матера-вдова», Буслаев отметил, что отец богатыря в былинах в сущности отсутствует. «В упорном замалчивании, — писал он, — русских былин об отце героя — до некоторой степени позволительно видеть след того первобытного порядка вещей, когда дети преимущественно принадлежали матери». Наконец, оригинальное истолкование дал Буслаев летописному образу княгини Ольги, указав на элементы матриархальной традиции в обрисовке этого об-

²¹ С. С. Шашков. Исторические судьбы женщины, «Дело», 1869, 9—12; то же в расширенном виде: Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб, 1871; 2-е издание, исправленное и дополненное, СПб, 1872; перепечатано в его «Собрании сочинений», 2 тт. СПб, 1898; см. т. I.

²² С. С. Шашков. Очерки первобытной жизни и мысли, «Дело», 1877, 1—2, 7; см. гл. V, «Брак и семья», в № 2.

²³ С. С. Шашков. Главные эпохи в истории русской женщины, «Дело», 1871, 1—4, в исправленном и значительно дополненном виде: С. С. Шашков, История русской женщины. СПб, 1879; перепечатана в «Собрании сочинений», т. I.

²⁴ П. Кедров. Первобытная форма взаимоотношений человеческих отношений, «Дело», 1872, 2.

раза летописью и сблизив русскую Ольгу с чешской Любушей и польской Вандой²⁵.

Влияние Бахофена, как и всего нового учения о первобытности, сказалось и в специальном исследовании выдающегося филолога Всеволода Феодоровича Миллера (1848—1913) на темы древнеиндийской мифологии. Основательно знакомый со всей новой литературой по первобытной истории, — он цитирует Моргана, Бахофена, Мак Леннана, Леббока, Жиро-Телона и Поста, — Миллер отказался от традиционной точки зрения на общество и семью веддийского периода и охарактеризовал отражение некоторых матриархальных начал в литературных памятниках древней Индии²⁶.

Не чуждым оказался нашим темам и известный публицист-народник Николай Константинович Михайловский (1842—1904). Во втором из своих, произведших в свое время большое впечатление, социологических очерков, под общим заглавием «Борьба за индивидуальность», посвященном вопросам семьи, Михайловский остановился довольно подробно на новом учении о развитии брака и семьи. Дав общий очерк этого учения в том виде, в каком оно к тому времени циркулировало, в виде компиляции из взглядов Бахофена, Моргана и Леббока, Михайловский особо подчеркнул заслугу Бахофена, как создателя этого учения и автора «замечательного сочинения» — «Материнского права»²⁷.

В 1877 г. молодой московский юрист Александр Григорьевич Смирнов (1854—1888) напечатал обстоятельную, основанную на обширном литературном материале, а частично и на личных сборах, работу о семейных отношениях по обычному русскому праву. В ряде отношений работа эта является выдающейся. Это — прежде всего, первое обобщающее исследование по русскому обычному праву²⁸. Вместе с тем, это не только первое, но и донныне остающееся единственным, обобщающее описание и исследование брачных и свадебных обычаев, первое в русской, да и мировой литературе широкое обращение к свадебному циклу, как к историческому источнику²⁹.

Поставив своей целью «рассмотреть с исторической точки зрения обычаи и понятия русского народа в сфере семейных отношений и изобразить современное их состояние», Смирнов первый в русской этнографической науке широко применил в исследовании брачных и свадебных обычаев сравнительный метод, обнаружив вместе с тем весьма четкое понимание основания, сущности и границ применения этого метода. «Сознание того кажется несомненного факта, — писал Смирнов, — что народы в своем первоначальном развитии переживают общие исторические моменты, дало мне основание явления нашего народного быта, относящиеся к той или другой исторической эпохе, со-

²⁵ Ф. И. Буслаев. Сравнительное изучение народного быта и поэзии, «Русский вестник», 1872, 10; 1873, 1 и 4; см. гл. VIII—X, 1873 г., № 1; эта работа не вошла в трехтомное собрание сочинений Буслаева: СПб, 1908 — Ленинград, 1930, незаслуженно оставшись таким образом неперезданной.

²⁶ В. Ф. Миллер. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, I, Асвиньи-диоскуры, М., 1876.

²⁷ Н. К. Михайловский. Борьба за индивидуальность (Социологические очерки), II, Семья, «Отечественные записки», 1876, 1, 3; перепечатано в его «Собрании сочинений», т. I; существуют три издания.

²⁸ В качестве предшественника Смирнова можно назвать только Н. В. Калачова с его статьей «Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях», «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1859, 2.

²⁹ И здесь в качестве предшественников Смирнова можно назвать писавших в таком же плане, однако в неизмеримо меньшем масштабе, вышеупомянутых Кавелина и Шульгина, а также известного историка русской литературы Опеста Феодоровича Миллера (1833—1889), давшего небольшой анализ свадебной поэзии и свадебных обрядов; см. О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I, в. 1. От древнейших времен до татарщины, издание 2, переделанное и дополненное тремя новыми главами, СПб, 1865; см. стр. 100—127.

поставить с аналогическими явлениями в жизни других народов, стоящих на ступенях развития, соответствующих тем историческим периодам к которым принадлежат по своему происхождению те или другие явления нашего народного быта»...

В характеристике наиболее раннего состояния брака и семьи Смирнов не самостоятелен и в значительной мере следует за Леббоком и Жиро-Телоном. Зная о Бахофене, повидимому, по этим источникам, а также по Буслаеву, на которого он, говоря о Бахофене, ссылается, Смирнов возражает против предположения о «генекократии» и, вслед за теми же Леббоком и Жиро-Телоном, «случай» преобладающего положения женщины связывает с матриликальным поселением. И все же, влияние идей Бахофена сказывается у Смирнова неоднократно. Со всей определенностью принимает Смирнов «допатриархальное состояние», в котором «семья как союз отца и детей еще не сложилась», в котором во всяком случае не существовало власти или главенства мужа. «Первые формы семьи,—говорит он,—образуются таким образом, что в центре семьи стоит женщина как мать».

Эти положения автор иллюстрирует и отсюда выводит ряд пережиточных явлений, интерпретируя их таким образом большей частью впервые и притом весьма удачно. Так, Смирнов отметил инициативу женщины в браке, как черту, характерную для архаической эпохи (в противоположность позднему порядку инициативы со стороны мужчины), ссылаясь как на богатырш нашего эпоса, так и на женщин-героинь русских сказок. Сюда же отнес Смирнов восточно-славянский свадебный обряд «ловли жениха». Беря отраженные в русском свадебном цикле моменты обрядовой борьбы между невестой и женихом и борьбы за «большину», за господство в супружеской жизни, автор удачно отнес эти мотивы к переходу от архаических порядков к браку, в котором главенство принадлежит мужчине, сделав при этом интересное обобщающее замечание, что «у нас народному сознанию преобладание мужа над женой никогда не казалось непреложным и неизменным, как-бы роковым условием брачной жизни». В той же связи еще раз обратил внимание Смирнов на замечательные образы богатырш. Правда, Смирнов давал весьма ограниченное толкование этим образам, объясняя победы богатырш над богатырями только преобладанием их физической силы. Из архаических же истоков выводил Смирнов первенствующую роль матери при заключении брака своих детей, наряду с тем и отмеченные Кавелиным, но необъясненные им черты: пассивную роль в этом отношении отца и активную роль брата невесты.

Мы не приводим ряда иных, к другим сторонам истории брака и семьи относящихся, интересных и плодотворных обобщений и интерпретаций автора.

Работа Смирнова содержит, конечно, по времени своего написания, ряд положений устарелых и толкований неудачных, однако, не только как собрание материала, но и удачными своими обобщениями она остается поныне интересной и ценной, имея все права на достойное место в истории нашей науки.³⁰

Влияние Бахофена на русских полевых этнографов естественным образом не могло сказаться так скоро. Несомненное значение имел в

³⁰ А. Смирнов. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, «Юридический вестник», 1877, 1—12; отдельно: Москва, 1877; продолжением этого «Очерка» являются последующие статьи автора: «Народные способы заключения брака», там же, 1878, 5, и «Обычаи и обряды русской народной свадьбы», там же, 1878, 7. Данная работа Смирнова осталась незаконченной: как явствует из ряда его замечаний и ссылок, автор предполагал издать второй выпуск своих «Очерков».—Мы, к сожалению, не могли найти личных сведений об этом авторе. В конце 70-х годов его имя фигурирует в протоколах Московского юридического общества и Отдела этнографии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, как докладчика или в числе присутствующих.

этом отношении доклад тогдашнего председателя руководящего центра русской этнографии того времени — Отделения этнографии Русского Географического общества, известного историка литературы, Леонида Николаевича Майкова (1839—1900), напечатанный в 1874 г. в «Известиях» этого Общества. Используя вышеупомянутый доклад Жиро-Телона, появившийся в журнале парижского Географического общества, Майков поставил и перед русскими этнографами задачу собирания материала о различных формах семьи и родства, в частности по матриархату. Указывая на ряд новых работ по первобытной истории и ссылаясь в частности на Бахофена и Буслаева, Майков присоединился к допущению связи матрилинейного счета происхождения и родства с «преобладанием материнского принципа в ранних общественных отношениях». Ряд соответствующих пережиточных явлений, — говорил Майков, — хранит быт как русского народа, так и «инородцев». Для руководства при собирании данного материала Майков предложил небольшую программу в 14 вопросов в качестве дополнения к изданной ранее Русским Географическим обществом «Программе для собирания народных юридических обычаев». Здесь же Майков привел и небольшой список существующей литературы предмета³¹.

Таков ряд имевших место в русской литературе 70-х годов прошлого века выступлений, отражающих знакомство русской науки с Бахофеном и его влияние.

Единственным, насколько мы могли установить, относящимся к тому же времени выступлением против Бахофена является небольшая и совершенно незначительная статейка реакционного московского юриста, известного славянофила, Василия Николаевича Лешкова (1810—1881). Выступая по поводу вышеуказанной работы Буслаева, Лешков пытается критиковать Бахофена, о котором знает только по Буслаеву, в основном же возражает против предложенного Буслаевым толкования отдельных мест Начальной летописи.³²

Встречаются, конечно, — однако, в качестве крайней редкости, — в русской литературе того же десятилетия и выступления прямых представителей патриархальной теории, правда, обнаруживающих полное незнание как вообще с новым учением о первобытности, так и с уже существующей русской литературой по этому предмету. Выступления эти настолько незначительны и в такой мере остаются без влияния, что могут быть упомянуты только в порядке библиографическом.³³

III

С конца 70-х и с начала 80-х годов прошлого века влияние Бахофена сливается в русской общественно-исторической науке с влиянием другого гегемона первобытной истории — Моргана. Замечательно и здесь, что в то время, как на Западе и Морган остается в течение некоторого времени, — в свою очередь до знаменательного признания его Марксом и Энгельсом, до того же 1884 г., — неизвестным или малоизвестным и точно так же искажаемым, учение великого американца становится известным, получает распространение и признание в России. И здесь русская наука и по времени, и по существу дела в значительной мере опережает западно-европейскую.

³¹ Л. Н. Майков. Об изучении систем родственной связи и форм семейного быта, «Известия Русского Географического общества», 10, 1874, 5.

³² В. Лешков. Заметка о первобытных правах женщин, по теории Бахофена, «Рус. Вестник», янв. 1873, стат. г. Профессора Ф. И. Буслаева: «Сравнит. изучение народного быта и поэзии», «Юридический вестник», 1873, 12.

³³ Впрочем, мы можем назвать здесь только статьи юриста Д. Азаревича: Брачные элементы и их значение, Историко-юридическое исследование, «Временник Демидовского Юридического лица», 18, 1879; Русский брак, «Журнал гражданского и уголовного права», 1880, 5—6.

Ограничивая нашу тему вопросом о влиянии Бахофена, мы встречаемся с некоторой трудностью выделить только влияние швейцарского ученого. Остановимся притом лишь на наиболее значительных литературных явлениях.

Необходимо напомнить, что влияние Бахофена, испытанное самим Морганом, состояло в том, что Морган соединил бахофенову идею матриархата со своей идеей рода, как всеобщей ступени общественно-го развития и как воплощения первобытно-общинных отношений, образовав таким образом понятие материнского рода и материнского родового строя, предшествующего отцовскому роду. Поскольку у Бахофена понятие рода не участвовало в его схеме, это новое морганово построение явилось решающим усовершенствованием общей схемы первобытной истории, и матриархат получил отныне свое полнокровное общественно-историческое содержание³⁴.

Именно в бахофено-моргановском истолковании полностью и глубоко усвоил учение о матриархате историк права, профессор сначала Демидовского Юридического лицея в Ярославле, затем, — Новороссийского университета в Одессе, Владимир Викторович Сокольский (род. в 1848 г.). Своей работе «К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев» Сокольский предпослал общий очерк состояния вопроса о роде и семье в современной литературе. Обнаружив хорошее знакомство со всеми значительными в данной области публикациями и особо выделив Бахофена, как наиболее владеющего материалом, Сокольский подверг пространной и основательной критике представителей патриархальной теории и отбросил положение этой теории о патриархальной семье, как исходной форме. Решительной критике подверг автор и то утверждение, по которому у «арийцев» в прошлом, насколько это прошлое известно, во всяком случае, с самой отдаленной древности, существовала патриархальная семья. Именно с целью опровергнуть это утверждение и предпринял автор данное свое исследование.

Обратившись затем к кельтам и германцам и подвергнув анализу ряд правовых памятников их прошлого, Сокольский впервые в науке, на обильном материале, развернул широкую картину отражения в этих памятниках длинного ряда элементов доиндивидуальной семьи и материнского или, — по вошедшему тогда в употребление, заимствованному от латинского, термину, — когнатического рода. Сокольский отнес сюда неисключительность и непрочность брака, сохранение замужней женщиной в различных формах связи со своим родом, защиту замужней со стороны ее рода, различение памятниками двух форм брака: с *tundium* (властью) мужа и без *tundium*, особенности взаимоотношений родителей и детей, в частности, ограниченность власти отца, действие матрилинейного родства, участие материнского рода в исполнении мести, в получении уголовного выкупа и в опеке, матрилинейное наследование и пр.

Убедительно демонстрировав таким образом стойкую сохранность у кельтов и германцев разносторонних элементов материнского права, автор имел полное основание сделать вывод, что «в праве кельтов и германцев есть несомненные указания на то, что эти народы некогда прошли те низшие степени развития, которые прошло и остальное человечество» и, — беря шире, — что «семья и род у арийских народов в своем образовании и дальнейшем развитии следовали тем же законам, по которым свершалось образование и развитие семьи и рода в человечестве вообще»³⁵.

³⁴ См. об этом еще в нашей работе о Моргане.

³⁵ В. Сокольский, К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев, «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, 4 и 7.

Научное значение и влияние работы Сокольского должно было быть чрезвычайно велико. Вспомним о господстве «патриархальной теории» и этой своего рода «теории» «не-арийского матриархата»: той и другой работа русского ученого нанесла сокрушающий удар. Но такого печальная судьба не малого числа научных достижений дореволюционной России: эта работа осталась совершенно неизвестной за рубежом и не оказала там никакого влияния.

Между тем, два года спустя после напечатания работы Сокольского, выпустил небольшую книжку под заглавием «Материнское право и похищение и их пережитки в германском праве и быту» тогда доцент, впоследствии профессор Краковского университета Лотар Даргун. Испытав в свою очередь влияние Бахофена, Даргун также дает общий обзор сведений об универсальном, в частности, и у древних «арийцев», распространении материнского права, сосредоточившись затем на характеристике, на основе анализа правовых памятников и эпоса, элементов материнского права у германских народов. Большая часть этих тем совпадает с темами Сокольского и примерно так же интерпретируется. И Даргун заканчивает выводом, что германские племена «прошли тот же нормальный путь развития, по которому следовала преобладающая часть человечества».³⁶

Работа Даргуна произвела в свое время большое впечатление, оказала значительное влияние, неоднократно цитировалась, вызвала ряд попыток опровержения и пр. Между тем, работа Сокольского в ряде отношений выше по своим научным достоинствам, чем работа Даргуна. Прежде всего, русский ученый взял свою тему шире, чем краковский доцент, включив в поле своего исследования также и кельтов, что в данном случае не только имеет сравнительное значение, но и составляет исследовательскую необходимость. Дело в том, что древнее, так называемое «варварское», германское право тесно связано с кельтским правом, и в последовавшей, длящейся до сегодняшнего дня, дискуссии о пережитках матриархата у германцев вопрос этот всегда связывается с вопросом о тех же пережитках у кельтов. Работа Сокольского стоит на более высоком научном уровне, чем работа Даргуна, и потому, что последний, находясь в кругу представлений о матриархате только по Бахофену, остается чуждым понятию рода и о Моргане видимо еще совершенно не знает. Может быть поставлен вопрос о заимствовании краковским ученым у Сокольского, но прямых тому доказательств мы не находим: тема совпадает, совпадает и использование ряда источников и истолкование отдельных элементов; все же, общее построение работы иное, взят ряд новых вопросов, довольно широко привлечен, чего совершенно нет у Сокольского, сравнительный этнографический материал (правда, далеко не всегда удачно). Остается предположить, что все же тема исследования была навеяна Даргуну работой русского ученого.³⁷

Отметим в заключение, что представляя собой выдающийся труд для своего времени, данная работа Сокольского сохраняет свое научное значение и по сейчас.

В. В. Сокольский является автором еще одной небольшой статьи, отражающей те же влияния и составляющей как бы дополнение или продолжение названной работы. Новая статья имела целью доказать

³⁶ L. Dargun. Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, hrsg. von O. Gierke, XVI), Breslau, 1883; unveränderter Neudruck: Breslau, 1935.

³⁷ Заметим, что «Журнал Министерства народного просвещения», в котором была напечатана работа Сокольского, был в те времена единственным русским журналом, посвященным гуманитарным наукам, и был широко известен в качестве авторитетного научного органа.

историческое существование материнского рода и соответствующих институтов у народов Кавказа. Демонстрировав это положение на собранном им литературно-этнографическом материале, Сокольский дал и здесь ряд удачных частных толкований; так, с полным основанием отнес автор к области материнского права распространенный на Кавказе обычай, по которому замужняя женщина, с наступлением родов, возвращается в свой родительский дом. Из примечания автора видно, что он в той же связи обратил внимание на кавказский обычай аталычества и собирался посвятить этому вопросу специальную статью. Заслуживает особого упоминания содержащаяся в данной статье, редкостная для того времени, едва ли не первая в этнографической литературе, критика объяснения этнографических явлений «заимствованием».³⁸ Эта вторая работа Сокольского может быть отмечена сверх того и как первый в кавказоведческой литературе опыт обобщения этнографического материала и вместе с тем как первая постановка и первое исследование вопроса о пережитках матриархата у народов Кавказа. Таким образом, с полным основанием Сокольский должен считаться в данной области предшественником, правда, единственным, М. М. Ковалевского³⁹.

В том же бахофено-моргановском духе воспринял новое учение о первобытности и учение о матриархате известный экономист, первый популяризатор марксизма в России, Николай Иванович Зибер (1844—1888). В своей выдающейся для того времени, сохраняющей и сейчас свое значение капитальной работе «Очерки первобытной экономической культуры» Зибер особую главу посвятил материнскому роду. Подвергнув основательной критике «патриархальную теорию» и решительно ее отвергнув, Зибер вместе с тем подверг критике и Леббока за его попытку ограничить сущность и значение матриархата. Охарактеризовав материнский родовой строй на основе собранного им обширного этнографического материала, Зибер подчеркнул и иллюстрировал тезис Бахофена о свойственном матриархату первобытном коммунизме. Очень удачно и правильно, впервые в науке, объяснил Зибер наличие в данном конкретном обществе одновременно матриархальных и патриархальных начал переходным состоянием этого общества и происходящей или происшедшей сменой двух исторических порядков,—положение, которое до сегодняшнего дня никак не могут или не хотят усвоить буржуазные этнографы. Крупнейшее значение имеет впервые выставленный Зибером общий тезис, что род вообще является «прежде всего экономической, а потом родовой организацией», тезис подлинно марксистский, в свою очередь чуждый зарубежной науке, являющийся сейчас для советской этнографии руководящим в исследовании рода. Зибер и подчеркнул задачу экономического исследования рода как очередную, однако в трактовке материнского рода, к сожалению, не развил этого тезиса, повторив лишь те общие положения о функциях рода, которые были выставлены Морганом⁴⁰.

Выдающаяся для своего времени работу представляет собой иссле-

³⁸ В. Сокольский. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев, «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, II.

³⁹ Обращаем внимание интересующихся еще на одну, раннюю, работу В. В. Сокольского: «О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у желтов и германцев», Ярославль, 1875, работу, в свою очередь далеко незаурядную, к тому же остающуюся и посейчас, если не ошибаемся, единственным специальным на эту тему исследованием в мировой литературе.—Как отмечено в одной из предшествующих ссылок, книжка Даргуна была недавно переиздана. Тем более заслуживают переиздания все работы Сокольского.

⁴⁰ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, СПб, 1883 (предисловие автора датировано 1881 годом); 2-е издание, исправленное, СПб, 1899; 3-е издание, с вступительной статьей М. Е. Слабченко, Одесса, 1923; новое издание, с предисловием П. И. Кушнера, М., 1937.

дование юриста-романиста, профессора Петербургского университета Василия Владимировича Ефимова (1857—1902), «Очерк по истории древне-римского родства и наследования». Сочинение это состоит из двух, в значительной мере отдельных частей, озаглавленных: «О материнстве в древнем мире» и «Начальная история наследования без завещания». Выказывая хорошее знакомство с новой литературой по первобытной истории, Бахофеном, Морганом и другими авторами, Ефимов в первой части своей книги дает сначала обзор, или, как он выражается, «конспект», исследований о первобытной семье вообще, а затем обращается к характеристике «допатриархального» быта древнего Рима. Указав, что под влиянием новых взглядов на историю семьи «уже заметно пошатнулось убеждение в том, что древне-римская агнатическая семья представляла собой настоящий образчик самого примитивного брачного союза», Ефимов как для первобытности вообще, так и для древнего Рима, воздерживается от признания «гинекократии», но признает «допатриархальный период», начальную матрилинейную филиацию или «материнство» и проч. Это положение автор иллюстрирует для древнего Рима характеристикой целого ряда исторических и правовых явлений, частично следуя здесь за Бахофеном, частично обращая внимание и на новые факты и давая собственные интерпретации. С начальным матриархатом связывает Ефимов и ряд правовых моментов древне-римского наследования без завещания, чему посвящена, как сказано, вторая часть его книги. Таким порядком у автора получается весьма содержательный очерк правовых пережитков матриархата в древнем Риме, сохраняющий свой интерес и свое научное значение и по сей час, тем более, что, после Бахофена, исследование на данную тему Ефимова остается, если не ошибаемся, единственным в своем роде и поныне.⁴¹

Особого места в нашем обзоре заслуживает знаменитый ученый, юрист, историк и этнограф, Максим Максимович Ковалевский (1851—1916).

В широком кругу его разнообразных научных интересов, приведших к основательным исследованиям, значительное место занимала первобытная история, а здесь, в частности — проблема матриархата, особо оживленно обсуждавшаяся как раз в ту пору, в конце 70-х годов прошлого века, когда Ковалевский вступил на научное поприще. Можно утверждать, и на то имеются прямые указания в его собственных высказываниях, что именно с целью проверить и обосновать складывавшиеся у него взгляды на раннее развитие общества и как раз на проблему матриархата совершил Ковалевский в 1883—1887 годах три этнографические поездки на Кавказ. Все же, не говоря об его общих взглядах по первобытной истории, в области проблемы матриархата Ковалевский оставался эклектиком, комбинируя взгляды Бахофена, Мак Леннана и Моргана. К тому же Ковалевский несколько раз менял здесь свои позиции.

В своей ранней работе «Первобытное право», подвергнув критике «патриархальную теорию» и виднейшего ее представителя — Мэна, Ковалевский присоединился к новому учению о первобытности, в частности, к учению о роде в том виде, в каком оно было создано Морганом, и первую главу своей работы посвятил «материнскому роду», остановившись в частности, — что имело по состоянию этого вопроса в ту пору особое значение, — на вопросе о превращении материнского рода в отцовский. Однако, не поняв Бахофена и последовав за создавшейся уже своего рода традицией, Ковалевский резко отверг «гинекократию». Заимствуя и здесь уже выставленное положение, Ковалев-

⁴¹ В. В. Ефимов. Очерки по истории древне-римского родства и наследования, СПб, 1885.

ский утверждал, что главой семьи в эпоху матриархата был все же мужчина — дядя или брат. Зато с большой настойчивостью проводил Ковалевский идею универсальности матриархата. Подчеркивая, что данная стадия не составляет особенности одних только отсталых народов, Ковалевский особо сосредоточился на доказательстве существования матриархата в прошлом у различных ветвей «арийцев»: греков и римлян (заимствуя материал у Бахофена, а для последних и у Ефимова), кельтов и германцев (используя Сокольского и Даргуна и, между прочим, отметив приоритет, принадлежащий з этому вопросу русскому ученому), у славян и др., ссылаясь и на свой кавказский материал и таким образом впервые вводя этот материал в трактовку общих вопросов первобытной истории⁴².

В изданных затем работах по этнографии Кавказа Ковалевский выделял элементы материнского права у отдельных народов или групп народов и в своей сводной работе «Закон и обычай на Кавказе», имея здесь предшественником Сокольского, посвятил матриархату особую главу. Тогда как в «Первобытном праве» он отвел широкое место начальным беспорядочным отношениям полов, за чем следует групповой брак, здесь Ковалевский резко отверг промискуитет и признал только групповой брак. Вновь отверг он и бахофеново «женовластие». Элементами обычного права Кавказа, которые Ковалевский относил к матриархату, он считал: экзогамию, групповой брак, преимущественное значение матрилинейного родства при определении родственной связи и порядка наследования, особое положение материнского дяди и брата, особые отношения между супругами и между родителями и детьми, «аталычество», порядок, по которому замужняя женщина проводит иногда годы в доме своих родителей, причем муж ее только посещает, да и то с соблюдением тайны. К этому Ковалевский присоединял распространяемую на Кавказе амазонскую традицию, за которой готов был признать известную историческую реальность⁴³.

Значительное внимание уделил Ковалевский матриархату в прочитанном им в начале 1889 г. в Стокгольме, на французском языке, курсе по истории семьи и собственности, посвятив матриархату три лекции из пятнадцати всего курса. Повторяя и здесь свои ошибки, вновь протестуя против допущения начального промискуитета и проч., Ковалевский подверг здесь еще более резкой критике «патриархальную теорию» и со значительно большей силой сосредоточился на доказательстве существования матриархата в прошлом семитических и индо-европейских народов. «Семитические и арийские народы, — формулировал Ковалевский свои выводы, — шли в своем общественном развитии тем же путем, что и другие расы. Так же, как океанийцы и краснокожие, они начали с периода матриархата... Необходимо... отказаться совершенно от мысли о какой бы то не было двойственности или существенном различии в развитии семьи между самыми цивилизованными представителями рода человеческого и дикими варварскими племенами»⁴⁴.

Имея своими предшественниками Ф. И. Буслаева и А. Г. Смирнова, используя их работы, но присоединяя и новый материал, не без оригинальности осветил Ковалевский тему о древне-славянском матри-

⁴² М. Ковалевский. Первобытное право, I, Род; II, Семья, М., 1886.

⁴³ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, 2 тт., М., 1888; см. его же: Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, 2 тт., М., 1886. Глава «Матриархат» из «Закона и обычая» была переведена на французский язык: La famille matriarchale au Caucase, «Anthropologie», 1893.

⁴⁴ М. Kovalevsky, Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, Stockholm, 1890; переведено на испанский и болгарский языки; новый русский перевод С. П. Моравского, под редакцией, с предисловием и примечаниями М. О. Косвена, М., 1939.

архате в своем курсе, прочитанном в 1889—1890 акад. году, на английском языке, в Тэйлоровском институте в Оксфорде, изданном затем под заглавием «Современные обычаи и древние законы России».

Но в особую заслугу надо поставить Ковалевскому то, что он выступил в Англии на родине Мэна, где тот оставался, как, между прочим, остается и по сей час, крупнейшим авторитетом по первобытной истории, где книги Мэна были приняты, как и до сего дня, в качестве обязательных университетских пособий,—со смелой кригикой патриархальной теории, опровергая в частности высказанное Мэнном утверждение, что древняя Россия и вообще славянские народы дают образцы господства на ранних ступенях их общественного развития патриархальной семьи. В опровержение этого Ковалевский дал обзор пережитков матриархата по русской летописи, фольклору и народным обычаям, проводя параллели и относительно других славянских народов. Резюмируя эту часть своего изложения, Ковалевский заявил, что, как он выразился, «теория матриархата находит себе солидный базис в прошлой истории русской семьи».⁴⁵

Убедительным последователем Бахофена и Моргана явился совсем еще юный тогда украинский этнограф Володимир Юлианович Охримович (1870—1931). В 1891 году он выступил с работой «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи», которую посвятил Л. Г. Моргану⁴⁶.

Работа эта состоит из двух частей: «Матриархат» и «Патриархат». Автор начинает, развивая тему, затронутую еще Морганом, с истолкования изображенной в Библии истории сватовства Исаака к Ревекке (Бытие, XXIV, 2—61) и, обнаруживая здесь элементы, существенно противоречащие патриархальному строю библейского общества, в частности роль в этом сватовстве матери и братьев констатирует отражение здесь матриархата. Перейдя затем к общему очерку истории брака и семьи и следуя схеме Моргана, Охримович формулирует общее положение: «Развитие семьи в своих основных чертах у всех народов шло более или менее одним и тем же путем. Матриархальное устройство прожили все народы... Это доказали своими исследованиями знаменитые ученые: Бахофен, Морган, Мак Леннан»... Постулировав, что «славяне также жили некогда в матриархальном быту», автор обращается к исследованию украинских преимущественно, частично и белорусских, свадебных обрядов и песен. Как сказано, первая часть работы Охримовича имеет темой матриархат, и здесь, на обширнейшем, эффектно интерпретированном материале, автор демонстрирует ряд пережиточно отложившихся элементов материнского права, центрирующихся вокруг роли в свадебном цикле матери молодых и брата невесты, в сравнении с ролью отца. Оригинально здесь в особенности истолкование совершаемых матерью ритуальных действий, как ее роли в качестве представительницы культа — жрицы. Во второй части своей работы Охримович показывает патриархальное превращение свадебного обряда и соответственное перемещение и изменение ролей свадебных персонажей. Таким образом Охримович, продолжая ставшую уже

⁴⁵ М. Kovalevsky. *Modern customs and ancient laws of Russia*, London, 1891; русский перевод первых двух (из шести всего курса) лекций под заглавием: «Этюды о современном обычае и древнем законе России»; этюд I, «Брачные обычаи и нравы русского народа и эволюция брака в их освещении»; этюд II, «О современной русской семье и главным образом о так называемой большой семье или семейной общине у великоруссов», «Всемирный вестник», 1903, 1—2; остальные четыре лекции остались непереведенными. Повидимому, английский текст первой лекции Ковалевского представляет собой статья его: *Marriage among the early slavs, «Folk-Lore»*, 1890, известная нам по ссылкам, но оставшаяся недоступной.

⁴⁶ Между прочим, вместе с книгой Файсона и Хауитта «Камиларии и курнаи» и «Антикварными письмами» Бахофена,—три известных нам посвящения Моргану литературных произведений.

традиционной в нашей литературе славянскую тему в разработке проблемы матриархата, выразительным и убедительным образом продемонстрировал живучесть матриархальных пережитков в украинском народном быту и фольклоре. Талантливая работа молодого украинского ученого остается свежей по сей час, сохраняя обязательное значение в исследовании славянской свадьбы, как и истории брака и семьи вообще⁴⁷.

Как было сказано, во всей зарубежной литературе не появлялось и не существует до сих пор достаточного изложения учения Бахофена. И в этом отношении русская наука оказалась впереди.

В 1889 году публицист Николай Сергеевич Русанов (род. в 1859 г.) напечатал статью о Бахофене, в которой дал впервые биографию и характеристику учения великого швейцарца. Биографические данные о Бахофене автор, за полным отсутствием тогда этих данных в литературе, получил лично от Жиро-Телона, от сына Бахофена, а также от французского этнографа Эли Реклю, лично знавшего Бахофена. Таким образом, сообщаемые Русановым сведения сохранили значение первоисточника. Сообщив эти биографические сведения и дав перечень трудов Бахофена, автор набросал интересную характеристику личности швейцарского ученого, а затем дал общую характеристику его исторической концепции. Русанов не ограничился здесь передачей этой концепции, но и подверг ее своей критике, в частности справедливо раскритиковал бахофеново идеалистическое, на основе религии, истолкование матриархата. Наконец, автор присоединил сюда и характеристику того места, которое Бахофен занимает в истории науки, отметив впервые его предшественников и сопоставив швейцарского ученого с его современниками, выступавшими на те же темы. Статья Русанова, помимо того, что она, как сказано, является первой в литературе работой, посвященной Бахофену, надолго осталась и единственной и до сих пор сохраняет свой интерес.⁴⁸

IV

Мы закончили наш обзор в хронологических пределах 60—80 гг. прошлого века. Это — период истории русской гуманитарной науки, характеризующихся господством передовых, прогрессивных идей и те-

⁴⁷ В. Охримович, Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи, «Этнографическое обозрение», 1891, 4; 1892, 4. Отметим еще одну, в свою очередь ценную работу автора: Про останки первісного комунізму у бойків-верховинців, «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 31/32, 1899. — Приводим отсутствующие в литературе сведения об авторе. Это — личность незаурядная. В. Ю. Охримович, уроженец горного села Велдич, в Карпатах, происходил по отцу и матери из старинного священнического рода карпатских бойков. Окончив в 1888 г. гимназию в Стры, он учился в Львовском университете на философском и юридическом факультетах, но был исключен за участие в студенческом движении. В 1896 г. он сдал государственные экзамены по юридическому факультету и получил степень доктора прав. С юных лет Охримович изучал произведения Маркса и Энгельса, а в студенческие годы испытал влияние украинских писателей-этнографов — Коперницкого, Ивана Франко и Гнатюка. Сделавшись юристом, Охримович занимался адвокатурой, преимущественно же научно-литературной работой. Состоял действительным членом Научного товарищества им. Шевченко, где был заведующим статистической, заместителем заведующего этнографической и членом правовой комиссий. Состоял также членом Украинского научного общества в Киеве. В 1917 г. Охримович читал курсы общей теории и философии права в Народном университете в Киеве, а в 1921—1924 гг. работал в подпольном Украинском университете в Львове, состоя деканом юридического факультета и ведя курсы философии права и социологии. Охримович оставил ряд печатных работ по этнографии, социологии, языкознанию и статистике. — Приведенные сведения извлечены нами из сообщения, любезно присланного нам, по нашей просьбе, ст. научным сотрудником Украинской Академии наук, фольклористом и этнографом М. М. Скорик (в Львове), которому приносим искреннюю благодарность.

⁴⁸ Н. Русанов, Жизнь и сочинения Бахофена, «Русская мысль», 1889, 6.

чений. Это вместе с тем и особый период истории русского общества, период расцвета русского либерализма и радикализма. Затем следуют 90-ые годы и начало XX века — период общественно-политической реакции, начавшейся впрочем еще в 80-х гг., сказавшейся позднее в области гуманитарной науки, в области и первобытной истории. Этой реакции в нашей науке мы коснемся ниже, сейчас обратимся к некоторым обобщениям и выводам, которые можно сделать из нашего обзора.

Надо прежде всего сказать, что тот весьма интенсивный интерес, который выказала русская наука к Бахофену и проблеме матриархата, является далеко не случайностью и составляет лишь одно из выражений общего и широкого интереса, неизменно в характеризующую нами эпоху поддерживавшегося в России ко всему вообще передовому, что создавала зарубежная наука, ко всем ценным в научном отношении и вместе с тем прогрессивным новинкам зарубежной научной литературы.

Объясняя то обстоятельство, что Чернышевский не знал произведений Маркса, Энгельс сослался на «интеллектуальный барьер, отделявший Россию от Западной Европы»⁴⁹. Выражение это во всяком случае не точно; можно говорить не об «интеллектуальном», а лишь о цензурном барьере, что в сущности и имел здесь очевидно в виду Энгельс. На деле, все новое, что появлялось за рубежом, в том числе и запрещаемое царской цензурой, становилось сравнительно быстро известным в России, подвергалось здесь отбору, а избранное получало распространение и признание. Так, в особенности в эту эпоху, поддерживалась созданная гением Петра традиция сознательного, критического внимания в отдельных областях — усвоения подлинно прогрессивных достижений западно-европейской культуры. В этом отношении русская наука отличалась от зарубежной науки отдельных стран, которая в то время не раз обнаруживает разобщенность: ученые одной страны в своих работах обнаруживают полное незнание с тем, что делается в другой стране, с литературой своего предмета, своей темы. Охарактеризованная нами литературная судьба Бахофена за рубежом — разительный и далеко не единственный тому пример. Между тем в России, русские ученые, и лично посещавшие зарубежные страны, — общеизвестна распространенность у нас в те времена научных поездок и командировок за-границу, — заводившие личные знакомства с иностранными учеными и внимательно следившие за иностранной литературой, были обычно довольно хорошо осведомлены о литературе, по крайней мере, по своей специальности. Это было и осталось традицией русской науки.

Но, обращаясь ближе к нашей теме, мы хотим сказать, что отмеченный нами интерес к проблеме матриархата входил в более широкий интерес к первобытной истории вообще, к тому новому учению о первобытности, которое стало складываться с середины XIX в., в частности к вопросам начальных общественных отношений, ранних форм брака и семьи. Все эти вопросы составляли предмет живейшего интереса со стороны русской научной и общественной мысли того времени. Наглядным свидетельством этого является та интенсивность, с которой в ту пору появляются в России переводы, рефераты, сводки или подробные отзывы на зарубежные литературные новинки по первобытной истории⁵⁰. Можно сказать, что все лучшие работы в данной области,

⁴⁹ В «Послесловии» к статье «Социальные отношения в России»; см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 389.

⁵⁰ В 1868 г. появляется перевод, под редакцией Ф. Мильгаузенна, раннего, вышедшего в 1865 г. сочинения Тэйлора «Донисторический быт». В 1870 г. в журнале «Знание» (№ 1) географ и антрополог Д. А. Коропчевский излагает в статье «Начала цивилизации, Происхождение брака и семьи» вышедшее в том же году сочинение Леббока «Начало цивилизации», с некоторыми добавлениями из Бастиана

какие за это время появлялись за рубежом, переводились или излагались в России, притом преимущественно довольно скоро после их появления. Редакторами переводов и авторами рефератов были незаурядные ученые. Замечательно, что сочинения, не стоящие на высоком научном уровне, а также сочинения, реакционно направленные, не переводятся и не находят отклика в России⁵¹. Столь интенсивное появление этих переводов и рефератов, если учесть еще и перечисленный выше ряд оригинальных работ русских авторов, то обстоятельство, что соответствующие статьи охотно печатались в наших общих, так называемых «толстых», журналах того времени, являвшихся в свою очередь активными проводниками прогрессивных идей,—все это ярко свидетельствует о том, что интерес к вопросам первобытности в их новом освещении не ограничивался у нас сравнительно узким кругом ученых-специалистов, но свойственен был и широкой массе русской читающей публики. Справедливость требует отметить заслугу в популяризации этих знаний Дмитрия Андреевича Коропчевского (1842—1903).

Возвращаясь теперь к непосредственной нашей теме — влиянию в России Бахофена, мы можем, в свете выше охарактеризованного положения его в зарубежной науке, констатировать.

Бахофен стал известен и получил признание впервые в России, и первым его последователем надо признать русского ученого — С. С. Шашкова. Если, — с очень большой натяжкой, — первым за рубежом последователем Бахофена допустимо считать Жиро-Телона с его работой 1874 г., то и в таком случае русским ученым С. С. Шашкову (1869) и Ф. И. Буслаеву (1873) принадлежит очевидный приоритет. За этими авторами следует длинный ряд сначала «семидесятников»,

и др. В 1872 г. Иван Петров, впоследствии известный исследователь Аляски, рефермирует в журнале «Дело» (№ 3) второй, вышедший в 1871 г. труд Тэйлора «Первобытная культура», и в том же году перевод этого сочинения, под редакцией Коропчевского, сначала печатается в журнале «Знание», затем выходит в двух томах (в 1872—1873 гг.) отдельным изданием (2-е издание этого перевода в 1896—1897 гг.). В 1873 г. в «Знании» (№№ 7 и 10) печатается перевод появившихся в том же году статей Тэйлора «Первобытное общество». В том же году выходит перевод «Древнего права» (1861 г.) Г. Мэна и в следующем, 1874 г., выходит перевод его же «Деревенских общин» (1871 г.). В 1875 г. появляется перевод сочинения Э. Лаве «Первобытная собственность» (1872 г.). В 1876 г. выходят переводы: нового сочинения Мэна «История учреждений» (1875 г.), двух книг Леббока — «Доисторические времена» (вышло впервые в 1865 г.), переведенной под редакцией Д. Н. Анучина с 3-го издания, 1872 г., и «Начала цивилизации» (1870 г.), переведенной под редакцией Коропчевского (2-е издание этого перевода — в 1896 г.), и, наконец, «Происхождение семьи» Жиро-Телона (1874 г.). В том же году С. С. Шашков, в статье «Развитие первобытной культуры» («Дело», 1876, 9—12) дает обзор взглядов о первобытной религии по Леббоку, Тэйлору, Бастиану и др. В 1877 г. выходит перевод двух томов «Оснований социологии» (1876 г.) Спенсера и в 1878 г. — перевод «Описательной социологии» Спенсера, под редакцией И. В. Лучичко. В 1878—1879 гг. Коропчевский печатает в журнале «Слово» (1878, 11—12; 1879, 5—6) две статьи: «Родовое начало в древнем обществе» и «Родовые учреждения у классических народов», представляющие собой изложение появившегося в 1877 г. «Древнего общества» Моргана. В 1882 г. Н. И. Зибер печатает статьи: «О коллективном характере первоначальной недвижимой собственности» («Юридический вестник», 1882, 5), излагающую работу под тем же названием П. Виоле, появившуюся в 1872 г., и «Новый труд о первобытных учреждениях» («Отечественные записки», 1882, 7) — изложение напечатанной в 1870 г. работы голландского последователя Бахофена, Г. А. Вилькена о примитивных формах брака. В том же году выходит с предисловием П. Л. Лаврова перевод новой, появившейся в 1881 г., книги Тэйлора «Антропология» (4-е издание этого перевода — в 1924 г.) и перевод статьи Мэна «О юридическом устройстве семьи у южных славян и раджпуттов» (появившейся в 1877 г.). В 1884 г. выходит под редакцией М. М. Ковалевского, перевод последней, 1883 г., работы Мэна «Древний закон и обычай», и в том же году Зибер в статье «Сравнительное изучение первобытного права» («Юридический вестник», 1884, 5/6) излагает работы Поста.

⁵¹ Единственное, насколько мы знаем, исключение — напечатанный в 1880 г. в киевских «Университетских известиях» доцентом М. И. Аландским реферат стоящей на позиции «патриархальной теории», к тому же незначительной, книги: W. E. Hearn, The aryan household, London, 1879.

затем — «восьмидесятников». Признание, которое получил в России Бахофен, можно назвать высоко авторитетным: воспринявшие в той или иной мере его идеи были в большинстве уже сложившиеся, нередко крупные ученые, а если начинающие, то даровитые и талантливые молодые люди. Благодаря этому и благодаря широкому распространению их работ, имя Бахофена сделалось в 70—80 гг. хорошо известным и широким кругам русской интеллигенции.

Русские последователи Бахофена знакомились с ним преимущественно по его собственным трудам, а не из вторых или третьих рук, как это нам пришлось отметить для зарубежных излагателей или критиков Бахофена, причем в России читали не только «Материнское право», но и другие, еще менее известные и более специальные его сочинения. Ни немецкий язык, знакомство с которым, кстати сказать, было в ту пору широко распространено среди русской интеллигенции, — впрочем, русские ученые всегда отличались знанием иностранных языков, — ни тяжелый бахофенов стиль, ни хаотичность и мистическая затуманенность его изложения, ни громоздкость его трудов, — ничто не составило особого препятствия, не помешало русским ученым овладеть идеями гениального швейцарца.

Как не признание Бахофена за рубежом, так признание его в России имело свои глубокие основания. Это — те высоко прогрессивные настроения и убеждения, тот дух идейной независимости, которые были глубоко присущи всей подлинной науке в России характеризуемой эпохи, которые были неотъемлемой чертой всех русских настоящих ученых того времени. Поэтому-то как все в целом прогрессивное по своему существу новое учение о первобытности, так в частности учение о матриархате, нашло себе благодарную почву в русской науке. Весьма характерно и знаменательно, что столь широко распространенная и столь прочно веками державшаяся за рубежом «патриархальная теория» никогда не находила себе в русской науке и литературе более или менее значительного отклика. И это несмотря на то, что в России патриархальный уклад, «патриархальщина» составляли вполне живую действительность еще в ту эпоху, о которой мы говорим. Если эта «патриархальщина» иногда и фигурировала в нашей литературе в качестве общественного или семейного идеала, то все же никогда «патриархальная теория» не играла в нашей научной литературе роли исторической догмы и не становилась на те воинствующие позиции, которые она нередко занимала за рубежом. Таким образом, и эта научная непредубежденность и незараженность русских ученых «патриархальной теорией» дали место принятию в России учения Бахофена. Не должно было оказаться чуждым и неожиданным учение о былом свободном, равноправном, а иногда и преобладающем общественном положении женщины историкам русского прошлого, среди которых уже до Бахофена совершенно самостоятельно сложились соответствующие взгляды на прошлое русской, славянской женщины.

Восприятие учения Бахофена имело у ряда представителей русской науки не узкий и частный, а довольно широкий и глубокий характер. Это восприятие было вместе с тем не компилятивным, а преимущественно критическим. Правда, те авторы, которые не вчитались как следует в Бахофена и не поняли его, в особенности те, которые брали его из вторых рук, впадали подчас в существенные заблуждения. В таких случаях правильному пониманию Бахофена явно вредили те искажения, о которых мы говорили, которые содержались у этих посредников — «излагателей» и «толкователей» Бахофена.

Русские ученые не только критически усваивали Бахофена, но и шли дальше, разрабатывали его положения на новом материале, находя новые черты и элементы матриархата, давая новые толкования отдельным фактам и явлениям. Особое научное значение имело здесь

привлечение русского и обще-славянского материала, а затем — этнографического материала по Кавказу. Русский ученый В. В. Сокольский первый не только заговорил о матриархате у кельтов и германцев, а затем — у народов Кавказа, но и доказал его существование в прошлом. Все это ниспровергало теорию «не-арийского матриархата» и дало затем возможность М. М. Ковалевскому первому, оставшемуся в этом отношении надолго единственным в мировой науке, широко осветить наличие матриархата в прошлом всех «арийских» народов, а вместе с тем его историческую универсальность. Позиция, которую, в связи с признанием универсально-исторического места матриархата, русские ученые переносили на весь исторический процесс, это, как мы видели, настойчиво повторявшееся рядом авторов утверждение единства исторического развития всех народов, всего человечества, — эта позиция составляет отличительную черту русской исторической науки, резко отличающую ее от многих течений и «школ» науки зарубежной. Значение и важность этой позиции можем еще раз оценить мы, современники недавнего нового возрождения мрачной теории особенности путей развития отдельных, «избранных» народов и проч.

Можно в общем считать, что, с одной стороны, учение Бахофена сделало для русской науки плодотворным основанием для разработки как отдельных тем, так и ранней истории отдельных народов, с другой стороны, русская наука сделала и свой существенный вклад в разработку и развитие самого учения о матриархате.

Наиболее значительное тому свидетельство — создание и развитие учения об эпохе матриархата в русском и общеславянском прошлом. Возникнув совершенно самостоятельно, представляя собой объективный вывод из показаний источников, но явившись все же скорей интуитивной догадкой, представление о свободном и независимом положении русской и славянской женщины в первобытную эпоху, оплодотворенное учением Бахофена, принимает на основе все шире привлекаемого материала письменных памятников, фольклора, обычного права, семейных и свадебных обычаев, религиозных пережитков научную форму учения о начальном славянском матриархате. Мы могли действительно проследить на нашем обзоре в качестве особого течения русской исторической науки развитие этой темы от гениальной догадки наших «пятидесятников» (Кавелин, Шульгин) и «шестидесятников» (Добряков) к становящимся все более основательными и глубокими исследованиями «семидесятников» (Шашков, Буслаев, Смирнов), а за ними — «восьмидесятников» (Ковалевский, Охримович). Эта славянская тема представляет собой одновременно и созданную русской наукой ценную главу по истории славянского прошлого, и крупный вклад в учение о матриархате. Не приходится говорить о том, что тема эта исследовательски далеко не исчерпана, и разработку ее далеко нельзя считать законченной.

Усвоив учение Бахофена, русская наука быстро усвоила и учение другого гениального создателя первобытной истории — Моргана, как в целом, так и в наиболее существенной части этого учения — учения о роде. Напомним, что и морганово учение о роде оказалось не чуждым русской науке и нашло в России готовую почву потому, что, как нам приходилось на это указывать, именно в России проблема рода была задолго до Моргана не только поставлена, но и интенсивно разрабатывалась⁵². Таким образом, идея матриархата была усвоена у нас не

⁵² См. об этом в наших работах: «Проблема доклассового общества в эпоху Маркса-Энгельса», «Советская этнография», 1933, 2; в вышеназванной работе о Моргане «Из истории проблемы матриархата», «Советская этнография», 1946, 1; «Семейная община, К истории вопроса», «Известия Отделения истории и философии Академии Наук СССР», 1946, 4.

только в бахофеновом ее понимании, но и в новом, углубляющем ее, моргановом истолковании, как материнского родового строя.

В общем, если сравнить, что было в пределах взятого нами периода сделано по проблеме матриархата за рубежом и у нас, то, помимо установленного нами неоспоримого первенства в этом отношении русской науки, можно сказать, что нигде, ни в какой стране проблема эта не встретила такого широкого интереса, не подверглась такому живому обсуждению и такой интенсивной трактовке, как в России.

Русские ученые, занимавшиеся проблемой матриархата, были далеко не свободны от частных, иногда весьма существенных ошибок, различными причинами и обстоятельствами объясняемых. Не мало из того, что на данную тему было написано в 70—80 гг. прошлого века,— не приходится говорить,— устарело. Все же, с каждым новым автором научное значение отдельных работ повышалось. Этому в частности содействовало, можно сказать, традиционно свойственное русским ученым обыкновение, наряду с заимствованием и усвоением зарубежных научных достижений, держаться исследовательской преемственности и по отношению к своим, отечественным работам в данной области или по данной теме, использовать работы своих предшественников и тем, наращивая исследовательские достижения, идти вперед. В результате, мы из числа этих, теперь уже «старых», русских работ по матриархату имеем не мало, как нам приходилось отмечать, стоящих на высоком научном уровне, далеко не устарелых, сохраняющих и сейчас, несмотря на то, что со времени их появления прошел ряд десятилетий, свое научное значение. Все это дает нам основание еще раз повторить, что, как тем, что русские ученые дали для развития учения о матриархате, так и тем, что из их продукции сохраняет поныне свою научную ценность, русская наука сделала крупный вклад в данную область знания.

Тем более досадно то обстоятельство, что работы русских ученых по матриархату остались не известными и не оказали влияния за рубежом. Такова печальная участь, на которую преимущественно была осуждена русская наука дореволюционного времени: участь Сокольского — разительный тому пример. Работа Ефимова в свою очередь могла бы оказать влияние на взгляды зарубежных романистов; и до сей поры, после Бахофена, в зарубежной литературе не существует специальной работы по пережиткам матриархата в древнем Риме, в частности отраженным в римском праве. Посчастливилось в отношении, о котором мы говорим, только М. М. Ковалевскому благодаря его личному «интернационализму», его лекционным и литературным выступлениям за границей. Да и то, Ковалевский выступил со своей, можно сказать, пропагандой матриархата в ту пору, когда в данной области за рубежом уже поднялась научная реакция, и его идеи оказали ограниченное влияние.

Может быть поставлен вопрос: знал ли сам Бахофен о том успехе и влиянии, которое он приобрел в России, о своих русских приверженцах и последователях? На это мы, к сожалению, не имеем ответа. Весьма интересное сообщение находим у Русанова. «Незадолго до смерти,— рассказывает Русанов, очевидно, со слов близких к Бахофену людей,— он стал живо интересоваться русской научной литературой по этнографии (особенно об инородцах) и по социальным отношениям. Шутя, жаловался он своим друзьям, что уже слишком стар, чтоб быть хорошим учеником по русскому языку».

Как было сказано, период 90-х гг. прошлого и начала нынешнего столетия характеризуется в области науки о первобытности своеобразной реакцией. Создавшаяся за рубежом (выступления Каутского, Старке, Вестермарка и др.) реакция эта отозвалась и в России. Ха-

рактрную черту русской научной жизни этого времени составляет то, что на смену прежнего идеологически обусловленного отбора по отношению к зарубежным научным течениям и явлениям, дававшего место только подлинно научным и преимущественно прогрессивным достижениям зарубежной мысли, в России этого времени воцаряется своего рода эклектизм,— безразборчивый интерес ко всяким зарубежным идейным «новинкам», впрочем, приобретающим обычно весьма эфемерный успех. В области нашей науки это в частности выражается в том, что вместо отбора действительно ценного переводятся и реферируются всякие «новинки», в том числе и явно реакционная продукция или различные суррогатные изделия (те же Старке, Вестермарк,— правда, перевод последнего остался неоконченным,— Краулей, Тард и др.). С другой стороны, хотя интерес к вопросам первобытной истории у нас в это время и продолжает поддерживаться, однако, далеко не в той мере, как это было в предшествующие десятилетия. Наконец, если взять в частности проблему матриархата, то здесь прямо сказывается реакционный уклон, отказ от признания универсальности матриархата, сведение его опять к матрилинейной филиации и некоторым «курьзам», попытки объявить Бахофена безнадежно «оставленным» и т. д. Своеобразное проявление этой реакции составляет за рубежом то, что ряд авторов, в свое время принявших, вместе со всем новым учением о первобытности, и учение о матриархате, отходит теперь на позиции «патриархальной теории». Точно то же явление замечается и в России. Печальным примером такого отхода является М. М. Ковалевский. В своем «Родовом строе», представляющем собой переработку «Первобытного права», Ковалевский, во-первых, уделяет матриархату уже гораздо меньше внимания, чем в предшествующих своих работах, вторых, вновь резко возражая против допущения «гинекократии», считает построения Мак Леннана более прочными, чем бахофеновы. Все же Ковалевский и здесь поддерживает свой тезис об универсальности матриархата⁵³. Еще более сдвинулся Ковалевский вправо в своей «Социологии», где говорит уже не о матриархате или материнском роде, как раньше, а предпочитает термин «материнство», вновь протестует против допущения господства женщины в первобытной семье, утверждая, что в ту пору власть в семье принадлежала все же мужчине, старшему брату матери, и заявляет, что «значение материнства ограничивается одним счетом родства, с которым стоит в тесном отношении система брачных запретов, а также система кровного возмездия»⁵⁴. Наконец, в самой последней своей работе по первобытной истории Ковалевский уже наистро отказывается от идеи материнского рода, сохраняя матриархат в качестве совершенно неопределенного набора отдельных порядков⁵⁵.

Точно так же эклектическими, нерешительными, а иногда прямо реакционными представляются выступления на тему о матриархате ряда других, правда, второстепенных, авторов (Н. Н. Харузин, В. Н. Харузина, А. Н. Максимов и др.). Впрочем, особого влияния все эти выступления не имели. Но вообще та оригинальная и интенсивная разработка проблемы матриархата, которой характеризуются 70—80 гг., в рассматриваемое время резко прерывается и создавшаяся в этом отношении в русской науке традиция не находит продолжателей. Более

⁵³ М. Ковалевский, Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, Опыт в области сравнительной этнографии и истории права, СПб., 1905.

⁵⁴ М. Ковалевский, Социология, II, Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности, СПб., 1910.

⁵⁵ М. Ковалевский, Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии, в кн. «Итоги науки в теории и практике», т. X, М., 1914.

того, сделанное в этой области нашими «семидесятниками» и «восьмидесятниками» не только впало в пренебрежение, но и было в такой мере забыто, что ряд литературных явлений этого прошлого нам доводится сейчас извлечь из полного, — печального и несправедливого, — забвения.

Мы не будем не-объективны, если скажем, что то, что мы называли реакцией в науке первобытной истории, длится за рубежом и посейчас. От этого не спасают и сущность дела не меняют те разнообразные, в различные стороны направленные, притом разнобойные, искания, которые составляют преимущественное содержание различных направлений, «теорий», «школ» и проч. современной зарубежной «этнологии», «социальной антропологии» и т. д. Все эти поиски новых методов, новых подходов, точек зрения и проч., все эти блуждания по путям и перепутям произвольного подбора и столь же произвольной группировки фактического материала не выводят зарубежную науку из сути дела все же реакционного тупика, в котором ветхая «патриархальная теория» довольно свято сохраняется в качестве основной вехи.

1917 год принес возрождение нашей науке, науке вообще, первобытной истории в частности.

Вооруженная марксистско-ленинским методом, советская наука восприняла все накопленное в прошлом наследие в области учения о первобытности в том его виде, в каком оно было уже принято и переработано Марксом и Энгельсом. Одновременно советская наука возобновила традицию 70—80 гг. прошлого века и вновь подняла тему о матриархате, оценив теоретическое и политическое значение этой проблемы. Поэтому тема эта заняла центральное место в советской первобытной истории. За это говорило и то значение, которое придавали проблеме матриархата Маркс и Энгельс. За это говорило и то высказывание о матриархате, которое первым в советской науке выразил В. И. Ленин.

В своей лекции «О государстве», прочитанной 11 июля 1919 г. в Свердловском университете, Ленин, характеризуя отношения первобытного строя, сказал: «Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение». И далее Ленин указал на то, что женщины в эту эпоху занимали «не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое»⁵⁶.

Посредству замечательной русской женщины, Героя Советского Союза, покойной Марины Михайловны Расковой, мы обязаны счастливой возможностью привести и высказывание о матриархате вождя советской науки И. В. Сталина. В своих «Записках штурмана» Раскова, рассказывая о приеме в Кремле участниц славного перелета, писала: «Берет слово товарищ Сталин. Он говорит просто, замечательно умно и остроумно. Он напоминает о времени матриархата, рассказывает, что такое матриархат, как это получилось, что женщины были более запасливыми, чем мужчины, что женщины начали возделывать сельскохозяйственные культуры в то время, как мужчины занимались только охотой, и вот женщины оказались значительнее мужчин. Потом он говорит о тяжелой доле женщины во все дальнейшие века»⁵⁷. В этих

⁵⁶ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 365—366. — Лекция эта впервые была напечатана по сохранившейся стенограмме в 1929 г. в «Правде», № 15 от 18 января.

⁵⁷ М. Раскова, Записки штурмана, «Знание», 1939, 2; существуют отдельные издания.

гениально простых словах — в основных чертах вся история матриархата как всемирно-исторического явления.

Наряду с этими руководящими указаниями, основной установкой в проблеме матриархата является для советской науки то истолкование, которое было дано Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» — настольной книге всякого советского историка первобытного общества, всякого этнографа.

Но за истекший со времени 80-х гг. период не мало, конечно, было сделано по частным вопросам матриархата в зарубежной науке, что, естественно, опять таки в духе традиций старой русской науки, советская наука критически усваивает. За это же время зарубежная полевая этнография сделала, надо признать, колоссальное накопление фактического материала, содержащего не мало данных и по матриархату. С другой стороны, хотя в течение того периода реакции в русской науке, о котором мы говорили, теоретическая мысль по первобытной истории, в частности по проблеме матриархата, не дала ничего, русская полевая этнография, для которой 70—80 гг. прошлого века были в свою очередь периодом расцвета, в последующие десятилетия, в особенности в 90-ые гг., продолжала стоять на весьма высоком уровне. В результате, советская наука имеет солиднейшую теоретическую и обширную фактическую базу для дальнейшей разработки проблемы матриархата.

Учение о матриархате, как универсально-исторической эпохе и как общественном строе, через который прошло, тем или иным путем, все человечество, твердо и незыблемо вошло в советскую науку. Эта позиция отразилась во всех общих и частных трудах советских ученых по первобытной истории. Период матриархата занимает должное место во всех общих и специальных курсах, читаемых в наших высших учебных заведениях по первобытной истории, этнографии, истории родовой организации и на смежные темы, будучи отражен и в соответствующих учебных программах. Учение о матриархате является руководящим и для всех советских этнографов, в особенности изучающих общественные формы и отношения, давая весьма плодотворные результаты. В работах наших полевых этнографов сплошь и рядом отмечаются и описываются элементы матриархата. Появился и ряд специальных работ на тему о матриархате у различных народов нашего Союза, у зарубежных современных и исторических народов (работы покойной Н. П. Дыренковой, работы К. В. Вяткиной, Е. А. Рыдзевской, М. Э. Матье и др.). Автором этих строк также напечатан ряд работ на тему о матриархате. Отметим плодотворное применение учения о матриархате советской лингвистикой, где мы имеем высказывания и специальные работы академика Н. Я. Марра, и советской археологией, где надлежит особо отметить соответствующие интерпретации П. П. Ефименко в его капитальном труде «Первобытное общество».

Все же, сделанного советской наукой в области проблемы матриархата далеко не достаточно. Больше осталось сделать, чем было сделано.

Задачи советской науки в данной области исследования таковы.

Прежде всего, для наших полевых этнографов еще остаются широкие возможности собирания конкретного материала по былому матриархату у отдельных народов. Затем назрела пора и возможность не только подвергнуть ряд тем и вопросов, входящих в проблему матриархата, теоретической трактовке, но и создать капитальное исследование по матриархату. Эта в частности задача, требующая прежде всего владения подлинным научным методом, под силу сейчас только советской науке. Обязательная задача нашей науки — возобновить ту традиционную тему, которая осталась нам в наследие от наших «стариков», —

тему об архаическом славянском матриархате⁵⁸. Уместно поставить вопрос о переиздании ставших библиографической редкостью старых работ, отмеченных в нашем обзоре в качестве сохраняющих свое научное значение.⁵⁹

Наконец, last but not the least, долгом нашим является издание переводов трудов Бахофена, в первую очередь, конечно, «Материнского права», в оригинале действительно трудно доступных для нашего читателя, никогда ни на один язык не переводившихся. Этим мы возобновим старую бахофеновскую традицию русской науки, этим мы воздадим ту дань, которой наша наука обязана великому швейцарскому ученому.

⁵⁸ Неудачную попытку вернуться к этой теме представляет собой статья М. Беляева, Следы матриархального быта в народной русской словесности, «Известия Северо-Кавказского Государственного университета», 1, 1928.

⁵⁹ Уже во время печатания настоящей работы нам довелось разыскать, что статья В. В. Сокольского о пережитках матриархата на Кавказе была напечатана и по-немецки: W. Sokolsky. Spuren primitiver Familienordnungen bei den kaukasischen Bergvölkern, «Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Russlands», XII, 1883, 2 (St. Petersburg).

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. П. СМЕРНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ*

Теме формирования татар Поволжья посвящено немало работ. Все высказанные точки зрения могут быть сведены к следующим.

Часть исследователей считала татар Поволжья одним из турецких народов, получивших свое имя от монгол и говорящих на одном из турецких языков. Эти исследователи полагают, что татары сложились из различных народов, попадавших в разное время в лесостепное Поволжье, и включили в свой состав местные финские племена. Процесс сложения этого народа начался с эпохи монгольского завоевания. Эту точку зрения разделяли многие историки, в том числе Губайдулин, Воробьев и Веселовский.

Другие исследователи считали татар Поволжья в основном монголами, среди которых можно отметить некоторую струю тюркских элементов. К этой группе относятся Клапрот, Иакинф, Доссон, Вольф, Эрдман, Радлов, Бартольд.

Наконец, была высказана третья теория, сторонники которой выводили татар от булгарских племен. Эту точку зрения отстаивали М. Г. Худяков, С. П. Толстов.

Древние авторы в большинстве своем считали татар тюрками. Так, Рашид-Эддин-Джувейни отмечал, что татары называют себя монголами и это имя приняли многие турецкие роды; по происхождению же они были тюрками. На той же точке зрения стояли Махмуд Кашгарский, анонимный автор, Ибн-Батута и Абуль-Гази. При этом Ибн-Батута утверждал, что тюркский язык был не только народным языком, но в эпоху хана Узбека — языком правящей верхушки.

Для правильного понимания этногенеза казанских татар недостаточно изучить исторический процесс, начиная с эпохи монгольского нашествия, а необходимо рассмотреть и более ранние эпохи.

Исторический процесс в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье достаточно хорошо изучен, начиная с I тысячелетия до н. э. Это время (ананьинская культура) известно по материалу городищ и могильников. Ряд сводных работ по памятникам этого времени, из которых отмечу исследования А. А. Спицина¹, А. М. Tallgren², А. В. Шмидта, дают основание утверждать, что культура этого времени генетически

* Доложено на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

¹ А. А. Спицин. Приуральский край; см. Материалы по археологии восточных губерний России, вып. I, М.

² А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie Orientale. Helsinki, 1919.

связана с культурой предшествующей эпохи, которая испытала воздействие южной — срубной культуры.

Большой интерес представляет антропологический материал этого времени. При раскопках Луговского могильника было получено 36 черепов. Исследованиями Т. А. Трофимовой установлен резко выраженный монголоидный их характер; лишь на некоторых отмечена слабо проявленная европеоидная примесь. Т. А. Трофимова в своей работе³ отметила, что монголоидный тип, представленный в погребениях Луговского могильника, отличается относительно низким и очень плоским лицом с крайне слабо выступающим носом и обладает резкопокатым лбом с сильно развитым надбровьем.

Более южные памятники срубной культуры дают иной материал. Два могильника у Маклашеевки и Полянок позволили тому же автору установить европеоидный тип населения этой части Поволжья (район нижнего течения реки Майны и Утки). Т. А. Трофимова отмечает, что эти черепа сближаются с аналогичным материалом этого времени степей Украины и Поволжья. В этом сходстве нет ничего необычного, так как оба отмеченных могильника (у Маклашеевки и Полянок) относятся к срубной культуре и расположены на северной ее границе.

Т. А. Трофимова полагает, что смешение европеоидных и монголоидных типов в Прикамье началось еще в предананьинскую эпоху; эти черты прослежены у населения болгарской эпохи и у ряда современных народностей Волго-Камья и Приуралья: мари, чувашей, удмуртов, татар, башкир.

Отмеченные выводы антропологов имеют существенное значение при решении вопроса о формировании татар Поволжья.

Для восстановления физического облика человека ананьинской культуры могут иметь некоторое значение и две могильные плиты с фигурами мужчины и женщины, у которых, несмотря на весь схематизм изображения, может быть констатирована монголоидность⁴.

Установленное антропологами смешение монголоидов с европеоидами с ананьинской эпохи шло за счет проникновения некоторой части населения с юга из области срубной культуры, а с другой, за счет пришлого населения с востока — из Сибири, из области Енисея, где обитали племена, которых китайцы называли динлинами. Это последнее событие документируется довольно хорошо археологическим материалом, происходящим из Ананьинского могильника и из ряда мест Молотовской области.

К этой группе вещей надо отнести, прежде всего, клевец с плоским обушком и с головкой хищной птицы, помещенной в углу между втулкой и боевым выступом клевца, тип, широко распространенный в области Енисея в памятниках Тагарской культуры. К этому же разделу относятся бронзовые и железные кинжалы с плоским навершием и с перекрестьем в форме крыльев бабочки.

Из числа случайных находок к этой же группе необходимо отнести бронзовые фигуры оленей с подогнутыми ногами и длинными ветвистыми рогами, прижатыми к спине; навершие с фигурой горного козла и закругленными рогами и бронзовые кинжалы с прорезной рукояткой⁵.

Трудно думать, чтобы эти рядовые вещи, аналогичные по назначению тем, которые производились в области племен ананьинской культуры, могли попасть сюда только в результате обмена. Вероятнее всего, здесь было также и проникновение самого населения. Не исключается возможность, что военные отряды динлинов ходили в далекое

³ Т. А. Трофимова. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. Краткие сообщения ИИМК, IX, М., 1941.

⁴ J. R. Aspelin, *Antiquités du Nord finno-ougrien*. Helsinki, 1877, № 402, 403, p. 107.

⁵ J. R. Aspelin. *Op. cit.*

Прикамье и здесь частично могли остаться. Проникновение сибирского элемента продолжалось и позднее, в эпоху пьяноборской культуры. Достаточно указать на большое сходство Подчеремских находок с вещами Ишимского клада и сходство вещей звериного стиля Уфимского могильника с аналогичными вещами с Енисея. Однако нельзя считать, что этот сибирский элемент здесь, в Нижнем Прикамье, был особенно значительным.

Гораздо большее значение имела связь с Западным Поволжьем. Сравнивая материал могильников первых веков нашей эры типа Конибеевского могильника с могильниками пьяноборской культуры, мы видим одни и те же типы шейных гривен, тот же венчик из ремня с узкими штампованными пластинками. Сюда же надо отнести близкие по форме ажурные застёжки и коньковые привески. Повидимому, в первые века нашей эры племена обеих областей входили в один племенной союз, а это неизбежно вело к тесному сближению населения.

Магические и культовые предметы пьяноборской эпохи также свидетельствуют о тесном смешении отдельных племен в этот период. Фигуры зверей, характеризующие в основном тотемистические представления, существующие в ту эпоху в виде пережитка, имеют черты, позволяющие говорить о смешении в одних и тех же изображениях черт, свойственных различным животным. Так, среди предметов Гляденовского костища имеется фигура лося с мордой хищника, возможно волка⁶. То же самое можно указать и среди вещей Подчеремского клада, где имеются фигурки лошадей с петлями для ношения. У этих изображений хорошо переданы морда лошади, а хвост и туловище какого-то мелкого хищника. Подобное же явление изучал проф. В. А. Городцов на сибирском материале; им была высказана мысль, что такое соединение в одном изображении особенностей различных животных отражает людские отношения и говорит о смешении родов и племен и слиянии их.

Эти факты показывают, что в пьяноборскую эпоху в Прикамье начали складываться племенные союзы, первый шаг к формированию народов.

К этому же времени пьяноборской эпохи относится и проникновение в Прикамье сарматских племен, доказательством чему может служить могильник близ г. Уфы, открытый П. Ф. Дмитриевым, и ряд сарматских погребений Куйбышевской области, где они известны в районе рек Сок и Кондурча. Сарматские черты сохранились и в культуре булгар.

Так, посуда булгарской культуры до позднего времени сохранила лощение, известное со времени сармат, причем самый характер лощения (полосами) остался тот же. Форма сарматских чашек с невысоким горлом, раздутыми боками и ручками, часто имитирующими фигуру животного, сохранилась в булгарскую эпоху в виде крынок с высоким горлом, сильно раздутыми боками и с выступами на ручках — далекий пережиток ручек, трактованных в виде фигур зверей. Но помимо керамики можно указать ряд других вещей из Прикамья, точно воспроизводящих вещи аланских могильников. К их числу надо отнести привески в виде круга, колеса, с выступами по краям. Одни из этих привесок довольно простые, другие более сложные, ажурные⁷. К этой же категории относится плоский круг, украшенный точечным орнаментом и по внешней стороне четырьмя головками хищных птиц, — предмет, имеющий аналогии среди вещей аланской культуры Северного Кавказа. Близкие по форме вещи распространены и на территории самой

⁶ Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии, вып. XI, Пермь, 1914, табл. III, стр. 19.

⁷ J. R. Aspelin. Op. cit., № 632—639, p. 150.

волжской Булгарии. Наконец, не редкими в Нижнем Прикамье являются серьги аланского типа. Все это подтверждает сведения византийских историков о приходе булгар, входящих в состав аланских племен, на Нижнюю Каму. Сарматские черты прослеживаются и в антропологическом материале XIII—XIV вв. Т. А. Трофимова в своей работе отмечает: «В общем же болгарские черепа из Суvara и Болгар, как монголоидные, так и европеоидные, — брахицефальны. Черепа же болгарской эпохи, описанные Г. Ф. Дебецем из Черной Палаты и Бабьего бугра, характеризуются мезокефалией. Европеоидный тип исследуемых черепов морфологически близок с типом короткоголового населения сарматской эпохи из степей Нижнего Поволжья».⁸

Этот период (VI—IX вв.) является временем развития и расцвета Хазарского каганата. Хазары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы и, в первую очередь, население, занимавшее область Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. В эту эпоху тюркский элемент проник в значительной части в область Булгарии. Хазары несомненно и явились первыми владельцами того торгоща, на месте которого позднее выросла международная ярмарка — город Булгар. До половины X в. булгары находились в зависимости от хазар. В записке Ибы-Фадлана приведено сообщение о том, что булгары платят дань хазарскому царю, приводятся сведения о военных походах хазар на булгар. Все это дает основание относить первое крупное проникновение тюркских элементов, которые сохранились в языке современных татар, к VI—X векам.

Булгарское государство, возникшее в X в. было многоплеменным. Наряду с местными племенами, оставившими нам городища с рогожной керамикой, мы видим пришлую булгарскую орду, из числа аланских племен, отмеченную выше, видим сильное влияние хазар и проникновение с ним и тюркского элемента. Наконец, мы встречаемся здесь с представителями многочисленных народов, осевших в Поволжье. Здесь, как и южнее, в памятниках Цимлянского городища, была сильна славянская струя. В Цимлянском городище раскопками последних лет открыто большое число чисто славянских погребений. О русских в Булгарии много говорят арабские источники. Повидимому, руссы, привлеченные торговлей с местными жителями, имели многочисленные колонии и в какой-то степени могли ассимилироваться с местным населением. Известно, что булгары также уходили в русские земли, в частности во Владимиро-Суздальское княжество. Вторым путем ассимиляции с русскими явились войны и, как результат их, пленные.

В. В. Бартольд считает возможным отнести к волжским булгарам известие о «государе славян», к которому наравне с государями греков и хазар обратились в 852 г. с просьбой о помощи бежавшие от арабов армяне.⁹ Наконец, в собственно Булгарии осели представители окрестных чудских племен. Это последнее хорошо прослеживается на археологическом материале. При исследовании Суvara среди керамического материала было найдено несколько интересных предметов, выходящих из рамок булгарской культуры. Это — фрагменты посуды черного цвета с примесью раковины, вылепленной от руки без гончарного круга и украшенной веревочным и зубчатым орнаментом, и обломок чаши с закругленным дном, украшенным веревочным орнаментом, типичным для Закавказья. Эти памятники можно приписать выходцу из Закамья, осевшему в городе Суваре.

⁸ Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ, вып. 63, М., 1941, стр. 186.

⁹ В. В. Бартольд. Арабские известия о Руссах; см. Советское востоковедение, т. I, 1940.

Интересен и другой сосуд баночной формы с грубой (от примеси крупнозернистого песка) поверхностью и с широким, отогнутым венчиком, имеющим близкие аналогии в керамике поздне-дьяковской культуры и в керамике мордовских могильников. Этот памятник точно так же говорит о пришельце с правобережья Волги, переселившемся в Булгарию вместе со своими культурными навыками.

Наконец, большое число украшений, свойственных племенам Среднего и Верхнего Прикамья, находят на территории Булгарского царства. В качестве примера можно привести коньковую привеску из Булгарии¹⁰, и более позднего типа — из Билярска.¹¹ Подобных коньковых привесок довольно много в коллекции Государственного музея Татарской АССР и Казани. Все эти материалы свидетельствуют о наличии среднеуральского населения в области булгар. Картину смешанного населения в булгарских городах дали исследования, кроме Сувары, еще и Билярска, где наряду с чисто булгарской керамикой, генетически связанной с сармато-аланской культурой, имеется значительное число фрагментов посуды, известной под именем финской.

Большую роль в формировании казанских татар сыграли половцы, принимавшие участие в политической жизни страны, о чем можно судить хотя бы по описанию в русской летописи под 1183 г. — годом похода русских на булгар. В археологическом материале булгар встречается немало половецких предметов, подтверждающих эти исторические сведения.

Все приведенные материалы свидетельствуют, что процесс формирования народов Нижнего Прикамья в булгарскую эпоху был весьма сложным. Наконец, нельзя обойти молчанием прилив населения из Средней Азии. Из записки Ибн-Фадлана можно установить, что еще до приезда посольства халифа Муктадира в Булгарию проживали ремесленники из Средней Азии. После же установления связей, явившихся в результате посольства 922 г., количество мастеров разного рода увеличилось. Эти ремесленники значительно усилили тюркский элемент в Булгарском государстве.

Останавливаясь на разборе всех археологических материалов эпохи Булгарского царства, проливающих свет на формирование татар Поволжья, нужно оговориться, что наибольший прилив населения из соседних областей, в частности из Средней Азии, испытала область Булгар, Биляр, Сувар, т. е. центр Булгарского государства. Но и здесь большая тюркизация и влияние арабской культуры падают на городское население, которое непосредственно было втянуто в экономические связи с Аббасидским халифатом. Деревня влияние новой арабской культуры испытала в меньшей мере; еще меньше коснулось оно окраин Булгарского государства.

Монгольское завоевание внесло незначительные изменения в состав населения Булгарии. Разгром 1236 г. коснулся в основном центральных районов. Татары не распространялись в глубь лесов. Разгромив города, монголы двинулись дальше, вторгнувшись в Рязанские земли в 1237 г. Русские летописи передают о втором погроме 1240 г., после чего между булгарами и завоевателями-монголами установились отношения, характерные и для Руси. Булгарские князья, как и русские, получили ярлыки на княжение; булгары, как и русские, были обложены данью. Можно ли говорить о какой-либо смене культуры и смене населения в Булгарию? Никаких оснований для этого нет.

Изучение булгаро-татарской культуры показывает много общего

¹⁰ J. R. Aspelin. Op. cit., № 783, p. 167.

¹¹ Ibidem, № 774, p. 166.

между памятниками первого и второго периода. Раскопки крупных городов, где сохранились остатки домонгольской эпохи — Суvara и Биляра, показывают, что слои домонгольские переходят в слои XIII—XV вв. Это показывает, что уцелевшее население этих городов, изгнанное войной из родных мест, после ухода монгольской армии вновь вернулось и принялось восстанавливать свое хозяйство. Население строит дома того же типа. В центре Суvara восстанавливают дворец, используя старое основание. В бытовых памятниках также прекрасно видна преемственность. Многие типы керамики, характерные для болгарской эпохи, продолжают существовать и в монгольский период. Преемственность хорошо устанавливается и по украшениям. В частности, характерная для болгар манера украшать браслеты, броши, привески камнями и цветными стеклами, сканью и зернью продолжается и в монгольский период, примером чему могут служить вещи XIV в., хотя нужно отметить грубость и тяжеловесность вещей в этот период и небрежность их выделки по сравнению с вещами XI—XII веков.

Все материалы хорошо показывают дальнейшее развитие старой болгарской культуры. Вместе с тем археологический материал дает основание говорить о появлении нового пришлого населения. В золотоордынском слое Суvara среди развалин жилых домов болгарского типа, хорошо прослеженных в болгарском слое и известных по сведениям арабских писателей, появляется новый тип жилища, представляющий сруб с деревянным полом; это жилье вместо глинобитной печи имеет цилиндрическую печь типа мангал, хорошо известного в постройках Средней Азии, где он существует и поныне. Несомненно, что появление этих печей нельзя отнести за счет заимствования. Этот тип печи, в суровых зимних условиях Среднего Поволжья, намного уступал хорошо приспособленным глинобитным болгарским печам, по типу напоминающим русскую печь.

Этот материал позволяет говорить о появлении нового населения, пришедшего из Средней Азии и принесшего с собой свои культурные привычки. Необходимо учесть еще одно обстоятельство — стремление монгол переселять мастеров в города, в восстановлении которых они были заинтересованы. Это новое население могло внести новую тюркскую струю, хорошо прослеживаемую в языке и культуре современных татар Поволжья.

Судя по количеству построек с мангалами, это пришлое население не было многочисленным.

Остались ли монголы в Поволжье? Повидимому, нет.

Ни в археологическом, ни в антропологическом материале нельзя проследить тот тип, который известен по ряду описаний современников. Западные путешественники так характеризуют монгол: «Они нисколько не походили на других людей, большее чем у других племен расстояние между глазами и щеками, выдающиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, небольшой рост, редкие волосы в бороде». Этому типу мы не найдем аналогии ни среди современных татар, ни в раскопчном антропологическом материале.

Как показывают исследования антропологов, татары Среднего Поволжья представляют собой европеоидную группу с незначительной монголоидной примесью. Среди татар встречаются: темный мезокефальный европеоидный тип (понтйская раса), напоминающий тип болгар и черкесов, светлые европеоидные типы и сублапоноидный тип — потомок древнего местного монголоидного населения ананьинской эпохи, широко распространенные среди окружающего финского и русского населения, и монголоидный — южносибирского облика, известный в южнорусских степях среди кочевников, как в до-золотоордынскую эпоху, так и среди племен, покоренных Золотой Ордой. Монголоидных

типов центральноазиатского происхождения, собственно монгольских, среди татар Среднего Поволжья антропологами не установлено¹².

Это доказывает, что татары, пройдя огнем и мечом волжскую Булгарию, не осели в Среднем Поволжье и во всяком случае не оказали заметного влияния на формирование физического облика современных татар.

После завоевания Булгарии монголами болгары еще долгое время сохраняли свое имя. Их князья, как и русские, пользовались большой долей самостоятельности во внутренних делах, получая ярлыки от ханов на княжение.

Под собственным именем болгар, а не татар, знает их и русская летопись. Так, в событиях 1311, 1366, 1370, 1374—1391 гг. болгары назывались или болгарями или (в Никоновской летописи) — казанцами или бесермянами, но нигде не обозначаются татарами.

Даже касаясь событий начала XV в., в частности похода князя Федора Пестрого, летопись называет болгар их именем. «В лето 6939... Того же лета от великого князя Василия Васильевича воевода князь Федор Давыдович Пестрой ходил на Болгары воевати да и взял». И позднее, перечисляя земли под русской короной, летописец сообщает: «Князь великий Иван Васильевич, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всеа Руси». Даже новая столица Булгарского царства, Казань, по свидетельству Нармухамета, сына Агмедзяна, называлась еще «Новый Булгар».¹³

В XVI в. для русского летописца казанские татары были синонимом болгар. Это мы значительно позже встречаем и у удмуртов, называющих татар бесерменами. Правда, в ряде мест слово бесерменин означает еще и «пришелец», «чужеземец».

На решение вопроса о принятии болгарями имени татар проливает свет Рашид-Эддин-Джувейни. Он пишет: «Они (татары) владычествовали и господствовали в древние дни большую часть времени над сильнейшими племенами и странами с могуществом, силою и совершенным почетом. Ради чрезвычайного величия и почтения их, другие роды турецкие, по смещению степеней, разрядов и имен их, стали известны под их именем и всех называли татарами. И те различные роды видели величие и достоинство свое в том, что относили себя к ним и стали известны под их именем».

Так вместе с другими народами это имя получили и болгары.

Сами болгары, повидимому, стремились сохранить свое имя довольно долго и в политическом отношении не сливались с Золотой Ордой, хотя в культурном отношении провести различие между болгарями и Золотой Ордой часто трудно. О стремлении болгар к самостоятельности и о желании татар окончательно подчинить болгар свидетельствует хотя бы событие 1370 г., когда русские с татарами ходили на болгар.

Для соседей сходство культуры болгар и Золотой Орды могло с XIV в. привести к путанице племенных названий.

Перенесение центра Булгарского государства в Казань и «Новый Булгар» и переход власти к Улу-Магомету, давшему государству новую политическую и военную организацию, укрепили это положение. С этого времени за населением Среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар. Это было только сменой названия, а сами татары, да и их соседи продолжали называть себя болгарями. Такая связь с болгарями сохранилась до настоящего времени. Татары,

¹² Т. А. Трофимова. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. «Советская этнография», 1946, № 3.

¹³ История Татарии..., стр. 122.

особенно старики, считают себя потомками болгар. Памятники болгарской истории (архитектурные сооружения, могильные плиты) считают священными и тщательно охраняют.

XIV век является временем расширения болгарского влияния на соседней. Это прекрасно видно по могильным памятникам, распространенным далеко за пределами основной болгарской территории. Мусульманская пропаганда под защитой ханов Золотой Орды приняла большой размах. Бесспорно и то, что разгромы основных центров Булгарии в конце XIV — начале XV в. (последний разгром — поход князя Ф. Пестрого в 1431 г.) привели к уходу населения в закамские леса, к ассимиляции местного финского населения и распространению болгарской культуры. Здесь можно поэтому говорить о вторичном скрещении с чудскими племенами.

В свою очередь эти народы оказали свое влияние на культуру и физический облик татар-болгар.

При рассмотрении памятников материальной культуры отмечено, что культура болгар золотоордынского времени сложилась на базе местной культуры предшествующей эпохи. Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то нетрудно убедиться в том, что болгарская культура явилась основой культуры казанских татар. Последняя за свой длительный исторический путь, как и культура всякого народа, впитала в себя большое число всякого рода влияний и ныне представляет собой сложный конгломерат.

Рассмотрение культуры татар Поволжья лучше всего провести по ее отдельным элементам.

Значительное место занимают памятники архитектуры. К сожалению, мы в настоящее время не знаем почти совсем архитектуры Казанского ханства, вследствие чего выпадает большой хронологический отрезок. Частично этот недостаток можно восполнить архитектурой Касимовского царства, дошедшей до нас в виде отдельных памятников.

Татарская архитектура, в частности жилище, прототипом своим имеет памятники болгар.

Жилище древних болгар достаточно полно выявлено раскопками развалин Суvara и Булгара; среди ряда домов, сохранившихся частично, были открыты здания, позволявшие точно установить, что тип жилища, существовавший в болгарскую эпоху, сохранился и в последующее время, хотя наряду с ним в XIII в. после монгольского завоевания появился и другой. Данные раскопок Суvara получили подтверждение у восточных писателей.

Древний болгарский дом — или сруб или глинобитное сооружение, по плану близкое квадрату, с глинобитной печью, поставленной на некотором расстоянии от стены. Перед печью имеется лаз в подполье, с двумя ямами-зернохранилищами. Удалось установить, что глинобитные дома имели плоскую кровлю. Дома были окружены хозяйственными постройками. Интересен богатый кирпичный дом, открытый в центре Суvara, построенный в X в., позднее разрушенный и неоднократно восстановленный. Первоначально это был дом почти квадратный в плане, с системой подпольного отопления; его окружали хозяйственные постройки и кирпичная стена.

Этот кирпичный дом по своему местоположению и инвентарю можно назвать дворцом. Повидимому, для X в. это была довольно редкая постройка. План этого дома в основном повторяет рядовые дома горожан и весьма близок дому, открытому В. А. Городцовым при исследовании старой Рязани. Явилось ли это сходство результатом влияния болгар на русских или, наоборот, русских на болгар, трудно решить. Вероятнее всего, что на создание общего типа повлияли местные усло-

вия, одни и те же для племен, составивших Булгарское царство и Рязанское княжество.

Подобные дома продолжали существовать и в золотоордынскую эпоху. Дворец же значительно изменился, он получил колонны и облицовку поливными изразцами. В XIII в. он представлял собой продолговатое здание с небольшой пристройкой — вестибюлем и имел, по видимому, два этажа. Этот тип дома позднее перешел в архитектуру Казанского ханства, о чем можно судить по материалу города Касимова¹⁴, где отмечен дом, аналогичный по общему виду суварскому. Как можно судить по раскопкам золотоордынских городов Нижнего Поволжья, богатых кирпичных зданий было довольно много. Их отличительной чертой была многокомнатность и полихромия в обработке.

Если взять современную татарскую усадьбу, то мы увидим черты сходства с древними булгарскими жилищами. У татар дом обычно ставился посреди усадьбы, на столбах и окружался хозяйственными постройками. Вся усадьба обнесена забором, выходящим на улицу, так, что улица представляет длинную глухую стену. Современный дом близок по плану к квадрату с печью посередине или ближе к глухой стене. В доме имеется деревянный пол. Наряду со срубом, в южных районах встречаются дома и бани, на половину врытые в землю и представляющие как бы землянку с накатом и плоской крышей¹⁵, дома глинобитные, саманные. Рассматривая их, мы видим, что современные постройки получили развитие от древних булгарских. Древние глинобитные здания могут быть сопоставлены с современными саманными постройками.

В орнаментике татарского жилища основным элементом является не резьба, а богатая полихромная раскраска. Как правило, на основном зеленом или желтом поле даются узкие планки белого цвета, перемежающиеся с синим и красным. Ворота также окрашиваются в зеленый тон; все же детали, как то планки и розетки, — в желтый и голубой тона.

Разбирая орнаментику татарского дома, невольно хочется вспомнить дома булгаро-золотоордынского периода, где мы встречаемся с отделкой здания полихромными изразцами, причем расцветка современных домов дает тона, аналогичные золотоордынским поливным изразцам. Данные, которыми мы располагаем, позволяют утверждать, что архитектура современных татар получила развитие от булгарской, от их городских построек и городской усадьбы.

Такую же преемственность можно установить и по другим разделам культуры. Богатый материал дают различные украшения из металла и камня. Чаще всего для украшений употребляется серебро. Золото встречается редко, медь и другие металлы идут лишь в качестве подсобного материала.

Значительное место в современных украшениях занимают монеты, употребляемые в виде подвесок. Для этой цели шли царские серебряные рубли. Богатые татары пользовались и золотой монетой, в частности иностранной. По технике изготовления металлические украшения или сплошные, изготовленные литьем, чеканом и гравировкой, или ажурные, сканной техники. Скань бывает различного качества как по сложности рисунка, так и по технике исполнения. Н. И. Воробьев отмечает, что скань имеет огромное распространение в татарских украшениях и является наиболее оригинальной орнаментикой их¹⁶. Другой

¹⁴ Палас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1773, стр. 43, 44.

¹⁵ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., стр. 11.

¹⁶ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 387.

особенностью татарских ювелирных изделий являются камни, составляющие в ряде изделий основной орнаментальный мотив. Ряд изделий, например, бусы и различные привески, имеют значение амулетов. Из камней чаще употребляются бирюза, сердолик, топаз, яшма, аквамарин. Кроме таких ценных камней широко применяется, особенно бедными татарами, стекло, подделываемое под драгоценные камни.

Большинство украшений готовится на месте, в самой Казани и в различных пунктах Татарии. Но встречаются и привезенные из Средней Азии, Ирана, Турции.

Можно считать бесспорным, что современное ювелирное искусство татар сложилось и развилось на базе болгаро-татарского. Для болгарского ювелирного искусства, кроме широко распространенных литых и чеканных вещей, характерными являются сканные, украшенные камнями или стеклами. Весьма изящны вещи X—XI вв., позднее они несколько грубеют. В XIV в. это искусство переходит в города Нижнего Поволжья и получает широкое распространение; подобной же техники вещи мы встречаем у современного населения края.

Точно такую же зависимость можно установить, анализируя формы украшений. Для примера можно взять нагосник, представляющий пластинку треугольной или круглой формы с привесками¹⁷. В качестве близкой аналогии можно указать среди вещей из коллекции Заусайлова аналогичный по назначению и близкий по форме предмет, происходящий из Билярска¹⁸. Много таких вещей и в коллекции Лихачева в Казани. То же можно сказать о типах серег, застежек, нагрудных украшений «хасиме» и других. Правда, среди археологического материала мы не встретим полностью нагрудных украшений, но отдельных бляшек в виде круглых и других форм пластинок найдем не мало. Так, в собрании Государственного музея Татарской Республики имеется хасиме, богато украшенное бляшками разной формы, расположенными в живописном беспорядке. Среди блях можно указать некоторые повторяющиеся мотивы, известные в археологическом материале¹⁹. Таковы бляшки коллекции Заусайлова, происходящие из Билярска. Они представляют собой круглые, чеканные пластинки с рельефным звездчатым орнаментом²⁰. Этот орнамент широко распространен и на болгарских вещах, встречается он и на архитектурных памятниках, и как завершение могильных плит. Таковы же бляшки в виде овала с вырезкой сердцевидной формы, украшенные растительным узором. Весьма много аналогий можно указать среди браслетов пластинчатых, несомкнутых, часть которых украшена вставками из камней и стекла. Много общего в перстнях и других украшениях. Должен оговориться, что сходство идет значительно дальше общих форм. Сходство заметно в деталях и в орнаментике. Наконец, можно заметить аналогию и в области керамического производства.

Форма сосудов, из которых укажу на большие корчаги, их лощение и орнамент напоминают памятники болгаро-татарской эпохи. Если мы возьмем прикладное искусство татар, хорошо известное по народной архитектуре, по различным частям костюма, то мы встретим большое число элементов, характерных и для болгаро-татарского искусства; в их числе трилистник, звезда, круг, стилизованный растительный орнамент в виде спиралей и кругов.

Недостаток археологического материала не позволяет сравнить все категории материальной культуры татар с соответствующими памятниками болгар.

¹⁷ Коллекции Государственного музея ТАССР. Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 96.

¹⁸ A. M. Tallgren. Collection Zausasailov, v. II, Helsinki, 1918; v. VIII, p. 1.

¹⁹ Воробьев Н. И. Указ. работа, стр. 406.

²⁰ A. M. Tallgren, Op. cit., v. II et VIII, p. 23.

Мы не знаем ни из данных археологии, ни из описаний древних авторов, как одевались булгары и татары эпохи Золотой Орды. Отдельные заметки, как, например, у Плано Карпини, отметившего, что женская одежда была длинной, с разрезами спереди до земли, а мужская шилась из шкур шерстью наверх, не дают ни малейших оснований для сравнения с современным татарским костюмом. Для более позднего периода не лишена интереса заметка Герберштейна, указавшего на сходство женской и мужской одежды. Авторы XVIII в. описывают тот костюм, который продолжал существовать и в XIX и в начале XX в., но отмечают черты, которые сближают одежду татарок с чувашской, как бы подчеркивая происхождение обоих народов из одного корня. Н. И. Воробьев отмечает: «Повидимому, татарский костюм сложился, с одной стороны, из какого-то предка современного татарского и чувашского костюма, вероятно, болгарского с сильным финским влиянием, а с другой, все увеличивающееся количество кыпчакских переселенцев в край приносило одежду кочевых турок Азии и южной Европы, описанную, хотя и мало понятно, средневековыми путешественниками»²¹.

Отдельные части татарской одежды имеют ту же форму, что и у других народов Прикамья. Так, татарские рубахи аналогичны финским и отличаются от последних только тем, что шьются из широкого холста, а не из узкого, как у финнов Поволжья.

Особый интерес представляет шапка. В настоящее время у татар имеется две разновидности: сферическая и цилиндрическая. Первая обычно шьется из сукна, драпа, почти всегда черного цвета. Эти сферические шапки носят обычно крестьяне и бедные горожане, особенно старики. Высота этих шапок 15—20 см. Этот тип сферической шапки в настоящее время является наиболее распространенным; эту форму надо считать специфической для татар, тогда как у других турецких народностей обычно употребляется коническая шапка с широкой опушкой из меха. Н. И. Воробьев считает, что «при детальном изучении можно с некоторой долей вероятности предположить, что полусферическая шапка произошла из того же источника, как и такия, т. е. из подшлемника, но никак не из персидского Калапуша»²². Другие исследователи полагают, что шапка эта заимствована от персов.

С этими гипотезами трудно согласиться. Изображение воина на плите из Ананьинского могильника передает тот же тип шапки, близкой к конической. Проще всего этот тип сферической шапки выводить из головного убора ананьинской эпохи. Там эта шапка имеет у основания две черты, которые, может быть, передают опушку²³. Эти данные, общность с чувашской одеждой и ананьинской эпохой свидетельствуют о глубоких местных корнях татарской культуры. Основой ее является булгарская, на которую за долгий промежуток времени наслоилося большое число всякого рода влияний.

Следует также помнить, что один из самых крупных пережитков древних форм у татар — остатки кочевого быта — опять-таки связывают их с древними булгарами, у которых в быту элементы кочевой жизни уже в X в. существовали в качестве пережитка, как об этом можно судить по записке Ибн-Фадлана.

Наряду с пережитками кочевого быта, идущего от булгар, у татар сохранялось не мало элементов домусульманских верований, причем эти последние весьма близки к родовым религиозным верованиям других народов Поволжья.

Интересный материал, указывающий на глубокие местные корни,

²¹ Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 348.

²² Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 363.

²³ J. R. Aspelin. Op. cit., p. 402.

дает мифология казанских татар. Несмотря на то, что мусульманство стало господствующей в крае религией еще со второй четверти X в., все же в представлении татар сохранялось и до последнего времени много пережитков родовой религии, весьма сходных с представлениями других народов Поволжья и Прикамья²⁴.

В данном случае важна мифология, сохранявшаяся с глубоких времен в Вятско-Камском крае. Здесь прежде всего надо отметить веру в домового (ой-эйсе); в представлении татар — это старик с длинными волосами. Имеется у татар и хозяин хлебов (абзар-эйсе), показывающийся людям в виде человека или животного. Он имеет отношение к скоту. Ой-эйсе и абзар-эйсе весьма сходны с соответствующими образами мифологии удмуртов.

Бичура, по мифологии татар, маленькая женщина ростом в 125 см, со старинным головным убором, живет в подполье или в бане. Из-за Бичуры иногда бросали дом, или же, наоборот, считали, что Бичура помогает хозяину разбогатеть. Близо стоит к ней Юртаве — богиня очага, дома из мордовского пантеона.

У всех народов Поволжья сохранились пережитки веры в лешего. В татарской мифологии он под именем Шурыле живет в дремучих лесах, похож на человека, имеет длинные крепкие пальцы до 12 см длины и необычайно длинные сосцы, которые он закидывает через плечо. Он любит уводить прохожих в глубину леса, любит кататься верхом. Сохранилось предание, в котором описана Шурыле-женщина; она сидела на лошади нагая, задом наперед, голову имела маленькую с короткими волосами, груди висели через плечо. Аналогичны Шурале-Алида, Чатчес-нюня и Нюлес-нюня — удмуртской мифологии или Вирь-аве — мордвы, или Арсури — чуваш.

Албасты — злые существа, живущие в нежилых домах, на пустырях, на полях и в логах, являются людям в виде человека или большого воза, стога, скирда, елки. Албаст может задавить человека насмерть, причем выпивает из него кровь. Ближайшей аналогией ему по характеру и даже по имени является Албаст удмуртов, живущий по преимуществу в пустых домах и банях. Чтобы изгнать его оттуда, надо занятые им строения предать огню²⁵.

Ряд духов, по представлениям татар, живет в воде: сыубабасы (водяной дед — главный хозяин), сыу-эясе — его сын; сыу-анасы аналогична русской русалке. Сыу-бабасы татар весьма близок Ву-мурту удмуртов.

Большой интерес представляет вера в Юху — змею-девицу, с которой можно связать часть археологического материала, среди которого имеется большое количество предметов, отражающих этот раздел мифологии. По представлениям татар змей до 100 лет живет в своем виде; после 100 лет он превращается в человека-девицу (юху), но может принимать образ коровы, собаки, кошки.

В археологическом материале Прикамья изображения змей идут с глубокой древности. Наиболее ранние из них найдены в Гладеновском костыше, начало которого относится к VI в. до н. э. Наряду со змеями весьма часты фигуры драконов; ряд их относится ко времени возникновения нашей эры, примером чего может служить могильник Ныргинда, где ажурная пластинка представляет дракона с сидящей на спине женщиной с ребенком. Отдельные фигуры драконов встречаются и в более позднее время, в так называемую ломоватьевскую эпоху. Эти

²⁴ Каюм Насыров. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суинитского магометанства; см. Записки Русского Геогр. о-ва по отд. этнографии, т. IV, 1880, стр. 241—270; Я. Д. Коблов. Мифология казанских татар; см. Известия О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXVI.

²⁵ «Религиозные верования народов СССР», т. II, М., 1931, стр. 225.

изображения, в настоящее время трудно интерпретируемые, указывают на глубокую древность данных представлений у народов Прикамья. Они еще раз подтверждают местную основу татар Поволжья.

Особенно ярко связь с другими народами Поволжья сказалась в вере татар в керемети. Кереметью называлось жертвенное место, где совершалось жертвоприношение, а также и сам дух, обитающий в данном месте. Татары приносили керемети жертвы, для чего резали скот. Мусульманское духовенство вело упорную борьбу с этим верованием. Оно характерно для всех народов Среднего Поволжья и Прикамья. Так, у чуваш кереметью или ирзаман называлась четырехугольная площадь, отгороженная забором, где совершалось жертвоприношение. Кереметью назывался и сам дух. В жертву ему приносилось обычно животное, прошедшее особое испытание²⁶. Подобные представления существовали и у удмуртов, которые под именем Кереметь или Шайтан признавали злого бога, в противоположность доброму Инмару. Кереметью же у удмуртов называли и жертвенное место, где обычно приносились жертвы этому злему духу. Существовало верование в Кереметь и у мордвы, хотя и не было распространено так, как у чуваш и удмуртов. У мордвы существовало Кереметь-сзек — моление Керемети. Это моление в старые годы происходило около Петрова дня и устраивалось в лесу около большой березы. На праздник собирались жители окрестных деревень и приносили с собой хлеб, мясо, брагу и вино. Сначала молились, потом пировали и веселились.

Второе моление у мордвы, связанное с Кереметью, называлось Кереметь-озис-сабан — моление сохе-плугу. В некоторых местах это моление называлось сабан-озис. Там, где поблизости от деревни сохранились леса или деревья, там и совершались моления. Каждая семья приносила петуха или селезня, которых резали, варили похлебку, совершали моление и съедали похлебку²⁷. Моление в роще было известно и у мари и связывалось с именем Кереметь-арка. Там на праздник резали скот.

Из приведенного материала видно, что вера в Кереметь в наиболее архаичной форме наблюдалась у чуваш и удмуртов, в меньшей мере — у мордвы. Несомненно, борьба мусульманского духовенства с верой в Кереметь привела к тому, что у татар остались только незначительные следы этих верований. Бесспорно, что к поволжским татарам это моление перешло от их предков. Полагать здесь заимствование от соседей нет никаких оснований.

Подводя итог, нужно сказать, что процесс формирования татар Поволжья весьма длителен и сложен. Его нельзя начинать с эпохи монгольского завоевания, как это обычно принято. Это время внесло меньше всего новых элементов в этногенез татар.

В наиболее раннюю эпоху Нижнее Прикамье, где много позже возникло Булгарское царство, представляло пограничную зону между степью, где обитали племена срубной культуры, и лесом, где существовали стоянки типа Карташихи, Габаево, Вороний Куст, послужившие основой для ананьинской культуры. В I тысячелетии до н. э. мы видим внедрение, с одной стороны, представителей племен срубной культуры, а с другой, отрядов племен с далекого Енисея. Это обстоятельство, по мнению антропологов, положило начало складыванию нового типа, характеризуемого присутствием европеоидно-монголоидных форм.

В первые века нашей эры возник племенной союз, объединивший

²⁶ В. Сбоев. Чуваш в бытовом, историческом и религиозном отношении, 1865, стр. 88.

²⁷ М. Г. Маркелов. Мордва; см. сборник «Религиозные верования народов СССР», т. II, М., 1931, стр. 199.

племена Нижнего Прикамья и западной части Среднего Поволжья. К этому времени относится и проникновение сарматских племен (могильник близ Уфы). В середине I тысячелетия сюда откочевали булгарские племена, в основе своей сармато-аланские, но несомненно испытывавшие гуннское влияние. Эти племена ассимилировались с местным оседлым населением, подчинив его себе.

Во второй половине I тысячелетия н. э. Среднее Поволжье попало под власть Хазарского каганата. Население его испытало первую струю тюркского влияния и несколько ассимилировалось с пришельцами. В следующий период Булгарского государства многочисленные племена Среднего Поволжья испытали вторую волну тюркского влияния, в частности большую роль сыграли половцы. Одновременно здесь появляются и руссы, армяне и представители других народов.

Погром Батыя не внес почти ничего нового в процесс формирования татар. В XIII—XIV вв., с развитием городов Булгарского царства, здесь усилился приток новых тюркских элементов из Средней Азии, что привело к расцвету некоторых отраслей промышленности.

В начале XV в. разгром основной территории булгар татарами, а затем русскими, послужил толчком к отливу населения в лесное Закамье, что вызвало ассимиляцию с местными чудскими племенами.

После перенесения столицы в Казань туда могли попасть вместе с правящей верхушкой дружинники, как, например, дружина 3 000 воинов, пришедшая с Улу-Мухаметом. Это обстоятельство несколько усложнило процесс формирования татар Поволжья.

Последним крупным внедрением других народов в Нижнее Прикамье было завоевание Казани в 1552 г., приведшее к колонизации края русскими, но на формирование татар это не могло оказать большого влияния, так как русские, захватывая земли, оттеснили татар на восток и юго-восток.

Т. А. ТРОФИМОВА

ЭТНОГЕНЕЗ ТАТАР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ АНТРОПОЛОГИИ *

Настоящий очерк представляет собой краткий автореферат монографии о татарах Поволжья по данным антропологии¹, дополненный материалами из других наших работ, посвященных краниологии Волго-Камья. Материал, послуживший основой для монографии, составил из: 1) антропологических исследований (проведенных экспедициями Института антропологии Московского гос. университета) современного татарского населения ТАССР, а также и ряда других этнических групп, необходимых для сравнения², и 2) из исследований краниологических серий с территории Волго-Камья, Нижнего Поволжья и др.³. В этой статье частично также привлечен ранее неопубликованный материал.

1

Население Татарской республики характеризуется разнообразием своего этнического состава. Помимо татар, Татарскую республику населяют русские, чуваша, мордва, удмурты и другие национальные группы. Территория ТАССР, расположенная на больших водных путях и занимающая пограничное положение между лесом и степью, издавна являлась областью интенсивного исторического развития и привлекала к себе разнообразное население.

И не случайно поэтому, что татары Среднего Поволжья поражают исследователя разнообразием своих типологических особенностей, в которых запечатлелись различные антропологические напластования их сложного исторического прошлого.

Прежде всего следует отметить, что татары Среднего Поволжья представляют собой европеоидную группу с некоторой монголоидной примесью, которая выявляется в разной степени среди различных групп татар по разным антропологическим признакам. Так, например, эпикантус встречается в ряде групп (наиболее он выражен у татар Арского и Елабужского районов); сильное развитие складки века в некоторых группах и ослабленный рост бороды, так же как и сравнитель-

* Доложено на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

¹ Т. А. Трофимова. Антропологический состав татар Поволжья. Монография. Рукопись.

² Данные по современному населению собраны экспедициями Антропологического института МГУ: а) среди татар ТАССР в Арском, Елабужском и Чистопольском районах (всего татар мужчин 760); б) в Касимовском районе б. Московской (ныне Рязанской) области (185 мужчин татар); в) в Наровчатском районе Мордовской АССР (татары-мишари, мужчин 176) и г) в Красноярском районе б. Нижне-Волжского края (ныне Сталинградская обл.), где исследованы так называемые астраханские татары (каргаши), 158 мужчин.

Для сравнения привлечены данные о русских Касимовского района (377 мужчин), русских Елабужского района ТАССР (10 мужчин) и казахах Володарского района б. Нижневолжского края (105 мужчин). Все эти материалы собраны при непосредственном участии автора. Кроме этого в основу II части монографии легли сборы А. И. Ярхо по ногайцам Северного Кавказа (682 человека) — по 4 племенным названиям: едисанцам, едншкулцам, ембайлуковцам и караногайцам.

³ Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды. «Антропологический журнал», М., 1936, № 2.

но низкое переносье, особенно у арских татар, уплощенное лицо, значительная скуловая ширина лица (у татар Арского и мишарей Чистопольского районов) и некоторые другие признаки выявляют эту монголоидную примесь (табл. 1).

Таблица 1

Признаки	Татары			Кряшены		Мишари		Русские
	Арский р-н	Елабужский р-н	Чистопольский р-н	Елабужский р-н	Чистопольский р-н	Чистопольский р-н	Наровчатский р-н Мордовской АССР	Елабужский р-н
Число случаев	160	146	109	103	121	122	176	100
Рост	165,5	163,0	164,1	166,7	165,0	165,8	164,4	165,5
Продольный диаметр	189,5	190,3	191,8	189,8	189,7	191,9	189,8	188,2
Поперечный диаметр	155,8	154,4	153,3	155,5	152,9	152,7	152,0	152,5
Высотный диаметр	128,0	125,7	126,0	127,3	126,9	127,8	126,5	128,2
Головной указатель	82,3	81,1	80,2	81,9	80,7	79,5	80,3	81,0
Высотно-продольный	67,0	67,3	65,7	67,3	67,2	66,5	66,7	68,0
Морфологическая высота лица	125,8	124,6	127,0	124,9	127,6	126,0	126,6	125,2
Скуловой диаметр	142,6	140,9	141,5	141,7	141,4	142,3	140,1	140,7
Морфологический лицевой указатель	88,2	88,5	90,0	88,0	90,3	89,0	90,4	89,1
Носовой указатель	65,2	63,3	64,5	66,2	65,0	63,3	60,3	65,3
Цвет волос (% черных — 27; 4—5)	70,9	58,9	73,2	45,4	62,0	70,9	84,4	21,1
Цвет глаз (% темных и смешанных — 1—8 по Бунаку)	83,7	87,7	74,2	70,9	76,0	77,9	83,0	49,0
Горизонтальный профиль % плоских	8,4	2,8	3,7	1,0	2,5	0,0	9,3	0,0
Средний балл (1—3)	2,05	2,25	2,20	2,32	2,22	2,25	2,24	2,56
Эпикантус (% наличия)	3,8	5,5	0,9	1,0	0	0	1,8	0,0
Складка века » »	71,7	62,8	51,9	61,0	51,8	41,9	53,0	51,5
Борода (по Бунаку) % очень слабого и слабого роста (1—2)	67,6	45,5	42,1	54,9	43,0	34,9	57,7	39,0
Средний балл (1—5)	2,24	2,44	2,59	2,2	2,57	2,64	2,44	2,68
Высота переносья Средний балл (1—3)	2,04	2,31	2,33	2,24	2,34	2,35	2,71	2,31
Общий профиль спинки носа % вогнутых	6,4	9,0	11,9	15,5	8,3	4,9	0,6	12,0
% выпуклых	5,8	20,1	24,8	13,6	24,8	23,8	40,2	13,0
Положение кончика носа % приподнятых	22,5	15,7	18,4	18,4	30,5	17,2	2,9	31,0
% опущенных	14,4	17,1	33,0	18,4	26,5	40,2	54,6	26,0

Из простого сравнения средних величин антропологических признаков (табл. 1) можно видеть, что различия между исследованными группами татар достаточно определенные. Не вдаваясь подробно в анализ средних величин и частот антропологических признаков, приведенных в табл. 1, можно отметить, что, если у татар Арского района наиболее отчетливо выступает монголоидный комплекс (наиболее широкое и уплощенное лицо, с наиболее низким переносьем, развитой складкой века, со встречающимся эпикантусом и наиболее слабо развитой бородой, брахицефальным с темными оттенками волос и глаз), то у кряшен Елабужского района мы встречаемся с другим комплексом признаков — с брахицефальным типом с наиболее светлой пигментацией волос и глаз, со значительно развитой складкой верхнего века, с ослабленным ростом бороды, наиболее широконосом, с наиболее вогнутым носом, особенно в хрящевой части. В Чистопольском же районе среди всех групп татар, в особенности же у мишарей, а еще более ярко у мишарей Наровчатского района Мордовской АССР, обрисовывается комплекс признаков, характеризующийся мезоцефалией, темной

пигментацией, слабо развитой складкой верхнего века, значительной бородой, с переносом выше среднего, с выпуклой спинкой носа и его спущенным кончиком.

И, наконец, среди русских Елабужского района отчетливо выступает очень светлый европеоидный комплекс. В результате детального исследования антропологического состава татар (на методах анализа антропологических признаков мы не будем останавливаться в настоящей работе) можно прийти к выводу, что в состав татар ТАССР входит несколько антропологических типов.

Среди татар Среднего Поволжья встречаются следующие европеоидные типы:

1) Понтийский тип (понтийская раса по Бунаку), характеризующийся мезокефалией, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, высоким переносом, выпуклой спинкой носа с опущенным кончиком и основанием носа, значительным ростом бороды. Рост средний с тенденцией к повышению. Этот тип ярко выражен также у мишарей Наровчатского района Мордовской АССР, у западных черкесов, у крымских болгар и в восточной Болгарии у местного болгарского населения. Понтийскую расу В. В. Бунак относит к кругу медитеранных рас⁴ (рис. 1).

Рис. 1. Понтийский тип (мишарь Чистопольского района)

2) Светлый европеоидный тип, суббрахикефальный; со светлой пигментацией волос и глаз, с средним или высоким переносом, с прямой спинкой носа, средне развитой бородой. Этот тип встречается также у мордвы-эрзи⁵, русских ТАССР и мари⁶, удмуртов⁷ и среди других восточных финских групп. Рост средний (рис. 2 а и б).

⁴ V. Bunak. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas! Zeitschr. für Morphol. u. Anthropol., Bd. XXX, Heft 3, 1932, S. 475.

⁵ В. В. Бунак. Антропологический тип мордвы. «Русский антропологический журнал», т. 13, М., 1924, стр. 178.

⁶ В. В. Бунак. Антропологический тип черемис. «Русский антропологический журнал», т. 13, М., 1924, стр. 138.

⁷ П. И. Зелькевич. Физический тип горных и луговых мари. Отдельный из журнала «МАО», Йошкар-Ола, 1934, №№ 8—9 и 10—12.

3) Третий компонент, выделяющийся среди татар Среднего Поволжья, занимает особое место в систематике рас. Это — так называемый сублапоноидный тип (Вятско-Камская раса по Бунаку), суббрахицефальный, со смешанной пигментацией волос и глаз, с широким носом, с невысоким переносом, с прямой или вогнутой спинкой, с большой складкой века, со слабо развитой бородой, с невысоким и среднешироким лицом. Рост ниже среднего. Эпикантус обычно отсутствует или встречается изредка (рис. 3).

Несмотря на то, что этот компонент имеет ряд общих черт с монголоидным, как, например, значительно развитая складка века, изредка встречающийся эпикантус, слабый рост бороды, некоторая уплощенность лица, по другим признакам между ними существуют определенные отличия (см. табл. 2).

Таблица 2

Признаки		Сублапоноидный	Монголоидные (Центрально-азиатский и южносибирский)
лицо	Скуловая ширина	Средняя	Большая
	Морфологическая высота лица	Низкая	Высокая
	Горизонтальная профилировка	Средняя	Слабая
Борода		Слабая	Слабая
веко	Складка века	Сильная	Сильная
	Эпикантус	Отсутствует или изредка встречается	Встречается в значит. числе случаев
нос	Переносье	Среднее	Низкое или среднее
	% вогнутых спинкок носа	Большой	Незначительный
	Кончик носа	Сильно приподнятый	Слабо приподнятый или горизонтальный
	Основание	Сильно приподнятое	Слабо приподнятое или горизонтальное
губа	% овальных форм нос. отв.	Среднее количество	Ниже-среднего
	Высота	Высокая	Высокая
	Хейлия (выступление)	Средне-прохейлич.	Средне-прохейлич.

Советские антропологи рассматривают сублапоноидный компонент, как переходный, образовавшийся в древности на территории Восточной Европы из смешения евро-азиатских монголоидов и местного европеоидного населения⁸.

Определить характер монголоидного компонента, входящего в состав татар Среднего Поволжья, на основании антропологических данных по современному населению очень трудно, прежде всего потому, что его примесь очень невелика и он растворяется в среде европеоидных типов. Кроме того, вообще в составе смешанной группы, состоящей из нескольких европеоидных и монголоидных компонентов, выделение расовых типов второго порядка всегда вызывает большие трудности, что отмечал еще А. И. Ярхо при анализе расового состава туркмен⁹.

Поэтому для решения вопроса о том, какой или какие именно монголоидные компоненты вошли в состав средневожских татар, нуж-

⁸ Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ, вып. 63, М., 1941, стр. 175.

⁹ А. И. Ярхо. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. «Антропологический журнал», М., 1933, № 1—2, стр. 78.

ны дополнительные исторические и палеоантропологические данные, на чем мы остановимся ниже.

Основным монголоидным компонентом можно считать южносибирский (по Ярхо) или турецкий (по Деникеру), возможно, с примесью некоторых других. Южносибирский тип представлен у башкир, казахов, карагайцев, ногайцев и у ряда других групп (рис. 4).

Таблица 3

Группы населения	Светлые европеоидные		Темные европеоидные		Сублапоноидные		Монголоидные		S
	N	%	N	%	N	%	N	%	N
Арский район («татары»)	12	25,5	14	29,8	11	23,4	10	21,3	47
Елабужский район («татары» и «кряшены»)	34	31,8 16,4—52,2	26	24,3 2,2—41,0	34	31,8 27,9—37,0	13	12,1 8,7—14,8	107
Чистопольский район («татары», мишари и «кряшены»)	28	24,3 16,7—34,9	50	43,5 27,9—61,1	21	18,3 8,3—30,9	16	13,9 7,0—25,0	115

Таблица 4

Группы населения		Светлые европеоидные		Темные европеоидные		Сублапоноид.		Монголоидные		S
		N	%	N	%	N	%	N	%	N
татары	Арского р-на	12	25,5	14	29,8	11	23,4	10	21,3	47
	Елабужского р-на	10	16,4	25	41,0	17	27,9	9	14,8	61
	Чистопольского района	6	16,7	16	44,4	5	13,9	9	25,0	36
	Все	28	19,4	55	38,2	33	22,9	28	19,4	144
кряшены	Елабужского р-на	24	52,2	1	2,2	17	37,0	4	8,7	45
	Чистопольского р-на	15	34,9	12	27,9	13	30,2	3	7,0	43
	Все	39	43,8	13	14,6	30	33,7	7	7,9	89
Мишари Чистопольского р-на		7	19,4	22	61,1	3	8,3	4	11,1	36
Все		74	27,5	90	33,5	66	24,5	39	14,5	269

Среди всех исследованных групп татар Арского, Елабужского и Чистопольского районов ТАССР, независимо от их этнических различий, которые могут быть прослежены между татарами собственно, «кряше-нами» и «мишарями», встречаются одни и те же антропологические типы, но в различной степени концентрации.

Для иллюстрации этого положения приведем две таблицы (3 и 4) распределения расовых типов среди различных групп татар, выделенных нами путем непосредственного наблюдения во время полевой исследовательской работы.

При полевом выделении типов нами фиксировались все характерные для определенного расового комплекса субъекты, поэтому процентное соотношение выделенных типов в группах может служить иллюстра-

цией, до некоторой степени отражающей их участие в формировании расового облика изучаемого населения.

Среди всех исследованных татар преобладает понтийский тип (33,5%), затем светлый европеоидный (27,5%), в меньшем числе

Рис. 2а. Светлый европеоидный тип (кряшен Чистопольского района)

Рис. 2б. Светлый европеоидный тип (татарин Елабужского района)

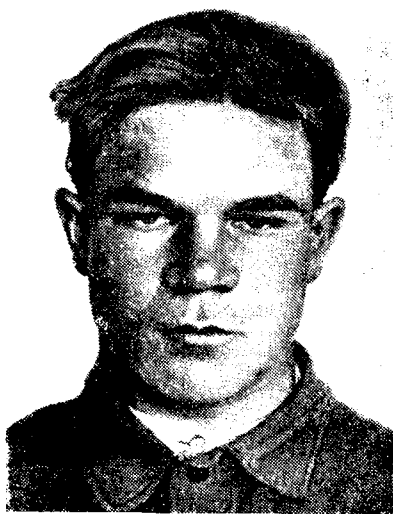

Рис. 3. Сублапоноидный тип (татарин Арского района)

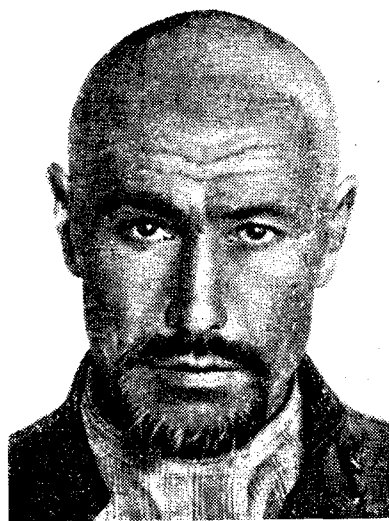

Рис. 4. Монголоидный (южно-сибирский) тип (татарин Арского района)

представлен сублапоноидный (24,5%) и, наконец, в самом незначительном проценте случаев (14,5%) монголоидный.

Из анализа 3 и 4 таблиц вытекает¹⁰, что понтийским типом, дости-

¹⁰ Подробнее об этом изложено в монографии: Т. А. Трофимова. Антропологический состав татар Поволжья. Рукопись.

гающим наибольшего процента среди всех татар и значительным по своему удельному весу в каждой группе (за исключением кряшен Елабужского района), связываются, с одной стороны, все татары (в узком смысле слова) и, с другой стороны, мишари и кряшены Чистопольского района; светлым европеоидным типом связываются кряшены обоих районов с русскими Елабужского района и арскими татарами; сублапоноидным — кряшены Елабужского района с татарами того же района и кряшенами Чистопольского, а также отчасти с татарами Арского района; монголоидным — все собственно татары (среди которых этот тип встречается в наибольшем проценте) между собой и, в меньшей степени, с другими группами, среди которых процент этого типа невысок.

Очевидно, в этих соотношениях и связях отражаются два направления процесса расообразования, по всей вероятности стадийно относящиеся к разным историческим периодам.

Если в нашем сравнении выйти за пределы татарской народности, то мы убедимся, что многие из типов, выделенных среди татар, встречаются в первую очередь у соседящих народностей, а также и среди других более отдаленных групп.

Так, светлым европеоидным типом татары связываются с мордвой-эрзей, частично марийцами, удмуртами, отчасти чувашами и русскими (Бунак, Зенкевич). Сублапоноидный тип объединяет татар с удмуртами, мари и некоторыми группами русских.

Темный европеоидный тип понтийского облика связывает татар с мордвой-мокшей, отчасти с чувашами, а также с такими отдаленными группами, как западные черкесы Кавказа или крымские болгары.

Наконец, монголоидный компонент, сближающий отчасти татар с чувашами, главным образом связывает их со степными монголоидами — ногайцами, карагашами, казахами, потомками тех групп, которые некогда в Кипчакской степи составляли население улуса Джучи.

Здесь мы вплотную подходим к вопросам расогенеза.

2

Для выяснения расо- и этногенеза татар Среднего Поволжья необходимо обратиться к палеоантропологическим материалам, в первую очередь относящимся к территории Волго-Камья.

Ахеологические находки, сделанные в области Волжско-Окско-Камского междуречья, доказывают, что эта территория была заселена человеком еще с мезолита, а верховья Камы — с палеолита (Островская стоянка), костные же остатки человека относятся к значительно более позднему времени — к эпохе бронзы — и датируются II тысячелетием до н. э. (Балановский могильник Чувашской АССР).

Человек бронзовой эпохи из Баланова относился к хорошо выраженному европеоидному типу, долихокефальному с сильно выступающим носом, с узким и средней высоты лицом и сильно развитым рельефом черепа¹¹.

Более древние находки костных остатков человека с территории ТАССР из раскопок Полянского¹² и Маклашеевского могильников¹³, расположенных на территории Куйбышевского района, относятся к концу бронзовой эпохи и началу железного периода, т. е. концу II тысячелетия и началу I тысячелетия до н. э. После работ археологической экспедиции Ин-та истории материальной культуры в 1940 г. под руководством А. В. Збруевой датировка этих памятников уточняется следующим образом: Полянский могильник и Маклашеевка III могут быть

¹¹ М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Труды Института этнографии АН СССР. Об. памяти Д. Н. Анучина (в печати).

¹² Раскопки Лихачева.

¹³ Раскопки Пономарева и Збруевой.

отнесены к поздней ступени срубно-хвалынской культуры и датируются концом II тысячелетия до н. э., могильник Маклашеевка I в своем погребальном инвентаре содержит переходные черты от поздне-срубно-хвалынской культуры к ранне-ананьинскому времени, а могильник Маклашеевка II характеризуется инвентарем, относящимся к ранне-ананьинскому времени, и может быть датирован началом I тысячелетия до н. э.¹⁴

Костного материала, относящегося к поздней ступени срубно-хвалынской культуры, очень мало, всего три мужских черепа и один женский. Сохранность двух мужских черепов плохая, что сильно понижает значение материалов¹⁵.

Из трех мужских черепов два мезокефальных, один — брахикефальный, женский череп — мезокефальный (см. табл. 5).

Таблица 5

Признаки	Полянки		Маклашеевка III	
	№ 16—41	№ 16—42	№ 8755	№ 8754
Пол	♂	♂	♂	♀
Черепной указатель	79	83	77,6	75,0
Высота лица	73	—	—	61(?)
Скуловой диаметр	131	—	—	121
Лицевой указатель	56	—	—	50,4(?)
Носовой указатель	52	—	—	46,0
Угол носовых костей	25	—	—	31
Переносье (1—3)	—	—	2	3
Надбровье	—	3	2	1
Расовый тип	Европеоидный с монг. примесью(?)		Европеоидный	Европеоидный

Наиболее сохранный мужской череп из Полянок № 16—41 характеризуется мезокефалией, узким и высоким лицом, сочетающимся с широким и не сильно выступающим для европеоидных серий носом. Возникает вопрос, нельзя ли предположить, что недостаточно сильное выступание носа может быть объяснено какой-то монголоидной примесью?

Мезокефальный женский череп № 8754 из Маклашеевки III обладает узким и низким лицом, высоким переносьем, узким и сильно выступающим носом, т. е. чертами, ярко характеризующими европеоидный комплекс признаков.

Два других черепа плохой сохранности, однако по общему характеру мужской череп № 8755 можно считать европеоидным.

Хронологически несколько более поздняя серия черепов из могильников Маклашеевка I и II датируется началом I тысячелетия до н. э. и относится к культуре, непосредственно предшествующей ананьинской. Часть этих черепов описана первоначально Чугуновым¹⁶, а позднее Г. Ф. Дебецом¹⁷.

Эта серия характеризуется мезокефалией, средней высоты и ширины лицом, не сильно выступающим носом для европеоидных серий, соче-

¹⁴ А. В. Збруева. Маклашеевские могильники. Сдано в печать. Краткие сообщения ИИМК.

¹⁵ Два мужских черепа из Полянок исследованы Г. Ф. Дебецом и опубликованы за №№ 16—41 и 16—42 в работе: G. Debetz. Les crânes de l'époque dite d'Ananino. Eurasia septentrionalis antiqua, VI, p. 96; один мужской и один женский череп из кургана № 6 в Маклашеевке III из раскопок А. В. Збруевой.

¹⁶ С. Чугунов. Черепа и скелеты Маклашеевского могильника, черепа и скелеты из могильника села Полянок. Прилож. к прот. засед. О-ва естествоиспытателей при Казанском у-те, № 226.

¹⁷ G. Debetz. Op. cit.

тающимся со средней ширины грушевидным отверстием. Просмотр индивидуальных данных по всем черепам, опубликованным Г. Ф. Дебецом, позволяет установить, что один суббрахицефальный череп № 61—59 (черепной указатель 80) обладает слабо выступающим (угол носовых костей 22°) и сравнительно широким (носовой указатель 50) носом средней высоты и, повидимому, широким лицом с неглубокой собачьей ямкой. За исключением этого черепа у остальных четырех черепов черепной указатель понижается до 75,0, а угол носа повышается до 28,5°.

Присутствие черепов со слабо выступающим носом среди типично европеоидных черепов в составе населения левого берега Волги, вблизи устья Камы, в конце эпохи бронзы и в переходный к раннему железу период указывает на участие какого-то монголоидного элемента, проникшего сюда, вероятно, из лесной полосы.

Черепы из Маклашеевки (I и II) по суммарным средним отличаются от черепов срубно-хвалынской культуры более южных поволжских районов¹⁸ меньшей длинноголовостью, слабее развитым надбровьем, слабее выступающим и более широким носом, со слабо развитым носовым шипом. Лицо, повидимому, несколько уже и, вероятно, более плоское, на что указывает значительно менее глубокая собачья ямка (см. табл. 6).

Сравнительный анализ средних величин ряда антропологических признаков в строении лица и носа рассмотренных двух серий черепов указывает на то, что в серии черепов из Маклашеевских могильников обнаруживается сдвиг в средних величинах в направлении к выявлению какой-то монголоидной примеси, что мы также установили из рассмотрения индивидуальных данных по отдельным черепам.

Из рассмотренного материала следует, что в конце II и в начале I тысячелетия вблизи устья Камы, на территории нынешнего Куйбышевского района ТАССР обитало население, среди которого преобладал длинноголовый европеоидный тип, по всей вероятности родственный европеоидному типу, распространенному среди населения степей эпохи срубно-хвалынской культуры. Однако среди населения, похороненного в Маклашеевских могильниках, выявляется также тип с некоторыми чертами слабой монголоидной примеси.

Генезис этого типа раскрывается при изучении костного материала, относящегося к более поздней, ананьинской эпохе.

Наиболее многочисленный краниологический материал, относящийся к ананьинской эпохе, добыт раскопками (А. В. Збруевой) могильника, находящегося в саду колхоза «Труд» поселка Лугового близ г. Елабуги¹⁹.

В противоположность черепам из Маклашеевских могильников, черепа из Луговского могильника характеризуются ярко выраженными монголоидными особенностями. Крупные, суббрахицефальные и брахицефальные черепа с очень плоским и широким лицом при средней его высоте для монголоидных групп, со слабо выступающим из плоскости лица носом (16—17° угол выступания носовых костей у мужчин) не вызывают сомнения в их расовой принадлежности. Эта характеристика дополняется такими чертами, как сильно покатый лоб с сильно развитым надбровьем и невысокие глазницы. Нам уже приходилось подчеркивать²⁰, что черепа из Луговского могильника по выраженности своих монголоидных особенностей не уступают таким монголоидным сериям

¹⁸ Г. Ф. Дебеч. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. «Антропологический журнал», М., 1936, № 1, стр. 67.

¹⁹ Т. А. Трофимова. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. Краткие сообщения ИИМК, IX, 1941.

²⁰ Подробнее см. в нашей работе: Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Материалы по антропологии Восточной Европы. Труды Института антропологии, т. VI, 1941.

Культура и племенная группа		Срубно-хвостовая культура		Предананьинская культура		Ананьинская культура	
М е с т о н а х о ж д н и е		Поволжье (Дебеч)		Прикамье Маклашеевский м-к (Дебеча)		Прикамье, Дуговской м-к (Трофимова)	
П р и з н а к		М	Н	М	Н	М	Н
1	Продольный диаметр	190,9	13	187,2	5	186,0	8
8	Поперечный »	141,8	12	142,2	5	148,2	9
17	Высотный »	135,2	10	137,2	5	135,0	4
5	Носо-основной »	104,9	9	—	—	—	—
9	Наименьший лобный диаметр	96,8	14	94,0	5	97,2	7
8:1	Черепной указатель	74,3	12	76,0	5	79,7	8
17:1	Высотно-продольный указатель	71,3	10	73,5	5	73,5	4
17:8	Высотно-поперечный »	95,6	10	96,6	5	93,2	4
9:8	Лобно-поперечный »	68,3	12	65,3	5	64,2	4
40	Длина основания лица	102,2	6	—	—	—	—
45	Скуловой диаметр	138,3	10	135,2	5	141,0	2
48	Высота лица	69,2	10	69,4	5	71,4	7
40:5	Указатель выступания лица	96,3	6	93,5	3	97,5	3
48:45	Лицевой указатель	50,7	9	51,3	5	50,5	2
54:55	Носовой »	45,5	10	48,4	5	49,5	7
52:51a	Орбитный »	78,9	10	76,0 ^b	5	80,4	7
32	Угол профиля лба	81,3	7	83,6	5	79,2	4
72	» » лица	85,1	7	88,6	5	86,6	5
75(1)	» носовых костей	34,8	9	27,2	5	16,8	6
	Надбровье (1—6)	3,64	14	3,00	5	3,71	14
	Собачья ямка (0—4)	3,10	10	2,20	5	1,71	7
	Носовой шип (1—5)	3,14	7	3,6	5	3,5	2
Общая форма черепа %	Пентагоноидная	46	6	—	—	16,7	2
	Овоидная	38,5	5	80,0	4	33,3	4
	Эллипсоидная	15,5	2	20,0	1	16,7	2
	Эурипентагоноидная	—	—	—	—	8,3	1
	Сфеноидная	—	—	—	—	25,0	3
	Сфероидная	—	—	—	—	—	—
Нижний край грушевидного отверстия в %	Anthropina	90	9	100,0	5	45,5	6
	Fossa praenasalis	10	1	—	—	54,5	5
	Infantilis	—	—	—	—	—	—
	Sulcus praenasalis	—	—	—	—	—	—

а) В приведенной таблице средние величины серии черепов из Маклашеевских могильников d'Апанно, цит. выше), так как мы при обработке исключили 2 черепа № 16 — 41 и № 16 — 42 из Полян

б) Среди пяти черепов один отличается очень низким орбитным указателем в 65, 0, что для данных четырех в среднем дает орбитный указатель, равный 83,7.

Таблица 6

Золотая Орда				Болгары				Финны		Финны	
Саратовская область (Дебец)		Шаринный бугор Стрелецкая слобода (Трофимова)		Поволжские XIV—XV вв.				Малый Полом IX в. (Дебец)		Барбашинский м-к, Муранский и др. (Дебец)	
				Болгары. Сувар (Трофимова)		Черная палата. Бабий бугор (Дебец)					
М	N	М	N	М	N	М	N	М	N	М	N
178,9	8	176,9	35	178,8	13	182,2	34	183,0	8	189,3	15
150,9	8	145,4	31	145,4	13	139,4	34	142,1	8	134,9	15
128,2	5	132,9	31	132,5	11	137,3	32	138,5	6	137,1	13
99,6	5	101,6	31	101,0	11	102,7	31	103,3	6	106,9	12
93,2	9	96,2	34	95,9	12	96,7	35	97,6	8	97,1	15
84,4	8	82,3	34	81,4	13	76,7	24	77,7	8	71,3	15
72,4	5	75,5	31	74,5	11	75,4	32	75,8	6	72,8	13
83,2	5	91,7	30	90,6	11	98,4	32	97,0	6	102,0	13
62,2	8	66,3	33	66,0	11	69,5	24	69,1	8	72,0	15
96,2	5	97,9	31	100,9	8	98,4	31	96,8	4	102,7	12
141,7	7	135,1	30	137,9	10	132,7	15	137,6	5	132,6	9
74,2	9	70,8	32	71,4	10	67,7	34	67,6	5	69,7	12
96,6	5	96,3	31	99,8	8	96,0	31	94,4	4	96,0	12
52,8	7	52,6	29	51,2	8	51,6	26	49,1	5	52,2	9
46,8	9	49,5	31	51,6	11	51,7	33	52,8	5	50,5	12
85,3	9	83,2	34	80,0	12	80,4	32	74,1	5	80,5	12
81,3	7	84,5	34	82,9	11	86,5	31	83,2	5	85,0	12
89,0	7	86,7	33	85,4	9	85,6	31	87,2	5	85,3	12
27,6	8	26,1	28	25,5	8	30,6	21	26,0	5	28,4	11
3,0	9	2,60	35	3,42	14	2,77	35	3,88	8	3,27	15
2,11	9	2,35	34	2,41	12	2,37	32	2,10	5	2,83	13
3,14	9	3,18	27	3,12	8	2,59	22	2,80	5	2,67	9
—	—	8,6	3	7,1	1	38	13	12,5	1	38,5	5
11	1	11,4	4	35,7	5	47	16	62,5	5	23	3
—	—	5,7	2	—	—	6	2	25,0	2	38,5	5
22	2	17,1	16	7,1	1	—	—	—	—	—	—
45	4	37,2	13	28,6	4	9	3	—	—	—	—
22	2	20,0	7	21,4	3	—	—	—	—	—	—
78	8	71,5	25	45,4	5	65	22	40,0	2	73	8
22	2	28,5	9	36,4	4	32	11	60,0	3	27	3
—	—	—	—	18,2	2	3	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

совпадают с данными Г. Ф. Дебета по этой же серии (см. G. Debetz. Les crânes de l'époque dite как относящиеся к другой эпохе (см. выше).

ной группы, повидимому, является случайным. При исключении из обработки этого черепа осталь-

как черепа калмыков, тувинцев и бурят, отличаясь от них лишь главным образом тем, что у луговских черепов более низкое лицо.

Однако, в серии черепов из Луговского могильника можно отметить несколько черепов, несущих в себе черты метисации с длинноголовым европеоидным типом. Это выражается в более долихоцефальном черепе, более узком лице, в сильнее выступающем носе и в некоторых особенностях строения нижней челюсти, а также в более высоком росте погребенных людей европеоидного типа.

Средний рост мужчин, похороненных в Луговском могильнике, был значительно ниже общепринятого среднего — около 162 см, у женщин — около 150 см, в то время, как европеоидное население степей Поволжья в срубно-хвалынскую эпоху было значительно выше — 167,2 см по материалам Г. Ф. Дебеца²¹.

Среди других черепов, относящихся к эпохе ананьинской культуры, череп из Ананьинского могильника, добытый раскопками экспедиции Антропологического института Московского Гос. университета в 1930 г. под руководством Б. С. Жукова²², представляет собой метисную форму, в то время как череп из старых раскопок П. А. Пономарева, известный по фотографии, а также два черепа из Котловского (Дмитриевского) могильника²³ из раскопок проф. П. И. Смирнова относятся к тому же монголоидному типу, что и черепа из Луговского могильника.

О костях человека из раскопок Алабина (1858 г.) Ананьинского могильника проф. Невоструев в своей работе писал: «В Этнографическом музее Географического общества они признаны финскими черепами»²⁴. С. Чугунов, описавший черепа из Ананьинского могильника²⁵ (из раскопок П. А. Пономарева 1881 г.), отмечает резкую покатость лба и сильно развитое надбровье. Чугуновым был исследован один более или менее сохранный череп и фрагменты шести других черепов.

Таким образом, заканчивая обзор краниологических материалов, относящихся к эпохе ананьинской культуры, нужно отметить, что среди исследованного черепного материала преобладает ярко выраженный монголоидный тип с относительно невысоким лицом, с некоторой примесью длинноголового европеоидного типа, который, однако, не выступает в чистом виде, а выявляется в наличии метисных форм.

Несколькими столетиями раньше при устье Камы (Маклашевские могильники) обитало население с преобладающим европеоидным длинноголовым типом и с едва выявляющейся монголоидной примесью.

Говорит ли этот факт за то, что в более позднюю ананьинскую эпоху в Прикамье из лесной полосы появляется монголоидное население, которое включает в свой состав местные европеоидные компоненты, или же различие в расовой структуре населения, похороненного в Маклашевских могильниках, с одной стороны, и могильниках эпохи ананьинской культуры, с другой, может быть объяснено разницей территории, — на эти вопросы пока определенного ответа нет. Однако несомненно, что ниже Прикамье в конце II и начале I тысячелетия до н. э. является контактной зоной, где сталкиваются степное европеоидное население и своеобразное монголоидное население лесной полосы Восточной Европы. Весьма вероятно, что в эпоху ананьинской культуры

²¹ Рост вычислен нами для 12 скелетов срубно-хвалынской культуры, опубликованных Г. Ф. Дебецом в его работе: *Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. «Антропологический журнал», 1936, № 1.*

²² А. В. Збруева. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. *«Антропологический журнал», 1936, № 4, стр. 415.*

²³ Хранятся в Музее антропологии при Московском Гос. университете, №№ 3493, 3494.

²⁴ Труды I Археологического съезда. М., 1869.

²⁵ С. Чугунов. Черепа Ананьинского могильника. Приложение к прот. заседаний О-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, № 222.

все же была какая-то передвижка к югу монголоидного населения, связанного в своем генезисе с лесной полосой Западной Сибири²⁶ и известного в тех или иных вариантах в лесной полосе Восточной Европы со времен неолита²⁷.

После ананьинской эпохи в краниологических материалах с территории ТАССР следует перерыв вплоть до поздней поры существования Болгарского ханства XIV—XV вв., т. е. до периода завоевания Волжско-Камской Булгарии кочевниками Золотой Орды. Поэтому, прежде чем останавливаться на краниологической характеристике поволжских болгар, целесообразно познакомиться с антропологическим составом Золотой Орды.

3

Не только краниологические материалы, относящиеся к эпохе Золотой Орды, служат для выяснения облика физического типа ее населения, но и исторические свидетельства современников этой эпохи представляют большой интерес.

Прежде всего заслуживает внимания свидетельство арабского писателя первой половины XIV в. ал-Омари, который писал: «В древности это государство (Золотая Орда) было страной кыпчаков (половцев), но, когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, от того что монголы (татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в браки с ними и оставались жить на земле их (кыпчаков)»²⁸.

Каким же типом характеризовались татары (монголы), завоевавшие страну кыпчаков, какой или какие антропологические типы преобладали среди кыпчаков? Постараемся ответить на эти вопросы при помощи исторических свидетельств и краниологических данных.

О том, что монголы по своему физическому типу были подлинно выходцами из Центральной Азии, свидетельствует ряд источников, написанных авторами, являвшимися современниками расцвета монгольской империи. Показания Плано Карпини, Вильгельма де-Рубрука, армянского историка Гиракоса и китайца Мэн-Хуна, посла при дворе Чингиз-хана, совпадают между собой. Плано Карпини пишет: «Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скулы; нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие и ресницы приподнятые до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых и притом немногих, роста почти все не высокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут»²⁹.

Очень кратко характеризует физический облик монголов Вильгельм де-Рубрук: «Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой»³⁰.

Гиракос, несомненно, по своему расовому типу представитель перед-

²⁶ Г. Ф. Дебещ. Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии. Краткие сообщения ИИМК, IX, М., 1941, стр. 17.

²⁷ Т. А. Трофимова. Вятичи, кривичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. «Советская этнография», 1946, № 1.

²⁸ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I СПб., 1884, стр. 325.

²⁹ Плано-Карпини. История монголов; Вильгельм де-Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод и примеч. Малеина, СПб., 1911, стр. 4—5.

³⁰ Вильгельм де-Рубрук. Указ. работа, стр. 78.

не-азиатской расы, обладающей обильным волосным покровом, прежде всего отмечает безбородость монголов:

«Наружность их (татар-монголов) ужасна и отвратительна: бороды нет, разве чуть у некоторых; лишь у губы и на подбородке находятся столь редкие волосы, что их можно сосчитать. Глаза узкие и живые; голос острый и пронзительный, живут и выдерживают они долго»³¹.

Интересно, что и Мэн-Хун также отмечает большую ширину и уплощенность лица монголов и отсутствие растительности. Это свидетельствует о том, что монголы по своему физическому облику резко отличались от китайцев, так что последних поражали те же черты расового типа монголов, на которые обращали внимание и европейцы.

Мэн-Хун пишет: «Татарская нация по большей части не великоросла: самый высокий человек не выше пяти футов с двумя или тремя вершками; также нет между ними толстых и жирных. Лицо у них широкое, плоское и четверугольное с выдавшимися скулами; глаза без верхних ресниц; волос на бороде и усах весьма мало; их наружность весьма отвратительна. Только нынешний татарский повелитель Тэмучжень огромного роста, с широким лбом, длинной бородой...»³².

Во всех этих описаниях мы без труда узнаем тип, который описан у Деникера под названием монгольского и в работах А. И. Ярхо под именем центральноазиатской расы. Не исключена также возможность, что и байкальский вариант палеосибирской расы³³ скрывался под этим описанием. Что же касается расовых типов, встречающихся среди китайцев — северокитайского, манчжурского и южнокитайского, а также и расового облика кипчаков, то нет никаких сомнений в том, что как китайцы (описания Мэн-Хуна), так и кипчаки резко отличались от монголов.

Арабские и китайские источники дают некоторые указания на расовый тип кипчаков. Эти указания неоднократно использовались современными авторами. Так, Г. Е. Грум-Гржимайло пишет: «Половцы — народ, образовавшийся главным образом из кипчаков и канглов. Отношение же кипчаков к прочим турецким племенам остается невыясненным, китайцы описывали их рыжеволосым и голубоглазым племенем искусным в обработке металлов, что указывает, если не на то, что кипчаки были отуреченными динлинами, то во всяком случае на значительную в них примесь динлинской крови»³⁴. Этот автор дает ссылку в частности, на Иакинфа. У Иакинфа же, хотя и описывается страна «Киньча» — кипчак, но в сопоставлении с примечанием, в котором указывается, что летопись говорит о нашествии монгол на Россию в 1237 г., явствует, что в этой работе дано описание славян, а не кипчаков. Жители этой страны «глаза имеют синие (голубые), волосы рыжеватые»³⁵. А. Харузин, ссылаясь на Гаммера, писавшего тоже на основании китайских источников, говорит, что у кипчаков глубоко лежащие глаза, выступающие носы и густые бороды, а также голубые глаза и рыжие волосы³⁶.

³¹ И. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды вост. отд. Археологич. об-ва, ч. VIII, СПб., 1864, стр. 402.

³² В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением известий о киданях, джурджидах и монголо-татарах. Труды вост. отд. Археологич. об-ва, т. IV, СПб., 1859 (Мэн-Хун. Записка о монголо-татарах), стр. 217.

³³ Я. Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. «Антропологический журнал», 1934, № 3.

³⁴ Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. т. II, Л., 1926, стр. 57—59.

³⁵ Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисов. Перевод с китайского. СПб., 1829, стр. 273—274.

³⁶ А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа. Этнографическое обозрение. М., 1895, стр. 82.

Харузин думает, что нельзя понимать цвет «рыжий» в буквальном смысле, что здесь надо усматривать «русый». Он сомневается в том, что «действительно это описание касается именно кипчаков, а не какого-либо другого племени (или рода), называвшегося этим именем в очень широком смысле слова; по крайней мере, представить кипчаков блондинами трудно; об этом ничего не говорит, например, Ибн-Батута, которому они должны были броситься своей русоволосостью в глаза и о чем он должен был бы упомянуть, как он это делает в отношении русских»³⁷.

Очевидно, нет достаточных оснований утверждать, что кипчаки были светлопигментированы, но, повидимому, все же можно думать, что среди них встречались группы с некоторой депигментацией. Зависит ли эта депигментация от того, что в состав кипчакского племенного объединения влились остатки более светлых групп, связанных своим происхождением с динлинами, или она объясняется ассимиляцией кипчаками остатков хазарских групп, у которых, по Ибн-Фадлану, было два типа — «смуглый» и «белый, красивый», — это пока не ясно³⁸.

Нам представляется, что все эти указания могут быть отнесены к монголоидному, несколько депигментированному, типу южносибирского облика.

Таковы исторические свидетельства об антропологических типах татар (монгол) и кипчаков.

Какими же данными располагает антропология? Краниологии татар Золотой Орды посвящены две работы, вышедшие в последние годы: Г. Ф. Дебеца³⁹ и автора этой статьи⁴⁰. В итоге анализа краниологических материалов, как опубликованных Г. Ф. Дебецом, так и наших, мы приходим к следующим выводам: «Татары Золотой орды представляли собой сильно метисированную группу, состоящую как из европеоидных, так и монголоидных элементов. Преобладающим европеоидным комплексом памиро-ферганского облика характеризуются серии черепов городского населения из Увека и города эпохи Золотой Орды на месте современного Шаринного бугра и Стрелецкой слободы, а также кочевников из Букеевской степи. В этих сериях в виде примеси также выступает и монголоидный элемент преимущественно южносибирского (турецкого по Деникеру) характера. Серии черепов кочевого населения эпохи Золотой Орды из Пугачевского района и АССР немцев Поволжья характеризуются монголоидным южносибирским типом; в последней группе, повидимому, есть и европеоидная примесь. Европеоидный брахикранный тип в самом нижнем течении Волги, а также и в Приуралье, Западном Казахстане и Средней Азии, представляет собой древнее население этих районов, еще сарматской эпохи, сохраняющееся и в эпоху Золотой Орды в татарском, преимущественно городском населении и переживающее до настоящего времени как среди татар карагашей Нижнего Поволжья, так и среди ряда групп Средней Азии»⁴¹.

³⁷ Там же.

³⁸ А. Губайдуллин, ссылаясь на Якута, пишет: «Ибн-Фадлан говорит, что «их (т. е. хозар) два класса: класс, который называется кара-хозар (черный хозар), кои отличаются сильной смуглостью, как индусы, и класс белый, красивый». Ибн-Хаукаль также говорит, что хозары бывают различные, что среди них существуют «кара-хозар». Отсюда мы можем заключить, — замечает Губайдуллин, — что в X столетии среди хозар существовало по крайней мере два антропологических типа: белые и черные» (А. Губайдуллин. Заметки о происхождении хазар. Изв. О-ва обследования Азербайджана. Баку, 1927, № 4).

³⁹ Г. Ф. Дебеч. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии. «Антропологический журнал», М., 1932, № 1, стр. 54.

⁴⁰ Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды. «Антропологический журнал», М., 1936, № 2, стр. 166.

⁴¹ Там же, стр. 187.

Монголоидное по своему физическому типу население эпохи Золотой Орды известно на территории южнорусских степей в домонгольском периоде. Южносибирский тип преобладает над длинноголовым европеоидным типом у тюркского населения, вассального Киеву; среди хазарских краниологических материалов из Саркела⁴² встречены эти же типы.

Распространение южносибирского типа на территории южнорусских степей может быть связано с эпохой образования на территории казахстанских и восточноевропейских степей печенежских, а позднее (с начала XI в.) половецких (кипчакских) феодально-племенных объединений.

«Почти полное отсутствие расовых типов, характерных для Центральной Азии, среди золотоордынского населения (из всех анализированных нами серий монголоидный центральноазиатский тип отмечается лишь в качестве возможной примеси среди черепов шариннобугорской серии) делает наше предположение весьма вероятным.

Таким образом мы приходим к выводу, что монгольское завоевание, в результате которого возникло новое государственное объединение Золотой Орды, имевшее огромное политическое и социально-экономическое значение для покоренных областей, повидимому, слабо изменило их этнический и расовый состав.

Единичные длинноголовые европеоидные элементы, выявленные в серии черепов из Шаринного бугра, принадлежавших городскому населению, могут быть связаны как с домонгольским периодом — Хазарским государством с его обширными торговыми связями, пути которых проходили по Волге, и его смешанным этническим составом, так и с последующими периодами, включая и эпоху Золотой Орды, продолжавшей те же торговые традиции и отличавшейся национальной пестротой своих городов. Наш материал не позволяет решить этот вопрос с достаточной определенностью»⁴³.

Наши выводы, основанные на краниологическом материале, параллельны выводам историков, работавших над изучением эпохи Золотой Орды⁴⁴.

«Образование монгольской империи,— пишет В. В. Бартольд,— не было связано, как вторжение германцев в римские области, с переселением народов. Подавляющее большинство монгольского народа и после образования империи осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингис-хан и где его преемники построили для себя столицу на Орхоне. Империя считалась собственностью всего ханского рода, и Чингис-хан как глава рода распоряжался ею как хозяин, выделил при жизни за счет завоеванных земель своим старшим сыновьям и оставил в наследство младшему свой основной «юрт», т. е. коренные монгольские земли. Вместе с тем младший сын получил 101 000 монгольского регулярного войска из общего числа 129 000. При выделенных сыновьях были оставлены только небольшие отряды; из них к Туркестану имеют отно-

⁴² В. В. Гинзбург. Антропологические данные к вопросу этногенеза хазар. «Советская этнография», 1946, № 2.

⁴³ Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды, стр. 188.

⁴⁴ «Монгольское нашествие или завоевание нельзя представлять себе как массовое переселение монгольского народа на новые земли. В этом надобности не было. И основная масса его осталась у себя на родине. Более того, нельзя и преувеличивать и самые силы монгольских войск»,— пишет Якубовский (Столица Золотой Орды — Сарай Берке. Изв. ГАИМК, 1932, стр. 8).

«Огромное большинство монголов вернулось в Монголию; оставшиеся в завоеванных странах монголы быстро утратили свою национальность»,— отмечает Бартольд, (История турецко-монгольских народов. Ташкент. Изд. Казахского Высшего педагогического института, 1928, стр. 17).

шение оба старших сына, Джучи и Джагатай (собств. Чагатай), из которых каждый получил по 4 000»⁴⁵.

Таким образом, весь рассмотренный материал вновь подтверждает, что монгольское завоевание не является значительным переселенческим народным движением, а лишь военно-политической экспансией монгольской империи; в свете всех приведенных данных становится ясным цитированное выше свидетельство Ал-Омари, что монголы все «стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода».

4

Познакомившись с антропологическим составом татар Золотой Орды, вновь вернемся к краниологическим материалам с территории Среднего Поволжья, к анализу серий болгарских черепов XIV—XV вв. К сожалению, краниологического материала, относящегося к болгарскому ханству до завоевания Поволжской Болгарии Золотой Ордой, нет. В нашем распоряжении имеется серия болгарских черепов из раскопок Пельцама и других исследователей в 70-х годах прошлого столетия. Некоторые из этих черепов были описаны А. П. Богдановым⁴⁶, а в последнее время заново изучены Г. Ф. Дебецом⁴⁷.

Другая серия черепов составила из раскопок А. П. Смирнова в Суваре и Болгарах в 1938—1940 гг. Часть этих черепов была ранее нами опубликована⁴⁸, часть же черепов из раскопок в Болгарах в 1940 г. публикуется впервые.

Обе серии болгарских черепов резко различаются между собой. Серия черепов, изученная нами, брахицефальна, в то время как серия, описанная Дебецом, мезоцефальна. Наша серия характеризуется широким и более высоким лицом, слабо выступающим (для европеоидных серий) носом, значительно сильнее развитым рельефом черепа и чаще встречающейся сглаженной формой нижнего края грушевидного отверстия (типа *fossa praenasalis*). Все эти различия указывают на выявление какого-то монголоидного комплекса (см. табл. 6). Серия черепов, описанная Дебецом, мезоцефальна, с невысоким и узким лицом, с сильно выступающим носом, с ниже среднего развитым рельефом черепа. Обе серии черепов роднят между собою такие черты, как сходные соотношения в размерах лица, выражающиеся в лицевом указателе, в строении орбит (по орбитному указателю) и в строении грушевидного отверстия, имеющего тенденцию к широконосоности.

Путем межгруппового и внутригруппового анализа, применяя вычисление коэффициентов корреляции по способу рангов, Г. Ф. Дебец приходит к выводу, что в исследуемой им болгарской серии черепов выделяются два типа.

«Первый тип, — пишет Г. Ф. Дебец, — преобладающий среди болгарских черепов, должен быть отнесен к числу европеоидных, в пользу чего говорит выступающий нос в комбинации с глубокой *fossa canina*, низкие орбиты, меньший процент *fossa praenasalis*. Череп долихоцефальный и высокий с прямым лбом и средним надбровьем.

Второй тип... преобладающий в чувашской серии, имеет более плоский нос. Однако *fossa canina* развита у него несколько больше, чем у первого типа.

⁴⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 86.

⁴⁶ А. П. Богданов. Жители древних Болгар по краниологическим признакам (Антропологич. выставка, т. III, ч. 1, 1879, стр. 363—377).

⁴⁷ Г. Ф. Дебец. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии. «Антропологический журнал», 1932, № 1, стр. 55.

⁴⁸ Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника, стр. 186, 192—193.

Fossa praenasalis встречаются значительно чаще, лицо выше, но вместе с тем более узко. Расовая диагностика его поэтому представляется довольно сложной даже в пределах рас первой категории — монголоидной и европеоидной. Однако, если мы возьмем, например, остяков, морфология лицевого скелета которых была подробно описана Чугуновым, то найдем у них приблизительно тот же тип, что и у наших черепов. Остяки же безусловно должны быть отнесены к числу монголоидных типов, хотя и нерезко выраженных, может быть более протоморфных. Поэтому отнесение нашего второго типа к числу монголоидных представляется весьма вероятным, тем более, что нам неизвестны европеоидные типы с плоским носом»⁴⁹.

И дальше: ...«Наш монголоидный компонент нельзя непосредственно отождествлять ни с угорским, ни с лопарским типом. Вместе с тем он имеет ряд общих с ними признаков, из которых прежде всего следует отметить слабо выраженную монголоидность строения лицевого скелета, малые размеры лица, слабый рельеф черепа, малую высоту. Джуффрида-Руджиери поместил эту группу в систематику рас под названием *Homo sapiens asiaticus paleoarcticus*. Более точное определение найденного нами типа в этой группе рас дело будущего. Пока же для нас важно отметить, что формирование этой группы происходило на той же примерно территории, которую она занимает теперь, так как нигде в других областях ни в настоящее время, ни в прошлом ее представителей не найдено»⁵⁰. Г. Ф. Дебеч устанавливает, что этот второй тип болгарской серии преобладает среди чувашских черепов, добытых из старого кладбища близ деревни Старые Матаки б. Спасского уезда и датировемых XVII—XVIII веками.

Что же касается первого, европеоидного типа, то Г. Ф. Дебеч сопоставляет его с преобладающим типом среди финских черепов XIII—XV вв. с более южной территории из могильников Муранского, Барбашинского, Куликовского и Аткарского⁵¹.

Вернемся к рассмотрению нашей серии болгарских черепов. Мы уже отметили, что эта серия отличается от серии, исследованной Г. Ф. Дебечом, брахицефалией и наличием монголоидных признаков.

Закономерно поставить вопрос, какого происхождения эта монголоидность, связана ли она с экспансией Золотой Орды или более ранними волнами степных кочевников, или же уходит корнями в монголоидное население Прикамья, известное на этой территории еще с эпохи ананьинской культуры?

Вопрос для анализа краниологического материала чрезвычайно сложный, в особенности учитывая небольшое количество имеющегося материала.

В первую очередь, для сравнительного анализа привлечем краниологические серии по татарам Золотой Орды, изученные Г. Ф. Дебечом⁵² и автором данной работы⁵³. Из всех краниологических серий татар Золотой Орды ближе к нашей две серии черепов: 1) из Саратовской области и 2) из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы. Обе серии брахицефальнее нашей, при этом у первой серии брахицефалия сочетается с более высоким и широким лицом, у второй — с несколько более низким и узким. Обе серии отличаются от нашей более узким носом и высокими орбитами, особенно первая. В серии черепов из Саратовской области также и более выступающий нос. Отличия в первой серии идут в направлении выявления южносибирского типа, особенно ярко

⁴⁹ Г. Ф. Дебеч. Турко-финские взаимоотношения, стр. 57—58.

⁵⁰ Там же, стр. 62—63.

⁵¹ Там же, стр. 59.

⁵² Там же.

⁵³ Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды, стр. 166.

представленного в серии черепов Золотой Орды из Давыдовки-Августовки⁵⁴, а во второй серии (очень смешанной, как показал наш анализ (см. выше) — памиро-ферганского типа.

Из сравнения с этими сериями не объясняется ни широконосость наших черепов, ни незначительная высота орбит, ни значительное развитие рельефа черепа, ни низкий процент заостренного нижнего края грушевидного отверстия типа *anthropina*.

Таким образом, преобладающее влияние южносибирского типа (турецкого по Деникеру) исключается. Исключается также и решающее влияние брахицефального памиро-ферганского компонента, по целому ряду признаков в строении лица, отличающегося от нашего. Допуская примесь центральноазиатского типа (например, калмыки, тувинцы, буряты)⁵⁵, мы также не получили бы объяснения в особенностях строения лица черепов нашей серии, так как центральноазиатский тип отличается от южносибирского еще более высокими глазницами, нешироким носом, пониженным развитием рельефа черепа, хотя и дает уменьшение количества антропийных форм в строении грушевидного отверстия. Следовательно, монголоидный тип нашей серии надо искать в другом месте. Привлечем для сравнения серию финских черепов IX в. из могильника Малый Полом б. Глазовского уезда Вятской губ., описанную Г. Ф. Дебецом⁵⁶. Эта серия характеризуется мезоцефалией, небольшой высотой лица при значительном скуловом диаметре, небольшим выступанием носа для европеоидных серий, широконосостью, низкоорбитностью, сильным развитием рельефа черепа и низким процентом форм заостренного края грушевидного отверстия, т. е. как раз выраженностью тех признаков (за исключением мезоцефалии, на чем мы остановимся ниже), которые выявляются в нашей болгарской серии (см. табл. 6). Просмотр же индивидуальных данных измерений черепов из Мало-Поломской серии с полной определенностью выявляет наличие мезоцефальных монголоидных черепов с небольшой высотой лица⁵⁷, близких к типу монголоидов ананьинской эпохи из Луговского могильника.

Чтобы полнее определить расовый состав нашей болгарской серии, обратимся к рассмотрению отдельных черепов. Несмотря на то, что наша серия очень невелика (всего 15 мужских черепов), и не все черепа хорошей сохранности, на 12 из них можно было с полной определенностью установить расовый тип. Отчетливость в выраженности различных расовых типов, входящих в эту серию, производит впечатление механической смеси, а не биологически смешанной серии. Если же предположить биологическое смешение, то оно, несомненно, очень недавнего происхождения. В серии выделяются европеоидные черепа (2), смешанные (5) и монголоидные (5) (см. табл. 7). Оба европеоидных черепа (№ 8775, № 8776) настолько резко отличаются друг от друга, что с несомненностью должны быть отнесены к различным расовым типам. Один крайне длинноголовый (№ 8775), с черепным указателем 69,1, ничем не отличается от европеоидных черепов, описанных Г. Ф. Дебецом среди изученной им серии болгар. Другой — брахицефальный, с черепным указателем 85,2, — сближается с памиро-ферганским типом. Монголоидные черепа, наоборот, очень близки между собою и обрисовываются, как брахицефальные с незначительной высотой лица и неболь-

⁵⁴ Г. Ф. Деб. Турко-финские взаимоотношения.

⁵⁵ Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры, стр. 182—183.

⁵⁶ Г. Ф. Деб. Черепа из финских могильников. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VIII, 1929, стр. 239.

⁵⁷ Г. Ф. Деб. Черепа из финских могильников. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VIII, 1929, стр. 244—251. №№ мужских черепов — 1328, 1329; 1323 (женский) и 1312 (пол не определен).

Таблица 7

Признаки	Расовые типы	Болгары XIV—XV вв. (Дзбел)		Болгары XIV—XV вв. (Трофимова)			Финны IX в. (Дзбел)	Английская культура (Трофимова)
		Тип I европеоидный	Тип II	европеоидный	Смешанные		Мало-Поломский м-к	Лугоской могильник
					южносибирский + европеоидный	монголоидный + европеоидный		
Черепной указатель		73,3 (8)	80,8 (3)	77,3 (2)*	83,3 (2)	83,5 (2)	78,1 (2)	79,7 (8)
Орбитный »		76,0 (6)	82,0 (3)	78,9 (2)	82,4 (2)	81,2 (3)	73,6 (2)	80,4 (7)
Высота лица		67,5 (6)	67,3 (3)	66,0 (2)	79,0 (2)	69,5 (2)	67,5 (2)	71,4 (7)
Скуловой диаметр		136,5 (6)	125,5 (2)	132,0 (2)	146,5 (2)	134,3 (3)	136,5 (2)	141,0 (2)
Угол носовых костей		33,0 (5)	19,3 (3)	32,5 (2)	27,0 (2)	28,0 (1)	20,0 (2)	16,8 (6)
Носовой указатель		51,0 (8)	47,0 (3)	54,5 (2)	47,0 (2)	51,1 (3)	57,0 (2)	49,5 (7)
Продольный диаметр		—	—	—	181,0 (2)	172,5 (2)	—	—
Поперечный »		—	—	—	155,0 (2)	144,0 (2)	—	—
Высотный »		—	—	—	142,5 (2)	134,5 (2)	—	—
Лицевой указатель		—	—	—	53,6 (2)	50,0 (2)	—	—

* Черепной указатель не является показательным для этого типа, так как из двух черепов один резко долихоцефальный (69,4), другой — брахикефальный (85,2); среди же женских черепов у одного европеоидного черепа черепной указатель — 80,1, у другого — 78,5, орбитный указатель у мужских черепов также не показателен в среднем, так как у одного мужского черепа он равен 70,7, а у другого 87,2.

шим для монголоидных форм скуловым размером, слабо выступающим и широким носом. Сравнение этого типа с монголоидным типом из Мало-Поломского могильника и суммарными средними по черепам из Луговского могильника приводит нас к выводу, что все эти монголоидные черепа должны быть отнесены к одному расовому комплексу. Крайне недостаточное количество черепов в анализируемых сериях легко объясняет колебания в величинах, обнаруживаемые в различных сериях; поэтому важно установить не абсолютные размеры в средних величинах, которые статистически недостоверны из-за малого числа случаев, но те тенденции в расовых различиях и сходстве между выделенными типами и сериями, которые существуют и которые выявлены достаточно ясно.

К смешанной группе, имеющей как европеоидные, так и монголоидные черты, можно было отнести пять черепов, но из них два черепа были резко отличны от других как по абсолютным размерам, так по относительным (см. табл. 7). В первых, очень крупных брахицефальных черепах, с большой высотой лица и очень большим скуловым диаметром при среднем выступании носа⁵⁸, можно видеть черты южносибирского типа, вероятно, с некоторой европеоидной примесью, во вторых черепах⁵⁹ — черты выделенного нами местного монголоидного типа с европеоидной примесью.

Таким образом, серия болгарских черепов, изученная нами, представляется исключительно смешанной. Эти выводы пока нужно рассматривать, как предварительные; для окончательного решения вопроса об антропологическом составе поволжских болгар нужно значительно большее количество материала, в особенности относящегося ко времени, предшествующему завоеванию Золотой Орды. Несомненно, большого обоснования требует выделение южносибирского и памиро-ферганского типов.

Из всего рассмотренного материала следует, что среди поволжских болгар XIV—XV вв. устанавливаются следующие расовые компоненты:

- 1) Долихоцефальный европеоидный тип (тип I Дебеца).
- 2) Брахицефальный⁶⁰ европеоидный тип (памиро-ферганский).
- 3) Суббрахицефальный узколицый монголоидный тип (тип II Дебеца).
- 4) Брахицефальный средне-широколицый, широконосый монголоидный тип (потомок луговских монголоидов).
- 5) Брахицефальный с крупными размерами черепа и лица монголоидный тип южносибирского облика.

Большая часть установленных нами компонентов имеет древнее местное происхождение. Долихоцефальный европеоидный тип известен с Нижнем Прикамье с конца срубно-хвалынской эпохи, прослеживается он также и в ананьинскую эпоху. Суббрахицефальный узколицый монголоидный тип, установленный Г. Ф. Дебецом среди болгар и чуваш, имеет местные корни, но время его образования и локализация недостаточно ясны. Умеренно-брахицефальный средне-широколицый и широконосый монголоидный тип, установленный нами среди болгар, является, очевидно, потомком луговских монголоидов, прослеживается также в финском Мало-Поломском могильнике IX в.⁶¹

Происхождение короткоголового европеоидного типа памиро-ферганского облика не может быть выяснено с достаточной определен-

⁵⁸ №№ 8774, 8779.

⁵⁹ №№ 8614, 8772, 8773, 8785, 8779. Черепа хранятся в Музее антропологии МГУ.

⁶⁰ Выделение этого типа также подтверждается анализом женских черепов нашей серии (неопубликованные материалы).

⁶¹ В Мало-Поломском могильнике и у болгар он образует, повидимому, более широконосый вариант.

ностью. В сарматскую эпоху в степях Нижнего Поволжья распространен короткоголовый европеоидный тип⁶²; позднее этот тип широко известен в составе населения Золотой Орды (см. выше), а в настоящее время также и в составе населения Средней Азии. Можно ли распространение его среди болгар связывать с древними сарматскими корнями или нужно приписать его появление в Волго-Камье Золотой Орде, — на этот вопрос пока ответа нет. Наконец, наличие черепов южносибирского облика (подтверждение этого компонента в составе болгар нуждается в новом дополнительном материале) может быть связано с кочевническим населением степей дозолотоордынской эпохи — кипчаками, племена которых были широко ассимилированы Золотой Ордой.

Монголоидные типы центральноазиатского происхождения, известные среди татаро-монгол по описаниям современников, среди поволжских болгар XIV—XV вв. не устанавливаются.

5

Ознакомившись с палеоантропологическими данными по Волго-Камью, вернемся к рассмотренным выше антропологическим типам современного татарского населения и постараемся установить связь между ним и древним населением, обитавшим на территории ТАССР.

Мезокефальный темный европеоидный тип (понтийский) может быть связан с длинноголовым европеоидным типом, который был распространен среди поволжских болгар и еще древнее на территории Волго-Камья, уходя своими корнями через скифов к степному европеоидному населению, известному для эпохи бронзы по погребениям срубно-хвалынской культуры.

Этот расовый тип, несомненно, связан со степной полосой и тяготеет к югу, что вытекает из палеоантропологических данных и подкрепляется историческими материалами, устанавливающими южные связи мадырского и болгарского племенных образований, а также и лингвистическими данными (Марр), подтверждающими связи Среднего Поволжья с северным Кавказом в эпоху Хазарского каганата⁶³. Повидимому, ареалом образования и распространения этого типа служили степные области от предгорий Кавказа до Средней Волги, к северу границы степной зоны, перехода ее в лес. На окраинах этого ареала — в лесной части на территории Волго-Камья, а также в горах западного Кавказа среди черкесских групп, в областях, изолированных от степной полосы с ее интенсивной исторической жизнью, перемешавшей различные расовые элементы, — на этих окраинах сохранились реликтовые группы, которые поражают своим физическим сходством, будучи к настоящему времени разделены сотнями километров. Н. Я. Марр в ряде своих работ устанавливал тесные связи языковых элементов народностей среднего Поволжья (в частности, чувашей) с населением Кавказа⁶⁴.

Сублапоноидный компонент в Прикамье сформировался на базе метисации прикамских монголоидов ананьинской эпохи со степным длинноголовым европеоидным типом, вероятно, также и под влиянием светлых европеоидных элементов в условиях изоляции отдельных групп⁶⁵.

В настоящее время центром локализации этого типа являются районы Прикамья и Приуралья; он распространен как у татар, так и среди

⁶² Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР.

⁶³ Н. Я. Марр. Соч., т. V, 1935, стр. 323—372.

⁶⁴ Там же, стр. 323—372.

⁶⁵ Слабо-монголоидные формы на территории северо-западных районов РСФСР известны с эпохи неолита (Языково, Волосово). К неолиту же относятся также и монголоидные черепа совместно с европеоидными по погребениям на Оленьем острове (Жиров).

мари, удмуртов⁶⁶, некоторых групп башкир⁶⁷ и широко известен среди коми⁶⁸.

Светлые европеоидные компоненты, установленные нами среди татарского населения, не являются чуждыми на территории Волго-Камья. В. В. Бунак, а позднее П. И. Зенкевич установили светлый европеоидный компонент валдайского облика среди мордвы-эрзя, а также и у мари. В последнее время П. И. Зенкевич выделил этот же компонент среди удмуртов. Г. Ф. Дебеч по материалам Сергеева описал у мордвы-эрзя Лукояновского уезда б. Нижегородской губ. долихоцефальный светлопигментированный тип. Русские Елабужского района также характеризуются светлым европеоидным типом, сближающимся с валдайским. Светлые европеоидные компоненты, следовательно, представлены среди всех трех лингвистических групп Волго-Камья — финнов, тюрков и русских. Происхождение светлых компонентов на этой территории, повидимому, связано с различными периодами⁶⁹. Наличие же его не только у татар, но и среди мордвы, мари, удмуртов — населения, аборигенного на этой территории, дает основание думать о древнем бытовании светлого европеоидного типа, вошедшего в состав этих народностей задолго до их формирования в современные этнические группы. С другой стороны, исторически засвидетельствована русская колонизация, в частности, новгородская, на территории Волго-Камских земель. Известно, например, что новгородскими ушкуйниками был создан город Хлынов.

С русской колонизацией также мог быть занесен светлый европеоидный компонент, который частично мог войти в состав окружающего иноплеменного населения.⁷⁰

Наконец, монголоидный компонент южносибирского облика у татарского населения является следствием оседания на территории Волжско-Камской Булгарии кипчакских военных дружин из Золотой Орды, позднейшей инфильтрации в область Казанского царства ногайских групп и ассимиляции всего этого элемента с аборигенным населением⁷¹. Таким образом, сложный расовый состав населения Волго-Камья объясняется

⁶⁶ П. И. Зенкевич. Характеристика восточных финнов. Ученые записки МГУ, вып. 63, М., 1941, стр. 43.

⁶⁷ С. И. Руденко. Башкиры, опыт этнологической монографии, ч. I. Физический тип башкир. Петроград, 1916.

⁶⁸ Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми в свете антропологических данных. Краткие сообщения ИИМК, т. IX, М., 1941.

⁶⁹ Среди палеоантропологического материала нет достаточных доказательств в пользу распространения в Поволжье светлых европеоидных компонентов. Европеоидный тип, установленный Г. Ф. Дебечем в финских могильниках XIV—XV вв., мог быть как темно- так и светлопигментированным, так как среди современных восточнофинских групп встречаются оба компонента. Относительно тесной связи между светлыми и темными европеоидными группами, о переходных типах в Восточной Европе и трудности диагностики этих компонентов на краниологическом материале — см. статью Г. Ф. Дебеча «Так называемый восточный великорусс». «Антропологический журнал», 1933, № 1—2, стр. 51.

⁷⁰ Весьма вероятно, что в составе татар светлый европеоидный компонент распадается на два варианта: 1) более высокорослый, с удлиненной формой головы — северный тип и 2) менее высокорослый, с более широкой формой головы — валдайский или восточнобалтийский. Эти два варианта выделяются среди восточнофинских групп: мордва-эрзя б. Лукояновского у. (Дебеч), мордва-эрзя б. Городищенского у. (Бунак), различные группы коми (Чебоксаров). Вероятность этого предположения подтверждается фотографическим материалом.

⁷¹ Слабо-монголоидный суббракитефальный тип с узким лицом, выделенный Г. Ф. Дебечем среди болгар XIV—XV вв. и чувашей XVII в., на нашем материале не прослеживается, так же как и отмеченный нами среди краниологического материала поволжских болгар в качестве примеси короткоголовый европеоидный тип, близкий к памиро-ферганскому. Весьма вероятно, что первый теряется в среде субланоидных типов, а второй поглощается широко распространенным среди татар понтийским типом.

исключительным положением этой области, расположенной на больших реках, связывающих между собой крайне удаленные районы, на разных этапах исторической жизни игравшей огромную роль в объединении различных элементов. Наряду с этим, пограничное положение между лесом и степью, способствующее интенсивному обмену между населением лесной и степной областей, делало эту территорию областью стыка земледельческих и скотоводческих культур, областью интенсивного исторического развития, ведшего к распаду старых и возникновению новых племенных объединений, что способствовало вхождению одних и тех же пластов населения в различные племенные группировки.

В результате этих процессов, идущих с очень древних времен (ананьинская культура), в населении средневожских финских, тюркских и русских групп мы встречаем в значительной степени одни и те же расовые элементы, являющиеся органической частью каждой из этих народностей.

Н. Я. Марр на языковом материале пришел к аналогичным выводам. «Доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и в финнах, равно и в приволжских турках...» — писал он ⁷².

Итак, изучение антропологического состава татар Татарской АССР приводит к выводу, что современное татарское население сложилось на базе древних пластов местного населения, включившего в свой состав некоторые более поздние антропологические наслоения.

⁷² Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 306.

Н. И. ВОРОБЬЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ *

Вопрос об этногенезе казанских татар (именно казанских, а не вообще татар Поволжья) ¹ является весьма сложным и запутанным, решение же его важно не только для этого народа, но может пролить свет на процессы формирования и других народов Среднего Поволжья. В этой статье мы выскажем соображения, вытекающие из анализа бытового уклада казанских татар, сложившегося ко второй половине XIX в. уже в условиях капиталистических отношений. По нашему мнению, данные о происхождении бытовых форм до некоторой степени помогут выяснению (во всем его объеме) этногенеза казанских татар.

Необходимо категорически отбросить попытки изобразить казанских татар как народ, пришедший в Среднее Поволжье откуда-то со стороны (неважно, в какое время) в уже сформировавшемся виде, вытеснив другие, ранее обитавшие здесь народы. Происхождение казанских татар гораздо сложнее. Многочисленные данные говорят, что они, как народ, сформировались на месте современного их обитания из различных этнических элементов как местного, так и пришлого происхождения. Процесс этот был длительным, сначала протекал внутри первобытных общин, затем в составе Булгарского полуфеодального государства и в общих чертах закончился приблизительно к XV—XVI вв. К этому времени создался тот народ, который русские летописи сначала называли казанцами, а затем за ним укрепилось наименование казанских татар. Продолжался этот процесс и позднее, но уже в виде впитывания в состав татарского народа представителей соседних, сформировавшихся в крае народов,— так называемое «отатаривание», преимущественно через исламизацию.

Сложность происхождения татарского народа сразу чувствуется при изучении его бытового уклада, хотя этот уклад уже крепко сложился. Анализируя любой элемент быта, можно нащупать различные источники, из которых он создался. Чаще всего таковыми являются два основных источника, наследие древних культур: 1) лесной, охотничье-земледельческой, впоследствии преимущественно финской, и 2) степной, кочевнической, со степным же земледелием,— впоследствии главным образом тюркской. ²

Наследие древней лесной культуры у татар является чисто местным, характерным для края и легшим в основу бытового уклада соседних с татарами финских народов (мари, удмурты, мордва). Степные же элементы безусловно не местные, попавшие в край с юга и юго-востока: трудно сказать, когда они появились и как долго они продолжали просачиваться в край (ниже на этом остановимся подробнее).

На эти два начала затем налагают влияния других культур: восточно-мусульманской и русской, также весьма древние. Ислам и принесен-

* Переработанная стенограмма доклада, зачитанного на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

¹ Другой группой татар Поволжья являются так называемые мишари («мещеряки»), живущие преимущественно к западу от Волги и формировавшиеся несколько иначе.

² В дальнейшем будем употреблять сокращенные термины: лесной и степной.

ные с ним бытовые формы появляются в конце I тысячелетия нашей эры, а отношения с предками русских устанавливаются, примерно, с X—XI вв. Эти влияния иногда сильно затухивали древние культурные корни, но при внимательном анализе в большинстве случаев их все же удается выявить.

Приведем доказательства этого положения. Главным занятием большинства казанских татар издавна является земледелие. Как набор культур, так и техника сельского хозяйства у них одинаковы с теми, которые сложились в средней (лесной и лесостепной) полосе Европейской части СССР; однако имеются некоторые особенности, присущие в крае только казанским татарам. Так, отметим слабое развитие огородничества и особенно выращивания овощей. Даже в 20-х годах текущего столетия, когда значительная часть татарских хозяйств обзавелась огородами, процент овощей в них был только 2,1 (у русских — 14,4, у других народностей — 6,4). Это обстоятельство — несомненный пережиток степных традиций, ибо и татарская кухня, как отметим ниже, почти не требует овощей. Отсутствие овощей в питании не стимулировало и усвоения самой техники огородничества.

Как степной же пережиток, можно отметить большую любовь татарина к коню, более тщательный уход за ним, чем у соседей, а также использование коня на состязаниях во время народных праздников, чего нет у соседних народностей, где лошадь только рабочее животное — помощник земледельца. В остальном животноводство татар не отличается от животноводства соседей и носит чисто лесной характер. Отметим также сильное развитие у казанских татар пчеловодства (ульи часто ставятся прямо на дворах).

Неземледельческие занятия татарского крестьянства также дают возможность говорить о двойственности их происхождения. Так, обработка древесины и волокна — лесные занятия, кожевенное же производство у татар пользуется большим распространением, чем у соседей. Возьмем татарское ткачество. Ткацкий станок и весь инвентарь близки к таковым у соседних финнов (мари и удмуртов), но у татар сохраняется и старинный ткацкий станок, пристраивающийся на нарах, с разьединенными стойками для крепления прищвы, чем этот станок сближается со станком кочевническим, например, с казахским.

Поселки татар располагаются (как и у других народов) большей частью у речки или ручья, нередко лепясь из косогору, но планировка татарских поселков имеет некоторую специфику. Типичной для татарских поселков является большая запутанность плана, кривые улицы, проезды, тупики, усадьбы неправильной формы, а также кучное расположение усадеб как бы вокруг какого-то, ныне уже не существующего, центра. На это обстоятельство обращали внимание многие авторы XIX в., как Сбоев³, Черемшанский⁴, Артемьев⁵, Кеппен⁶ и др. Документально это доказал (многочисленными старыми планами татарских деревень) В. В. Егоров⁷. Подобное расселение указанные авторы объясняют желанием родственников селиться ближе друг к другу, разделяя на части бывшую когда-то более обширной усадьбу их родоначальника. В результате в отдельных частях поселка получаются как бы круги усадеб. Наши личные наблюдения за «кольцами» усадеб также говорят о том, что жители таких колец считают себя родственниками, часто

³ В. А. Сбоев, О быте крестьян Казанск. губ. Казань, 1856, стр. 18.

⁴ В. М. Черемшанский. Описание Оренб. губ. в хоз.-статист., этнографич. и промысл. отношениях. Уфа, 1859, стр. 162.

⁵ А. Артемьев, Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Казанск. губ.

⁶ Кеппен. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых других губерниях.

⁷ В. В. Егоров. Самобытное расселение народностей Казанск. края, «Вестник О-ва татарсведения», 1928, № 8.

называют имя предка, положившего начало этому кольцу, и предков всех этих колец считают основателями поселка.

В таком расположении усадеб, наблюдаемом также у чуваш, можно видеть остатки еще не вполне забытого родового строя. Характерно, что наиболее старые поселки Заказанья, возникшие в XV—XVI вв. имеют более запутанный план, чем более поздние, например, Закамья, где население уже вторично расселилось в XVII—XVIII вв.⁸ Подобная же планировка поселков у недавно перешедших на оседлость башкир⁹ и у якутов дает право считать это также пережитком степных традиций.

Поселки казанских татар говорят и с наличия древних, лесных традиций. Старинные татарские деревни утопают в зелени, каждый мало-мальски зажиточный двор имеет садик, с расположенными в нем ульями, а в стороне от деревни всегда имеется роща кладбища. Татары не только берегут деревья на кладбищах, но и постоянно подсаживают их, ибо у них имеется поверье, что дерево на могиле каждым своим листком молится за усопшего. Во многих деревнях имеются предания о еще недавно сохранявшихся около татарских деревень молитвенных рощах (кереметь), которые были уничтожены по настоянию мусульманского духовенства, как несовместимые с исламом.

Ряд степных пережитков мы видим у татар и в планировке усадьбы. Если типичная усадьба лесного типа в крае характерна тем, что в ней жилой дом и все надворные постройки по возможности объединены, нередко под одной крышей (у русских, мари), то у татар наблюдается тенденция разбросать постройки по усадьбе и, в частности, отделить их от жилого дома. Даже клеть почти никогда не соединяется с домом, а чаще ставится против него. При этом стремление разбросать постройки увеличивается по мере роста благосостояния владельца и размеров усадьбы,— бедняк на малой усадьбе поневоле объединяет свои нехитрые постройки. Эту особенность в планировке татарских усадеб отмечают многие старые авторы, как Георги¹⁰, Черемшанский, Артемьев и др. Самые постройки — обычного для края типа, хотя татары никогда не делают двухэтажных амбаров, столь типичных для финских народностей края. У богатых татар строится так называемая белая клеть (ак-клэт), которая служит летним жильем, соответственно обставляется и является пережитком степных традиций — желанием летом пожить в другом жилище¹¹. Имущество в «белой клетке» не хранят.

Жилой дом татарина — развитой сруб, типичный для всей средней полосы Европейской части СССР, такой же, как у соседей, а особенности жилища выявляются только во внутренней планировке и обстановке. Так, печь в татарском доме, как правило, никогда не ставится в угол, а всегда удаляется от стены так, что за ней остается еще проход в меньшую половину избы, которая отделяется глухой перегородкой по линии печи. Всю переднюю часть избы занимают нары. На нарах проходит вся жизнь хозяев: на них спят, работают, едят и пьют. Стол, если он и имеется, ставится около боковой стены; на нем никогда не едят, а только стоит холодный самовар и чайная посуда на подносе, покрытом салфеткой. Обязательной частью обстановки являются сундуки, число которых часто не соответствует имуществу, которое в них должно храниться. «Чистая изба», появляющаяся с увеличением зажиточности, иногда не имеет нар и даже какой-либо мебели, за исключением кровати, заваленной перинами и подушками, и многочисленных сундуков, уставленных вдоль стен (иногда один на другой). Середина избы за-

⁸ Г. Перетяткович. Поволжье в XV—XVI вв.; Н. А. Фирсов. Иноподческое население прежнего Казанского царства... и колонизация Закамских земель, 1866.

⁹ С. И. Руденко. Башкиры, ч. II, Л., 1926.

¹⁰ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов.

¹¹ По указанию Ибн-Фадлана, болгарские ханы летом выезжали на кочевки.

стиляется войлоком или ковром, и на нем сервируется еда, когда она происходит в чистой половине. Сидят обычно на нарах, на которые подстилаются каждому сидящему персональные подстилки — корпэ, а более почетным гостям подстилают подушку. Сундуки также покрываются корпэ или ковриками.

Почетное место (турь) в избе татарина находится у передней стены как раз против двери, а не в «красном» углу, как у всех соседей. Здесь на подушках и сажают почетного гостя.

Вся эта обстановка придает татарской избе известное сходство с жилищем степняка-кочевника. Добазим, что перед праздником стены избы сплошь увешиваются полотенцами с орнаментированными концами, молитвенными ковриками (намазлык) или просто тканями, причем нередко наблюдается стремление смягчить углы сруба. Особенно ярко это проявляется при подготовке помещения для новобрачных, летом часто устраиваемого в белой клет, где стены сплошь завешиваются тканями и сильно смягчаются углы. В татарском языке нет слова, обозначающего стену дома. Ее называют или персидским словом — диуар, а чаще русским — стена. Бывшее волоковое окно, нередко устраиваемое за печью или в сенях, называется тунлюк — так же, как дымовое отверстие в юрте.

Двойственное происхождение, несомненно, имеет и татарская печь. где обычная, так называемая «русская» хлебопекарная печь комбинируется с очагом в виде пристройки сбоку, куда вмазывается котел. Котел также нередко комбинируется не только с хлебопекарной, но и с так называемой «голландской» печью, употребляемой для отопления чистой избы или чистой половины. Подобные комбинированные печи встречаются и у соседей татар — мари и удмуртов, но только там, где сильно чувствуется «отатаривание» их. У чуваш также используется котел, но он подвешивается в особой нише на шестке, а не вмазывается сбоку печи, как у татар.

Итак, татарское жилище в его планировке, обстановке и убранстве является ярко выраженной комбинацией типичного лесного сруба и степных пережитков. При этом большое количество степных навыков говорит о том, что кочевые элементы, носители этих форм, вливались в край в большом количестве и достаточно долго.

Одежда татар по своему покрою имеет тот же двойственный характер. Так, шаровары у обоих полов одинаковые, определенно степного типа с широким шагом, хотя и несколько своеобразного покроя, и резко отличаются от шаровар, носимых соседями татар. Рубашки (кюльмяк) также у обоих полов одинаковы по своему покрою — среднее полотнище, боковые клинья, квадратные проймы, вшивка рукава с ластовкой (киштэк), прямой разрез ворота без приполка. Но в деталях рубашки весьма разнообразны. Так, мужская рубашка, в зависимости от материала, может быть и узкой (холщевая), и широкой (из ситца или полотна), без воротника или же с отложным воротником, завязывающимся пришитыми завязками или шнурком, продевающимся через отверстия на воротнике.

Женский кюльмяк шьется длиной до щиколоток. Особенностью его является значительное расширение подола либо посредством широких клиньев, либо пришиванием к стану, идущему только до бедер или несколько выше пышной нижней части, составляющей подол. Нередко для увеличения пышности кюльмяка на него нашиваются оборки и воланы различной ширины и на разной высоте. У крестьянок часто, при сравнительно нешироком кюльмяке, на высоте низа груди нашивается оборка, шириной до 40—50 см, придавая бюсту пышность. У горожанок оборки и воланы пришиваются ближе к подолу. Отсутствие приполка

на грудном разрезе вызывало появление нагрудника, носимого ими под рубашкой (кюкрячки) или поверх ее (изю).

Материалом для женских кюльмяков является или пестрядь, или ситец и другие фабричные ткани. Расцветка в большинстве случаев яркая, с преобладанием красных тонов. Белых кюльмяков не встречается, но для XVIII в. Георги отмечает белые холщевые рубахи у татар по р. Черемшану.

Татарская рубашка (как мужская, так и женская) по технике кройки относится к степному типу со средним полотнищем и клиньями, но по своей ширине нередко сближается с финской — лесной, особенно рубашки из пестряди, которые незаметными переходами сближаются с рубашками елабужских удмуртов, рубашками чуваш-анатри, а через них и с марийскими. Только поясов ни татары, ни татарки никогда на рубашке не носят.

Верхняя одежда татар — двух типов: в талию и прямоспинная. Обычно поверх рубахи мужчины надевают безрукавку-камзол, сшитая в талию, но без сборов, длиной выше колен. Это — домашняя одежда. Поверх камзола надевается казакин, сшитый также в талию, длиной до колен. Поверх казакина (а иногда и прямо камзола) зимой надевается бешмет, стеганный или овчинный, сшитый также в талию, длиной ниже колен; только в дорогу зимой сверх него надевается еще прямоспинный овчинный тулуп да изредка встречается прямоспинный чекмень. Такова одежда татарина-крестьянина.

У горожан поверх камзола, очень короткого, с открытой грудью, надевается длинный казакин, а сверх него прямоспинный джилан или чекмень, длиной до щиколоток, а зимой — прямоспинная же меховая шуба (тун). У женщин на кюльмяк надевается камзол, длиной до колен, а на него зимой шуба, сшитая в талию или прямоспинная.

О происхождении верхней одежды татар данных нет. Можно только отметить, что все типы ее, особенно сшитые в талию, имеются у степных народов, что сближает татар более с ними, чем с народностями края, хотя нельзя отрицать и чисто местных влияний.

Так же сложна и по типу, и по происхождению обувь татар. Обычная обувь крестьянина — лапти, но надеваются они не на онучи, как у соседей, а на суконные или войлочные чулки (тула ойок), близкие к таковым же у казахов. Оборами лаптей татарин не оббивает голень, а крепит их у щиколотки. У богатых татар обувью являются кожаные ичеги с мягкой подошвой, на которые надеваются при выходе из дому кожаные же калоши. Эта обувь определенно степная. Женщины чаще надевают лапти на вязанные чулки, одинаковые с чулками соседних народов. На них же надевается кожаная обувь — туфли (башмак). Богатые женщины обуваются в ичеги, сшитые из разноцветных кусков сафьяна.

Нижний головной убор мужчины — тюбитейка, как будто бы видоизмененный подшлемник степных воинов, происхождение же шапки и шляпы неясно. У женщин основной головной убор — платок, вероятно, заменил различные древние головные повязки, происхождение же мягкого колпака неясно. Возможно, что это изменившийся шлемовидный или башневидный убор тюркских женщин, по данным авторов XVIII в., существовавший и у татар (как об исчезающем уборе о нем упоминает Фукс, впервые давший описание мягкого колпака). Однако высокий убор широко распространен и у соседних финнов (удмуртов, мордвы).

Происхождение татарских украшений также сложно. Многие из них (браслеты, кольца, серьги) идентичны с украшениями соседей и издревле изготовлялись в крае. Также, повидимому, от предков с лесной культурой досталось татарам употребление в качестве украшений монет, столь широко распространенное у соседних финских народов. С другой

стороны, степным пережитком является украшение кос и, в частности, наконники, прикрепляемые к концам обеих кос как женщин, так и девушек. Возможно, степной же является перевязь — хасита, тесно связанная с обычаем носить обереги (боти). Происхождение значительного числа украшений (в частности, нагрудных) неясно. Отметим полное отсутствие у татар поясных украшений, издревле столь типичных для народов лесной культуры.

В питании татар огромное значение издавна имеют мука (ржаная и пшеничная) и крупы (полба, пшено, греча). Из муки изготавливают хлеб обычного для края типа и различные печенья; кроме того, она широко используется как приправа к жидким блюдам или в виде кусочков теста, запускаемых в бульон (салма, лапша, ума, ипи-чумары и др.), или в виде болтушки (талкан, быламык). Если в хозяйстве татарина нехватает муки и ее необходимо экономить, то обычно перестают печь хлеб и употребляют муку только как приправу к жидким блюдам. Когда хотят сказать, что та или иная семья очень бедна и недоедает, то говорят «они уже на одной салме сидят». Каши варятся как жидкие (полевая кашка), так и густые. Из сказанного следует, что если хлеб и каша — пища лесная, то употребление муки на изготовление салмы и быламыка указывает на степные пережитки, исключаящие употребление овощей, особенно капусты. Даже картофель татары стали употреблять позже своих соседей.

Излюбленное мясо татарина — баранина, затем говядина, куры, гуси, утки и, наконец, конина. Мясо, как правило, до полной мягкости варят в котле, затем вынимают, в бульон запускают мучную приправу, а мясо подается отдельно в виде второго блюда. Всякое мясо перед подачей на стол режут тонкими ломтиками, какими наиболее удобно резать баранину. Баранина, варка мяса в котле и поедание его отдельно от бульона, — все это степные пережитки. С другой стороны, употребление в пищу в качестве любимых блюд птицы, особенно гусей, а также яиц говорит о наличии лесных навыков.

Молочные продукты татары используют своеобразно. Масло они изготавливают почти исключительно сливочное, а из большей части молока изготавливают так называемый катык, близкий к кислому молоку русских, но более острый. Катык имеет широкое употребление; его едят с хлебом, кладут в виде приправы в жидкие блюда (особенно, когда бульон варится без мяса), а смешав с водой, из него делают освежающий напиток — эйрэн, заменяющий кумыс, которого татары не изготавливают. Сметаны татары не изготавливают совершенно, сравнительно редко делается творог.

Из сладких блюд излюбленным является типичный лесной продукт — мед, который в сочетании с маслом (бал-май) употребляется как ритуальное блюдо, особенно на свадьбе, а также пастила из ягод (как). Другие сладости, употребляемые среди зажиточных, большей частью восточного, чаще иранского происхождения, за исключением, пожалуй, как-туш или чак-чак — кусочков сдобного теста, сваренных в меду.

Главным напитком татар является чай, который заваривают по-русски, но пьют его иногда с маслом или салом, как делают степняки. Из напитков в большом употреблении эйрэн; кваса татары не делают. Из опьяняющих напитков татары охотно пьют пиво, но сами редко его изготавливают, приобретая у соседей; в прошлом Георги отмечал у татар изготовление молочной водки.

Характерны способы приготовления пищи. Имея хлебопекарную печь, татарка варит в ней только кашу, а жидкие блюда обязательно готовит в котле, пристроенном к печи. В котле же варят кусочки мяса (куллама, бишь-бармак) и даже пекут пышки (кабартма). Котел в кухне та-

тарки — универсальная посуда. Глиняная посуда в обиходе татар используется сравнительно мало, преимущественно для хранения молока, зато широким распространением пользуются деревянные блюда, корыта, кадушки для катыка и т. п. Здесь опять мы видим смешение форм лесных (хлебопекарная печь, деревянная посуда) и степных (котел, слабое использование глиняной посуды).

Принятие пищи татарами производится или на нарах, или на полу (особенно летом). Место для еды застилается скатертью, вокруг которой расстилают особые подстилки (корпэ). На них татары садятся, поджимая одну ногу под себя, а другую (левую) ставят, сгибая в колене. На полу же большей частью сервируются и торжественные праздничные обеды (меджелис). В сервировке отсутствуют вилки; твердые кушанья едят пальцами даже у богатых (опять сказываются степные навыки).

Таким образом, в материальной культуре татар мы постоянно видим переплетение лесных и степных форм, причем степные в ряде случаев проявляются резче и создают контраст с бытовыми формами соседей, в основном представителей лесной, древнеоседлой и земледельческой культуры.

У татар в ряде деталей их быта до сих пор проскальзывают остатки древних родовых отношений (чаще степного типа), отличных от отношений у соседей.

К пережиткам родовых отношений именно степного типа необходимо отнести отношение к пожилым мужчинам и старикам — аксакалам и абызам, что особенно проявлялось во время народных движений у татар, когда руководителями масс неизменно выступали старшие, независимо от их имущественного положения. Все так называемые «прелестные письма» (прокламации) Степана Разина, Пугачева и др. начинались словами: «Всем аксакалам и абызам» — лицам, которые организовывали массы.

Упомянутое выше кучное поселение родственников, деление старых поселков на концы по числу родоначальников, основателей поселка, так называемое «право соседа» (курше хақы), по которому сосед считается ближе далеко живущего родственника и принимает участие во всех важных семейных решениях, также можно отнести к степным пережиткам. Однако этот древний обычай в известной степени переосмыслился в условиях капиталистических отношений и получил классовый характер. Не желая иметь соседом бедняка, богачи, при выделении сыновей, получив новую усадьбу на краю деревни, старались обменять ее с бедняками-соседями, строили своим сыновьям дома рядом со своими. а бедняки выселялись на окраину. В результате получилось не только кучное расселение родственников, но и кучное поселение богачей, которые захватили таким образом лучшие усадьбные места в деревне.

Древнеродовые отношения ярко проявляются во время сохранившегося ксе-где праздника Джиен, который празднуют вместе только родственные деревни, а также праздника Сабан-туй. Хотя по своему названию Сабан-туй — праздник земледельческий, но в проведении его много чисто степных пережитков (конные состязания, премирования победителей особым советом аксакалов и т. п.).

Наряду с этими степными пережитками мы видим ряд остатков родовых отношений лесных. Например, у татар — мусульман, при общем приниженном положении женщины и устранении ее от общественных дел, в ежегодно производимом дележе лугов обычно принимали самое активное участие женщины, нередко беря руководящую роль, в чем как бы сказывались остатки матриархата, более долго сохранявшегося именно у лесных жителей.

Семейно-родственные отношения у татар мало изучены. Они в боль-

шинстве своем сложились в условиях оседлого земледельческого быта, но в них имеются и пережитки степных традиций. Например, у казанских татар в свадьбе, в ее «церемониальной части» (сватовство, пирушка и т. д.) большинство обрядов близки к брачным обрядам соседних народов, но в некоторых основных моментах проскальзывают степные пережитки. Сюда можно отнести, например, встречу молодых в доме отца новобрачной и ее долгое пребывание в доме отца до выплаты калыма или до рождения первого ребенка. Благодаря этому брачный обряд как бы затягивается и некоторые его акты, как перевоз приданого, ввод новобрачной в новую семью и т. п., совершаются много позже фактического начала брачных отношений. Сюда же относится брак умыканием, еще сохранявшийся при наличии хорошо сформировавшегося брачного обряда, типично оседлого. При этом необходимо отметить, что и здесь эти пережитки степных родовых обычаев получили классовую окраску. Так, молодушка долго задерживалась в доме отца преимущественно у богачей, а брак умыканием чаще всего встречался у бедноты, нередко в виде инсценировки, чтобы избежать непосильных расходов на свадьбу по обряду.

Внутрисемейные отношения у татар очень сложны. Здесь все время переплетаются формы как лесные, так и степные, а кроме того значительное место занимают исламистские обычаи, правда, более сильно проявлявшиеся у богачей, чем в трудовых, особенно крестьянских массах. Достаточного количества хорошо собранных материалов по этому разделу не имеется.

Многие виды искусства у казанских татар подвергались большому гонению со стороны ислама и вели в течение длительного времени своеобразное «полулегальное» существование, а потому плохо развивались. Особенно это относится к живописи, музыке и пению. Но некоторые виды прикладного искусства (вышивка, художественное тканье, ювелирное дело) получили большое развитие. При этом среди богато развитой вышивки татар мы видим преобладание тамбурной техники и растительного орнамента. Тамбурную технику необходимо отнести к степным пережиткам, ибо ее мы встречаем у всех кочевых народов Азии, со времен глубокой древности. Так, в коллекциях из раскопок П. К. Козлова¹² в хребте Ин-Ула в Монголии, датируемых I в. до н. э., находится большое количество вышивок, исполненных прекрасным тамбуром. То же самое и с орнаментом. Наиболее распространенный у татар растительный орнамент в виде завитка и контура небольших цветов (тюльпанов) также широко представлен в упомянутой коллекции. Тамбур и орнамент вышивки татарин несомненно получил от своих степных предков. Что касается художественного тканья у казанских татар, то здесь и техника и геометрический орнамент совершенно одинаковы с таковыми соседних финских народностей (мари, удмуртов, мордвы) и несомненно получены от предков с лесной культурой. Правда, татарка иногда пытается ввести в орнамент свой любимый завиток в виде ломаной линии, но самая техника тканья делает эти попытки весьма ограниченными. В расцветке вышивки и тканья видны те же корни. Вышивка татар всегда полихромна, как у современных степных народов, а в тканье преобладают красные и белые тона, как у финнов.

Большой интерес представляет орнамент ювелирных изделий. Чаще всего здесь встречаются тот же завиток и тюльпан, как и в вышивках, но нередко и геометрический орнамент в виде сетки. Такое сочетание растительного и геометрического орнамента имеет очень древнее происхождение. Его можно видеть на болгарских матрицах для изготовления украшений. Правда, там еще встречается и животный орнамент, но

¹² Коллекции хранятся в Эрмитаже.

позднее под влиянием ислама он исчез. Геометрический и растительный орнаменты связывают художественные традиции болгар с древними оригинальными формами эпохи бронзы, которые в большом количестве встречаются в крае, болгарские же формы тесно связываются с чисто татарскими, только растительный орнамент стал доминирующим. Растительный орнамент в виде волнистой линии с завитками, а также тюльпанами и розеткой в виде ромашки, также широко распространен на могилах камнях, начиная с наиболее древних и кончая XVII—XVIII вв. Все это говорит, с одной стороны, о непосредственной преемственности татарского орнамента от древнеместных форм, а с другой — о наличии очень старых степных традиций.

Татарская песня по музыкальному оформлению близка к башкирской, казахской и вообще степной и отличается от песни соседей, а содержание ее говорит о древних традициях людей, живущих в лесном краю, с многоводными реками, с обширными полями. Только жаворонок, эта типично степная птица, как и у степняков, часто фигурирует в песне, правда, конкурируя с лесным соловьем.

Мы стремились показать два основных корня, из которых сложился быт татар, но в их быту немало также черт, принесенных с мусульманского Востока (преимущественно через Среднюю Азию), и русских заимствований, как результатов длительной совместной жизни в крае. Эти влияния довольно сильны, и надо на них остановиться. Отметим, что эти влияния со стороны частично прививали народу чуждые ему бытовые формы, частично же как бы еще усиливали те основные корни, из которых сложился быт казанских татар.

Восточно-мусульманское влияние в крае начинается весьма рано. Уже в X в. ислам становится официальной религией Болгарского государства, а влияние его начинается значительно раньше. Однако ислам и вообще восточные влияния в течение долгого времени отражались на бытовом укладе преимущественно зажиточного и городского населения. Об этом пишут и древние авторы, отмечающие, что сельское население в массе живет по старине; другое веское доказательство — почти полное отсутствие исламистских форм у крещеных татар, принявших православие в конце XVI и в начале XVII в., а также сохранение в течение долгого времени около татарских поселков древних языческих, молитвенных рощ. Только позднее, с XVII в., некоторые бытовые навыки, связанные с исламом, прочно завоевали свое место среди широких трудовых масс татарской деревни. Татарская феодально-буржуазная верхушка, желая использовать стремление трудовых масс отстоять свою национальную культуру от посягательств обрусителей-колонизаторов, начала усиленно насаждать в народе исламистские обычаи и бытовые формы, чтобы этим резче отделить татар от соседей, особенно от русских, изолировать татарскую массу и сохранить свое преимущественное влияние на нее.

Восточно-мусульманские влияния шли в край преимущественно из Средней Азии, в значительной степени преломленные через своеобразную ирано-тюркскую культуру ее населения. Оттуда была принесена часть бытовых навыков, совершенно чуждых предкам татар (затворничество женщин, закрывание ими своего лица, многие виды печенья и сладостей, металлическая посуда, ряд украшений и т. п.), являвшихся формами быта оседлого населения Аравии и Ирана. Оттуда же была принесена часть форм степного происхождения (тюбетейка, ношение которой получило религиозную окраску, разукрашенная сафьяновая обувь и т. п.). Но эти влияния больше сказались в быту обеспеченных классов и горожан, чем у трудовой части деревни, где под влиянием ислама привились только тюбетейка, обычай брить голову и своеобраз-

разно подбривать усы и бороду, частично — закрывание лица женщинами; основа же быта была мало затронута этим влиянием.

Русское влияние становится особенно значительным начиная с XVI в. и проникает в народ одновременно и сверху, и снизу. С одной стороны, татарская верхушка начинает усваивать русские (а позднее через них и общеевропейские) бытовые формы все в больших размерах, с другой — эти влияния начинают проникать и в толщи трудовых масс как города, так и деревни, благодаря совместной жизни и труду с русскими крестьянами и трудящимися города. Позднее сюда прибавляется влияние татар-отходников, познакомившихся с русским бытом на заработках.

От русских татары заимствовали значительное число вещей, углубляющих те оседлые, лесные формы, которых так много в их быту. К ним необходимо отнести: улучшенный бревенчатый сруб, хлебопекарную (так называемую «русскую») печь, появление стола, хотя бы и не как места для принятия пищи, ряд сельскохозяйственных орудий и частей сруби (соха, цеп, хомут и т. п.), сохранивших даже русские названия (сука, чап-агач, комыт), вязаные чулки, творог, пироги и многое другое. Одновременно русские внесли в быт (преимущественно богатых татар) предметы, ими самими заимствованные из Западной Европы: стулья, фарфоровую и фаянсовую посуду, этажерки для ее хранения и т. п.

Все изложенное дает нам право утверждать, что бытовой уклад казанских татар в своей основе создался, с одной стороны, из форм, типичных для лесной оседлой культуры, которая издавна формировалась в крае, а с другой — из кочевнических пережитков, принесенных в край с юга и юго-востока. Наличие этих источников нередко трудно расшифровать, но они имеются почти везде.

Остановимся на происхождении этих основных слагаемых, из которых создался казанскотатарский бытовой уклад, язык и вся культура народа.

Происхождение бытовых форм, характерных для лесной культуры, у казанских татар достаточно ясно. Они — местного происхождения, формировались в крае с самых отдаленных времен и хорошо выявляются у других народностей, сложившихся здесь же: мари, удмуртов и (частично) мордвы.

Происхождение же степных культурных корней более сложно. Чтобы разобраться в этом, остановимся на территории, где в крае формировались предки казанских татар. С очень отдаленных времен, по данным археологии, основные события, приведшие к формированию татарского народа, развертывались главным образом на территории Закамья, преимущественно западного, и частично правобережья современной ТАССР; только позднее основная масса татар перебрасывается к северу от Камы в трудно проходимые тогда леса.

Территория Закамья издревле представляла собой лесостепь, где человеку было удобно поселиться вне зависимости от рода его занятий. Здесь были прекрасные пахотные угодья и столь же хорошие луговые степи, удобные для бортей и даже частично для охоты, хотя лучшие охотничьи угодья находились к северу от Камы. Вполне удобными были и южные части правобережья. Здесь проходила северная граница лесостепи. На водоразделах росли мощные лиственные леса, а по долинам рек, особенно по Свияге и ее притокам, находились большие луговые степи (Буинские степи).

Здесь-то, особенно на левом берегу Волги, и происходила встреча носителей лесной культуры, выходивших из сплошных лесов (по мере расширения земледелия и перехода к животной тяге), и представителей степных культур, которые поднимались к северу, в эти лесостепные

участки. Археология устанавливает очень раннее появление здесь степных культур (срубная культура). Здесь же появляются в V—VI вв. первые исторически известные носители степной культуры в крае — болгары, причем основная их часть поселилась на левом берегу Волги, где находился центр Болгарского государства до XIII в.; здесь степняки-болгары тесно сблизилась с древними лесными насельниками, сюда же легче продолжали проникать новые кочевые элементы с юга и юго-востока.

Монгольскому разгрому подверглись, повидимому, более сильно левобережные земли, где были главные политические центры. В период разгрома, возможно, многие жители левобережья переселились на правый берег Волги, продвинувшись к северу и северо-западу в нижнесви-яжские и сурские леса, а также к северу от Камы. Однако центр остается все же в Закамье, и в период владычества монгол столица края — опять на левом берегу Волги, в Болгарах. Сюда-то и продолжали проникать степные элементы, поддерживавшие у местного населения (по мере слияния с ним) степные традиции. Такими степными элементами продолжали быть преимущественно кипчаки, с которыми у болгар были тесные связи еще в домонгольский период.

Здесь сформировалось то население, которое после военных разгромов опять-таки в основном Закамья в период распада Золотой Орды, переселилось массами к северу от Камы и отчасти на правый берег Волги. Это население по новому политическому центру сначала называлось казанцами, а впоследствии от русских получило наименование казанских татар. Факт этих переселений подтверждается датами намогильных камней, которые резко обрываются в Закамье концом XIV в. и почти с этого же времени появляются в Заказанье, далеко от берегов Камы и на правом берегу Волги.

В то время, когда болгарское население, оставшееся на левобережье, продолжало изменяться в сторону усиления в его быту и языке степных форм, население правобережья (особенно отошедшее далеко от Волги) начиная с XIII в. более тесно сближалось с лесными аборигенами правобережья и постепенно сформировалось в ту народность, которая носит наименование чуваш.

Таким образом, если у болгарского населения, ставшего предками чуваш, степные традиции оборвались в массе в XIII в., то у предков татар они продолжали прибавляться и гораздо позднее, по крайней мере до XVI в., когда выход русских на Волгу почти прекратил связь Казанского края с южными степями и когда колониальная политика царского правительства заставила многих татар уходить на юго-восток, в башкирские земли.

Доказать это положение о поздних влияниях степной культуры в процессе формирования казанских татар можно, только разделив по времени степные пережитки, имеющиеся в их быту. Сделать это довольно трудно, но такой прием может дать довольно ценные результаты. Наиболее древние степные бытовые формы настолько крепко синтезировались с лесными, сложно переплелись с ними, что их крайне трудно выделить. Возьмем хотя бы некоторые части татарской одежды. Татарские (как мужская, так и женская) рубашки по принципам кройки относятся к степному типу, но по размерам, многим деталям тесно сближаются с рубашками соседних народностей и в частности с рубашкой некоторой части чуваш (анатри). Рубашки же чуваш-анатри путем переходов сливаются с типичной лесной рубашкой марийцев. То же самое и с женскими головными уборами. Здесь также трудно разобрать, где степные, где лесные корни, так они переплетены между собой; здесь опять имеется много общего у татар с чувашами, а иногда и с другими соседними народами, например, с удмуртами.

Более поздние степные влияния проявляются в быту народа ярче и

придают ему значительную долю той оригинальности, которая отличает быт татар от быта соседей (сундуки, ичеги, суконные чулки, тюбейка, варка пищи преимущественно в котле, мучные приправы в жидких блюдах, подача мяса отдельно от бульона и т. п.). Указанные бытовые вещи и приемы у татар идентичны с теми, которые бытуют у современных степняков-кочевников (казахов, киргизов и пр.). Они могли попасть к татарам только в уже готовом виде, и, стало быть, сравнительно недавно, когда быт степняков стал более или менее похожим на их современный бытовой уклад.

Анализ происхождения бытовых форм казанских татар дает возможность считать их тюркской народностью, в основном потомками тех болгар, которые сложились в результате тесного сближения древнего местного населения и пришедших с юга болгарских племен приблизительно к X—XI вв., но к ним вплоть до XV—XVI вв. продолжали примешиваться представители степных кочевых племен, преимущественно кипчаков, приносивших значительное количество тех элементов степной культуры, которые и отличают быт казанских татар от быта соседей и, в частности, от быта другой тюркской народности края — чуваш.

Л. ЗАЛЯИ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

*(По материалам языка)**

Язык, как «реальное сознание», способен сохранить в себе историю своих создателей, творцов, даже больше, чем письменные документы, датированные определенными периодами. Но, чтобы вскрыть по материалам языка подлинную историю того или другого народа, необходимо знать этот язык до мельчайших деталей и быть вооруженным марксистским методом.

Работа над историей как татарского народа, так и его языка началась уже давно: ими занимались довольно видные деятели русской и европейской тюркологии. Наследство, накопленное в течение нескольких столетий упорным трудом тюркологов, подготовило плодотворную почву для советской науки. Но мы, ее представители, при всем уважении к нашим предшественникам, не вправе замалчивать их ошибки, воспринимать их опыт без надлежащей критики.

Главным недостатком досоветской тюркологии в изучении истории татарского языка было то, что тогда прошлое брали оторванно от настоящего. Это, разумеется, привело многих к выводу, что поволжские булгары, как народ, является вымершим, а их язык — мертвым. А это, в свою очередь, дало повод пантюркистам всех толков искать и «находить прародину» татар Поволжья где-то в Алтайских горах, у озера Иссык-куль и т. д.

Такой разрыв между прошлым и настоящим получился потому, что многие историки-тюркологи письменную культуру булгар ограничивали одними лишь надгробными надписями, оставляя в стороне богатое литературное наследство, начальный этап которого датируется примерно X—XI вв. Изучая историю языка татарского народа, мы должны быть свободны от той ограниченности, которой иногда страдали весьма ценные труды наших предшественников-тюркологов.

Историю развития и отдельные этапы жизни того или иного языка можно уяснить, изучая 4 источника: а) язык письменных памятников, б) язык фольклора, в) сохранившиеся особенности живых диалектов и говоров данного народа, г) факты взаимовлияния данного языка и других языков. В истории татарского языка все эти источники имеются, и надлежит их всемерно использовать. Но спешим оговориться, что письменные памятники по истории нашего народа, к сожалению, немногочисленны и до сих пор еще мало изучены со стороны их языка.

Задача моего доклада — дать материал по этногенезу татар Поволжья, исходя из данных лингвистики.

Татарский язык по всем особенностям своей структуры относится к тюркской системе; при этом он является наиболее развитым в сравнении с прочими тюркскими языками.

Язык татар Поволжья достиг уровня национального литературного языка на основе концентрации ряда мелких племенных языков, на основе социально-экономических и политических факторов. Доказатель-

* Переработанная стенограмма доклада, зачитанного на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

ством является та диалектальная пестрота, которая продолжает бытовать и поныне в языке татар Волжского бассейна. Материалы, накопленные в связи с изучением диалектов, убедительно показывают существование лингвистических разновидностей в живом народном языке татар. Например, звук *ч* в разных говорах татарского языка корреспондирует, в основном, со следующими звуками: 1) *ч* — *ц*, пычак — пыцак (нож); 2) *ч* — *с*, пычак — пысак (нож); 3) *ч* — *ш*, чишмә — шишмә (источник, родник); 4) *ч* — *т*, чишмә — тишмә (родник); 5) *ч* — *ж* (дж); сибирские татары слово Джамали произносят Чамалый (собств. имя). В некоторых местностях заказанского говора среднего диалекта мы встречаемся с аффрикатой типа *сч*, довольно близкой к известному чувашскому звуку; например, атненские татары (старики) слово пещан (сено) произносят пещан.

Кроме таких мелких лингвистических разновидностей, в современном татарском языке имеются три больших диалекта, со строго проводимыми лингвистическими различиями. Например, средний диалект татарского языка, основной территорией которого является ТАССР, имеет следующие характерные фонетические особенности: а) джонание, т. е. звук *й* во всех случаях переходит в *ж*₁ (дж) — жу к, жу л, жа ры й, жы л, жы ра к, жи р и т. д.; б) звук *к* произносится, как глубокий заднеязычный; в) безударный *а* переходит в *о*_а (похожий на русский *о*_а); г) *е* во многих случаях заменяется лабиальным *ө* (Көбек — вместо Кебек); д) большинство татар среднего диалекта звук *х* заменяют звуком *к*, например, ка зер (хазер — сейчас).

В морфологии этот диалект сохранил весьма характерные формы, имеющие крепкую связь с грамматическими формами письменных памятников древней булгаро-татарской литературы. Например, форма бармага (итти — инфинитив), начиная с X—XI вв. и до начала XX в. существовала в литературном языке как активная форма, а теперь бытует как диалектная форма в заказанском говоре.

Форма тышкары (литературная форма — тышка), эчкәрс (литературная форма — эчкә), которая ныне бытует в мензелинском говоре среднего диалекта, встречается еще в древних памятниках, начиная с орхонских надписей. Характерным фактом является и употребление в нукратском и горном говорах среднего диалекта формы надыкта вместо причастия прошедшего времени. Например, нукратские татары говорят: «без бардыкта, йелыш ачылган иде» (в литературном языке: без барганда..., когда мы пришли, собрание было открыто). Нурлатовские и буминские татары также говорят: «Без бардысык» (в литературном языке: без баргандек, т. е. мы ходили было).

Нам известно, что этот, можно сказать, стилистический прием в языке письменных памятников существовал издавна и почти до XX в. Например, у Шигапа Марджани мы часто читаем такие обороты, где формы булдыкта и улдыкта употребляются вместо современной литературной формы булганнан сун₁ и булганда (причастие прошедшего времени).

Рядом с этим средним диалектом существует (даже частично на территории самой Татарской Республики) другой, в лингвистическом отношении во многом резко отличающийся от него диалект, называемый западным. Характерными его чертами являются: а) отсутствие звука *ж*₁ (дж), т. е. йоканье. Например, йир, елга, йук и т. д.; б) произношение звука *а* чистым, как русское *а*, например кал_а (город), Казан (Казань) и т. д.; в) смягченность произношения звуков *к* — *г*, например, карга (ворона), казык (кол), кимак (казанские татары: коймак) и др.

У касимовских татар эти звуки уже не существуют. Слово кы р (поле) они произносят ы р (без к); г) активность делабиализации: там, где казанский татарин ставит губно-губное о — ö, татарин западного диалекта говорит ы — э, например т о р м о ш (жизнь) переходит в т ы р м ы ш, б ö т ö н в бетен и т. д.; д) аффикс понудительного залога у татар среднего диалекта произносится кар (к о т к а р — освободи), кы р (яткы р — уложи), дер (мендер — поднимай), а в западном диалекте этот же суффикс произносится со звуком з, например, к о т к а з, я т к ы з, менгез и т. д.; е) межзубный з, который характерен для мензелинского говора среднего диалекта, в западном диалекте совсем отсутствует, и з произносится, как в русском и большинстве европейских языков; ж) в некоторых говорах западного диалекта до сих пор еще сохранился очень архаичный аффикс гын — ген, кын — кен, который прибавляется к глаголу повелительного наклонения, например бергын (сходи-ка), килген (приходи-ка).

И в лексике, и в грамматике западного диалекта имеется ряд особенностей, с одной стороны, отличающих его от среднего диалекта, а с другой — непосредственно связывающих его с языком древних письменных памятников.

В этом кратком сообщении я не могу подробно останавливаться на всех диалектальных особенностях татарского языка. Я выскажу лишь основное положение: в недрах живого татарского языка еще сохранились такие явления, которые служат доказательством того, что в состав этого языка вошел ряд мелких языков одной и той же системы, но во многом отличающихся друг от друга. Идя по следам этих материалов, легко можно установить и этапы формирования татарского языка. Главными из этих этапов можно считать следующие.

Несомненно, что процесс образования татарского языка начинается с момента появления на исторической арене болгар Поволжья. Этот процесс длился довольно долго, благодаря скрещению многих языковых групп и их постепенной концентрации.

На первом этапе этого процесса происходит скрещение болгарских и чувашских элементов, как двух различных диалектов одного и того же языка. Такое скрещение больше всего бросается в глаза в области фонетики (ср. хотя бы соответствие чувашского х болгарскому к). Об этом говорят надгробные надписи болгарского периода. Например: чувашск. ты х а р, болгарск. т у к а з, чувашск. х е р, болгарск. к ы з. Чувашское л соответствует болгарскому ш: чувашск. п и л л е к, болгарск. б и ш - б и ш л е к; чувашск. в — болгарскому гласному у, например, чувашск. в а н — болгарск. у н (десять).

То, что болгары принадлежали к группе «к» (т. е. звук х у них отсутствовал), подтверждается, во-первых, тем, что русско-славянские и арабо-персидские слова, заимствованные самими булгарами, утвердились у них со звуком к; например, русско-славянское соха — у болгар с у к а, арабское х а з и н ѝ — к а з н а и т. д. Историк Шигап Марджани писал, что казанские татары вместо звука х употребляют к и поэтому арабское имя Х а с а н они произносят К а ш а н, К а с а н. Во-вторых, это подтверждается и тем, что в большинстве говоров среднего диалекта все арабские слова, имеющие звук х, по сей день произносятся через к, например, к а з е р (арабск. х а з е р), к а т (х а т), р ѧ к м ѧ т (р а х м е т), к а л ы к (х а л ы к) и т. д.

Итак, звук х в татарском языке возник под влиянием, с одной стороны, русско-славянских и арабо-персидских, а с другой — чувашских слов и является, таким образом, сравнительно новым. Иначе говоря, в этом скрещении болгарский диалект играет доминирующую роль (и потому в татарском языке преобладает группа к, а не х).

В качестве другого факта языкового скрещения мы можем констатировать соответствие болгаро-чувашского аффриката *ж* (дж) с кипчакским *и* и болгаро-чувашского звука *р* с кипчакским *з*. В одной эпитафии болгарского периода мы читаем параллели «*жи а т-жу р*» и *й и те - й ѓ з...* (700 г.). В этих словах корреспондируется звук *ж* (дж) с *й* и звук *р* с звуком *з*.

В процессе этого скрещения кипчакский *й* приобретает господствующее положение и утверждается в татарском языке как литературная норма: *й о з* (сто), а не *ж ѓ з*. В письменных памятниках йокание продолжается до конца XIX в. Даже у Тукаева имеются обе параллели. Формы *ж и р* (земля) и *ж и де* (семь) окончательно утвердились лишь в послеоктябрьский период развития татарского языка.

Третьим моментом скрещения в процессе формирования татарского языка является употребление межзубного *з* (башкирского *з*), параллельно с «чистым» *з*, с одной стороны, и звука *з* со звуком *й*, с другой. Например в текстах древних литературных памятников («Найсыхат-эл Салихин», «Иосиф Золайха», «Нехдж-уль-Фарадис» и др.) мы встречаем формы *а з а к* — *а й а к*, *а да к* (нога); *ка з гы* и *ка й гы* (горе, печаль).

Исходя из данных современного татарского языка, можно заключить, что «чистый» *з* — это болгаро-кипчакский элемент. У Махмуда Кашгарского имеется указание, что тюркские народы, живущие в соприкосновении с европейцами, звук *з* произносят чисто, т. е. как русско-славянское *з*. Известно, что сожительство со славянами (с русским народом) начали раньше всех тюркских народов кипчаки и болгары. Следовательно, «*з е к а н и е*» в истории татарского языка прежде всего можем считать скрещением башкирского элемента с болгаро-кипчакским. Между прочим, в «Кодексе Куманикуса» формы *а з а к*, *а да к* не имеются, — там стоит *а й а к*. Правда, и в этом тексте зафиксировано слово *а да м* в виде *а за м*. Но это нельзя считать типичным.

Что, действительно, «зекание» является внедрением башкирского элемента в болгаро-татарский язык, — это подтверждается существованием его и поныне в мензелинском говоре среднего диалекта, т. е. там, где отатарившиеся башкиры составляют довольно заметный процент.

Мы могли бы здесь привести такой же ряд параллелей и по части лексики и грамматических форм, но это займет много времени. Например, чувашское *у р а* (нога) и болгаро-татарское *а й а к* (нога) параллельно употребляются в текстах древних письменных памятников почти до XVII в. Ср. еще слова: *ке м - и р с ѓ*, *у л ке м и р с ѓ*, *ке ше* (человек), *у н г ѓ*, *у н г и н*, *у з г ѓ...* (другой) и тому подобные синонимы, вошедшие из разных языковых групп и также бытовавшие долго — до XVIII—XIX вв. В морфологии древне-болгаро-татарского языка скрещиваются весьма различные формы, больше всего в области глагола. Например, деепричастие настоящего времени до Кандаля (XIX в.) употребляется в четырех формах: *с а т у п*, *с а т у б ѓ н*, *с а т а* (продавая), *а г л а ю* (рыдая).

Процесс концентрации татарского языка (иначе говоря, «отатаривание» всего этого конгломерата) шел вокруг болгаро-кипчакских элементов. Процесс этот начался, как мы уже сказали, со времен древних болгар. До XIV—XV вв. этот процесс шел довольно интенсивно. С «Нехдж Фарадиса» (XIV в.) и «Кодекса Куманикуса» процесс «отатаривания» заметно усиливается за счет того же болгаро-кипчакского элемента, с явным преобладанием последнего: например, активность йокания, монофтонгизация *а й* (качан) и т. д.

В языке поэтов XVIII—XIX вв. (например у Маула Коля, у Кандаля) кипчакский элемент преобладает над казанско-татарским элементом. С момента же образования татарского национального литера-

турного языка в качестве нормы общего литературного языка берется средний диалект — язык казанских татар. С этого же времени начинается ограничение роли западного диалекта (являющегося в той или иной степени продолжением кипчакского языка) в формировании татарского литературного языка.

В становлении татарского языка, начиная с древних времен, принимали участие путем заимствования два типа языков: а) языки флективные, т. е. другой системы, б) языки одной системы, т. е. однородные. К первой группе относятся арабский, персидский, русский, а ко второй — все тюркские языки, так или иначе принимавшие участие в процессе формирования татарского языка: чувашский, башкирский, а через письменность, кроме того, — уйгурский, узбекский и др.

Заимствованные языковые элементы подвергались «отатариванию» как с фонетической, так и с грамматической и семантической сторон. Например, персидские слова биһуш, һөнәр, бичара в татарском языке утвердились в формах һушсиз, үнәр-өнәр, чарасиз и т. д.; арабские — мәсхәрә, махәмер, санәм и т. д. у татар приняли формы москыллау, макмыр, сын...; русские — борозда — буразна, изба — ызба, будто бы — беттәмән, снасти — ычнач, сила — чила, коза — кәзә, кәжә и т. д.

Иноязычные слова в татарский язык чаще всего вошли лишь в виде корнеслова, т. е. без суффиксов; например, татары говорят не бороzdить, а буразнау или же буразна салу, буразна сызу. Вместо арабских шагир-шогара, факир-фокара, галим-голама и т. д. татары говорят только шагырсләр, фәкирләр, галимнер и т. п.

В процессе «отатаривания» из некоторых иноязычных слов создавались новые слова с новыми значениями. Например слово әрәм происходит из арабского хара́м, әзер (готов) из хазери и т. д.

Все эти факты говорят о том, что язык наших предков уже тогда, т. е. даже на первом этапе своих взаимоотношений с языками иной системы, мог сохранять свои структурные особенности.

Мы не собираемся при этом отрицать иноязычных влияний на развитие татарского языка. Эти заимствования не только помогали развитию татарского языка в его лексико-грамматической части, но влияли и на его логический строй. Это мы видим в области калькирования, которое больше всего относится к заимствованиям из русского языка, например, өченче көн (из русского «третьего дня»), иртәдән арыга (русс. «послезавтра»), кышлык («озимые») и пр. Калькирование из русского синтаксиса занимает важное место в синтаксическом строе татарского языка, тем более в живой разговорной речи.

Конечно, мы не настаиваем на том, чтобы современный татарский язык признали целиком и полностью продолжением болгарского языка. Татарский язык пережил в своей истории очень большие изменения, но несмотря на все это он является до известной степени продолжением болгарского языка.

На основе закона всеобщего глоттогонического процесса татарский язык, как и другие, в процессе своей истории влиял на языки соседних народов. Это подтверждается обилием «тюркизмов» в языках соседних угро-финских народов: удмуртов, марийцев и мордвы. Эти «тюркизмы», попавшие к ним непосредственно из булгаро-татарского языка, делятся на следующие группы: а) слова производственно-бытовые с материально-вещественным значением, например капка (ворота), синак (вилы), пычкы (пилы), яр (берег) и т. д.; б) слова социально-бытовые и отвлеченные понятия, например: дышың (навык, учение), шаныр (верный), кенеш (совет — советовать), эрык (свобода) и т. д.; в) слова арабско-персидские в «отатаренной» форме, например: калык

(халык — народ), дошман (враг), мыскыл-ланы (издеваться, последнее слово «татаризовано» из арабского «масхара») и т. д.

Хронологически такое влияние татарского языка на угро-финские языки можно отнести, без сомнения, к болгарскому периоду, по крайней мере, до Казанского ханства¹. Это предположение можно подтвердить обоснованными доводами: 1) большинство таких «тюркизмов», например, в удмуртском языке, синонимов не имеют (я сужу по литературному удмуртскому языку); это показывает, что они уже давно получили право гражданства в этом языке; 2) часть этих «тюркизмов», бытовавших в древних письменных памятниках, теперь вышла из употребления даже в самом литературном языке татар; например, слово учсыз, в мордовском языке учсуз (дешево) то же, что и исконно татарское очсыз — очыз, которое теперь употребляется только в казанском говоре среднего диалекта и в некоторых говорах западного диалекта в том же значении.

Наконец, еще одним доводом может служить то, что в литературных памятниках болгарского периода (X—XV вв.) мы встречаемся с довольно богатым словарным составом в смысле дифференцированности слов абстрактно-логического значения.

Из вышеизложенного напрашиваются следующие выводы:

1) Татарский язык, как и его носители — татары, не является оформившимся на базе исконно однородного материала. Наоборот, этот язык характеризуется тем, что в его состав вошли многие мелкие языки тюркской системы.

2) Первый этап оформления татарского языка относится к болгарскому периоду, что подтверждается наличием прямой связи современного татарского языка (тем более его различных диалектов), как лексически, так и грамматически, с языком древних письменных памятников.

3) Процесс оформления татарского языка происходил при доминирующей роли болгаро-кипчакских элементов.

¹ Непреложной истиной является то, что языки, не достигшие определенной степени своего развития, не были в состоянии оказывать влияние на другие языки.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. А. ДИНЦЕС

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ НОВГОРОДСКОГО КРАЯ

Среди образцов народного шитья Новгородского края, разнообразных по технике выполнения и тематике, восходящей к различным эпохам вплоть до древнейших, в собрании Государственного Русского музея останавливают на себе внимание две вышивки. Доставлены они были в 1938 г. участниками второй экспедиции Отдела народного искусства по Ленинградской области, первая — Кирой Александровной Большой, погибшей в 1941 г. в осажденном Ленинграде, вторая — автором данной статьи, руководившим экспедицией.

Несмотря на существенные отличия этих вышивок друг от друга в приемах выполнения, сюжете и их формальном строе, они могут быть сближены по признаку общности источника происхождения их мотивов, весьма отдаленного как территориально, так и хронологически.

Первая вышивка была приобретена в с. Черенцово, Глажевского сельсовета, Киришского района, в семье Гороховых. Она представляла собой два сшитых в виде небольшого подзора (ныне разъединенных) ветхих конца полотенца, которое сохранилось из приданого матери престарелой хозяйки и, очевидно, насчитывает около сотни лет (рис. 1). Техника исполнения узора на этих концах — строчка «по вырези» (или «по письму») с тамбурной обшивкой — для Новгородского края является не совсем обычной. Вероятно, если не самое полотенце, к которому подшито местное, так называемое «немецкое» кружево рисунка ведущей тесьмы и промежуточных решеток, которое типично для кружевных изделий Вологды — Белозерска — Кириллова — Киришей (своеобразная русская народная переработка западных гипюрных кружев второй половины XVII — начала XVIII в.)¹, то приемы его вышивания были занесены из соседнего Олонецкого края — Карелии. Там, особенно в Заонежье, строчка по вырези до последнего времени была широко распространена среди русских вышивальщиц. Это же подтверждается характерным для Карелии приемом заполнения фигур наборными рядами мелкогеометрического рисунка и подзоринами (мережкой).

Трехчастная сцена, как бы выявленная сохраненными участками

¹ Л. Динцес и К. Большова. Народные художественные ремесла Ленинградской области. «Советская этнография», II, 1939, стр. 118—120; М. Н. Левинсон-Нечаева. Золото-серебряное кружево XVII в. Тр. Гос. Историч. музея, вып. XIII. М., 1941, стр. 178.

полотна среди прoderнутого сквозного фона и частично не уместившаяся, изображает животных по сторонам срединной фигуры. Традиционно-народной, строго симметричной группировке, построенной в системе зеркального отражения, соответствует столь же традиционный прием линейного соответствования контуров силуэтных фигур, либо параллельных, либо продолжающих друг друга, чем достигается ритмическая спаянность их (особенно в средней части), а также манера характеристики фигур скупыми, но четкими признаками, своего рода изобразительными эпитетами (например, характеристика оленя ветвистыми рогами при крайней схематичности корпуса). Таким образом,

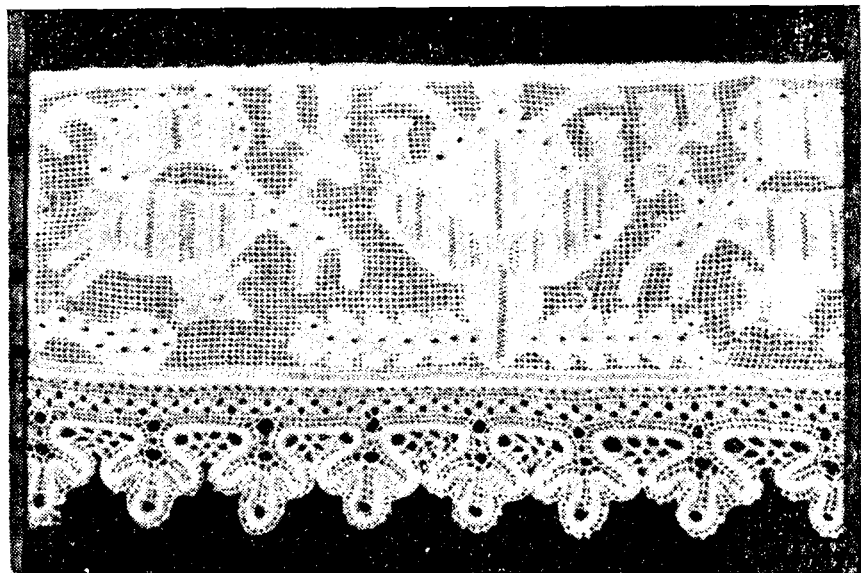

Рис. 1. Конец полотенца из с. Черенцова, Киришского района.
Собр. Гос. Русск. музея (1 РМ)

черенцовская вышивка наделена формальными чертами, свойственными древнейшим по типу сюжета и технике исполнения двусторонним или строчевым вышивкам, обычно изображающим сцены поклонения симметрично предстоящих всадников, коней и птиц женскому божеству или Древу². Но изображения на черенцовском полотенце отличаются от обычных трехчастных групп.

Срединная фигура, имеющая вид дерева, при внимательном рассмотрении оказывается изображением московского двуглавого орла, который подогнан под привычную народным вышивальщицам растительную фигуру. Проходящие по груди и хвосту птицы вертикальные подзорыны как бы намечают стержень — ствол; крылья и грудь сливаются в сомкнутую массу, напоминающую крону; острым концом крыльев придан вид растительной ветви; венчающая же герб корона обращена в трилистник. И только верхние, заостренные в концах, изогнутые полоски, т. е. шея и головы орла, более явственно выдают его геральдическую сущность.

Откуда же явилась в наше народное искусство эта фигура?

Еще в 1871 г. в предисловии к альбому русского народного орна-

² В. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. Историч. музея, вып. I, М., 1926, стр. 7—36; Л. А. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. «Советская этнография», V, 1941, стр. 24—30.

мента В. В. Стасов писал: «Очень часто можно услышать, ...что такие фигуры, как двуглавые птицы, оттого так часто встречаются на полотенцах и проч., что они скопированы прямо с двуглавых орлов на медных пятаках... Утверждают, что двуглавые птицы — это царские двуглавые орлы, доказывающие (свое.— Л. Д.) происхождение не ранее XVI века... Все это неверно и не имеет ровно никакого значения при объяснении наших узоров. Происхождение их совершенно другое... По времени они не принадлежат ко времени царскому, потому что...встречаются у нас гораздо ранее учреждения царского достоинства и принятия двуглавого государственного орла на многих памятниках совер-

Рис. 2. Буква «О» из Псалтири XIV в., хранящейся в Гос. Публ. Библиотеке, № 2, кол. Фролова.

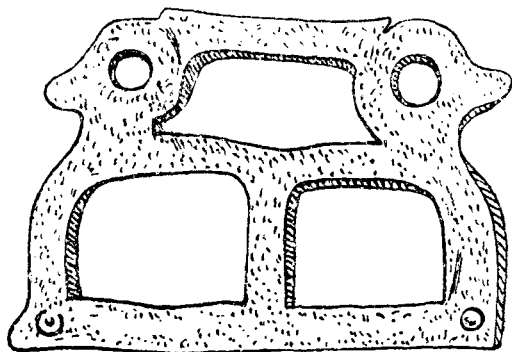

Рис. 3. Медная бляха из кургана у дер. Шиловки, на Смоленщине.

шенно иного содержания и значения. По месту — наши узоры не могли произойти специально в нашем отечестве, потому что существуют у других народов с незапамятных времен гораздо раньше появления Руси на исторической почве...»

Исходя из того, что «главнейшие и характернейшие фигуры наших вышивок имеют свое близкое сходство с орнаментами и заглавными буквами наших рукописей XII—XIV вв.», Стасов полагал, что «наши многочисленные двуглавые птицы имеют своих прототипов в изображениях двуглавых птиц, сильно распространенных в нашей древности и, между прочим, много раз повторенных в заглавных буквах XIII и XIV века» вроде приводимой буквы «О», взятой из Псалтири XIV в. (рис. 2). «Но так как,— заключал свои рассуждения Стасов,— невозможно предположить, чтобы орнаменты и заглавные буквы, встречаемые в рукописях этих двух веков, были изображены именно только в течение этих столетий,... то из этого выходит, что и вышивки наши, совершенно однородные с орнаментами и буквами рукописей, восходят по рисункам своим до первых столетий исторической древней Руси»³.

В своих рассуждениях Стасов был в некоторой мере прав, когда утверждал, что мотив двуглавой птицы был известен нашему народу задолго до установления царского герба, но заблуждался, обращаясь в поисках русского первоисточника этого народного мотива исключительно к памятникам раннефеодальной культуры древней Руси и начисто вместе с тем отвергая возможность последующего воздействия более поздних образцов. Действительно, не только в украшениях рукописей XIII—XIV вв., но и в других категориях наших раннефеодальных памятников, как, например, в рельефах Дмитровского собора во Вла-

³ В. В. Стасов. Русский народный орнамент. Собр., соч., т. I, отд. 1, СПб., 1894, стр. 191—197.

димире конца XII в.⁴, представлен идущий из глубин веков мотив двуглавой птицы. Но не этот явившийся к нам извне мотив лег в основу русских народных изображений — он был известен в ином облике восточнославянским племенам на заре их формирования.

Уже в скудном инвентаре одного из курганов (не позднее VII—VIII вв.) старой Кривичской земли, являющихся бесспорно раннеславянскими, была найдена медная прорезная бляха в виде слитых корпусом разнообращенных птиц (курган у д. Шиловки на Смоленщине, раскопки И. С. Абрамова, рис. 3)⁵. Эта фигура являлась, очевидно, одним из видов слитых парных зооморфных изображений. Из таковых в материальной культуре восточных славян особенно была распространена фигура слитых корпусом разнообращенных коней и птиц. Она представлена на славянских гребнях и многочисленных медных привесках XI—XV вв. В дальнейшем эти фигура сохраняется в пережиточных

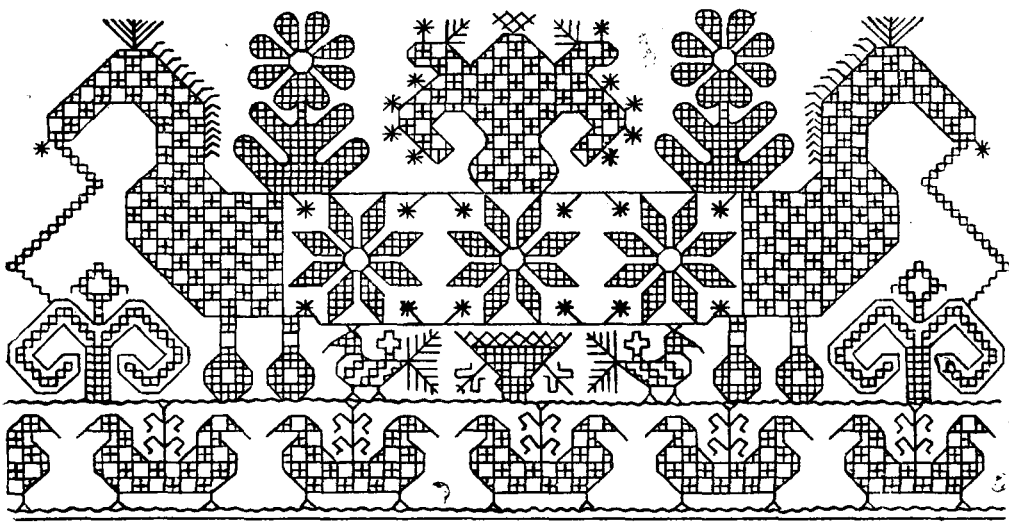

Рис. 4. Конец полотенца Архангельского края (ГРМ)

формах народного искусства — медных гребнях и узорных тканях. Входя обычно в вышивках в сцены поклонения Древу жизни либо Великой Матери⁶, фигура слитых корпусом коней, называемая ладьей⁷, особенно связана с женским божеством.

Очевидно, в подобном же аспекте первоначально воспринимались более всего распространенные в привесках слитые корпусом разнообращенные птицы, в большом числе сохранившиеся в русской народной вышивке, особенно северной. На одном шитом двусторонним швом архангельском полотенце такая фигура разнообращенных пав-петухов, узнаваемых по характерному признаку — гребню-хохолку, особо насыщена (рис. 4). В средней своей части она заполнена соллярными розетками и служит основанием для двух кустов и срединной фигуры, в которой можно предполагать деформированную женскую. Очевидно, это изображение соответствовало народным представлениям о связи крылатой богини — Весны с птицами (равно как и конями), отразившимся в обы-

⁴ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. I, М., 1916, табл. 9, 10.

⁵ М. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Этногенез восточных славян, т. I, Л., 1941, стр. 43; см. также Записки Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. об-ва, т. VIII, в. I, стр. 194.

⁶ Отчасти в коньках на крышах изб. См. В. Стасов. Коньки на крестьянских крышах. Собр. соч., т. II, СПб., 1894, стр. 105—114.

⁷ Она действительно напоминает ладью с конскими головками на носу и корме, представленные в русских миниатюрах, например, к «Задонщине» (см. «Сказание о Мамаевом побоище» с пред. С. Шамбиного, СПб., 1907, табл. XIX).

чае заклинания ее 9 марта ст. ст. с пряниками в виде птиц-жаворонков (или проводов с чучелом лошади) ⁸?

Помещенные ниже в углах архангельской вышивки две менее деформированные схематичные полуфигуры как бы держат каждую птицу на поводу, т. е. повторяют деталь, обычную для групп богини с предстоящими конями, которых она держит под уздцы. Нижний же ряд вышивки составляется из обычных слитых птичек со срединной растительной осью.

Таким образом, изображение двуглавой птицы со срединной фигурной осью было некогда связано с древнейшими религиозными представлениями восточных славян и является в нашем народном искусстве автохтонным.

Но из этого никак не следует, что фасное изображение двуглавого коронованного орла с широко распростертыми крыльями в нашем народном искусстве непосредственно развилось из древнеславянской фигуры двуглавой птицы. Между строго профильной и бескрылой птичьей ладьей и московским гербом отличия весьма существенны. Двуглавый орел был, конечно, взят нашими вышивальщицами, если не с медного пятака, то с каких-то иных, более ранних предметов, меченных московским гербом. Но привился двуглавый орел в нашем народном искусстве в силу того, что был понят не как государственная эмблема, а как новый вариант привычного народного мотива двуглавой птицы, который к тому времени утерял свое первичное культовое значение, сохранился в силу традиции и сделался самодовлеюще-декоративным.

Именно в силу замещения автохтонного древнего мотива фигура двуглавого орла получила широкое распространение в народной орнаментике, от русского Беломорья до Украины (например, в тканых королевских рушниках на Сумщине). Являясь замещением чисто декоративного порядка, фигура двуглавого орла претерпела в народной передаче самые разнообразные изменения, выражающиеся то в сохранении ее геральдически-птичьего облика, то в приближении к растительной фигуре, то в сведении ее, как будет показано далее, к совершенно произвольным мотивам.

Так определяется формирование срединно-осевой фигуры черенцовской вышивки. Время формирования (если положить некоторый отрезок времени на нисхождение фигуры двуглавого орла из «высокого» источника в обиход народного искусства) падает на XVII—XVIII вв. На это время указывает и тип орла с поднятыми крыльями, тонкими, изогнутыми шеями и широко расставленными головками, увенчанными одной крупной короной (малые надглавные утеряны).

Обратимся к боковым фигурам вышивки. Они представляют сцену борьбы оленя с прыгнувшим на его спину львом. Желая передать стремительный бег испуганного животного, что, кстати, необычно для древнего типа народных изображений, вышивальщица как бы расчленила его корпус надвое — на заднюю, округленную к хвосту половину с далеко откинутыми назад ногами, и переднюю в виде параллелограмма с приставленными прямыми ногами. Такое расчленение корпуса на направленные в противоположные стороны части придало оленю, изображенному в положении, близком «летающему галопу», особую динамичность.

Передача фигуры льва с маскою в фас для русской вышивальщицы, привычной к строго профильным изображениям зверей, оказалось особо трудной. Взяв общий криволинейный абрис льва с характерным гибким хвостом и особо его выявивши, она слила воедино корпус, маску

⁸ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 608; т. III, М., 1869, стр. 690; Л. Диньес. Изучение русского народного искусства и наследие Марра. Краткие сообщения ИИМК, XII, стр. 148.

и волнистую гриву и силуэтно очерченный участок украсила по краям «дырами», а корпус, как и фигуру оленя, заполнила дробногеометрическим узором из наборных рядов и подзорин.

Откуда же в севернорусском народном шитье появилась эта группа с непривычной местному населению фигурой льва?

Сцены борьбы оленя, лани, быка со львом присутствуют в искусстве народов Евразии уже в глубокой древности⁹. Но с особо высоким совершенством они были разработаны в искусстве сасанидского круга. Эрмитажное серебряное блюдо из Половодова, Пермской губ., с изображением льва, терзающего лань (рис. 5), и фрагменты шелковых тканей с заключенными в круги изображениями парных всадников по сторонам дерева, а ниже — парных групп львов, терзающих дикого осла (ткань из раки св. Гуниберта в Кельне) или оленя (ткань из Трира), дают разновидности интересующей нас сцены борьбы зверей. Они чрезвычайно компактны и строго подчинены общей круговой композиции.¹⁰

Рис. 5. Серебряное блюдо из Половодова, Пермской губ. Гос. Эрмитаж.

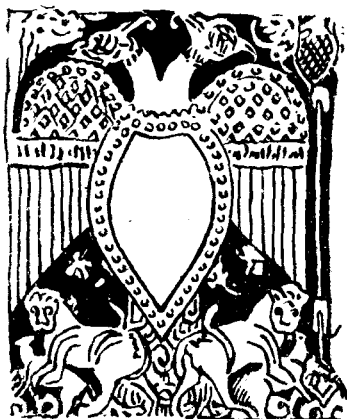

Рис. 6. Сицилийская ткань. Худ.-пром. музей в Берлине.

Традиция сохранила интересующий нас мотив борьбы льва с оленем или ланью на протяжении последующих веков в культуре самого Ирана, в областях Византии, где он проявился в каменной резьбе и тканях¹¹, и в других очагах Средиземноморья. Из сицилийских тканей, в узоре которых имеются группы борющихся животных, следует упомянуть о ткани, сделанной мастером Абд-эль-Азисом для короля Вильгельма II (1169—1189, рис. 6)¹². По сюжету — двуглавному орлу с парными группами львов, терзающих лань, — она аналогична черенцовской вышивке, но по стилистическим, строго-геральдическим качествам не имеет с нею ничего общего. В дальнейшем мотив борьбы животных наследуется сельджукским искусством (в широком понимании этого термина, включающего, кроме мусульманского, и искусство христианского Закавказья)

⁹ См., например, Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. Петроград, 1914, стр. 4, табл. VI—2.

¹⁰ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, №№ 278, 96, 106, 289. И. А. Орбели. Сасанидское искусство. Восток, кн. 4, 1924, стр. 148; Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей. М., 1934, стр. 92—94; Phyllis Ackerman. Some problems of seljuq and safavid textiles. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939, стр. 1—5.

¹¹ David Talbot Rice. Iranian elements in Byzantine art. III Международный конгресс, стр. 203—208.

¹² Н. Н. Соболев. Очерки, стр. 216—220.

и приходит к особо многообразной разработке в текстиле сефевидского периода XVI—XVII вв. В общем процессе возрождения сасанидских мотивов в искусстве вернувшего свою независимость Ирана группа льва, терзающего оленя-лань, была широко использована в декорировке тканей и продолжает жить до наших дней¹³.

Рис. 7. Ковер XVI в. Victoria and Albert Museum, Лондон (деталь).

Многочисленные лицевые шелковые, парчевые, бархатные и ковровые ткани XVI—XVII вв. искусно украшены жанровыми сценами охоты, поединков, пиршеств и другими, часто на литературный сюжет, которые повторяются среди растительных разводов. Следуя сасанидской тради-

¹³ И. Орбели. Проблема сельджукского искусства. III Международный конгресс, стр. 150—154; А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Востока, Л., 1937, стр. 53—54.

ции в сюжете, мастера трактуют эти сцены несравненно жизненное, оживляют иератическую условность и строгую замкнутость композиции и переходят к свободному расположению фигур. На смену традиционному среднеазиатскому «героическому реализму» с его суровым ритмом, слившимся художественные достижения эллинских и древневосточных мастеров, явился реализм жанрового порядка с сильным уклоном в сторону затейливого, легкого орнаментализма. Интересующая нас сцена борьбы льва с оленем или ланью дается в самых различных моментах и положениях. Так, на атласной ткани Брюссельского музея или на так называемом лобановском исфаханском ковре XVI в. лев изображен подкрадывающимся к насторожившемуся оленю¹⁴, а на ковре XVI в. из Victoria and Albert Museum в Лондоне (рис. 7) лев дан в том же положении и вскочившим на свою жертву со спины или с головы¹⁵.

Таким образом, при выяснении времени вхождения в русское народное искусство мотива борьбы оленя со львом предстоит сделать выбор на тысячелетнем отрезке — от зарождения русской государственности до последних веков.

Проникновение в русское народное искусство элементов феодальной художественной культуры началось весьма рано. Замещение, например, в трехчастных древнего извода сценах Древа жизни акантовым кустом, а животных — барсом восходит еще к поре Киевской Руси, которой были широко известны привозимые из Византии и восточных стран драгоценные узорные паволоки и аксамиты, а также набойки¹⁶.

Но из этого процесса замещения своих изображений сходными пришлыми были абсолютно исключены мотивы борьбы зверей. Они были чужды искусству земледельческого населения восточнославянских земель на той ступени развития, при которой животное ставилось в связь с почитаемой природой в рамках ее производственно-земледельческого значения. В этих условиях замещение динамической группой борющихся зверей недвижных фигур животных или птиц, покорно предстоящих пред животворящим объектом поклонения, было немыслимо. Хотя мотивы борьбы зверей просачивались в искусство местных феодалов и с романского Запада, и с византийского Юга, и с Востока (вроде крылатого зверя, терзающего лань на средних пряслах южной и северной стен Дмитровского собора)¹⁷, но в народном искусстве этой ранней поры они не получили признания.

Таковое могло произойти лишь ко времени полного забвения культовых начал в исполняемых по традиции композициях и переосмысления фигур в направлении жанрово-декоративного восприятия, т. е. на сравнительно поздних этапах развития русского народного искусства.

Уже в так называемых местных школах народного искусства, формирование которых восходит к эпохе феодальной раздробленности, наблюдается использование древних, теряющих свое смысловое значение изображений для чисто орнаментальных построений¹⁸. В этих новых построениях не только нарушается традиционная система расположения фигур, прежде обусловленная культовым содержанием, но допускается переформирование и деформация самих фигур (как это видно на приведенной архангельской вышивке). Однако прямолинейный строй и система ритмического соответствия в основном еще соблюдаются.

С эпохой же сложения единой культуры русского народа, сбросив-

¹⁴ Phyllis Ackerman. Op. cit., табл. VIII; Мусульманский Восток, Л., 1925 стр. 6—9, табл. XVI—XVII.

¹⁵ Carl Norf. Old persian carpets, Мюнхен, 1913, стр. 3, 11, 12.

¹⁶ Л. Динцес. К. Большова. Народные художественные ремесла Ленинградской области, ст. 110, 111, 118.

¹⁷ Бобринский. Указ. соч., табл. 12—1, 17—2.

¹⁸ Л. Динцес. Изучение русского народного искусства..., стр. 148—149.

шего иго завоевателей, и интенсивного развития искусства, древние нормы преодолеваются. Наряду с сохранившимися по традиции каноническими композициями в нашем народном искусстве XVI—XVII вв. (особенно в шитье, резьбе и росписи) получили широкое распространение иные, близкие живой действительности мотивы свободного, плавно текущего криволинейного рисунка и новые приновленные к ним построения. Именно в этот период, наряду с разработкой и переформированием собственных мотивов, русскому народному искусству оказалась особенно пригодной сокровищница декоративного искусства Ирана в ее сефевидской редакции, так же как и позднеренессансное искусство Запада.

Историческая обстановка вполне благоприятствовала такому обогащению русского народного искусства. Оживившиеся с XIV в. торговые сношения Руси со странами Востока (по волжскому и донскому путям) особенно возросли после завоевания Казанского царства. Являясь не только посредником в торговле между Европой и Азией, но и одним из главных потребителей восточных товаров, Московская Русь широко пользовалась в быту зажиточных слоев и церкви высокосортными иранскими тканями. По свидетельству немца Генриха Штадена, служившего при Грозном опричником, «Персия — Кизилбаши, Бухара, Шемаха — все эти страны постоянно торгуют с Русской Землей; обычный их товар — золотые изделия разных сортов, шелковые ткани и многое другое»¹⁹. Узорные иранские парчи, шелка, бархат и вышивки, шедшие на шубы, опашни, ферязи, кафтаны, пологи, церковные облачения, ковры и пр., хранящиеся в наших музеях, позволяют судить о широком их распространении в XVI—XVII вв. Их узор вызывал многочисленные местные варианты не только в текстиле, но и в росписи стен, эмалях и т. п.

Наряду с дорогими тканями в Московскую Русь в таких же, если не более широких, размерах ввозились дешевые сорта их, которые находили сбыт в народной среде. В «Кратком известии о русской торговле» 1674 г. Иоанн-Филипп Кильбургер, перечисляя ввозимые из Ирана в Россию товары, наряду с коврами и шелками, отмечает выбойку и особо широко потребляемые набойчатые одеяла и скатерти²⁰, а Родес в «Размышлениях о русской торговле» 1653 г. доносит шведскому правительству, что «русские, а особенно простонародье, не могут обходиться без киндяков, потому что главным образом одеваются в них; это были легкие, красивые и прочные ткани, которые можно было купить за недорогую цену»²¹.

Реальным подтверждением письменных известий о распространении в простонародье набоек Кизылбашской земли, привозимых с Гилянского берега (Каспия), служит факт приобретения одним из участников экспедиции 1937 г. по Ленинградской области в колхозе «Новый путь», Волосовского района домотканного ковра, который был подшит половиной старого иранского набивного покрывала. На этом покрывале, наряду с эмблемами Ирана (лев и солнце), павлинами и растительными мотивами, имеется группа, изображающая льва в момент его прыжка на круп оленя, который упал на передние ноги (рис. 8). Таким образом,

¹⁹ Генрих Штаден. О Москве Иоанна Грозного — записки немца-опричника. М., 1925, стр. 39—40.

²⁰ В. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915, стр. 151—152, 236, 161.

²¹ Бумажная ткань граденалевого переплетения называется миткалем. Миткаль, окрашенный в красную краску, называют кумачом, а в иную — киндяком. Белый же миткаль с набивным узором получает название набойки или выбойки (В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до 17-го века, и их терминология. Сб. Оружейной Палаты. М., 1925, стр. 70). Киндяком же, очевидно, называлась и крашенная выбойка по цветному фону, в отличие от травчатой (по белому) выбойки (Курц. Указ. соч., стр. 361).

вышивальщицы отдаленного от Востока Новгородского края в качестве образца для своих работ могли пользоваться бытовавшими в их среде дешевыми сортами иранских лицевых тканей, т. е. непосредственно первоисточником.

Однако находившиеся перед их глазами и ставшие привычными изображения не были ими механически скопированы. Своеобразная передача на черенцовской вышивке фигуры льва, изображенного не в мо-

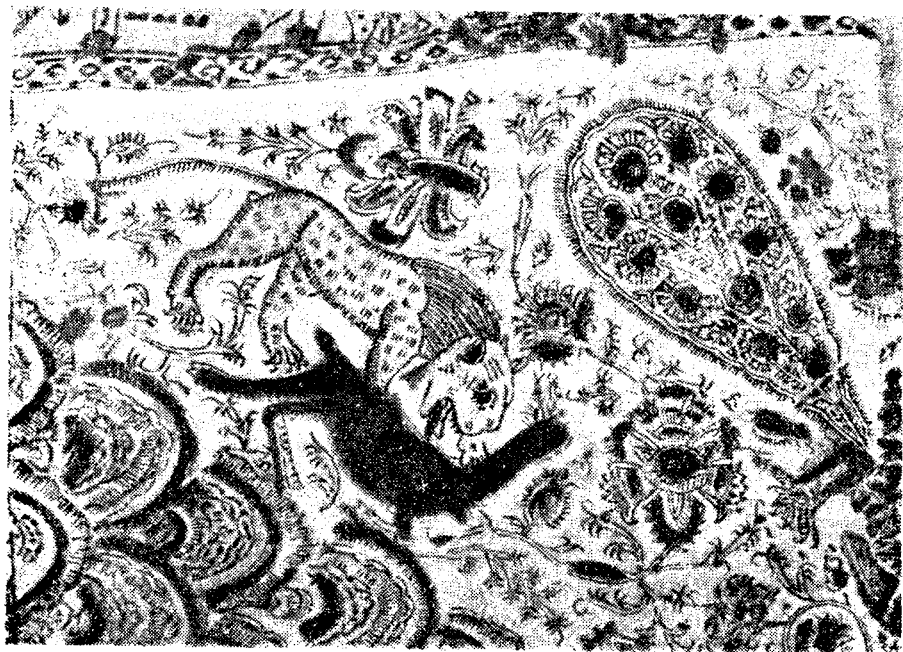

Рис. 8. Деталь иранской набойки, обнаруженной в Ленинградской обл. (ГРМ).

мент прыжка, а прочно утвердившимся на спине жертвы, т. е. в устойчивой позе, наиболее подходящей для строя русского народного шитья, была уже нами рассмотрена. Что же касается оленя, то отмеченное нами раздвоение его корпуса следует объяснить той же устремленностью к максимально устойчивому, равновесному положению фигур.

Изображение поверженного на передние подогнутые ноги животного, как на приведенном набойчатом покрывале, подверглось особо значительной переработке. Вышивальщица наново приделала к фигуре оленя переднюю часть с головой и ногами, выдержанную в прямолинейных формах, обычных для местных изображений оленя, т. е. поставила его на ноги. Эту новоприставленную часть она привела в ритмическое единство с передней частью фигуры льва, а ставшие лишними подогнутые передние ноги оленя обратила в подпорку под брюхо животного.

Стремление придать максимальную устойчивость нововводимым в традиционную трехчастную композицию мотивам вызвало такие детали черенцовской вышивки, как отходящие от хвоста орла прямые ветви, служащие основанием срединной фигуре, или боковые вытянутые криволинейные полосы вида пузырей (вероятно, деформация иранских растительных разводов), как бы подпирающие сзади фигуры скачущих оленей.

Совмещение древних недвижных прямолинейных и новых криволинейных начал определяет строй черенцовской вышивки, отмеченной

знаком эпохи — эмблемой Московской Руси, обогатившей наше родное искусство новым живым содержанием и свободной формой.

Характерным для этого этапа развития русской народной вышивки

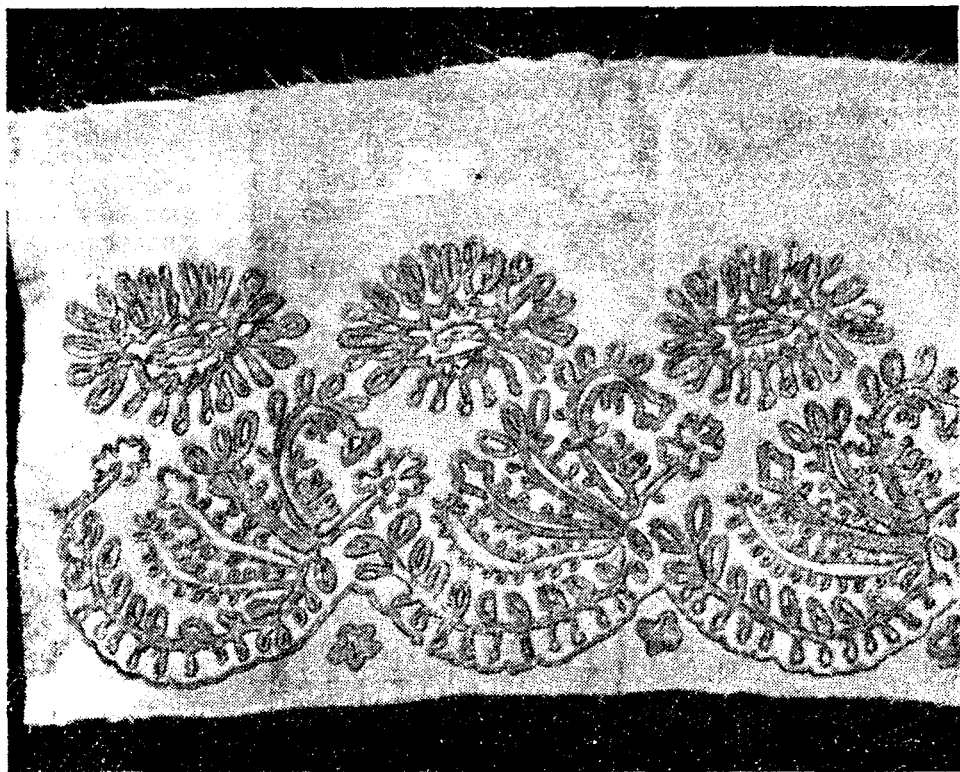

Рис. 9. Конец полотенца из с. Старого Рахина, Крестецкого района (ГРМ.)

явился новый прием ее исполнения. Введение криволинейных мотивов, естественно, вызвало замену старинного шитья прямыми стежками тех-

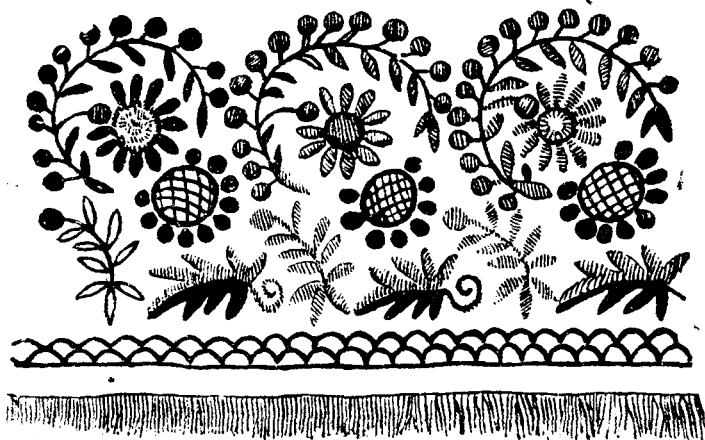

Рис. 10. Вышивка казанского чупрака (часть).
Центральный музей ТАССР, Казань.

никой нанесения более гибкой линии. Такой и явилось шитье тамбуром. Тамбур, т. е. шитье в петлю иглой с загнутым концом, весьма древнего

происхождения. Он представлен, например, на тканях, добытых П. К. Козловым в ноин-ульских курганах Северной Монголии. Ткани эти, сходные с тканями в скифских и боспорских погребениях нашего Юга, датируются последними веками первого тысячелетия до н. э.²² Бытуя в новое время почти повсеместно, тамбур особенно распространен в вышивках турецко-монгольских народностей, а в наших восточно- и южно-европейских областях — у казанских и ногайских татар и в Крыму. «У казанских татар, — пишет Н. Воробьев, — где тамбур является абсолютно доминирующей техникой шитья, сохранились наиболее древние и чистые формы орнаментации тканей... Казанские татары... сохранили свою древнюю технику вышивки в более чистом виде, чем другие турецкие и монгольские народности»²³. Очевидно, теми же юго-восточными путями, которые в Московскую Русь были занесены иранские мотивы, явилась и связанная с ними техника тамбура, преимущественно через казанских татар. Это не исключает вероятности воздействия крымского и особенно астраханского (ногайско-татарского) шитья, в котором, однако, тамбур не является господствующим²⁴. Как известно, Астрахань была крупнейшим рынком, откуда в Россию поступали товары Ближнего Востока, далее следующие по Волжскому пути²⁵. Поэтому астраханский очаг татарского шитья не мог не оказать влияния на русское, хотя, конечно, Казань, как непосредственно примыкающая к русским землям, была в этом отношении более действенна.

Соответственно казанскому очагу, из великорусских земель вышивание тамбуром более всего распространено в Прикамье, Ярославской и Нижегородской (Горьковской) областях. Там оно зачастую выполняется разноцветными шерстями или шелками. Далее на запад тамбур становится преимущественно одноцветным, чаще всего выполняется льняной или бумажной нитью (белой или красной) и доходит, как мы видим, до Русской Прибалтики.

В черенцовской вышивке, своеобразно совместившей древние и новые стилевые начала, тамбур лишь окаймляет рисунок. Декорировка же внутренних участков выполнена прямолинейными подзоринами и наборными рядами. Второй образец шитья Новгородского края не дает этой промежуточности в стиле и технике исполнения, а целиком выдержан в новой манере.

Домотканное бумажное полотенце, украшенное по концам неширокой полосой красной вышивки, происходит из церкви Старого Рахина, Крестецкого района, большого села, помнящего себя со времен Грозного (рис. 9). Узор этого полотенца составляется из сомкнутого ряда исполненных тамбуром повторяющихся и направленных в одну сторону кустов и расходящихся влево дугообразных стеблей. Верхний ряд вытянутых округлых мотивов типа цветочных розеток заполняет свободные промежутки между этими кустами, а нижняя цепь дужек с мелкими розетками в углах связывает их в ряд, придавая им устойчивость. Рисунок старорахинской вышивки совершенно свободный, не счетный и отличается динамичностью округленных, гибких форм. В отличие от недвижных древних народных растительных мотивов, всегда одинаковых по сторонам прямого стебля или ствола, основные фигуры старорахинской вышивки ассиметричны. Их левая, перегруженная стеблями часть уравнивается далеко выдвинутой вправо гвоздикой и

²² Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, стр. 35—39; Н. Воробьев. Некоторые данные о технике орнаментации тканей у казанских татар. Материалы Центрального Музея ТАССР, № 2, Казань, 1929, стр. 18.

²³ Н. Воробьев. Указ. кн., стр. 16—19.

²⁴ А. Чепурина. Орнаментное шитье Крыма. М., 1938, стр. 40—42.

²⁵ Русская история под ред. Довнар-Запольского, т. III, Киев, 1912, стр. 340—341.

склоненным в ту же сторону цветком колокольчика на верхнем стебле.

И по общему рисунку растительных мотивов, и по их деталям (как цветок гвоздики) старорахинская вышивка может быть сближена с тамбурными вышивками казанских татар вроде приводимого ряда дугообразных, наклоненных вправо ветвей на чупраке, также заполненных в промежутках (только не в верхних, а в срединных) цветочными розетками (рис. 10), но отличающихся пестротой расцветки, особенно при исполнении шелками²⁶. Однако при всем этом наша вышивка таит в себе особенности, в силу которых ее приходится выделить из категории обычно растительных. Усложненность старорахинской фигуры сравнительно

Рис. 11. Деталь сасанидской ткани. Victoria and Albert Museum. Лондон.

с ветвью казанской вышивки, выражающаяся в спаянности куста и своеобразии склоненной верхушки и выдвинутой гвоздики, вызывает более пристальное рассмотрение, в результате чего вскрывается зависимость ее формы не столько от растительного, сколько от чудовищного образа Сэнмурва.

Образ упоминаемого уже в Авесте Сэнмурва, объединившего в себе разностихийные признаки птицы (крылья, хвост), собаки (голова, лапы), а иногда и козла (бородка) и изукрашенного рыбой чешуей и растительными мотивами, как олицетворение трех космических начал, а затем как сказочный образ, представлен в искусстве греков, скифов, Ирана, Китая и др. Особенно он был разработан в искусстве империи Сасанидов, где, как полагает К. В. Тревер, приобрел значение царского герба династии²⁷. В тканях, металлических изделиях и в резьбе по камню и кости сасанидского круга профильное изображение Сэнмурва, так же, как изображение льва, терзающего оленя, обычно рассчитано

²⁶ Е. Адольф. Вышивки казанских татар. Материалы Центрального музея ТАССР, № 1, стр. 5—10.

²⁷ К. В. Тревер. Собака-птица Сэнмурв и Паскудж. Из истории докапиталистических формаций. Об., посвященный Н. Я. Марру. М.—Л., 1933, стр. 293—321; То же. Л., 1937; К. В. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта. Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. 3, Л., 1940, стр. 169—174.

на помещение в круге или овале²⁸; когда же для него отводится некруговая площадь, оно сохраняет округленность общего абриса, особенно в нижней части и в изгибе хвоста и крыльев.

Из единообразных изображений Сэнмурва на серебряных блюдах, чаше и кувшинчиках, на ткани (рис. 11) и на каменных рельефах Так-и-Бостана, воспроизводящих узор одеяний царственных героев (рис. 12), для нашей цели особенно подходит изображение на серебряном с позолотой блюде, вывезенном из Кытманова, Вятской губ. (рис. 13). При сопоставлении изображения Сэнмурва на этом блюде (если его переориентировать вправо) с кустом старорахинской вышивки совпадение абрисов обеих фигур представляется наиболее очевид-

Рис. 12. Деталь рельефа
Так-и-Бостана.

Рис. 13. Серебряное блюдо из Кытманова, Вятской губ. Гос. Эрмитаж

ным. Место головы чудовища с оскаленной пастью занял цветок колокольчика, уши и завитки крыла оставили свой след в листиках на верхнем и смежном стеблях, хвост (менее, правда, пышный) замещен расходящимися нижними стеблями, а на месте вытянутых вперед лап пришелся выдвинутый цветок гвоздики (рис. 14). Округленность абриса Сэнмурва целиком сохранилась в абрисе куста старорахинской вышивки.

Когда же и где такое превращение зверя в растение могло иметь место?

В материальной культуре древней Руси изображение Сэнмурва фиксируется весьма рано. В большом Гнездовском кургане на Смоленщине, начала X в., была обнаружена намеренно разбитая при совершении погребального обряда поливная тарелка с изображением на белом фоне Сэнмурва, выполненным в темнокоричневых и золотистых тонах (рис. 15). По мнению исследователя могильника В. И. Сизова, эта «тарелка с изображением дракона» является привозной, доставленной волжским путем и принадлежит к арабским изделиям, представляющим новую редакцию сасанидских изображений. Находки в Гнездове преимущественно диргемов X в., при наличии лишь одной византийской и

²⁸ G. Migeon. Les arts du tissu. Paris, 1910, p. 10; Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, стр. 84—95.

полном отсутствии западных монет, подтверждают господство здесь арабского привоза²⁹.

Далее факт находки в одном из монастырей Новгорода шитого в XII в. распятия на ткани VIII—IX вв. с сасанидским изображением крылатого с львиным туловищем быка³⁰ позволяет считать возможным привоз в древнюю Русь тканей с изображением Сэнмурва.

Точно так же представляется вероятным, что в эпоху феодальной раздробленности среди проникавших к нам с Запада и Юго-востока мотивов Кавказа и романского мира, особо ярко представленных в «прилепах» владимиро-суздальских храмов XII—XIII вв. (т. е. наряду с грифонами, сиринями, драконами, китоврасами и т. п.), мог быть и

Рис. 14. Схема совмещения абриса изображения Сэнмурва и растительной фигуры староракшинской вышивки.

Рис. 15. Тарелка из Большого Гнездовского кургана. Гос. Исторический музей.

Сэнмурв. Его мы находим, например, на романской капители 1114 г. Norte Dame в Булони (рис. 16), где он сведен к чисто декоративной, валютообразной фигуре³¹, и в росписи церкви Тиграна h'Оненца в Ани 1215 г. (рис. 17).

Настаивая на максимально раннем освоении образа Сэнмурва древней Русью, К. В. Тревер отождествляет по признаку звучания Сэнмурва с именем божества Владимирова пантеона Симурга-Симарьгла Начальной летописи, хотя мифологическое значение этого божества на Руси остается невыясненным³². «Тарелка из Гнездова дает основание (и независимо от имени), — утверждает она, — говорить о наличии в кругу ми-

²⁹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., в. 1. Гнездовский могильник. Материалы по археол. России, № 28, СПб., 1902, стр. 9—10, 61—62, 116—120, табл. VIII—I; М. А. Тиханова. Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнездове. Краткие сообщения ИИМК, XI, стр. 28—30.

³⁰ Л. И. Якунина. Древняя иранская ткань из собрания Гос. Историч. музея. «Вестник древней истории», № 1(2), 1938, стр. 104—107; Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, стр. 61—62.

³¹ Camille Enlart. Manuel d'archéologie française. Architecture religieuse, partie I, Paris, 1919, pp. 406—407, 448, fig. 203 b.

³² Другими исследователями Симарьгл расшифровывается как искаженное название упоминаемых в Библии (IV Кн. Царств, 17, 30) ассирийских божеств Асимафа (ас'идаф) и Ергела (ер'гел) (см. статью Прейса в Журнале Министерства на-

фических представлений населения Верхнего Приднепровья образа собаки-птицы»³³.

Однако, едва ли наличие образа иранской мифологии на бесспорно привозных изделиях — тарелке и шелковой ткани — может служить доводом в пользу столь глубокого освоения его древней Русью. На дошедших до нас в немалом числе местных памятниках древнерусского феодального искусства, широко использовавшего зарубежные мотивы, изображений Сэнмурва мы не находим. И если даже считаться с допустимостью наличия его в репертуаре «романских» мотивов, проникших на Русь, то он мог играть лишь чисто декоративную роль подобно Сэнмурву на капители булонской церкви.

Рис. 16. Романская капитель (Булонь).

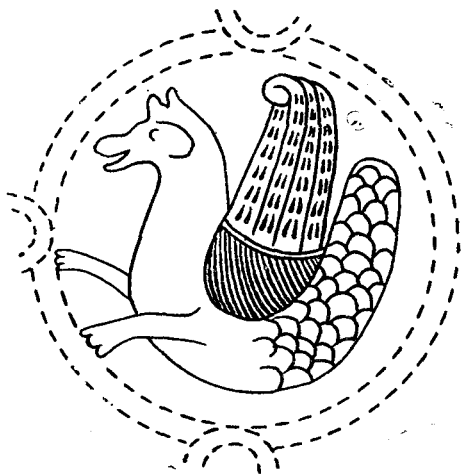

Рис. 17. Деталь росписи церкви Тиграна h'Оненца в Ани.

К тому же, между нашим феодальным искусством и искусством народным, насыщенным на ранних этапах развития сравнительно несложными геометризированными образами одухотворяемой земледельцем природы, дистанция весьма внушительная. И, конечно, чудовищный образ собаки-птицы древнерусскому народному искусству должен был остаться чуждым.

Сохраняясь в искусстве стран Востока (особенно в низовой струе) вплоть до последних веков³⁴, этот мотив мог быть использован нашим народным искусством лишь на позднем этапе декоративно-криволинейных построений.

родного просвещения, ч. XXIX, 1841), либо богов Сима и Регла, известных по древнегреческой надписи понтийской царицы Комосарии, III—II вв. до н. э., открытой на Тамани (Забелин. История русской жизни, ч. II, М., 1879, стр. 293). В разных списках «Слова некоего Христороубца» XIV—XV вв. это имя пишется как «Сима и Рьгла», «Ерьгла», «сима и ворхгла», «воргла», «рыгла», «ргла». Фаминцын выдвинул догадку, что позднейшим переписчиком в слове «Ерьгла» была допущена описка вместо буквы Ы (еры) он написал Б (ерь) и Г (глагол). По исправлении правописания второе имя читается как «Ерыл», т. е. Ярыло (Фаминцын. Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 227). Соколов же, пытаясь объяснить оставшуюся непонятной первую часть «Сим», толкует все слово как Семп-Ярыло, т. е. семилыкий Ярыло (Соколов. Старорусские солнечные боги и богини. Симбирск, 1887, стр. 24—26). См. Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества. Харьков, 1910, стр. 31—33.

³³ К. В. Тревер. Собака-птица. 1933, стр. 321—325.

³⁴ Как, например, в опубликованной К. В. Тревер деревянной курительной трубке Пермского (Молотовского) музея (Сб., посвященный Н. Я. Марру, стр. 325—326).

Связь старорахинской вышивки по характеру растительного узора и по технике выполнения с татарскими вышивками не позволяет относить ее сложение к отдаленным временам и снова приводит нас к XVI—XVII вв., т. е. к эпохе наиболее интенсивного использования русским народным

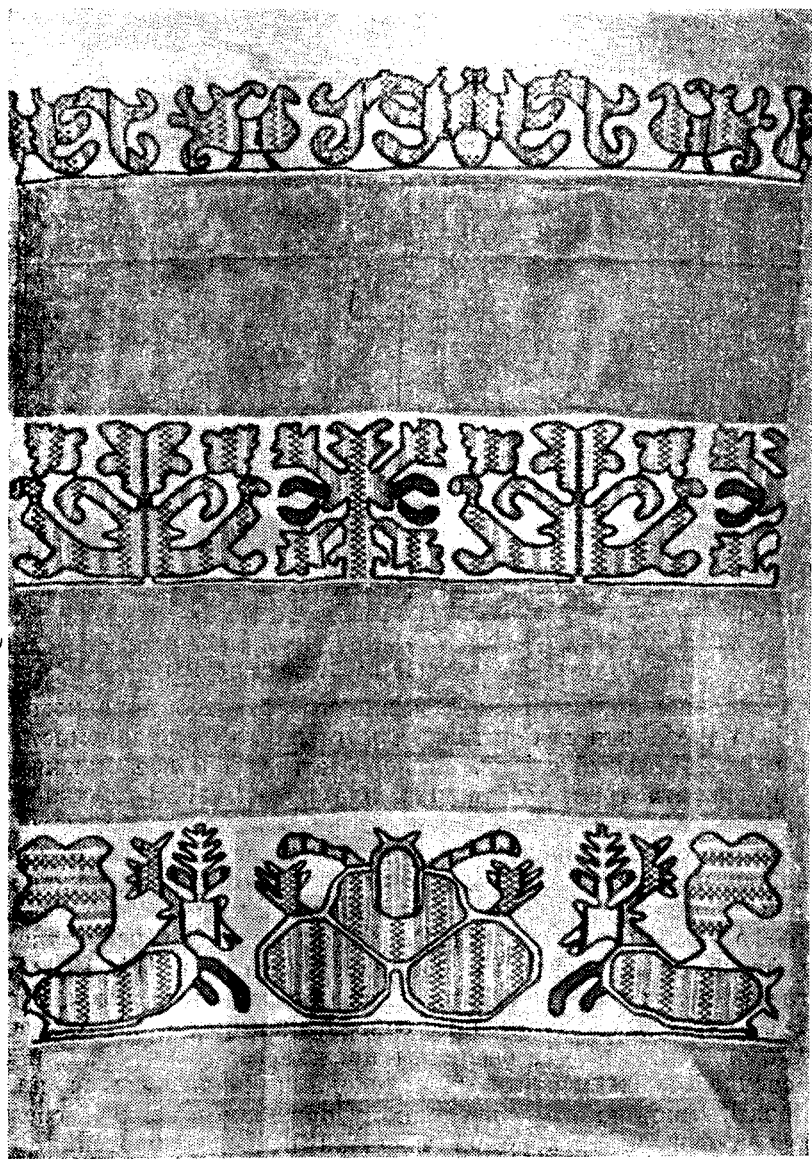

Рис. 18. Конец полотенца из Заонежья (ГРМ).

искусством иранских мотивов, воспринимаемых чисто декоративно при игнорировании сюжетной стороны. О том же, что произвольное превращение Сэнмурва в куст произошло, вероятнее всего, на русской почве, говорит поразительная точность замещения отдельных частей чудовищного образа соответствующими растительными элементами. Едва ли это могло бы иметь место в случае занесения этой фигуры в уже замещенном, готовом виде.

Очевидно, ознакомившись с сохранным по традиции на дешевых иранских тканях XVI—XVII вв. узорным фантастическим сасанидским зверем, наши вышивальщицы отбросили непонятную им тератологическую сущность изображения. Исходя из растительной обработки его, они заместили основной образ сопровождающими его деталями и создали на основе приглянувшихся криволинейных построений новую растительную фигуру.

Близость абриса растительной фигуры ее тератологическому образу придает староряхинской вышивке особую познавательную цен-

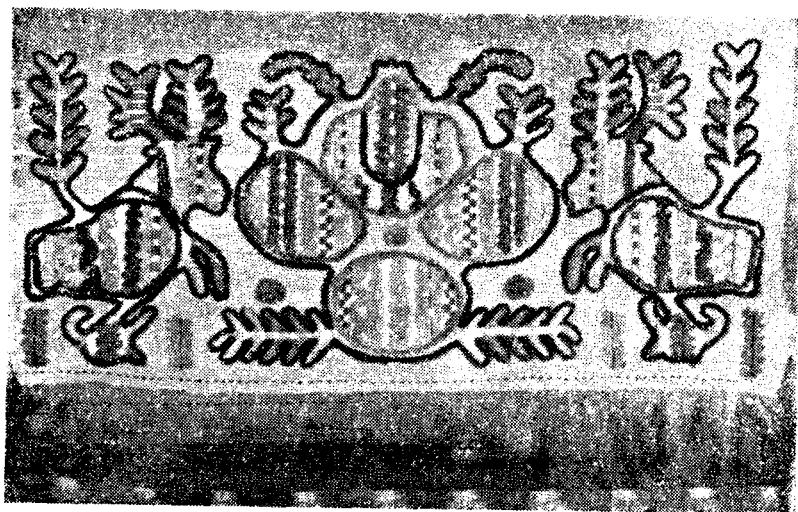

Рис. 19. Конец полотенца из Заонежья (ГРМ).

ность. Обычно же характерная для нашего позднего народного искусства свобода трактовки декоративных мотивов до неузнаваемости изменяла их первоначальный облик. Даже в мотивах, более близких пониманию народа, эта трансформация зашла чрезвычайно далеко. Иллюстрацией тому могут служить вышивки на концах двух полотенец из русского Заонежья первой половины прошлого века. Шиты они тамбуром и набором. Являясь как бы производными от черенцовской композиции, они многоцветны (признак так называемого олонечского шитья, испытавшего воздействие западнофинского народного искусства), а в рисунке фигур дают полное изживание сюжета (рис. 18, 19).

Двуглавые орлы на обоих полотенцах обратились в гнезда трех или четырех округленных участков с совершенно уже неосознаваемыми расходящимися жгутиками, бывшими прежде головами орла, и зубчиками в средней верхней части, т. е. следами полагавшейся на этом месте короны. Лишь по этому последнему признаку в верхней срединной растительной фигуре трехрядной вышивки первого полотенца, выполненной цветными шелковыми и бумажными нитями (черной, красной, желтой, зеленой и голубой), можно распознать ее геральдический прототип. Головы орла вовсе исчезли, а крылья замещены листовыми завитками, то ли западного барочного рисунка, то ли восточного. Впрочем продольное сечение цветов в среднем ряду этой вышивки более говорит о восточном источнике, откуда, очевидно, происходят и затейливые птицы по сторонам видоизмененного до неузнаваемости орла (вспомним фантастических птиц на иранских тканях XVI—XVII вв.)³⁵.

Что же касается группы борющихся зверей, то в первой вышивке (нижний ряд) уже слабо осознаваемая на черенцовском образе фигура

³⁵ Соболев. Очерки, рис. 69, 74.

льва обратилась в крыловидный придаток к оленю, а на втором полотно, шитом красной, малиновой, лиловой, голубой, бледнозеленой и желтой шерстями, была заменена вертикальным, вырастающим из спины усеченного оленя хвостом-елочкой. Зато подпорка в этой фигуре животного сохранилась полностью. Представляется вполне вероятным, что уцелевшие на заонежском олене рудименты иранской группы борьбы зверей, как крыло или вырастающий из спины хвост-елочка, могли быть сохранены не в качестве произвольных декоративных придатков, но переосмыслены как признаки волшебного оленя-лося карело-финского эпоса, слившегося в представлении давних русских поселенцев Беломорья с собственным образом сказочного оленя «золотые рога»³⁶.

В отношении строя этих заонежских вышивок, по сравнению с черенцовской, они, сохраняя внутреннее заполнение фигур мелким прямолинейным узором, в своем абрисе более плавны и далеки от прежних форм «геометрического стиля». Достаточно сопоставить рога и передние ноги у черенцовского оленя и у заонежских. Соответственно этому в стилистически более поздних заонежских изображениях изжит прием ритмического соответствования прямолинейных контуров смежных фигур. Место его заступил иной композиционный прием взаимного уравнивания частей вышивки при чрезвычайной сомкнутости их, своего рода «боязни пустоты».

Таково решение поставленной образцами новгородского и отчасти олонечского народного шитья задачи с тремя неизвестными — двуглавым орлом, львом, терзающим оленя, и Сэнмурвом.

Помимо достойного внимания факта присутствия изобразительных мотивов Востока в народном художественном обиходе Русской Прибалтики, рассмотренные явления заставляют с большей осмысленностью относиться к суждениям о времени и характере их внедрения. Обычно мало учитывается протяженность развития целиком самобытного в своей основе русского народного искусства и использование им чужеземных образцов лишь по мере соответствования их назревшим на местной почве проблемам содержания и формы. Как мы установили, в рассмотренных вышивках древние сасанидские образы оказались пригодными в сравнительно позднюю эпоху, в их сефевидской редакции, и к тому же послужили лишь материалом для творческой переработки, в которой свое, русское, восторжествовало над чужеземным.

В одной из своих статей И. А. Орбели, очерчивая ареал распространения сасанидских мотивов, впервые указал на их присутствие в резьбе русских пряничных досок³⁷. Действительно, резные звери и птицы на некоторых плитах собора в Юрьеве Польском 1234 г., в наружной декорировке которого влияние Востока выступает особо выразительно, близки фигурам пряничных народных форм. Но, судя по древнему северному резному тяблу Государственного Исторического музея³⁸, такого рода изображения в XIV—XV вв., как правило, были чужды низовым народным резчикам, которые перекраивали их на свой лад, упрощая и лишая узорной разделки. Что же касается пряничных досок, в которых действительно можно усмотреть во многих вариантах узорно разработанные образы сасанидского круга, то появление их относится к иной эпохе. Это частично сохранившиеся в подлинниках XVII в. и стилистически близкие к рассмотренным нами вышивкам формы, которые более всего свойственны Средней России, особенно Поволжью. Резанные на

³⁶ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 116—120, 165.

³⁷ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 326.

³⁸ В. Н. Щепкин. Резное деревянное тябло XIII в. Сб. статей, посвященный Е. И. Ламанскому, ч. II, М., 1908, стр. 186—191.

этих досках изображения богаты и разнообразны. Тут и затейливые, в духе Москвы XVI—XVII вв., палаты с башнями, украшенными по шатровым верхам флагами и протоганами, и двуглавые, допетровского рисунка, орлы, и скачущие кони, и полуфантастические птицы и хищники, по своему виду действительно напоминающие сасанидских, и сирины, также близкие иранским изображениям на керамике и коврах, и львы, и единороги, заимствованные из английского герба, которыми в России в качестве декоративного мотива стали пользоваться с XVI в., и пышные растительные побеги, и т. п.³⁹ На многих пряничных формах эти фигуры образуют излюбленные народом трехчастные группы, в которых, так же как и на рассмотренных нами вышивках, двуглавному орлу отводится срединное место.

Сложившись в конце XVI—XVII вв., эта категория пряничных форм объединила в себе собственные русские мотивы украшения со своеобразно переработанными западноевропейскими и азиатскими, среди которых имеются и сасанидские, но в поздней сефевидской редакции. Такого характера русская народная декорировка, сложившаяся путем творческого использования ею элементов искусства позднеренессансного Запада и возрожденного Ирана, наблюдается повсеместно в различных воплощениях. Широкое распространение и развитие она получила в областях, по которым некогда проходил транзит западных и восточных товаров, т. е. по артериям Волги, Сухоны и Сев. Двины — от Нижнего к Вологде, а затем к Холмогорам и Архангельску. Особую творческую роль принадлежала северным землям с их сравнительно свободными общинами черных крестьян, создавших свое относительно благосостояние на эксплуатации промысловых угодий и торговле.

Нижегородская резьба на пряничных формах, различных предметов утвари, избах, телегах и барках, вологодская роспись, богато украшенные вологодские строченые подзоры, северодвинская роспись, равно как и народное шитье тамбуром, гладью и золотой нитью, — все это принадлежит единой стилиевой категории узора русского народного ренессанса, который в последующие века был усложнен элементами барокко и классицизма. Очевидно, подобная декорировка, вовсе не похожая на западноевропейскую, поразила англичанина Джерома Гарсея, который в 1584 г., описывая строившийся в Вологде флот Грозного, особо упомянул о странной обделке судов в виде «изображений львов, драконов, орлов, слонов и единорогов, так отчетливо сделанных и так богато украшенных золотом, серебром, яркой живописью»⁴⁰.

Интенсивно слагавшийся в восточной половине Московской Руси новый декоративный стиль сказался на северо-западе, в народном искусстве русской Прибалтики, в ту эпоху утерявшей свое бывшее экономическое и культурное значение. В силу этого новая декорировка не дала там такого богатства и разнообразия. Новгородский вариант русского народного ренессанса более консервативен, отличается большей приверженностью к традиционным трехчастным построениям, повторяемостью одинаковых фигур и, наконец, своеобразным компромиссным совмещением прямолинейных и криволинейных начал.

Эта заторможенность процесса декоративного обновления объясняется наличием среди памятников народного искусства Новгородского края образцов «промежуточного стиля», которому особенно отвечает череповецкая вышивка. На такого рода образцах еще можно различить чужеземные мотивы, в том числе иранские. В последующих же фазах освоения их нашим народным искусством они видоизменены до такой степени, что при отсутствии образцов «промежуточного стиля» их источник уже не может быть раскрыт.

³⁹ Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М., 1934, стр. 436—444.

⁴⁰ Джером Гарсей. Записки о Московии XVI в. СПб, 1909, стр. 44.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИЗ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ ЯКУТОВ

Историко-археологические исследования в Якутии, направленные на выяснение древней истории этой обширной области Советского Союза, неизбежно приводят исследователя к старому вопросу о происхождении и характере самобытной культуры самого многочисленного и достигшего наиболее высокого уровня в своем культурном развитии северного народа — якутов-сахаларов. Одним из наименее разработанных частных вопросов в этой области является вопрос о характере и уровне развития музыкальной культуры якутского народа.

Как в общей историко-этнографической, так и в специальной литературе часто высказывалось мнение о низком уровне развития и примитивности музыкальной культуры северных племен, не исключая и якутов-сахаларов. В единственной специальной сводке о музыке сибирских племен З. Эвальд, В. Косованова и С. Абаянцева утверждается, например, что «в силу запоздания процессов разложения родового строя в области идеологических надстроек у всех вообще северных племен Сибири налицо и наиболее примитивная стадия музыкального мышления по сравнению с другими сибирскими народностями», не говоря уж о народах иных стран¹. В качестве наиболее веского доказательства, свидетельствующего в пользу такого вывода, авторы этой сводной статьи отмечают «чрезвычайно слабое развитие инструментальной музыки». Инструментарий описанных народностей ограничивается, по их словам, так называемым «варганом», распространенным у всех народностей Севера, деревянной или камышевой дудкой у тунгусов, домброй у остяков и бубном, составляющим профессиональную принадлежность шамана².

Что касается якутов, то относительно их инструментальной музыки все авторы единогласно констатировали ее низкий уровень и скудость инструментария, более скудного даже, чем у тех же, например, остяков-хантэ. Еще А. Ф. Миддендорф писал о якутах: «Хотя эти, полные жизни, наблюдатели природы готовы петь во всякое время, но единственные музыкальные инструменты, которые я встречал у них, — скрипка и варган, оба очевидно заимствованы у русских»³.

Рудольф Маак, автор замечательного труда о Вилюйском округе и его населении, констатировал такую же, если не более мрачную, картину: «Якутские танцы никогда не сопровождаются музыкой, и вообще вилюйские якуты никакой музыки не знают и никаких музыкальных инструментов не имеют, за исключением разве заимствованного у русских неблагозвучного варгана, на котором праздные якуты бренчат иногда по целым дням»⁴. «Якуты, — писал позднее Серошевский, — очень любят слушать инструментальную музыку, особенно игру на скрипке, но у них самих нет никаких музыкальных инструментов, кроме хамыс'а»⁵.

¹ Сибирская Советская энциклопедия, т. III, стр. 579.

² Там же.

³ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, часть II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел VI. Коренные жители Сибири. СПб., 1878, стр. 807.

⁴ Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, ч. III, СПб., 1887, стр. 116.

⁵ В. Серошевский. Якуты, СПб., 1896, стр. 592.

В последнее время известный музыковед В. Беляев писал, что «до сих пор нам известно только два якутских национальных инструмента — хомус и шаманский бубен, относящийся к одним из древнейших и примитивнейших видов музыкальных инструментов, а также единичные экземпляры струнных инструментов, или заимствованных у соседних народов, или же сделанных в подражание этим инструментам»⁶. «Хомус,— продолжал Беляев,— это варган, инструмент, широко распространенный среди народов Сибири, Средней Азии и Восточной Европы»⁷. «Первоначально он делался из дерева или рога (кости), в настоящее время он делается из металла — железа (остов инструмента) и стали (вибрирующая пластинка). Что же касается шаманского бубна, применявшегося для култовых целей, то он на развитие мелодий якутского музыкального искусства влияния не оказал»⁸.

Бубен, таким образом, из состава народных музыкальных инструментов исключается, струнные музыкальные инструменты признаются заимствованными, а от якутского музыкального инструментария остается один только варган, тимир-комус, музыкальные возможности которого специфичны и ограничены.

Из этого краткого обзора видно, что на протяжении целого столетия безраздельно господствовало разделяемое наиболее авторитетными исследователями (этнографами и специалистами-музыковедами) убеждение в крайней примитивности музыкально-инструментальной культуры якутов, убеждение, как будто бы надежно подкрепляемое также наблюдениями над их бытом и общественным строем, обнаруживающими, как полагают, такие же черты застойности и примитивности, как и области музыкальной культуры.

Не все еще здесь, однако, ясно, и налицо ряд таких моментов, которые нуждаются в дополнительной разработке и тщательной проверке новыми фактами.

Обращает внимание, прежде всего, вопрос о соотношении вокальной и инструментальной музыки якутов. Известно, что «якуты обладают значительно развитым вокальным искусством, связанным с якутской народной сказкой и песней. Якутские сказочники (джиретян ыллааччылар)⁹ являются одновременно и поэтами-импровизаторами и профессиональными певцами, ведущими свое повествование на основе определенных музыкальных мотивов, которыми они владеют в совершенстве»¹⁰. Ф. Г. Корнилов констатирует наличие у якутов пяти видов былинно-сказочных мотивов речитативно-певучего характера¹¹. Богатство мелодий, устоявшийся и хорошо разработанный музыкальный стиль, наличие профессиональных мастеров-исполнителей, не только в совершенстве владеющих привычными мелодиями, но и умеющих искусно разнообразить традиционные мелодические узоры и вмещающих в своей изумительной памяти тысячи, а то и десятки тысяч строк монументальных эпических поэм¹², — все это свидетельствует о древности, а вместе с тем и о зрелости музыкально-вокального народного искусства якутов.

⁶ В. Беляев. Якутские народные песни (в сборнике якутских народных песен, собранных Корниловым), «Советская музыка», № 9, 1937, стр. 12.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Т. е. дьэирэтэн ыллааччылар.

¹⁰ В. Беляев. Указ. соч., стр. 1; ср. Ф. Г. Корнилов. «Сборник якутских народных песен», Музгиз, 1936; Пейко и Штейнман. О музыке якутов. «Советская музыка», № 2, 1940.

¹¹ Ф. Г. Корнилов. Указ. соч.

¹² Ср. М. Д. Говоров. Мульдэ Бөгө. Якутский героический эпос — олонх М., 1938; В. Сорошеский. Якуты, стр. 587—596; Его же. О якутских песнях и певцах. Известия Вост.-Сиб. отдела РГО, т. XXIV, вып. 2, Иркутск, 1893, стр. 48—55.

Для характеристики его древности не безынтересен один незначительный, но выразительный пример. У каждого, кто видел и слышал якутских народных певцов — исполнителей олонхо, в памяти остается одна и та же традиционная поза певца во время исполнения им арий действующих лиц — героев эпоса. Певец сидит, заложив ногу на ногу, спина его согнута, а одна рука ладонью придерживает слегка склоненную на бок голову. Совершенно такая же поза свойственна была и певцам древнего Египта: «Ладонь руки певца приложена к уху, щеке и шее, чтобы легкими нажатиями ее заставить голос вибрировать», — пишет К. Закс в очерке «Музыкальная культура древнего Египта» по поводу барельефа, датирующегося временем около 2700 лет назад. «Так поступают и современные певцы на Востоке», — добавляет он, имея, очевидно, в виду Иран и арабские страны, Передний Восток с его богато развитым и своеобразным музыкальным искусством¹³.

Зрелому и хорошо развитому в его своеобразии вокальному искусству якутов должна, очевидно, соответствовать не менее развитая инструментальная музыка. Известно, что монгольские, хакасские, казахские народные певцы-сказители сочетают вокальные элементы своего мастерства с инструментальной музыкой. Они нередко сопровождают исполнение своих поэм музыкальным аккомпанементом на струнных инструментах¹⁴. То же, казалось бы, должно было наблюдаться у якутов. Но этому противоречат, как мы видели, авторитетные отзывы специалистов-музыковедов, свидетельствующие если не о полном отсутствии, то во всяком случае о крайне низком уровне развития и скудости ассортимента музыкальных инструментов якутов. Правда, Серошевский отмечал, что хомус иногда употреблялся и как сопроводитель пения и рассказа, но тут же констатировал: «аккомпанемент на хомусе невозможен, и серебристые нежные его звуки певец вставляет в песню только как украшения, как удары кимвала...»¹⁵.

Чтобы разобраться в этой общей проблеме, нужно, очевидно, особо рассмотреть частные, но существенные вопросы и в том числе — о художественно-исторической и практической музыкальной ценности такого элемента древней музыки северных племен, как бубен, существующий сейчас, как известно, только в сфере шаманства. Бубен, с его животной мембраной, по справедливому замечанию того же В. Беляева, возник очень рано и, вероятно, задолго до оформления современного шаманства. В музыке бубна отложились несомненно целые тысячелетия исторического прошлого северян, и не удивительно, что она достигла на Севере очень высокого уровня, отлилась в глубоко своеобразные, сложные и богатые формы зрелого мастерства. Каждый, кто видел якутский бубен в руках подлинного мастера и слышал его исполнение, мог убедиться, что грубый, простой инструмент действительно начинает жить особой, глубоко своеобразной жизнью, неожиданно разнообразная ритмика сочетается с особой выразительностью и неистощимым богатством звука. Слушая такого мастера, начинаешь понимать, почему существовали особые обряды оживотворения бубна и почему последний чуть ли не преимущественно перед всеми иными аксессуарами шамана наделяется свойствами живого существа.

И к якутскому бубну, очевидно, может быть отнесено очень интересное замечание В. Беляева относительно возможности использования узбекского бубна в современной музыкальной практике: «Сравним

¹³ К. З а к с. Музыкальная культура Египта. В сб. «Музыкальная культура Древнего мира». Музгиз, 1937, стр. 53.

¹⁴ Например, по словам Вербицкого, рапсоды алтайцев под двухструнную балайку (кайлачан кабус или шертпе комус) рассказывают о деяниях богатырей (Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 139).

¹⁵ В. Серошевский. Якуты, стр. 592.

узбекский бубен с бубном европейского оркестра. При очень большом сходстве между звуком и использованием в оркестре этих двух инструментов, между ними также наблюдается и большая разница в звуковоспроизведении, но на этот раз не в пользу европейского бубна, далеко уступающего своему узбекскому собрату как в разнообразии удара, так и в отношении богатства и виртуозности ритмсов»¹⁶.

Заслуживает внимания и второй частный вопрос — о струнных инструментах якутов, с которым также связаны не только общие историко-культурные проблемы, но и конкретные задачи развития и повышения национальной культуры.

Оставляя в стороне «якутскую скрипку» — смычковый струнный инструмент, сведения о котором были опубликованы еще Миддендорфом¹⁷, остановимся в данном случае только на одном факте, крайне интересном для истории культуры якутского народа.

Девяносто лет назад тот же Р. Маак, который застал на Вилюе только тимир-хомус и шаманский бубен, констатировал, что в древности у здешних якутов существовал и еще один, крайне любопытный по устройству и способу употребления музыкальный инструмент.

Маак писал по этому поводу: «К вещественным атрибутам шамана принадлежали, как известно, плащ и бубен с колотушкой. Все мои старания добыть эти предметы остались безуспешными, потому ли, что такие предметы вообще стали уже редкостью, или вследствие боязни возбудить какие-либо подозрения начальства. По всей вероятности, здесь действовали обе указанные причины. Все якуты уверяли меня, что у шаманов, кроме инструмента, называющегося тюнгниурь, по которому они били колотушкой (былаяк) и при посредстве которого спускались в подземное царство, был еще другой — дюгюрь. В якутских сказках говорится, что шаман бил в этот последний металлической лопаткой, перебирая в то же время пальцами натянутые на нем струны. Несомненно, что это был своего рода бубен, и будущим исследователям предстоит собрать о нем более подробные сведения»¹⁸. «Будущим исследователям», на которых рассчитывал Маак, однако, не удалось оправдать его надежд. Они только повторяли сведения Маака, но ничего существенного, что могло бы дополнить или разъяснить их, добавить не могли¹⁹. Так поступил в своей культурно-исторической энциклопедии, в словаре якутского языка, даже Э. К. Пекарский²⁰. И это понятно. Маак производил свои исследования около ста лет назад. Но ни сам он, ни его информаторы описываемого музыкального инструмента — «дюгюра» уже не видели; его не видали, должно быть, и их отцы, так как Маак определенно указывает, что сведения о таком инструменте содержатся только в «сказках», т. е. в былинном эпосе якутов, в олонхо.

Быт и культура вилюйских якутов в половине XIX в., когда их христианизация была уже завершена, разумеется, резко отличались не только от того, что существовало в полуполюгендарное время олонхо, и этот отдаленный «героический век», но и от того, что было здесь за каких-нибудь двести лет до Маака, в момент появления казаков на Лене. В ходе времени старинная культура продолжала распадаться и исчезать со все возрастающей быстротой. Нет ничего удивительного, следовательно, в том обстоятельстве, что сведения Маака остались изолиро-

¹⁶ В. Беляев. Музыкальные инструменты Узбекистана. Музгиз, М., 1933, стр. 122.

¹⁷ Изображенная у Миддендорфа якутская скрипка определенно отличается от «русской скрипки». Не исключено совсем иное ее происхождение.

¹⁸ Р. Маак. Вилюйский округ, ч. III, СПб., 1887, стр. 118.

¹⁹ Ср., например, В. Ф. Трошанский, Эволюция черной веры (Шаманства) у якутов. Ученые записки Казанского ун-та, т. 70, кн. 4, 1903, стр. 128—129.

²⁰ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, стр. 758.

ванными и не нашли подтверждения в позднейших этнографических материалах. Но тем драгоценнее они для истории якутской культуры, тем большего они заслуживают внимания со стороны исследователей, в том числе не одних лишь исследователей развития музыкального искусства, но и этнографов, археологов и историков вообще.

Что же такое «дюгюр», о котором говорит Маак? Название этого музыкального инструмента, несомненно, является лишь одним из вариантов термина, обозначающего ныне в якутском языке шаманский бубен. В словаре Пекарского, со ссылкой на Маака и Порядина, под термином «дюгюр», «дюнгюр» и «тюнгюр» значится как загадочный инструмент, отмеченный Мааком, так и «шаманский бубен или барабан яйцевидной формы с железной крестовиной (быарык) на внутренней стороне, который увешивается колокольчиками и побрякушками (аарык); служит шаману лошадь, когда он отправляется в царство духов».

Сам Маак приводит рядом два близких друг другу слова «тюнг-нюр» и «дюгюр», из которых именно первое обозначает, по его словам, обыкновенный бубен шаманов, т. е. воображаемого шаманского коня.

Серошевский приводит, как название шаманского бубна, слово «тюн-гюр»²¹, Приклонский — «дюгюр»²². Отсюда видно, что во всех приводимых выше словах встречается закономерное чередование звуков «д» и «т» в начале слова, а иногда звук «нг» в середине слова заменяется звуком «г», сам же термин в основе остается стабильным.

Имея в виду эти факты, мы можем выйти и за пределы якутского языкового мира, сначала в область наиболее близких к якутам в территориальном отношении тюркских и других племен Сибири. Как выяснил еще Трошанский, у всех их термин дюнгюр в разных его вариантах тоже обозначает шаманский бубен; таковы алтайские, тофаларские, сойотские термины — тюнгур; тувинские — донкюр, хентургин, тюнгур, монгольский — дюнгюр и манчжурский — тункень²³. В древнетюркских рунических текстах бубен шамана называется тюнгюр²⁴.

Среди струнных инструментов Востока, а не только среди бубнов и им подобных, мы действительно можем обнаружить такие, которые по своему названию и по устройству являются родственными «дюгюру» Маака.

На Востоке широко распространены были с древних времен музыкальные инструменты, известные под названием: дюнгюр, дюгюр, домбур, донбуре, думбул, думбра, домбра, домр, домра, а также и под названием: танбур, тамбур, топшуур, тунбур, тамбурин (западноевропейский), торбан, пандура, бандура.

Некоторые из них, в виде исключения, представляют собой духовые инструменты (монгольская труба — дунбуре) или ударные барабаны (азербайджанский думбул, западноевропейский тамбурин). Но остальные принадлежат к числу струнных и, в подавляющем своем большинстве, к категории лютневидных инструментов.

Общие признаки такого инструмента, известного обычно под названием домбры, более или менее постоянны: «Домбра или думбра — щипковый инструмент с двумя или тремя кишечными, а иногда металлическими струнами. Резонаторный корпус грушевидной формы, выдолблен из целого куска дерева и покрыт тоненькой декой. Гриф с навязанными на него ладами (обычно) делается чаще всего из того же куска дерева, что и корпус. Длина домбры вместе с грифом от 85 до 95 см.

²¹ В. Серошевский. Якуты, стр. 635.

²² В. Приклонский. О шаманстве у якутов. Известия Вост. Сиб. отдела РГО, № 1—2, 1886, стр. 100.

²³ Трошанский. Указ. соч., стр. 128.

²⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 17, стр. 1543.

Играют на домбре щипком пальцев и взмахами кисти (как на бала-лайке), реже перышком или самодельным плектром. Строй домбры меняется в зависимости от вкуса исполнителей (чаще всего это строй в кварту). Домбра служит преимущественно для аккомпанемента пению»²⁵.

Как конкретный вариант такого инструмента может быть приведен узбекский танбур (тунбур, тумбур, тамбур), представляющий, по словам В. Беляева, один из древнейших струнных инструментов «эпохи диатонических звукорядов» и один из самых ранних струнных инструментов с одной мелодической струной.

Танбур имеет обычно общую длину в пять пядей, т. е. около 114 см. Он имеет длинный гриф, долбленный корпус и три металлических струны, причем верхняя из них является мелодической, средняя настроенной, а третья резонирующей. Основных ладов у танбура бывает 16. Играют на танбуре преимущественно металлическим плектром, надеваемым на указательный палец правой руки, ударяя по струне вверх и вниз²⁶.

Как видно из приведенных выше примеров, загадочный «дюгюр» Маака по своему названию помещается в ряду возможных вариантов названий восточных танбуровидных инструментов, где налицо переходы «д» в «т», «н» в «м».

Вполне естественно также, что звук «д» (пандура) замещает звук «г» — элемент дифтонга «нг», присутствующего в словах тюнгюр, дюнгюр и т. п. Звук «р», как видно из сказанного, сохраняется во всех случаях неизменным, только лишь дополняясь иногда конечным звуком «а» (домбра, пандура).

Общность же устройства инструмента выражается здесь не только в самом существенном, в наличии струн, но и в устройстве корпуса — резонатора. Маак говорит о том, что якутский дюгюр имел вид бубна, а это значит, что резонатор его был обтянут шкурой подобно шаманскому бубну.

Точно так же и у танбуровидных инструментов резонирующий ящик вместо верхней деки часто обтягивается кожей или пузырем²⁷.

Одинаков и способ употребления: подобно узбекскому танбуру и вообще лютневидным инструментам дюгюр Маака был щипковым, а не смычковым инструментом. Особенно любопытна упоминаемая Мааком металлическая лопаточка — это не что иное, как металлический плектр, применяемый и сейчас при игре на танбуре.

Можем считать верным также и сообщение Маака о применении «дюгюра» шаманами в ходе камлания, хотя в его время, в половине 19-го столетия, якутские шаманы пользовались одним только бубном обычного устройства. Известно, например, что шаманы казахов — баксы употребляли во время камлания не бубен, а двухструнный инструмент, кобыз. Рыбаков пишет о них: «чтобы производить чудеса, баксы должен привести себя в возбуждение, ради чего он играет на кобызе, двухструнном смычковом инструменте»²⁸.

Манчжурские шаманы и простой народ, по словам Захарова, употребляли трехструнную «балалайку», известную под названием «тэн-

²⁵ Большая Советская энциклопедия, т. 23, стр. 111; ср. А. А. Фаминицын. Домбра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа: балабайка, кобза, бандура, торбан, гитара. СПб., 1891.

²⁶ В. Беляев. Музыкальные инструменты Узбекистана. Труды Научно-иссл. ин-та по изучению народной и классической музыки узбеков. Музгиз, М., 1933, стр. 76—87.

²⁷ См. Сибирская Советская энциклопедия, т. III, стр. 596; В. Беляев. Музыкальные инструменты Узбекистана, стр. 53, 54, 69—78.

²⁸ Отчет Б. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 г., по поручению ИРГО. «Живая Старина», вып. II, 1897, стр. 205.

гэри»²⁹. Под названием «шангир» в литературе известна такая же трехструнная «балалайка» вогульских шаманов³⁰.

Вполне вероятно поэтому, что и древние якутские шаманы, о которых слышал на Виллое Маак, могли пользоваться наряду с бубном и струнным музыкальным инструментом, подобным трехструнной балалайке манчжур и вогулов или двухструнному комузу казахских шаманов — баксы.

Из этого не следует, впрочем, что древний якутский «дюгюр» был профессиональной принадлежностью одних только шаманов. Напротив, подобно алтайскому кобузу и трехструнной балалайке манчжуров, он должен был являться и общенародным музыкальным инструментом.

Таким образом, резюмируя все сказанное выше, мы можем сделать общий вывод, что у якутов действительно должен был существовать струнный инструмент — дюгюр с резонатором, натянутым мембраной из шкуры животного, родственный по своему названию, структуре и способу употребления современным и древним тамбуровидным инструментам.

О глубокой древности подобного инструмента свидетельствует не только упоминание его в олонхо, но и исторические документы, показывающие широкое распространение в древности таких лютневидных инструментов, носивших название «танбур» или «тунбур» в тех или иных его вариантах у различных народов Азии.

Древнейшие свидетельства о существовании такого инструмента «лютни с небольшим резонатором и несоразмерно длинным грифом» происходят из Месопотамии. Его изображение мы впервые встречаем, пишет К. Закс, «на черепке сумерийского происхождения, эпохи примерно 2500 г. до н. э... Греки были знакомы с этой лютней и называли ее ассирийской пандурой»³¹.

Арабские писатели IX—X вв. хорошо знали танбур или «тинбур» и нередко упоминают о нем в своих сочинениях, в том числе и в книгах, касающихся Восточной Европы.

Арабский писатель Аль-Фараби, писавший в начале X в., знал танбуры двух видов: хоросанский, употреблявшийся в Иране, и багдадский «специально-арабский»³². В то же самое время знаменитый путешественник Ахмед Ибн-Фадлан наблюдал танбур в употреблении у русов во время похорон знатного руса. Ибн-Фадлан называет его «танбур». Френ, переводя этот термин словом «Laute» — лютня, указывал, что тунбур имел вид струнного инструмента с круглым ящиком и длинной ручкой для струн (грифом)³³. Этот же самый инструмент отмечается, по видимому, арабским писателем Ибн-Даста в «Книге драгоценных сокровищ» как восьмиструнная лютня славян³⁴.

По мнению Н. Финдейзена, инструменты на фресках Киево-Софийского собора, изображающих акробатов, паяцев и музыкантов, «вовсе не греческие, ибо у греков не было арф, подобных труб и, конечно, домбр», а восточные. Струнный щипковый инструмент с овальным кор-

²⁹ Ив. Захаров. Полный манчжурско-русский словарь, СПб., 1875, стр. 720.

³⁰ Г. Н. Потанин. Громовник по поверьям Южной Сибири и Северной Монголии. Журнал Министерства народного просвещения, ч. СХСІХ, СПб., январь 1882, стр. 122.

³¹ К. Закс. Музыкальная культура Вавилона и Ассирии. Сб. «Музыкальная культура Древнего Мира», стр. 98.

³² Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. I, вып. 1, стр. 51—58.

³³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 148.

³⁴ Г. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 265.

пусом и длинным грифом, изображенный на фресках, по его словам, определенно напоминает тип восточных танбуров³⁵.

При таком широком распространении его в древности происхождение «танбура», тем не менее, остается невыясненным. Есть мнение, что он возник в странах классического Востока, откуда распространился по другим областям Старого Света. В таком случае термин «тюнгор» или «дюнгор» является последним и наиболее поздним видоизменением названия этого инструмента. Не лишено, однако, интереса и то обстоятельство, что в языках сибирских народов имеются корни, которые могут объяснить происхождение слова дюнгор и других родственных ему терминов, бытовавших в Сибири.

В языке эвенков (тунгусов) имеется, например, слово «дюнгоды» — гром, откуда происходит глагол «дюнгдырэ-ми» — греметь, что бросает яркий свет и на культовый характер бубна как орудия, воспроизводящего небесный гром³⁶. В языках тюркских народов название бубна тоже связывается с глаголами стучать, греметь, бренчать (тюнгорэт, тюнгюлэ, тюнгилдэ, тюнгюрдэ)³⁷.

В языке тюрков танну-тувинцев (сойотов) по материалам, собранным Кастреном, гром прямо называется словом «тюнгурут», в тождественности которого с наименованием бубна не может быть сомнения³⁸.

Следует вспомнить также, что Г. Н. Потанин еще в 1882 г. пришел к выводу о тесной связи, существующей в понятиях различных народов Сибири между «бубном» и «громом». «Камлание, — писал он, — есть представление грозового явления, звуки бубна есть подражание небесному грому»³⁹. Сам же Громовник, мифическое существо, в котором персонифицировались грозовые явления, имеет, по словам Потанина, наименование одинаковое с названием бубна: «бубны по большей части носят общее с ним имя: хэнгрик, тюнгюр, тунгыр, тюрэ». Громовник, о котором писал Г. Н. Потанин⁴⁰, первоначально, несомненно, представлялся в образе животного — небесного верблюда, жеребца или дракона — лу (у китайцев).

Так, по рассказу одного халхасца, писал Потанин, гром «это — верблюд, на котором сидит человек, бьющий в бубен». По якутским воззрениям, дух, податель конного скота, Джесегей, обитает на небе и имеет вид жеребца⁴¹. Громкое ржание этого небесного жеребца и слышится людям, как гром.

Небесному громовому жеребцу закономерно соответствует воображаемый конь шамана — шаманский бубен, издающий такие же рокошующие громовые звуки; не случайно шаманы тех же якутов говорили, что бубен служил для них конем, на котором они совершают свои поездки в мир духов⁴².

Наименование бубна тесно связано, наконец, как один из составных элементов единого в основе семантического пучка, с обозначением неба, а также и преисподней — «нижнего неба». Сюда входит архаическое тюркское слово, сохраненное венгерским языком — тенгер, эвенкий-

³⁵ Н. Финдейзен. Очерки, т. I, вып. 1, стр. 56—57.

³⁶ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М.—Л., 1940, стр. 48. Следует попутно отметить, что такая же связь термина, обозначающего небесный гром, с обозначением шаманского бубна, выражена в языке эвенков и в другой форме. Бубен называется словом «унгтывун», откуда — «унгтуты-ми», бить в бубен, шаманить. Эти слова восходят к слову «унгня» — гроза, грозовая туча (там же, стр. 144).

³⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 17, стр. 1543—1545.

³⁸ Kastren. Versuch einer Koibalschen und Karagassischen Sprachlehre, S. 99.

³⁹ Потанин. Громовник. ЖМНП, февраль 1882, стр. 317.

⁴⁰ Там же, стр. 326; ср. ЖМНП, январь 1882, стр. 136.

⁴¹ Трошанский. Эволюция черной веры, стр. 42, прим. 1.

⁴² Там же, стр. 129; ср. Потанин. Громовник, ЖМНП, февраль 1882, стр. 317.

ское — тунгер, эвенское — тонгор, тонгар, тюркское — денгиз, тенгиз и другие, обозначающие море или озеро⁴³.

Более чем вероятно, следовательно, самостоятельное, местное, т. е. северо- и центрально-азиатское вообще происхождение якутского термина дюнгюр и соответствующих ему музыкальных инструментов, не только шаманского бубна, но и струнного лютневидного инструмента, упоминаемого Мааком.

Существенно при этом, что единство терминологии в данном случае указывает на непосредственную генетическую связь обоих инструментов — ударного и струнного. Можно предположить, следовательно, такую их историю: сначала у предков якутов, тунгусов и других племен Сибири появился простейший ударный инструмент типа бубна, воспроизводящий гром («дюнгды») — дюнгюр. Затем он был дополнен струнами, в связи с чем понадобились гриф и лады. Струны приобрели впоследствии первостепенное значение, а бубен из самостоятельного и ведущего ударного инструмента превратился в придаток к ним. Его значение ограничено было теперь скромной ролью простого резонатора — усилителя звука, прежняя же колотушка — былая превратилась в лопаточку — плектр.

Так возник совершенно новый по типу музыкальный инструмент и оформилась новая исполнительская техника, хотя за этим новым инструментом долгое время все еще сохранялось традиционное наименование старого ударного инструмента — бубна. О возможности подобной эволюции писал еще Г. Н. Потанин: «струнные инструменты не образовались ли из бубна? Киргизская балалайка имеет вид круглого ящика, к которому приделан гриф, у китайского пишяндзы этот ящик цилиндрический; к форме этих инструментов ближе будет китайский бубен, который делается с ручкой, отчего он похож на черпак или уполовник»⁴⁴. Там же Г. Н. Потанин отмечает сходство между названиями бубна — «домбура» в буддийских монастырях и «домбры» — балалайки, подтверждающее возможность такого перехода от ударного инструмента к струнному. Упоминание Маака о том, что по древнему струнному инструменту дюгюр били лопаточкой, возможно, указывает, что им действительно еще пользовались и как ударным инструментом, поколачивая по нижней, обтянутой шкурой стороне резонатора и одновременно перебирая струны.

В таком случае этот дюгюр должен был представлять замечательный в своем роде пример перехода от ударного инструмента типа бубна к струнному типу лютни — драгоценное эволюционное звено, к сожалению, уже утраченное.

Древний якутский дюгюр, о котором говорит Маак, представляет большой интерес не только для истории музыки как таковой, но и для истории якутской культуры в целом, неотъемлемой частью которой является история музыкальной культуры якутов.

Существование в прошлом у якутов более совершенного и разнообразного музыкального инструментария, чем в позднейшее время, подкрепляет и усиливает общий вывод о более высокой и развитой во многих отношениях культуре ранних предков якутов, чем та, которую застали у них казаки в XVII веке.

Струнный инструмент дюгюр, ближайший родственник, а может быть, и стадийный предшественник различных тамбуровидных инструментов Восточной Европы и Переднего Востока, входит в число таких элементов этой древней культуры якутов, как свидетельства эпоса и

⁴³ Г. Н. Потанин. Громовник, ЖМНП, февраль 1882, стр. 309; Г. М. Васильевич. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М., 1940, стр. 128.

⁴⁴ Г. Н. Потанин. Громовник, ЖМНП, февраль 1882; стр. 326.

языка о наличии письменности у их предков, о более развитом социальном строе или высоком уровне хозяйственного быта (земледелие, разведение верблюдов и овец и т. д.)⁴⁵.

Чтобы полнее представить эту древнюю культуру, а вместе с тем выяснить среду, в которой она развивалась, нужно вспомнить окружение, в котором существовали наиболее вероятные южные предки якутов — курыканы Прибайкалья. Курыканское искусство, известное нам по наскальным изображениям Верхней Лены, и одновременная им письменность, образцы которой уцелели на ленских скалах, выразительно свидетельствуют о связях курыканов с областью передовой в Южной Сибири тюркской культуры енисейских кыргызов (хагясов). Характерно поэтому, что наскальные изображения Енисея и китайские письменные источники в полном согласии друг с другом свидетельствуют о широком развитии у них за тысячу лет назад музыкально-зрелищного дела. «Из зрелищ,— писали китайцы,— употребительны (у них) верблюд и лев, обученные, вольтижирование на лошадях и балансирование на веревке». На скалах Минусинского края и Алтая видны «вольтижирующие всадники», дерущиеся верблюды, львы или тигры, может быть,— соответственно дрессированные. Что же касается музыки, то китайцы писали о кыргызах, что они «из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестных (китайцам)»⁴⁶. Струнный дюгюр Маака, является, очевидно, осколком древней музыкальной культуры древних тюрков — предков якутов, развивавшейся в связи и во взаимодействии с культурами других передовых племен Сибири — енисейских кыргызов в первую очередь.

Заброшенные далеко на Север южные предки якутов не только утратили прямые связи с этими племенами, но и постепенно лишились многих существенных элементов своего древнего культурного достояния⁴⁷. Вместе со всеми остальными этими элементами культуры у них вышел из употребления и струнный музыкальный инструмент «дюгюр», оставив по себе только слабые воспоминания, к счастью сохранные таким внимательным для своего времени наблюдателем, каким был Рудольф Маак.

⁴⁵ А. Окладников, И. Барашков. Древняя письменность якутов. Якутск, 1942.

⁴⁶ Appelgren-Kivalo, Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. K. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei. 1887—1889. Helsingfors, 1931. И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851.

⁴⁷ А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 54—75; Его же. Древняя история народов Якутии. «Исторический журнал», № 10, 1943, стр. 57—58.

С. М. АБРАМЗОН

К СЕМАНТИКЕ КИРГИЗСКИХ ЭТНОНИМОВ

Важность изучения этнонимии для выяснения происхождения и этнического состава того или иного народа давно признана наукой.

Этнонимы не могут не отражать (в той или иной степени) и общественных отношений на различных стадиях их развития, и отдельных элементов идеологических представлений. В особенности это относится к народам, прошедшим длительный путь исторического развития и все же сумевшим сохранить до последнего времени значительное число черт своей древней культуры вместе с богатством этнонимов.

В этой работе я задался целью проанализировать некоторые киргизские этнонимы. Уклад жизни киргизов, в недалеком прошлом кочевников, с их пастушеской системой скотоводческого хозяйства, устойчивые формы патриархально-родовых отношений, уживавшихся у киргизов со все более и более развивавшимися феодальными институтами, способствовали сохранению у них до наших дней большого числа этнонимов в виде названий племенных и родовых подразделений.

Наиболее значительные материалы по киргизской этнонимике содержатся в трудах акад. В. В. Радлова¹, Н. А. Аристова², Н. Ф. Ситняковского³, В. Н. Дублицкого⁴ и в сборнике «В. В. Бартольд»⁵.

Заслуга первой серьезной попытки истолкования ряда киргизских этнонимов принадлежит талантливому русскому ученому Н. А. Аристову. Несмотря на недостаточную обоснованность, иногда даже наивность даваемых Н. А. Аристовым объяснений происхождения некоторых племенных и родовых названий у киргизов, многие из его выводов достаточно убедительны и не потеряли своего научного значения до настоящего времени. Самым значительным дефектом в безусловно ценной работе Н. А. Аристова является то, что он недостаточно использовал для истолкования этнонимов материалы лексики и киргизского языка, и других языков тюркской системы.

В своем стремлении несколько шире подойти к объяснению киргизских этнонимов, используя как лексические возможности киргизского языка, так и другие источники, мы столкнулись с рядом трудностей, преодоление которых не всегда приводило к положительным результатам.

Наиболее существенными из этих трудностей, являлись:

а) неточность транскрипции самих этнонимов, вызванная тем, что запись их производилась в отдельных случаях без достаточного знания языка;

б) установленный рядом исследователей и подтверждаемый самим

¹ W. Radloff. Aus Sibirien, I—II, Leipzig, 1844—1885.

² Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», III—IV, 1894.

³ Н. Ф. Ситняковский. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области. Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества, II, вып. 1, 1900.

⁴ В. Н. Дублицкий. Родословная таблица (кара) кыргызов, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1923.

⁵ «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

материалом факт, что весьма значительное количество названий родовых групп и объединений обязано своим происхождением личным именам их родоначальников или предводителей;

в) сложность этнического состава киргизского народа, требующая при анализе этнонимов наличия достаточных материалов аналогичного характера, относящихся к народам, находившимся на протяжении длительного периода времени в соприкосновении с киргизами, а иногда и органически связанных с ними в общем процессе этногенеза на территории Южной Сибири и Центральной Азии.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться в данной работе, которую мы рассматриваем как одну из попыток разобраться в киргизской этнонимике, предложить в рабочем порядке свое объяснение происхождения ряда этнонимов, не претендуя на окончательное решение выдвинутых вопросов. В дальнейшем потребуется уточнение (а в отдельных случаях и пересмотр) предлагаемых нами толкований. Однако избранный нами путь кажется целесообразным и оправданным.

В предлагаемой работе⁶ мы намеренно не ставили себе задачи истолкования этнонимов в целях разрешения вопросов этногенеза киргизов. Этой теме, мы надеемся, будет посвящено специальное исследование.

Находящийся в нашем распоряжении материал по этнонимике позволяет раскрыть некоторые черты общественных и семейных отношений, существовавших у киргизов как в древности, так и в недалеком прошлом. Прежде чем перейти к изложению этой темы, мы считаем уместным остановиться на вопросе, который не раз привлекал к себе внимание исследователей, однако до сих пор еще не получил удовлетворительного разрешения. Мы имеем в виду анализ самого этнонима *кыргыз*. Не приводя уже высказанных по этому поводу в литературе мнений (часть их основывается на киргизских легендах и преданиях), мы считали бы возможным остановиться на гипотезе, предложенной L. Ligeti⁷. Последний в качестве основы этнонима *кыргыз* выдвигал (вслед за Доружи Банзаровым) тюркское слово «кырк» (в значении «сорок»), а в остальной части этнонима видел монгольский суффикс множественного числа. Эта гипотеза находит свое подтверждение в ряде данных, которыми мы теперь располагаем.

Наше ознакомление с текстом киргизского героического эпоса «Манас» показало, что в тех местах эпоса, где дается этническая характеристика киргизов, неизменно указывается на то, что в их состав входят сорок племен или родов. Так, в одном из отрывков эпоса, при перечислении киргизских племен, мы находим следующие строки:

... Кырк уруусу кыргызмын
 ... Кырк уруу болгон кыргызым
 ... Кырк уруу кыргыз уругум
 (... Сорокаплеменный я кыргыз
 ... Из сорока племен составившиеся мои кыргызы
 ... Сорок племен — мое кыргызское племя).

Поскольку указанный отрывок эпоса не опубликован, мы перечислим приведенные в нем племенные названия: *катаган*, *багыш*, *могол*, *найман*, *тейит*, *жоокести**, *бостун*, *набат**, *нойгут*, *кумара**, *окчу**, *серип**, *жедигер*, *кыдыришаа*, *кызыл-аяк*, *басыз*, *баркы*, *мундуз*, *кучишу*, *кылыч-тамга*, *кыба*, *кыпчак*, *жетиген*, *саяк*, *сапыран**, *наамут**, *ардай**, *тоту**, *тагылык*, *көкүнө**⁸.

⁶ Ее осуществлению содействовали помощь и материалы, предоставленные Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

⁷ L. Ligeti. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. Zeitschrift für türkische Philologie und verwandte Gebiete, I. B., 5. H. I April 1925.

⁸ Названия, отмеченные звездочками, не встречаются в современной киргизской этнонимике.

В данном отрывке из эпоса перечислено лишь тридцать племен. По словам знатоков «Манаса», в других вариантах эпоса содержится перечень сорока племен. Следует иметь еще в виду, что у киргизов существует деление на *отуз уул* (тридцать сыновей) и *он уул* (десять сыновей).

Эти настойчивые указания эпоса и легендарные предания у современных киргизов дали нам повод подвергнуть рассмотрению существующее у киргизов племенное деление. Оказалось, что число основных этнических подразделений среди киргизов, которые являются более или менее обособленными и которые по ряду признаков могут быть названы племенными образованиями, колеблется от 35 до 38. Таким образом, числовое обозначение *кырк*, как основа этнонима *кыргыз*, приобретает реальное значение.

Если к этому добавим, что в составе западной группировки монгольских племен — ойратов также, повидимому, насчитывалось сорок племен (ср. «Образцы народной литературы монгольских племен» А. Позднеева, СПб., 1880, стр. 135), то для нас станет понятным, что деление на сорок племен у киргизов не было простой случайностью и восходит, по всей вероятности, к тому отдаленному времени, когда киргизские племена вместе с предками монголов переживали общий процесс этногенеза. Вполне возможно допустить, что в основе этого деления на сорок племен лежали социально-политические факторы и, в частности, существовавшие в древности формы военной организации. В связи с этим заслуживает внимания та крупная роль, которая отводится в киргизском эпосе дружине богатыря Манаса, состоящей из 40 витязей (*кырк чоро*), большинство которых, по эпосу, являются одновременно предводителями племен и родов.

Все сказанное приводит к выводу, что этноним «кыргыз» восходит к эпохе образования на территории Центральной Азии объединений типа племенных союзов, которые составлялись из многих племен различного происхождения. Одним из таких объединений и был, как мы полагаем, союз из сорока племен, получивший имя «кыргыз».

Как известно, помимо племенного деления у киргизов имеется еще деление на два «крыла»: «он₁» — правое, и «сол» — левое. Почти все киргизские племена распределяются между этими двумя крыльями. Это деление аналогично существующему у монгольских племен и, вероятно, на своей более поздней стадии было связано с военной организацией (правый и левый фланги войска).

Нас заинтересовал тот факт, что один из исследователей — Н. Ф. Ситняковский (см. выше) впервые отметил существование деления на «он» и «сол» *внутри* крупных племенных союзов *отуз-уул* и *ичкилик*, которые он называет родами. Вопреки утверждениям некоторых исследователей, что племенной союз *ичкилик* находится вне двух киргизских «крыльев», автор убедительно показывает, что племенной союз *ичкилик* сам распадался на две группы — правую и левую. Это обстоятельство заставляет предположить, что в данном случае мы имеем дело с явлением более глубокого порядка. Действительно, внутри крыла «он₁» мы снова обнаруживаем деление на две группы, названия которых народные предания связывают с именами их родоначальников: Тагай и Адыгине.

Не имеет ли это явление, прослеживаемое в нескольких плоскостях, связи с наиболее древней структурой общества, с фратриальным делением, основанным на господстве кровнородственного начала? Деление на две фратрии могло в процессе длительного исторического развития принять современные нам формы, а на известном этапе стало вполне соответствовать и принципам военной организации древних киргизов, как и других тюрко-монгольских племен.

В подтверждение нашей точки зрения рассмотрим упомянутые названия двух подразделений крыла «он»: Тагай и Адыгине.

Термином *тага* в современном киргизском языке обозначается дядя со стороны матери, т. е. самый близкий родственник для периода господства материнского счета родства. Аналогичный термин *тагай*, *тахай* (или *taçayı*) в том же значении мы находим и в древних тюркских языках⁹.

Название второго подразделения — Адыгине — до сих пор не поддается расшифровке. Предлагаемое нами ниже толкование этого этнонима мы считаем лишь попыткой найти ключ к его разгадке.

В первой части этого этнонима в заостренней форме могло сохраниться древнетюркское слово *adyq* — медведь, в современном языке принявшее форму *айуу*. У ряда тюркских народов, например у алтайцев (ойротов), медведь пользуется особым почитанием и с ним связывается круг представлений и обрядов. Медведь считался родоначальником некоторых родов. Вторую часть этнонима мы склонны рассматривать как видоизмененное слово *ини* в его значении «младший брат»¹⁰.

Тогда весь этноним может быть истолкован как «медведь — младший брат». При таком толковании он увязывается с этнонимом Тагай и, следовательно, фратрия Тагай относилась бы к фратрии Адыгине, как фратрия старших родственников к фратрии младших родственников. В этом случае медведь, как составная часть имени фратрии Адыгине, мог выступать в качестве имени тотема этой фратрии¹¹. Ниже мы покажем, что следы тотемических представлений обнаруживаются и в некоторых других киргизских этнонимах.

Система отношений, связанная с господством у киргизов в прошлом материнского строя, нашла свое частичное, уже в рудиментарной форме, отражение в современной этнонимике. Это явление тем более заслуживает внимания, что общественный строй киргизов уже в течение многих столетий покоится на вполне развитых патриархальных отношениях, и вся основная номенклатура родства, а следовательно, и все родословные таблицы и предания генеалогического характера, исходят из принципа главенства мужчины.

Как мы указывали, в киргизской легенде наряду с предками-мужчинами, упоминается и женщина Нааль¹².

В родословной таблице, опубликованной в упомянутой работе В. Н. Дублицкого, мы встречаем ту же Нааль — единственную женщину, включенную в число предков киргизов. В таблице с именем Нааль связывается происхождение нескольких родовых подразделений: *мунгал*, *карамунгуш*, *чирак*, *дур*, *таманак*, *конрат*.

Мы не склонны приписывать этой родословной таблице значение исторического документа, но и в своем полурегиональном историческом виде она все же донесла до нас отзвуки некогда существовавших общественных явлений.

В свете приведенного факта, может быть, не является случайностью, что среди киргизских этнонимов мы находим этнонимы, связанные с термином «женщина». Так, в роде *желден*, входящем в племя *бугу*, В. В. Радловым отмечено подразделение *сары-катын* в количестве 500

⁹ Н. А. Аристов в своей работе «Опыт выяснения этнического состава» дает неточное толкование этого термина, как «двоюродный брат».

¹⁰ Это вполне согласуется с киргизской легендой, опубликованной в сборнике «В. В. Бартольд» (Ташкент, 1927), согласно которой Адыгине был братом Тагая. Тагай являлся дядей по отношению к сыну своей сестры Нааль. От сына Нааль, как указывает легенда, возник род *могол*.

¹¹ Обращает также внимание на название рода Адаркиний и собственное имя Тагай, упоминаемые в «Сокровенном сказании» (Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1886, стр. 117).

¹² Ср. упоминаемую в призываниях бурятской шаманки мать онгона — Нал-Хатун (Г. Н. Потанин. Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, СПб., 1883, стр. 108, сл.).

кибиток, а среди племени *монгуш* одно из подразделений рода *кош-тамга* носит название *улуу-катын*.

В киргизских этнонимах сохранились донине пережитки представлений о кровном родстве как принципе, на котором зиждились отношения в первобытном обществе. Эта категория этнонимов раскрывает перед нами самую сердцевину кровно родственных отношений, запечатленных в ряде терминов современного киргизского языка. Таковы термины *боордоштук* (кровное родство), *карындаш* (родственник)¹³, *киндиктеш* (*единоутробный*) и др.

В основе этих терминов лежат названия частей человеческого тела: *боор* — печень¹⁴, *карын* — живот, *киндик* — пуп, пуповина, и т. д. Как видно из изложенного, за этими терминами скрывается понятие о кровном родстве *по материнской линии*, которое и у многих народов обозначается через термины, близкие по семантике к вышеназванным¹⁵.

Под названием *боор* известны: род в составе племени *сару* (Чуйская долина), род из племени *бугу* (Иссык-кульская котловина), подразделение рода *могол* (Ферганская долина).

В основе многочисленной группы этнонимов этого же ряда лежат термины, обозначающие собственно «племя», «род», «потомство», «поколение», «семья» и др., именно *уруу*, *урук*¹⁶, *тукум*.

К этой группе относятся такие этнонимы, как *кырк-уруу* (племя *кырк-уул*), *жети-уруу* (племя *сару*), *уч-урук*, *кара-тукум* (племя *черик*), *асан-тукум*, *арык-тукум* (племя *бугу*), *кенже-тукум*, *кара-туума* (племя *канды*), *туума-тукум* (племя *найман*), *тукум-тейит* (племя *тейит*) и др. Обращает на себя внимание наличие в составе этих этнонимов термина *кенже* (последыш; младший ребенок) и отглагольной формы *туума* (*туу* — родить)¹⁷.

Представляет интерес этноним *куу-сөөк* (сухая кость) — название рода из племен *черик*. В литературе отмечено, что у киргизов, как и у современных алтайцев (ойротов), когда-то существовало деление на кровно родственные группы или кости — *сөөк*. Вышеупомянутый этноним — пока единственный из зарегистрированных этнонимов, в котором представлен термин *сөөк*¹⁸.

Выдающийся интерес представляет многочисленная группа этнонимов, характеризующих военное прошлое киргизов. Это вполне естественно, если учесть, какую роль в жизни киргизов в течение многих веков играли войны и столкновения, большинство которых состояло в борьбе киргизов против чужеземных захватчиков.

Выработанная в процессе этой борьбы сложная военная организация пронизывала все стороны социальной жизни киргизов и не могла не отразиться и на их этнонимике.

Термин *черик* (кирг. — солдат, монг. — войско) служил этнонимом (или его основой) не только отдельных родовых подразделений, но и целого племени — *черик*. Под названием *чоро* нам известны в киргизском эпосе 40 витязей-дружинников Манаса (*кырк-чоро*). Это же название принадлежит приводимому в сборнике «В. В. Бартольд» пле-

¹³ Ср. шорское *карындаш* — единоутробный.

¹⁴ Этот же термин имеет значение «кровный родственник» (см. Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина, М., 1940).

¹⁵ У арабов, например, кровных родственников называют «*sabawahferut*», т. е. «люди, вышедшие из одной утробы» (словом «*batn*» — утроба, живот — называются также семья и *gens*).

¹⁶ Ср. монгольское *игид* — родственники.

¹⁷ Если приводимое Дубликиным наименование родового подразделения «*тюяк*» достоверно, то оно должно звучать в действительности как *туйак* и тогда, несомненно, означает «потомство».

¹⁸ Не исключено, что в этом этнониме элемент *куу* имеет значение «лебедь». Тогда мы могли бы усматривать в нем имя тотема этой кости.

мени — *кара-чоро*, одному из родов племени *саяк* и родовому подразделению племени *бугу* (в форме *чон₁-чоро*).

В имени родового подразделения Дюмен, приводимого Дублицким, возможно, следует видеть *түмөн* в значении «десять тысяч» (самое крупное соединение в составе киргизского войска).

Эпос называет в составе киргизского войска прежде всего лучников. Этому вполне соответствует название рода *кара-саадак*, представленного в племенах *кесек* и *канды* (*саадак* — лук со всем набором: колчаном и стрелами).

Повидимому, сюда же примыкает приводимое в «Манасе» при перечислении киргизских родов название рода (племени) *окчу*, которое указывает либо на военную специальность данного рода (стрелки из лука; *ок* — стрела), либо на характерное для членов данного рода занятие («изготавливающие стрелы») ¹⁹, имевшее важное значение в эпоху непрерывных войн.

В названии рода *жалан-найза* (племя *солто*) мы считаем возможным видеть род войска, вооруженного исключительно копьями (*найза* — копье) — копьеносцев.

Семантика некоторых этнонимов позволяет высказать предположение, что отдельные части киргизского войска, представленные определенными родовыми подразделениями, различались не только по своему вооружению, но и по своей одежде, и по мастям лошадей. На эти черты, характерные для киргизского войска, представлявшего собой в основном легкую конницу, дает прямые указания материал киргизского эпоса «Манас». В эпизоде эпоса, описывающем приезд ханов к Манасу перед «Великим походом», имеются, например, следующие строки:

2330 «...Стройно сидя на конях масти «сараа» (желтопестрой, т. е. гнедой),
Опяса (т. е. надев) шубы «сарынджы» (название вида или сорта верхней одежды)

С криком (= с возгласами), махая знаменами
(идет) войско (= воины) героя Төштүка» ²⁰.

В этой связи мы и рассматриваем такие этнонимы, как название племени *бостон* (от *боз* — серый и *тон* — шуба) ²¹, родовые названия *ак-тондуу* — белолубники (в племенах *кытай* и *багыш*), *кара-бостон* — темносерые шубы (племя *черик*), имена родовых подразделений *сары-калпак* — желтая шапка (племя *бугу*) и *узун-калпак* — высокая (буквально длинная) шапка (племя *черик*).

В свете этих материалов мы считаем уместным обратить внимание на упоминаемое в некоторых источниках название для киргизов — *ак-калпак* — белая шапка (оно известно и самим киргизам). Возможно, что этот этноним, как и этноним *кара-калпак* — черная шапка (народное самоназвание кара-калпаков), не являются случайными и находятся в какой-то связи друг с другом, восходя к общему для предков киргизов и кара-калпаков этапу этногенеза, протекавшему в обстановке складывавшейся у кочевников военной организации.

Среди родовых названий, указывающих на большое значение масти лошадей в войсковых формированиях у киргизов, отметим следующие: *боз* — белый, сивый, серый и т. п. (племя *найман*), *тору* — гнедой (племя *черик*), *тору-айгар* — гнедой жеребец (племя *кыпчак*), *күрбөн₁* — темнорыжий и др. Не исключено, что и название племени *кон₁урат* (под таким же названием известны племена в составе узбеков, казахов и других тюркских народов) имеет прямое отношение к древней воен-

¹⁹ Ср. монг. *sütüci* — делающий стрелы.

²⁰ Из подстрочного перевода проф. Поливанова, хранящегося в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

²¹ В приведенном выше перечне киргизских племен в эпосе «Манас» мы находим *бостун*. Такое название потребовало бы иного толкования.

ной организации (не выступали ли воины из этого племени на темнобурых конях?).

В составе некоторых племен (*баргы*, *сару*) имеются роды, названия которых (*олжо*, *олжоке*) включают термин *олжо*, под которым в киргизском языке разумеется добыча: военная или охотничья. Этот термин в монгольском языке имеет дополнительное значение: пленник. Законно поставить вопрос — не сформировались ли эти роды из числа пленников, захваченных в качестве военной добычи?

К рассмотренной группе этнонимов мы находим возможным присоединить еще несколько близких по семантике. В них выражены главным образом отношения вражды или, наоборот, мира и дружбы. Таковы этнонимы *жоо-кесек* (враждебные, находящиеся во вражде *кесек*'и; *кесек* — племенное название, служащее составной частью названий некоторых входящих в это племя родов), *жоо-чалыш* (имеющие вид врага, подобные врагу), *жоо-кести* (отрезавшие врага [?]), *анда* (монг. *анда* — друг). По нашему мнению, сюда же можно отнести этноним *канды* (название племени; возможно, произносится и *кандуу*), который мы предложили бы истолковать так: находящиеся в кровной вражде, «кровники» (от *кан* — кровь). Такое толкование вполне согласуется с обычаем кровной мести, имевшим в отдаленном прошлом широкое распространение.

Некоторые этнонимы проливают свет на происходившие в прошлом процессы этнического и социального порядка, указывая, в частности, на смешанный, сборный характер отдельных родовых подразделений, на их особое от основной массы этническое происхождение. Об этом свидетельствует название племени *кесек*²², распространенного на территории Ферганской долины, Каратегина и Памира (входящие в него роды также носят названия: *бай-кесек*, *кара-кесек*, *жоо-кесек*, *таш-кесек*), рода *курама-кыпчак* из племени *кыпчак* (*курама* — сборный; составившийся из представителей различных родов; приставший к чужому роду). Несомненно социальный характер носит название рода *уркунчи* из племени *найман* (основой его послужил глагол *урк* — пугаться; шарахаться; но — *уркун*, *урккөн* — бежавшие).

Черты классовой дифференциации, с ее элементами патриархального рабства и становлением феодальных отношений, проступают в ряде этнонимов, причем характерно, что почти все они относятся к племени *сары-багыш*. Среди них мы находим названия родов *манап* и *чала-манап*, *жети-кул* (семь рабов), *кара-кул* (род под таким названием представлен также в племени *солто*). Заметим, однако, что ряд родовых подразделений, сформировавшихся из числа бывших рабов и военнопленных, известен под названиями, не всегда указывающими на их происхождение.

Наконец, сравнительно небольшая группа этнонимов отразила значительную роль в прошлом охоты, как одного из основных занятий киргизов. Сюда мы относим прежде всего этнонимы, в которых содержится элемент *мерген* в его значении «меткий стрелок», «охотник»: *куртка-мерген* (род племени *саяк*), *кара-мерген* (род племени *солто*), затем название племени *кушчу* (так же называется один из родов племени *солто*), которое мы рассматриваем в значении «охотник с ловчими птицами». В названии рода Джеранчи в составе племени *басыз*, приводимом Ситняковским, нельзя не видеть термина *жейренчи* со значением: «охотник на джейранов». Даже если отдельные этнонимы такого рода обязаны своим происхождением имени того или иного родоначальника, это не колеблет нашего мнения о значении данной группы этнонимов для выяснения роли охоты в хозяйстве киргизов в отдаленном прошлом.

²² *Кесек* в киргизском и монгольском языках означает: кусок, комок.

Особняком стоит ряд этнонимов, рассматриваемых нами семантически, как этнонимы-прозвища. Они могли появиться по разным поводам; основной некоторых из них является насмешка над действительными или мнимыми качествами или внешними признаками данного родового подразделения.

В качестве этнонимов этого типа перечислим следующие: название рода *сарылар* — рыжие, русые (племя *кош-тамга*), рода *жеерде* — рыжий (племя *найман*), рода *сакоо-кыпчак* (*сакоо* — заика), из племени *кыпчак*, рода *жоош* — кроткие, смирные (племя *жагалмай*), рода *чыргоо* — обидчивые, несговорчивые (племя *канды*), рода *тентек* — шаловливые, озорные (племя *найман*), рода *топор* — голь перекатная, рода *чон-чарык* — большие поршни (племя *сары-багыш*), родов *чолок-туума* (племя *черик*) и *кара-чолок* (племя *мундуз*); *чолок* означает куций, кургузый и т. п.

Исследователи (В. В. Радлов, Н. А. Аристов и др.) уже давно обратили внимание на то, что названия некоторых киргизских племен происходят от названий диких животных. В качестве примеров приводились названия племен *бугу* (*бугу* — самец оленя или марала), *багыш*, *сары-багыш*, *чон-багыш*, *кара-багыш* (*багыш* — лось). При более тщательном рассмотрении киргизских этнонимов мы обнаружили, что не только названия многих родовых подразделений, но и этнонимы нескольких других племен также восходят к названиям животных и птиц. Таковы племена *бору* (волк), *жору* (общее название для нескольких подсемейств несоколиных дневных хищных птиц) и *жагалмай* (чеглок).

В названиях киргизских родов широко представлены аналогичные элементы. Приведем здесь лишь часть выявленных нами этнонимов: *каман* — кабан (племя *мундуз*), *кийик-найман* (племя *найман*; *кийик* — общее название для всех разделянокопытных животных, кроме свиней), *куран-найман*; *куран* — самец косули (племя *найман*); *тулку* — лисица (племя *сары-багыш*) и др.

Еще чаще в этнонимах встречаются названия птиц: *борбаш* — большой серый сорокопут, лунь (племена *канды* и *кесек*); *босторгой*, *торгой* — жаворонок (племена *найман* и *бугу*); *жапалак* — сова (племя *жагалмай*); *кара-кунас* — аист (племена *жору* и *кыпчак*); *кара-кучкач* — черный скворец; *кюйкө* — пустельга; *үкү* — филин (племя *солто*); *сары-боор* — черногрудый рябок и др.

Древнекиргизские эпитафии говорят о существовании у древних киргизов тотемистических представлений: тотемами, в частности, были барс, олень, волк (последний являлся тотемом и у других тюркских народов). Барс и волк часто служат положительными эпитетами богатырей в киргизском эпосе. Персидский автор XI в. Гардизи свидетельствует, что объектами поклонения киргизов были, в частности, корова, еж, сорока, сокол²³.

Значительная роль, принадлежавшая в идеологии древних киргизов тотемистическим представлениям и культу животных, подтверждается, таким образом, и данными этнонимики. О некоторых пережитках культа животных нам известно и по этнографическим материалам²⁴.

Вполне вероятно, что с почитанием некоторых животных в качестве тотемов связан также и тот факт, что среди названий месяцев в киргизском народном календаре мы встречаем те же, что и в этнонимах, названия животных: *бугу* и *куран* (в форме *жалган-куран* и *чын, куран*),

²³ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Записки Академии Наук, Ист.-фил. отд., VIII серия, вып. IV, СПб., 1897.

²⁴ См., например, Ф. Поярков. Каракиргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка и адрес календарь Семиреченской области на 1900 год. Верный, 1900.

а также *теке* (горный козел) и *кулжа* (горный баран-самец). В таком случае эти месяцы могли носить священный характер. Празднества в честь тотемов должны были сопровождаться принесением жертв. В этой связи заслуживает внимания наличие в киргизском и других тюркских языках глагола *багышта*²⁵ — посвящать, приносить в дар, в жертву (отсюда *багыштоо* — посвящение, принесение в дар)²⁶. Тождество корня этого глагола с названием лося (*багыш*) наводит на мысль, что этот глагол мог появиться в языке именно в связи с принесением жертв в честь тотема, каким в данном случае был лось. Дальнейшее исследование должно показать, не следует ли необъяснимый пока этноним — племенное название *тейит* (в записях встречается и форма «Таит») рассматривать в свете существования глагола *тайы* — приносить в жертву.

Из других элементов идеологии древних киргизов в этнонимике отложились (правда, в виде очень тонкого слоя) и космогонические представления. В составе племен *сары-багыш* и *солто* (крыло «он₁»), и в составе крыла «сол» представлен род *жетиген* (созвездие Большой Медведицы). Можно предполагать, что с этим же этнонимом связано название рода *жедигер*²⁷. Любопытно, что в его составе имеются два подразделения: *асан* и *йсөн* (соответствующие именам Хасан и Хусейн). В киргизском языке²⁸ выражение *асан-йсөн* является синонимом слова *көк-желе* (буквально *көк* — небо, *желе* — веревка, служащая для привязывания жеребят или телят) со значением «радуга».

При сопоставлении материалов этнонимики с личными именами героев киргизского эпоса «Манас» оказалось, что значительная группа этнонимов полностью совпадает с именами основных героев эпоса. Очевидно, источником значительного количества этнонимов, не приведенных нами в предыдущем изложении, явились личные имена действительных предков или родоначальников отдельных киргизских родов. Таким образом носители этих имен могут рассматриваться как действительно существовавшие исторические личности. Наличие в эпосе героев с аналогичными этнонимам именами, в большинстве случаев выступающих как вожди и предводители племен и родов, заставляет высказать предположение, что киргизский героический эпос отразил в себе не только определенные исторические события, но и конкретные исторические личности, жившие и действовавшие в разные эпохи. Воспоминания об этих личностях, переплавленные в горниле эпического творчества, превратились в повествование о жизни и подвигах целой плеяды эпических богатырей, объединенных вокруг основного героя эпоса — Манаса.

Наши наблюдения изложим в виде небольшой таблицы:

Имена героев эпоса «Манас»	Названия родовых подразделений у современных киргизов
1. Чубак — один из 40 витязей (чоро) Манаса	ак-чубак, бай-чубак (племя черик)
2. Кошой — один из военачальников Манаса	кошой (племя солто)
3. Эштек — дядя Манаса со стороны матери	эштек или эstek — отец Солто — родоначальника племени солто
4. Жамгырчы — сын Эштека	жамгырчы (племя солто)
5. Мусбурчак — союзный Манасу хан	мусбурчак (племя сару)
6. Көкчө — союзный Манасу хан	көкчө-улу (племя баргы)

²⁵ Узб. *багишlamak*.

²⁶ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 63.

²⁷ Ср. алтайское *йеткер* (*тьеткер*) — один из бесчисленных злых духов, нечистая сила; монг. *читкур* — злой дух.

²⁸ К. К. Юдахин. Цит. соч., стр. 551.

Мы далеки от мысли считать нашу тему окончательно завершенной. Дальнейшие работы в этом же направлении помогут исправить допущенные ошибки, заполнить пробелы и (мы надеемся) подтвердят нашу основную мысль: важность и необходимость использования этнонимии, как ценного этнографического источника.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. А. КОКИЕВ

С. В. КОКИЕВ — ЭТНОГРАФ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Жизненный и творческий путь Саввы Васильевича Кокиева совершенно не изучен, а между тем С. В. является одним из выдающихся просветителей осетинского народа второй половины XIX в. и лучшим знатоком его этнографии.

Точная дата рождения С. В. Кокиева неизвестна. Он родился в сороковых годах XIX в. в Алагирском ущельи. В селении Садон, Алагирского ущелья, до наших дней сохранились родовые башни Кокиевых. По окончании сельской школы Кокиев учился в Закавказской учительской семинарии, в Гори, которую окончил со званием учителя народных училищ. В августе 1869 г. С. В. Кокиев поступил учителем приготовительного класса Владикавказского первого реального училища. Через семь лет службы он был представлен для производства в первый классный чин. Но этого он не удостоился по следующему курьезному обстоятельству: указом Правительствующего Сената от 2 августа за № 3263 он был оставлен без производства в первый классный чин по незаверению установленным в законе порядком метрического свидетельства о его рождении¹.

Кокиев учительствовал во Владикавказском реальном училище свыше 20 лет, но в 1891 г. вынужден был подать в отставку. История отставки Кокиева, по его собственным словам, сводится к следующему. Во Владикавказе существовало много лет осетинское Ольгинское женское училище, содержавшееся на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе и состоявшее под покровительством великой княгини Ольги Феодоровны. Однако экзарх Грузии в январе 1891 г. закрыл это училище. Тогда было подано прошение обер-прокурору св. Синода К. П. Победоносцеву об оставлении училища. Под этим прошением в числе других 16 подписей была и подпись С. В. Кокиева. Местная высшая администрация в этом смиренном прошении усмотрела чуть ли не бунт. Правда, Ольгинская школа была вновь открыта, но начальник Терской области генерал Каханов настоял на увольнении С. В. Кокиева (ему «предложили» выйти в отставку)² и на административной высылке его из Терской области, как неблагонадеж-

¹ Исторический архив Северо-Осетинской АССР. Фонд Владикавк. первого реального училища. 1876 г., св. 10, д. № 22.

² Рукописный отд. Института мировой литературы им. А. М. Горького. Личный архив В. Ф. Миллера. Письмо С. В. Кокиева к В. Ф. Миллеру от 28 августа 1891 г. Пользуясь случаем, приношу искреннюю признательность научной сотруднице рукописного отд. Ольге Климентьевне Грудзь за ее содействие в выявлении и извлечении нужного мне материала из личных архивов В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского. — Г. К.

ного в политическом отношении. С. В. Кокиев был выслан в Ташкент.

Закрытие единственного в то время в Осетии женского учебного заведения повышенного типа вызвало справедливое возмущение в сознательной части осетинского населения. С резкой критикой действий терской администрации выступил в печати великий осетинский поэт, революционный демократ Коста Хетагуров, который писал, что «нельзя не признать вполне своевременным и уместным протест владикавказских осетин»³.

В Ташкенте Кокиев работал в Управлении Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Имеются сведения, что Кокиев, благодаря своим левым политическим взглядам пользовался широкой популярностью среди рабочих-железнодорожников, а его квартира в Ташкенте была для революционно настроенных железнодорожников местом явки⁴. После подавления революции 1905 г. Кокиев переехал в Ревель, где служил на вагоно-строительном заводе. В Ревеле он и умер в 1910 г. Тело его было перевезено во Владикавказ и похоронено на городском кладбище.

Обратимся к этнографической деятельности С. В. Кокиева.

Приступая к изучению осетинского языка и этнографии, В. Ф. Миллер правильно оценил громадную роль, какую могли сыграть в этом деле осетины. В числе первых интеллигентных осетин, вовлеченных в широко задуманную этнографическую и языковую работу Миллера по осетинам, был С. В. Кокиев, оказавший Миллеру в разрешении поставленных им научных проблем весьма существенную помощь. Придавая большое значение непосредственному знакомству с изучаемым народом, В. Ф. Миллер летом 1880 г. предпринял двухмесячную научную экспедицию в Осетию. «В этой поездке,— пишет Миллер,— сопровождал нас природный дигорец, учитель в реальном Владикавказском училище Г. Кокиев, и его содействию мы обязаны отчетливым воспроизведением в транскрипции дигорских текстов, которые в нашем собрании впервые являются в печати»⁵.

Кокиев оказывал Миллеру существенную помощь при изучении языка и этнографии осетин. Он собирал словарный материал по осетинскому языку, а также привлекал к этой работе образованных осетин. Кокиевым были вовлечены в сбор словарного материала Дигуров из сел. Дарг-Кох, И. И. Дзампаев, А. А. Цаликов из Владикавказа, И. А. Толпаров из сел. Мизур, И. Б. Шанаев, И. Н. Шанаев из сел. Брута и ряд других⁶. Буквы осетинского алфавита распределялись между членами словарного коллектива, группировавшегося вокруг Кокиева. Весь собранный коллективом материал передавался Миллеру, который обобщал его и устанавливал языковые закономерности. Конкретным результатом работы словарного коллектива явился подготовленный Миллером к печати осетинско-русско-немецкий словарь из 8 тысяч слов, изданный со значительными дополнениями Академией Наук уже после Октябрьской революции⁷.

Кокиев занимался языком и этнографией своего родного народа с любовью и энтузиазмом. «Еще с большей готовностью предлагаю себя и свои услуги Вам,— писал он Миллеру,— чем чаще будете вопросами

³ Нарон. Владикавказские письма. Газ. «Сев. Кавказ» от 23 янв. 1897 г., № 7; ср. Материалы по истории осетинского народа, т. V, Орджоникидзе, 1942, стр. 161.

⁴ Известия Северо-Осетинск. научно-иссл. института, т. 2, Орджоникидзе, 1926, стр. 310.

⁵ В. Миллер, Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, стр. 4.

⁶ Письмо Кокиева к Миллеру от 15 ноября 1884 г.; ср. письмо Миллера к редактору газеты «Терек» от 3 июля 1883 г., № 78; ср. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. I, изд. АН СССР, 1927, стр. IV.

⁷ Осетинско-русско-немецкий словарь. Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана, т. I—II, изд. АН СССР, Л., 1927—1929.

снабжать, тем мне будет приятнее. В этом прошу ничуть не сомневаться»⁸.

Значительна и многогранна была помощь Кокиева Миллеру по линии этнографии осетин. Кокиев составлял для Миллера русско-осетинский глоссарий⁹ и по нескольку раз перечитывал его тексты¹⁰. Так, Кокиев помог Миллеру разобраться в осетинской песне «Думка»¹¹, сложенной по поводу выселения осетин в Турцию в 1865 г. Миллер по этому поводу писал, что он «имел под рукою довольно плохой список, который помог мне разобрать г. Кокиев»¹².

С большой любовью Кокиев записывал интересные памятники устного народного творчества осетин, из которых только некоторые были опубликованы, а подавляющая их масса, хранящаяся в личном архиве Миллера, еще не увидела света. Осетинский памятник посвящения коня покойнику «Бахфалдесун», этот осетинский «Домострой», впервые был записан Кокиевым и передан Миллеру¹³. Этот замечательный памятник, являющийся, кстати, в записи Кокиева наиболее полным и лучшим, был использован Миллером в его осетинских текстах¹⁴.

Кокиев передал Миллеру также два интересных памятника — «Слепой Бибо» и «Беседа чорта с человеком», записанные им в Северной Осетии. «Слепой Бибо» в печати не появлялся, и никаких следов о нем нам пока не удалось обнаружить. Что касается сказки «Беседа чорта с человеком», то она существует и среди южных и среди северных осетин. Юго-осетинский вариант этого памятника не появлялся в печати¹⁵. Северо-осетинский вариант, легший в основу известной сказки Коста Хетагурова «Ласкдзаран»¹⁶, тоже не был опубликован. К сожалению, этот интересный памятник полностью до нас не дошел. Начало памятника утрачено. Случайно сохранилось окончание памятника в письме к Миллеру¹⁷.

В связи с изучением этногенеза осетин Миллер дал задание Кокиеву анализировать собственные осетинские имена и, по возможности, установить бесспорно осетинские и заимствованные от соседних народов. На основе громадного фактического материала, собранного у осетин, кабардинцев и других горцев, Кокиев пришел к выводу, что на основании собственных имен невозможно установить, какое из горских племен является наиболее древним. «Одни и те же имена попадают в Осетию, в Кабарде и у других племен. Поэтому вопрос о заимствовании пока труден и в связи с вопросом о старшинстве (в историческом смысле) кавказских народов»¹⁸.

Одновременно Кокиев подметил любопытную деталь: у осетин круг женских имен крайне ограничен. «У нас,— писал Кокиев,— список и выбор женских имен слишком ограничен, потому что по выходе замуж девушка уже теряет в семье свое имя, а ее уже зовут по рождению и по прежней фамилии — Кокион, Цагарон, Тхостон»¹⁹.

Своими этнографическими материалами по осетинам Кокиев подкреплял важнейшие догадки Миллера о культурно-исторической связи осе-

⁸ Письмо от 30 сентября 1880 г.

⁹ В. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 4; ч. II, М., 1882, стр. 13, 21.

¹¹ Там же, ч. I, стр. 105.

¹² Там же, стр. 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 109—115.

¹⁵ Полное собрание сочинений К. Хетагурова, изд. АН СССР, т. I, Л., 1939, стр. 191—192.

¹⁶ Там же, т. I, стр. 103—108.

¹⁷ Письмо С. Кокиева к Миллеру от 21 октября 1880 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

тин с Ираном. Осетинское сказание о Ростоме и Безане²⁰, записанное Миллером в сел. Алагире, напоминало ему известный эпизод Шахнамэ — убийство Зораба его отцом Рустэмом. Вариант этого памятника, записанный Кокиевым, подтвердил догадку Миллера. «Сообщаю Вам очень любопытный и интересный факт,— писал Кокиев Миллеру,— подтверждающий то сближение, которое Вы, в виде предположения, высказали, что Ростом (Даредзан) должен быть Рустэм. Я ездил в сел. Беслан, где удалось записать новый вариант сказания о Ростоме, где упоминаются фамилии Туранта и Бакарта: Ростом убил владельца Туранова или Туранского»²¹. Основываясь на этом сообщении Кокиева, Миллер писал: «В одном варианте сказания о Ростоме, записанном г. Кокиевым в Беслане, как я знаю из письма ко мне г. Кокиева, про Ростом, между прочим, говорится, что он «амардта Туранти алдари», т. е. убил властителя туранцев»²².

Миллер высоко ценил сотрудничество Кокиева. Он счел своим долгом принести ему свою искреннюю благодарность за живое участие, которое тот принимал в его работе²³. «Осетинские этюды» Миллера являются и ныне непревзойденной работой в области осетинского языка и этнографии. Успех «Осетинских этюдов» в отечественной и европейской науке объясняется отчасти и тем, что в их создании принимали активное участие лучшие представители осетинской интеллигенции восьмидесятых годов прошлого века, среди которых одно из первых мест принадлежит Кокиеву. Не все этнографические работы Кокиева выявлены. Заслуживают быть отмеченными: его обстоятельный очерк «Калым у осетин»²⁴ и его широко известные «Записки о быте осетин»²⁵. Прежде чем опубликовать свою работу, Кокиев счел необходимым послать ее на просмотр Миллеру, которому она очень понравилась, но в то же время он дал Кокиеву некоторые советы относительно ее окончательного литературного оформления. В ответном письме Кокиев благодарил Миллера²⁶.

Все замечания Миллера, повидимому, автором были учтены, и в самом конце 1884 г. работа, уже в окончательной редакции, была отправлена Миллеру, который и опубликовал ее в 1885 г. в редактируемом им сборнике материалов по этнографии. Этнографический очерк Кокиева об осетинах обратил на себя внимание М. М. Ковалевского, который использовал его во 2-й главе своего капитального труда, в разделе о религиозных верованиях и общественном устройстве осетин²⁷.

Причина успеха этнографического очерка Кокиева заключалась в том, что автор написал его исключительно на основе личных наблюдений над бытом своего народа. Он не был случайным наблюдателем чужого ему быта, а описывал быт родного народа, среди которого родился и вырос.

Очерк Кокиева был написан по определенному плану, разосланному Миллером всем сотрудникам сборников материалов по этнографии. Подчеркнув высокое значение, придаваемое осетинам своему жилищу, Кокиев в своем этнографическом очерке дал весьма интересное и подробное описание жилища осетин в нагорной полосе и на плоскогорье и связанных с жилищем многообразных религиозных верований осетин, в

²⁰ В. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, стр. 79.

²¹ Письмо Кокиева к Миллеру (не датировано, но есть основание думать, что оно написано в 1880 г.).

²² В. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, стр. 12.

²³ Там же, стр. 5.

²⁴ «Герские ведомости», 1887, № 4.

²⁵ Сборник материалов по этнографии, издан при Дашковском этнографическом музее под ред. В. Ф. Миллера, вып. I, М., 1885, стр. 67—112.

²⁶ Письмо Кокиева к Миллеру от 15 ноября 1884 г.

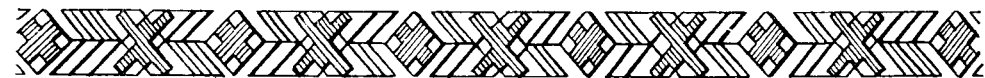
²⁷ М. Ковалевский. Современный быт и древний закон, т. I, М., 1886, стр. 68, 76, 79.

силу которых «оскорбление жилища словом или действием, как то: подбрасывание дохлых животных, собак, кошек или совершение в нем какого-либо неприличного действия — наказывается наравне с кровомщением». По конструктивным формам Кокиев устанавливает различные типы осетинского жилища. Наиболее древним он считает родовые башни и полубашни, возникшие в определенных исторических условиях и служившие в свое время военными укреплениями. Более позднего происхождения являются жилища плоскостных осетин, ничем не отличающихся от жилищ русских казаков. Кокиев подметил несомненную связь между делением жилища на части и нравственными понятиями осетина, управляющими всей его семейной и общественной жизнью. Далее Кокиев подробно описал одежду осетин, их развлечения, музыкальные инструменты, оружие, основные хозяйственные занятия, верования и народную медицину. И всюду Кокиев проявляет глубокое знание быта своего народа. Сообщаемые Кокиевым в его этнографическом очерке факты и наблюдения из осетинского быта заслуживают безусловного доверия.

С. В. Кокиев писал много, но опубликовано им мало. Когда в 1885 г. Миллер предложил Кокиеву стать постоянным корреспондентом московских этнографических изданий, он уклонился от этого предложения исключительно потому, что «преподавателям строго воспрещено циркуляром участие в периодических изданиях»²⁸.

Выдающийся этнограф осетинского народа, С. В. Кокиев своей научной и общественной деятельностью популяризировал среди лучших представителей русской науки неисчерпаемые духовные богатства даровитого, по выражению В. Ф. Миллера, осетинского народа и способствовал приобщению осетин к передовой культуре русского народа. С. В. Кокиев, как один из первых и лучших этнографов осетинского народа, ждет еще своего исследователя.

²⁸ Письмо Кокиева к Миллеру от 28 августа 1892 г.

ЗАМЕТКИ • СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

Н. ФЕДОРОВА-ДЫЛЕВА

ВЕЛИКОУСТЮЖСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЗЬБА НА БЕРЕСТЕ

В лесных районах нашего Союза художественная обработка берестяных изделий довольно распространена, но особенно овладели прорезной техникой и умением покрывать бересту тончайшими узорами мастера Великоустюжского района Вологодской области.

Данные относительно вологодской резьбы на бересте мы находим еще в отчете о всероссийской художественной промышленной выставке 1882 г. в Москве, причем особенно отмечались изделия крестьянина Вепрева, очень хорошие как по рисункам резьбы, так и по чистоте и тщательности выполнения. Баулы из крашеного лыка очень красивые и заслуживают полного внимания по своей оригинальности, хорошей работе и прочности¹. Предметы, покрытые резной берестой, экспонировались в Вологде, в Нижнем Новгороде.

Изделия русских резчиков знали не только в России, но и за границей. В Париже на всемирной выставке 1900 г. И. А. Вепрев получил диплом и медаль за выставленные им экспонаты². Центром художественной резьбы на бересте была Шемогодская волость. О времени возникновения там этого вида прикладного искусства имеются разногласия. В. С. Воронов высказывает предположение о возникновении резьбы на бересте как промысла только во второй половине XIX в.³ В. Василенко утверждает, что «промысел известен с XVIII в.»⁴. Наконец, автор статьи в газете «Советское искусство» пишет: «Промысел этот возник в конце XVII в. в роду крестьян Вепревых»⁵. Официальные статистические издания, давая описание Вологодской губ. и указывая на существование в ней черневого, сканного искусства, умалчивают о резьбе на бересте, и первое такое упоминание мы находим только в 1872 г.⁶

В советское время вологодская художественная резьба по бересте получила новое развитие. В 1934 г. в деревне Павшино Шемогодского сельсовета открылась артель «Солидарность». В Великом Устюге была организована мастерская по резьбе на бересте, впоследствии реорганизованная в художественную мастерскую. Появился новый очаг резьбы на бересте. Из Курово-Наволока пришли лучшие мастера, например С. И. Вепрева⁷.

В художественной мастерской в Великом Устюге резьбой на бересте занимались исключительно женщины; среди них есть весьма одаренные, прекрасно владеющие искусством резьбы. Заслуживают упоминания: Серафима Ивановна Вепрева из рода Вепревых, издавна выделявшихся своим искусством, и молодой талантливый советский мастер — Мария Григорьевна Угловская.

С. И. Вепрева так пишет о себе: «Мне было полтора года, когда умер отец. Мать пошла батрачить, а меня взял на воспитание дедушка. Жил он в деревне

¹ Отчет о всероссийской художественной промышленной выставке в 1882 г. в Москве, СПб., 1883, т. V, стр. 67—69.

² Н. Анон. Шемогодская резьба. «Народное творчество», № 8, 1938, стр. 51.

³ В. С. Воронов. Шемогодская прорезная береста. Народное искусство СССР в художественных промыслах, т. I. Изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 17.

⁴ Большая Советская энциклопедия, т. 18, М., 1941, стр. 521.

⁵ «Березовые кружева». «Советское искусство», № 40 (972), 1945, стр. 2.

⁶ Статистический временник Российской Империи, т. II, вып. 3, СПб., 1872, стр. 12.

⁷ С. Марков. «У мастеров Великого Устюга». Журнал «Общественица», № 7—8, 1936, стр. 57.

Куров-Наволоок, Шемогодской волости. В Курове-Наволоке много крестьян целыми семьями занимались художественной резьбой по бересте. В семье деда искусным резчиком был дядя (мамин брат), к которому после окончания сельской школы отдали меня в обучение. Мне было тогда 13 лет. Начала я вырезать на худых берестяных. А когда научилась резать, дядя стал делать шкатулочки, а я работала резку. И вот уже почти 14 лет резьба по бересте стала моей постоянной основной работой. Еще не так давно мы работали без всяких рисунков. Придумаешь сама, как лучше, и режешь. И узоры мы больше вырезали букетные, травы, цветы. Теперь мы вырезаем по бересте новые советские рисунки. Эта работа нам нравится и радует весь коллектив резчиков»⁸.

М. Г. Угловская сообщает: «С резьбой на бересте я познакомилась в 1936 г. в художественной мастерской в В. Устюге. Сначала работала по прикройке бересты к коробкам. Потом стала учиться резьбе по рисунку, нанесенному на бересте Серафимой Ивановной. Чтобы хорошо резать на бересте, нужна не только практика, но и способность. Есть много резчиков, которые работают по 20 лет, а работу их нельзя признать хорошей. Резчики по бересте долго работали по старым образцам букетных и вышивальных рисунков. Во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР мы перешли на советскую тематику; резчики работают над новыми рисунками, отражая в них нашу жизнь. Вначале это было трудно, рисунки надо было располагать на бересте так, чтобы части их не отклеивались от подкладки. Мне удалось передать на бересте герб СССР, физкультурницу, пограничника, ненцев на оленях, пионера с барабаном и другие рисунки»⁹.

Новые темы волнуют народных художников: они стремятся отразить в своем творчестве ошелюющую действительность, ищут формы выразительного показа и наилучшего художественного оформления. Резчик пытается создать, а не повторять орнамент.

Перейдем к конкретному описанию резьбы, используя материал, собранный нами в 1939 и 1940 гг. в художественной мастерской резьбы по бересте в г. Великом Устюге — новом очаге этого искусства — и частично в деревне Курово-Наволоок.

Береста — верхний слой березовой коры, которую снимают в конце весны и в начале лета. В это время года береста легко отстает от лежащего под нею слоя зазелени. Снятая береста складывается листьями, белой (верхней) стороной друг к другу, и связывается кипами. Сложенные так листы бересты негибаются, не мнутся и удобны для работы. Резьба на бересте встречается на вещах, сделанных из бересты целиком, например: лукошки, бураки и т. д., или же прорезными кусочками оклеиваются разнообразными деревянными предметами и украшениями.

Изучая художественные изделия из бересты, мы установили у русского населения три типа резьбы: гравировку, давление, прорезь. Эти виды обычно встречаются смешанными. Рисунок гравировкой наносится тонкой неглубокой вдавленной линией. Этот вид резьбы применяется для нанесения контуров фигур и различных деталей. Давленный орнамент наносится при помощи штампа. Штамп представляет собой небольшой кусок дерева или кости, на одной стороне которого вырезают рисунок, заключенный в квадрат, круг, восьмиугольник. Для нанесения вдавленного рисунка штамп ставится резной стороной на кусок бересты, а по противоположному концу ударяют тяжелым предметом. Рисунок со штампа переходит на бересту¹⁰.

Третий вид резьбы — прорезь; при исполнении орнамента этой техникой вырезается рисунок и удаляется фон.

Работа в Великоустюжской художественной мастерской дифференцирована. Организованы два цеха: столярный и художественной резьбы на бересте. В первом цехе готовятся деревянные формы для всего ассортимента изделий, во втором — вырезают рисунок на бересте и прорезными пластинками оклеивают различные деревянные предметы.

Процесс работы сводится к следующим приемам: обрезка бересты по требуемому размеру, очистка бересты от белых слоев и шероховатостей, нанесение ножом рамки и контура рисунка, вырезание ножом рисунка, гравировка неглубокими, вдавленными линиями, прикройке вырезанной берестяной пластинки к вещи, наклейка вырезанной бересты на изделия.

Каждая резница имеет инструменты: нож, «рисовальщик» и циркуль (в художественной мастерской один циркуль обслуживает несколько резниц). Перед резницей лежит на столе небольшая прямоугольная березовая доска, и на ней вырезается берестяная пластинка.

Нож — небольшой с заостренным концом, посаженный в деревянную ручку. «Рисовальщик» — металлический стержень с овальным концом, сточенный к краям, закрепленный в деревянной, круглой ручке. Циркуль — деревянный, с железными небольшими гвоздиками, вставленными на концах ножек.

⁸ С. И. Вепрева. «Моя работа — резьба по бересте». Газета «Советская мысль», В. Устюг, 8 февраля 1938, стр. 3.

⁹ М. Г. Угловская «Я люблю работу». Газета «Советская мысль», В. Устюг, 5 февраля 1938 г., стр. 3.

¹⁰ В данное время в Великоустюжском районе штамп на бересте не применяется.

Мы уже указывали, что снятая береста хранится кипами. Каждый лист бересты подготавливается к резьбе специально поставленной работницей. Со стенок и крышек коробок сняты размеры и вырезаны по ним досочки-мерки. Существует несколько стандартных размеров коробок, следовательно, несколько стандартных досочек-мерок.

На большой кусок бересты, вынутый из кипы, накладываются досочки-мерки, и по ним обрезаются кусочки, требуемые для оклейки коробок. После нарезки бересты по меркам приступают к ее очистке от белых слоев и шероховатостей. Для оклеивания коробки готовится пять кусочков бересты: четыре для боковых стенок и один для крышки.

Очищенные куски поступают к резчице для художественной обработки. Приступая к обработке полосок, резчица очерчивает рамку неглубокими вдавленными линиями. На куске бересты, предназначенной для крышки, линии очерчиваются с четырех сторон, а для боков — только с двух: с верхней и с нижней. Когда рамка на берестяных полосках очерчена, резчица начинает ножом или «рисовальщиком» «выписывать» рисунок. Получается контурный, схематический орнамент, неглубокой вдавленной линией. Рисунок резчицей не копируется, а воспроизводится по памяти, творчески.

Следующая стадия работы — вырезание рисунка. Быстро меняя направление, резчица ножом вырезает рисунок, как бы удаляет фон, и этим достигается ажурность берестяной пластинки. Резчица во время вырезания выявляет детали без ранее намеченного рисунка и производит гравировку, отделявая поверхность листиков, человеческие фигуры, изображения животных неглубокой штриховкой.

На пластинках, идущих на стенки коробок, процесс работы аналогичен описанному, но рамка очерчивается только сверху и внизу.

Когда закончена резьба и отделка, верхняя полоска отрезается и наклеивается на боковую сторону крышки коробки. Прикраиваются орнаментированные куски бересты и наклеиваются на окрашенные стороны коробки. В мастерской для окраски коробок употребляют преимущественно красный цвет, а для мелких изделий фоном служит цветная стружка.

Края готовых предметов лакируются. Лакировку и окраску производит специально поставленный на эту операцию работник.

Ассортимент изделий разнообразен: чайницы, рабочие шкатулки, папиросницы, бурачки, пеналы и т. д.

«Резчики на бересте — орнаменталисты. Их творчество развивается в области тонких и выразительных «травных» узоров, наследующих традиции бытовых росписей, набоек, кружев, резной кости. В основе растительного орнамента лежит тонкий побег с ответвлениями, с мягким движением во всех направлениях; в спиралях узоров ритмически повторяются цветы-розетки. В симметрическом строении узора преобладают плавные кривые. Формы в орнаменте, равномерно покрывающем поле, соприкасаются, сохраняя целостность берестяного покрова. Края орнаментальных полей окаймлены полосами несложной геометрической прорези... В старых вариантах пышного растительного орнамента, быстро возникающего на упругой и тонкой бересте, более всего заметны мотивы барокко и классицизма, видоизмененные в сторону обобщенности, сочности и лаконизма»¹¹

Эту характеристику, данную В. С. Вороновым, можно несколько расширить. Совершенно правильно отмечается, что резчики на бересте в основном вырезают растительный орнамент, имеющий в последнее время реалистическую трактовку. Орнамент на протяжении нескольких столетий не мог быть застывшим, изменялся, несомненно, имеет напластования и испытывает различные влияния.

В русском народном искусстве (в частности, в искусстве севера) травчатый (растительный) орнамент встречается почти на всех материалах, используемых мастерами. В основе этого орнамента лежит изгибающийся побег, оканчивающийся листом, цветком или их стилизованной формой. Такой орнамент встречается на кружевах, просечном железе, набойке, в вышивке, в резьбе на бересте. Каждый из них имеет свою специфику, зависящую от материала и той плоскости, на которой орнамент размещается; учитывается и назначение предмета.

Северный русский народный художник заполняет орнаментом почти всю разрабатываемую плоскость. В дореволюционной резьбе на бересте «травчатые» узоры густо заполняли площадь. Рисунок составляли стилизованные листья аканта. От изгибающегося стебля листочки отходили непосредственно и соприкасались между собой. Такой рисунок встречается на северных расписных бураках, на набирюшках, на прялках. Но резчики на бересте не копировали лист аканта, а давали свою трактовку: они прорезали листочки — от этого весь орнамент становился легким и ажурным.

Можно провести аналогию и сравнивать рисунок берестяного кружева с богатейшей орнаментальной разработкой вологодского нитяного кружева, в котором

¹¹ В. С. Воронов. Шемогодская прорезная береста. Народное искусство СССР в художественных промыслах, т. I, изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 17.

«вельюшкой»-тесью выплеталась изгибающаяся линия с отходящими от нее стилизованными листьями. Такая трактовка, по нашему мнению, говорит о существовании резьбы на бересте в течение ряда веков, с установленными традициями, с искусством резчиков, передававшимся из поколения в поколение, с одаренными мастерами, впитавшими в себя эту наследственную культуру резьбы.

Если это искусство стало упадочным в конце XIX в., то в наши дни оно получило полное признание.

В ассортименте современных изделий преобладают в основном коробки, различные по форме: квадратные, прямоугольные с раздвигающимися или с поднимающимися крышками, небольшие бурачки, круглые коробочки и пр. Формы различные,

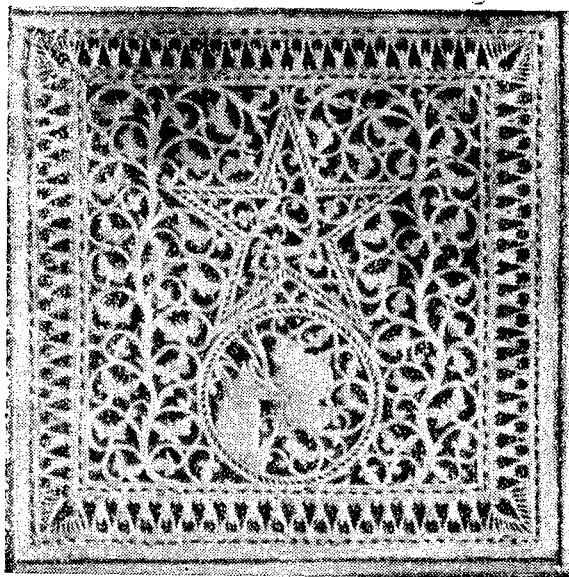

Рис. 1. Пограничник с собакой — работа М. Г. Угловской. Фото А. А. Гречкина

и это учитывается резчиками, так как от формы предмета зависит его художественная обработка и композиция рисунка на той или иной плоскости. При этом мастерами особенное внимание уделяется резьбе на крышке — центральному, видному месту; на боках также располагают растительный орнамент, разнообразный и интересный по своей трактовке.

Резчики ввели новый элемент в орнамент: разрезной листочек, напоминающий трилистник, который заменяет листья аканта. В основе этого орнамента лежит тоже плавно изгибающаяся линия с большими или маленькими листочками.

Большие листочки имеют две формы: 1) сложный по своей форме листочек имеет три отходящие от середины зубца, соприкасающиеся с изгибами стебля, между зубцами расположены по два маленьких отростка; 2) от краев отходят два зубца и прилегают к стеблю, а между ними в центре находятся два маленьких листочка. Кроме этих листочков вырезаются и еще более мелкие, несколько отличающиеся от вышеописанных.

Но завитки заканчиваются не только листочками, но и круглыми небольшими розетками, напоминающими многолепестковый цветок; аналогичный элемент мы встречаем и в старинном орнаменте резьбы на бересте.

Кроме растительного орнамента, на боковых стенках располагается и геометрический.

На крышке растительный орнамент обязательно заключен в рамку, состоящую из геометрического.

Если плоскость вырезается одним растительным орнаментом, «заветышками», то стебель располагается по диагонали, и от него в обе стороны отходят завитки, оканчивающиеся листочками или кругами-розетками.

В растительный орнамент очень часто вмещают круг, ободок которого разрабатывается геометрическим орнаментом, а середина заполняется орнаментом растительным. Когда в середине крышки помещается круг, то ветка с растительным орнаментом располагается по бокам, по диагонали.

Крышки небольших цилиндрических коробочек (например школьных пеналов) покрываются геометрическим и растительным орнаментом, состоящим из небольших стебельков, несущих листочки или круги-розетки. Стебельки располагаются из центра и, изгибаясь, заканчиваются листочками, или же стебель идет от ободка по сековине круга (крышки), и от него симметрично вырезаются завитки с листочками и кругами-розетками.

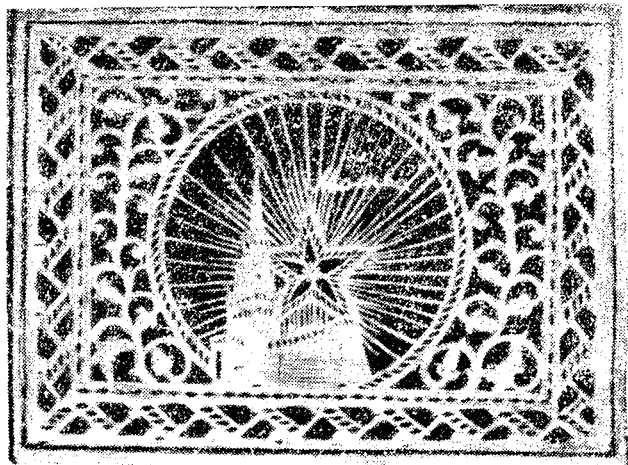

Рис. 2. Москва — работа М. Г. Угловской.
Фото А. А. Гречкина

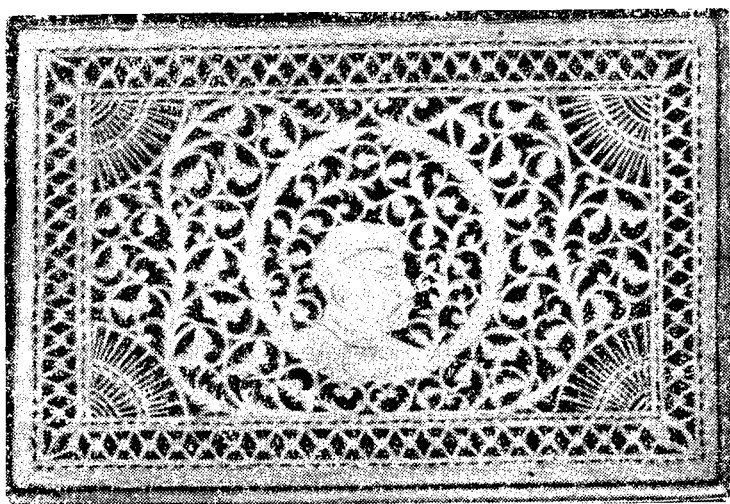

Рис. 3. Портрет товарища Сталина — работа М. Г. Угловской. Фото А. А. Гречкина

Но не только круг помещается резчицами на плоскостях крышек. Излюбленным элементом в резьбе на бересте является пятиконечная звезда, которую резчицы помещают в центре своих композиций, а также серп и молот. Эта новая советская тематика прочно вошла в резьбу на бересте.

В этом виде народного искусства отражены и отдельные эпизоды из жизни советской страны: «Пограничник в дозоре», «Пограничник с собакой» (рис. 1).

Одна из лучших молодых резниц М. Г. Угловская в 1940 г. осуществила тему: «Москва» (рис. 2). На крышке Угловская в круге вырезает символ Москвы — Кремлевскую башню и часть стены, а над нею помещает пятиконечную звезду с отходящими от нее лучами. Пространство между двумя окружностями заполняется геометрическим орнаментом. Края площадки крышки отсечены полуокружностями.

Та же резчица попыталась создать портрет товарища Сталина, окружив его традиционным орнаментом (рис. 3).

Остановимся на названиях деталей этого орнамента. Напомним, что в расти-

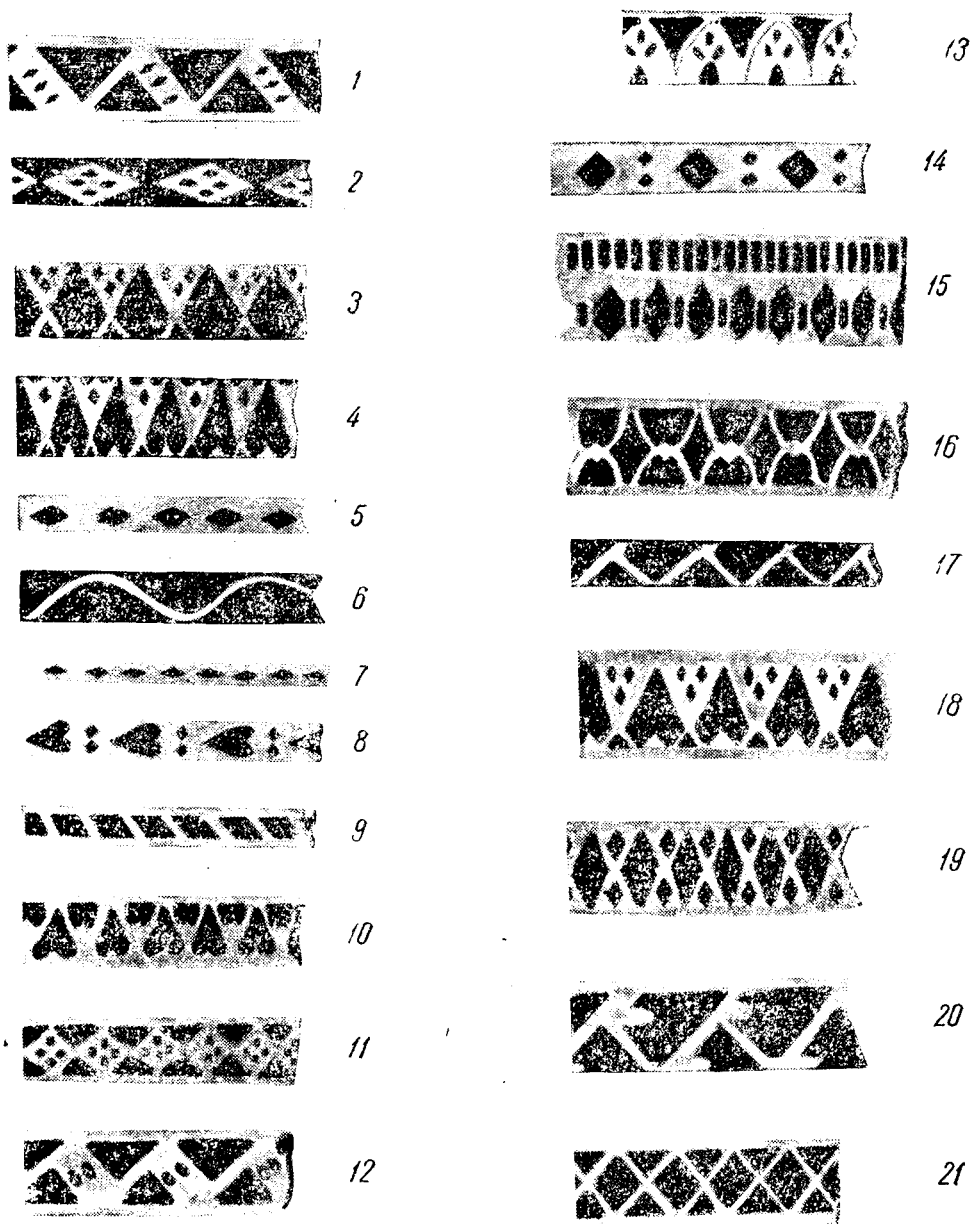

Рис. 4. Формы геометрического орнамента резьбы на бересте. Фото А. А. Гречкина

1 и 2 — мелкие пирожки; 3 — буби и маленькие пирожки; 4 — черви и пирожки; 5 — маленькие пирожки; 6 — мысочек; 7 — маленькие пирожки; 8 — черви и пирожки; 9 — пирожки вкось; 10 — черви; 11 — кучки; 12 — коровки; 13 — листочки и пирожки; 14 — буби и пирожки; 15 — бабочки и буби; 16 — буби; 17 — коровки; 18 — пирожки и черви; 19 — большие и маленькие пирожки и буби; 20 — кукишки или коньки; 21 — буби с обеих сторон

- тельном орнаменте резьбы на бересте основой являются изгибающиеся ветки, несущие в обе стороны листья. Начало этой ветки резчики называют «корешок», а изгибающуюся линию, оканчивающуюся листиком или кругом-розеткой, — «заветеньком». Интересно отметить другое название круга-розетки — «месячек», хотя по своей форме розетка ассоциируется скорее с цветком, чем с месяцем. Форма ромба в резьбе на бересте называется «пирожок».

Встречается термин «коньки» или «кукишки» (рис. 4, 20). Он относится к орнаменту, состоящему из изломанной линии, имеющей в верхнем и нижнем подъеме небольшие овальные выступы. Такая же изломанная линия, но только без выступов (рис. 4, 12), носит название «коровки». Встречаются наименования мастей карт: «буби» и «черви».

Волнистая линия называется «мысочек» (рис. 4, 6), ряд ромбиков, вырезанных на берестяных квадратах, — «кучки» (рис. 4, 11), овал, с тремя вырезанными ромбиками — «листочки» и «пирожки» (рис. 4, 13).

Вертикально расположенные, недалеко одни от других, линии называются «бабочки» (рис. 4, 15). В бывшей Вологодской губернии «бабочки» — водяные столбики, выскакивающие из водной поверхности вслед за падением на эту поверхность крупной капли дождя¹².

Можно сделать вывод о разнообразии форм геометрического орнамента по сравнению с растительным. Не следует ли предположить, что вообще геометрический рисунок был перенесен в резьбу на бересте раньше, чем растительный?

Геометрический орнамент вырезается двумя способами: в одном случае на берестяной поверхности вырезают элемент орнамента (рис. 4, 5, 8), а в другом — удаляется фон (рис. 4, 20).

В растительном орнаменте рисунок вырезается только из бересты, а удаленная часть служит фоном.

Наши наблюдения по данному виду прикладного вологодского искусства относятся к 1939—1940 гг. Было бы весьма желательно получить сведения о нынешнем состоянии шемогодской и великоустюжской резьбы на бересте. Новые темы, темы Великой отечественной войны и послевоенного времени несомненно должны отразиться на творчестве молодых художниц — вологодских резчиц по бересте.

¹² Н. Харузин. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, вып. II, 1890, стр. 142.

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ В. Г. БОГОРАЗУ

В начале мая с. г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР состоялась сессия, посвященная В. Г. Богоразу в связи с 10-летием со дня его смерти.

С докладом о В. Г. Богоразе как исследователе выступил старший научный сотрудник, кандидат этнографических наук С. В. Иванов (см. его статью в настоящем номере журнала).

Кандидат исторических наук М. Н. Шахнович выступил с докладом на тему: «В. Г. Богораз как историк религии». Среди работ Богоразы исследование вопросов истории религии занимает большое место. Его работы, как лучшего знатока религиозных верований чукоч, можно рассматривать в трех направлениях: 1) наблюдение и фиксация религиозных явлений; 2) анализ ряда вопросов истории религии; 3) воспроизведение истории религии в музейных экспозициях (Выставка в 1930 г. в Ленинграде по истории религиозных верований). Богораз создал Музей истории религии при Академии Наук СССР. Докладчик отметил ошибочность некоторых теоретических построений Богоразы о первобытной религии.

Следующий доклад, Н. Г. Шпринцин, ознакомил участников сессии с рукописным наследием В. Г., хранящимся в Архиве АН СССР (в Ленинграде).

Младший научный сотрудник Института В. В. Антропова в докладе на тему «К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов Северо-Востока Сибири» обобщила имеющиеся в литературе сведения, используя ряд неопубликованных рукописей и архивных материалов, и охарактеризовала сложившиеся в XVII—XVIII вв. взаимоотношения племен Крайнего Севера. Во взаимоотношениях этих отчетливо выступает военный характер первобытного обмена у некоторых племен. На обмен съезжались в полном вооружении, товары предлагали на концах копий или с ножами в руках. Докладчик охарактеризовал также тип военных укреплений народов Севера.

В сессии приняли участие сотрудники Государственного музея этнографии, Эрмитажа и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.

Институтом этнографии сдан в печать сборник «Памяти В. Г. Богоразы» (т. XI, МАЭ). В сборнике печатается глава «Оленеводство» из подготавливаемой книги В. Г. Богоразы «Культура народов Севера», а также его статья «Игры малых народностей Севера». Печатаются работы учеников, занимающихся вопросами этнографии народов Севера: С. Н. Стебниченко, погибшего смертью храбрых в боях за Ленинград в 1941 г., Н. П. Дыренковой, С. В. Иванова, А. А. Попова, Н. Г. Шпринцин и др.

Список печатных работ Богоразы был опубликован в журнале «Советская этнография», № 4—5, 1935.

В. Храмова

ПАМЯТИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

(1916—1946)

23 марта текущего года исполнилось тридцать лет со дня смерти выдающегося русского ученого Максима Максимовича Ковалевского. Ученый совет Института этнографии Академии Наук СССР устроил специальное заседание, посвященное его памяти.

Проф. А. М. Ладыженский в своем докладе дал общую характеристику научных заслуг М. М. Ковалевского, занимавшего одно из первых мест в блестящей плеяде русских ученых конца XIX и начала XX в. Многогранная и долголетняя деятель-

ность М. М. Ковалевского была так широка, охватывала столь различные области знания, что для характеристики его трудов необходимо быть знатоком в области всеобщей истории, истории России, истории права, общей теории государства и права, экономического и социального быта Западной Европы, истории рабочего движения и, наконец, этнографии. Ковалевский не замыкался в узкой сфере какой-либо одной специальности; его научное творчество имело широкий размах. М. М. Ковалевский связал свою интенсивную научно-исследовательскую деятельность с практикой, в частности с педагогической работой. Колоссальная эрудиция и выдающаяся талантливость Ковалевского утвердили за ним славу одного из лучших исследователей общественного строя России и Западной Европы. Он был одним из тех русских мыслителей, которые во многом содействовали пропаганде отечественной культуры, способствовали ее популяризации и признанию среди западноевропейской интеллигенции.

Сам Ковалевский был весьма популярен на Западе и состоял членом многих иностранных научных обществ и академий. Его лекции в университетах США, Англии, Франции, Италии, Бельгии и Швеции привлекали многочисленную аудиторию, внимавшую словам русского ученого с большим и неизменным интересом. Он был участником многих международных научных конгрессов, на которых нередко выступал с докладами и сообщениями. М. М. был лично знаком со многими выдающимися людьми своего времени и поддерживал с ними оживленную переписку.

Выходец из богатой дворянской семьи, М. М. Ковалевский (род. в 1851 г.), благодаря своим отличным способностям и хорошей домашней подготовке, блестяще окончил университетский курс в Харькове, а затем отдался научно-исследовательской работе. Уже в 1876 г. он выступил с исследованием «Опыт истории юрисдикции налогов во Франции с XIV в. до смерти Людовика XIV».

Этот труд в значительной мере был направлен против одного из тогдашних авторитетов в области германского права, Гнейста, утверждавшего, что идея правового государства составляет достояние исключительно «германского духа». На основании архивных материалов Ковалевский доказал, что идея правового государства далеко не чужда другим народам, в частности романским. В том же году Ковалевский опубликовал в Лондоне две работы, посвященные характеристике английской полицейской администрации и института мировых судей.

В Англии молодой ученый познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом, а также с известным социологом Гербертом Спенсером и не менее известным историком права Генри Мэном.

Вернувшись в Россию, Ковалевский начал читать лекции на юридическом факультете Московского университета. В то время Московский университет имел таких профессоров, как А. И. Чупров, С. А. Муромцев, И. И. Янжул, В. Ф. Миллер, П. Г. Виноградов. Но и среди этих крупных ученых М. М. Ковалевский, молодой, начинающий профессор, сумел быстро занять соответствующее его знаниям и дарованию положение. Велик был авторитет Ковалевского и среди студенчества, главным образом благодаря его талантливым лекциям из области иностранных законодательств и государственного права. В этих лекциях Ковалевский неизменно проводил основную мысль — преимущество конституционного правления перед самодержавным.

Наряду с преподавательской деятельностью Ковалевский продолжал вести большую исследовательскую работу и уже через три года после своей магистерской диссертации он защитил докторскую на тему: «Общественный строй Англии в конце средних веков». Но пропагандируемые либеральным профессором взгляды вызвали гнев «начальства», и в 1887 г. Ковалевский был отстранен от преподавания в Московском университете как «политически неблагонадежный». В этом же году он выехал за границу, а через несколько лет, совместно с несколькими другими прогрессивными профессорами, лишенными кафедр царским правительством, организовал в Париже для русской эмиграции «Высшую русскую школу общественных наук» («Ecole russe des hautes études sociales»), в которой продолжал чтение лекций.

В последующие годы Ковалевский читал курсы: «О развитии семьи и собственности» — в Стокгольме, «Современный обычай и древний закон в России» — в Оксфорде, «О развитии народного хозяйства в Западной Европе» — в Брюсселе, «История русских политических учреждений» — в Чикаго. Из других его значительных заграничных выступлений следует отметить его доклады: «Иранская культура на Кавказе» — на съезде ориенталистов в Лондоне; «О работах русских этнографов, статистиков и историков» и «Переход от коллективной собственности к собственности индивидуальной» — на Конгрессе сравнительной истории права в Париже и на собрании Международного института социологии. Ковалевский деятельно сотрудничал в ряде научных журналов российских и заграничных и издал ряд своих трудов.

В 1899 г. Ковалевский стал членом-корреспондентом Российской Академии Наук, а за два года до своей смерти был избран ее действительным членом.

Характеризуя научный облик Ковалевского, нельзя среди его многочисленных работ не отметить ряда его капитальных исследований, прежде всего «Происхождение современной демократии» (5 томов) и «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (7 томов). Эти труды создали их автору мировое имя. Свои общие методологические положения Ковалевский изложил в работе «Историко-сравнительный метод в юриспруденции», где доказывал, что все народы в своем развитии проходят через определенные общественные формации и право различных народов, находящихся на одинаковых ступенях развития, обладает большим сходством. Эти свои положения Ковалевский иллюстрировал на многочисленных конкретных фактах, изложенных в трудах «История распада общинного землевладения в кантоне Ваад», «Общинное землевладение», «Первобытное право», «Закон и обычай на Кавказе» и, наконец, в работе «Современный обычай и древний закон».

Наряду с правильными выводами из своих научных изысканий Ковалевский допускал и ряд ошибочных толкований вопросов общественного развития. Так, говоря о законах преемственности форм народного хозяйства, он принимал в ка-

честве основного фактора эволюции рост населения, большую или меньшую его плотность. Ковалевский был далек и от идеи революционного обновления России, и его политические воззрения целиком совпадали с его лидерством в основанной им в 1906 г. «партии демократических реформ», стоявшей на крайнем правом фланге тогдашнего российского либерализма. Свои политические взгляды Ковалевский изложил в последних крупных работах, а также в своих курсах лекций в Петербургском политехническом институте («От прямого народовправства к представительному», «Происхождение современной демократии» и др.). Последние годы своей жизни Ковалевский посвятил работам по истории социологических учений. Научное наследие Ковалевского огромно. Число его трудов, статей, заметок, рефератов составляет несколько сотен. Несмотря на давность их появления, многие из них не утратили своей научной ценности.

Особо отметил проф. А. М. Ладыженский высказывания Ковалевского по вопросу о расах. В ряде своих работ Ковалевский резко выступал против расовой теории, указывая, какую опасность она представляет для правильного и беспристрастного исследования исторических фактов. В работе «Современная социология» он критиковал воззрения известной части расоведов, будто психические свойства рас находятся в неразрывной связи с их антропологическими особенностями (длиной черепа, цветом волос и пр.). По поводу мнения таких расоведов, что англичане — смелые мореплаватели, ибо они — долихоцефалы и блондины, Ковалевский остроумно заметил, что финикийцы были не менее смелы в море, хотя были брахицефалы и брюнеты.

Ковалевский энергично отстаивал культурные права национальных меньшинств. Пожалуй, среди русских либералов своего времени Ковалевский лучше других понимал потребности национальных меньшинств царской России и наиболее сочувственно относился к их страданиям. Радикальная позиция Ковалевского в области национального вопроса вызвала к нему особые симпатии национальной интеллигенции, и ни один из дореволюционных русских ученых не имел столько последователей и учеников из числа «инородцев», как Ковалевский.

Чрезвычайно важную главу научной биографии М. М. Ковалевского составляет его этнографическая работа по Кавказу, явившаяся крупным вкладом в изучение этого края. Характеристике этой стороны научной деятельности Ковалевского был посвящен доклад проф. М. О. Косвена. Кавказоведческая работа Ковалевского — плодотворный этап его научно-исследовательской деятельности. Собранный им на Кавказе этнографический материал широко вошел в его научные построения по истории первобытного общества.

Обращение М. М. Ковалевского к этнографии вообще и этнографии Кавказа в частности не было случайностью. Уже по окончании университета, в 1873 г., внимание Ковалевского привлекли вопросы раннего общественного развития, в частности вопросы о характере и эволюции соседской общины. Интерес Ковалевского к истории первобытного общества еще более усилился после ознакомления (во время пребывания за границей) со взглядами Бахофена, Моргана и Мэна, причем Ковалевский особенно заинтересовался актуальной в те годы проблемой матриархата.

По возвращении в Россию Ковалевский завязал знакомство, перешедшее затем в дружбу, с известным иранистом и кавказоведом В. Ф. Миллером. Оба молодых ученых, увлекаясь сравнительным методом, работали над сопоставлением данных первобытной истории с современными материалами по этнографии народов Северного Кавказа. М. М. Ковалевский совершил три поездки на Кавказ: первую — в 1873 г., совместно с В. Ф. Миллером, во время которой они посетили Балкарию, Кабарду и Северную Осетию; вторую — в 1885 г. (совместно с экономистом И. И. Ивановым и композитором С. И. Таневым) — в Сванетию; третью — в 1887 г. в Хевсуретию, Пшавию, Тушетию и Дагестан.

На основе материалов, собранных в этих поездках, Ковалевский прочитал в Москве и Одессе ряд докладов, напечатал девять журнальных статей и издал две двухтомные монографии: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (1886) и «Закон и обычай на Кавказе» (1890). Изучение народов Кавказа сыграло крупную роль в формировании и развитии учения Ковалевского о первобытном обществе.

Последовавшее в 1887 г. увольнение Ковалевского из Московского университета и его отъезд за границу прервали его полевую этнографическую работу. Перенеся свою научную, преподавательскую и литературную деятельность за границу, Ковалевский в различных своих курсах, лекциях и докладах, в многочисленных публикациях на иностранных языках широко использовал кавказский этнографический материал, ставший благодаря Ковалевскому достоянием мировой науки.

В своих общих работах Ковалевский широко использовал этнографический материал, собранный не только им лично, но и его предшественниками и последователями. Усвоив взгляды Моргана и Бахофена, испытал затем в некоторой степени влияние марксизма, Ковалевский нашел в кавказском материале подтверждение и аргументацию своих прогрессивных положений.

Значение этих работ Ковалевского становится особенно наглядным в свете тогдашнего состояния кавказоведения. К 80-м годам прошлого века в этой области накопилось изрядное количество фактического материала, который оставался (за

исключением известной сводки Н. Ф. Дубровина) необобщенным и научно не проанализированным. Систематизация и интерпретация этого этнографического материала составляет заслугу Ковалевского.

Кроме того, он значительно дополнил этот конкретный материал, обратив при этом внимание на ряд явлений, до него не исследованных. Научно-исследовательская деятельность Ковалевского по Кавказу состояла в разработке им впервые следующих тем: истории родового строя (с широким освещением перехода от матриархата к патриархату), истории отдельных родовых институтов и родового обычного права и, наконец, семейной общины и феодализма на Кавказе.

М. М. Ковалевский создал целую школу в кавказской этнографии. Его учениками-кавказоведами можно считать Н. Л. Абазадзе, С. А. Егизарова, Б. В. Миллера, Н. Н. Харузина и А. С. Хаханова. Влияние М. М. Ковалевского в разработке кавказских тем сказывается и ныне, и работы многих советских кавказоведов являются в известной мере продолжением дела М. М. Ковалевского.

В конце заседания с воспоминаниями о М. М. Ковалевском выступил проф. Б. В. Миллер. Борис Всеволодович познакомился с Ковалевским еще в юношеские годы, в московском доме своих родителей, куда Ковалевский нередко заходил прямо из университета, как друг и товарищ по университету отца Б. В. Миллера — Всеволода Федоровича Миллера. По словам Б. В., Ковалевский отличался большой жизнерадостностью, оптимизмом и остроумием и вместе с тем большой рассеянностью.

Б. В. Миллер вспоминает, с какой любовью относилось к Ковалевскому московское студенчество, встречавшее и провожавшее лекции М. М. аплодисментами. Ковалевский радовался этим овам; однако эти демонстрации солидарности с идеями молодого ученого, критиковавшего с университетской кафедры устои самодержавного режима¹, привлекли внимание властей, и в 1887 г., как уже упомянуто, Ковалевский был вынужден покинуть Московский университет.

Ковалевский придерживался передовых политических идей своего времени. По словам Б. В. Миллера, он глубоко сочувствовал Дрейфусу и был крайне возмущен этим процессом. В «деле Дрейфуса» Ковалевский видел не только яркое проявление антисемитизма со стороны правых националистических элементов французской буржуазии, но и явное надругательство над правом и справедливостью.

Закрывая заседание, проф. С. П. Толстов выразил пожелание всех собравшихся просить Редакционно-издательский совет Академии Наук СССР ускорить предполагаемое издание мемуаров М. М. Ковалевского.

К. Гагкаев

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

(Сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР)

25—26 апреля 1946 г. в Москве состоялась сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная вопросу этногенеза татар Поволжья. Сессия состоялась при участии ученых Москвы, Ленинграда и Казани и привлекла внимание научной общественности.

Открывая сессию, академик Б. Д. Греков уточнил ее задачи. Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР пишет труд по истории Татарской республики. Этногенез татар Поволжья является одной из основных и трудных проблем истории Татарии, разрешение которых требует совместных усилий ряда институтов и ученых разных специальностей. Откликаясь на пожелание ученых Татарской республики, Отделение созвало специальную сессию, пригласив для участия в ней не только историков, но и историков языка, историков материальной культуры, этнографов и антропологов.

На сессии были заслушаны четыре доклада: А. П. Смирнова (Москва) «К вопросу о происхождении татар Поволжья», основанный преимущественно на данных археологии; Т. А. Трофимовой (Москва) «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии», Н. И. Воробьева (Казань) «Происхождение казанских татар по данным этнографии» и Л. З. Залылетдинова (Казань) «Происхождение казанских татар по лингвистическим данным».

Доклады эти, напечатанные в этом же номере журнала, вызвали оживленные прения. Выступления Н. Ф. Калинина, Х. Г. Гимади и А. Булатова (Казань) носили характер содокладов.

¹ Личность «обожяемого монарха» также не пользовалась симпатиями Ковалевского. Он любил рассказывать, как, будучи на Кавказе, нанял для транспортировки кладу погонщика ослов; предложенная погонщику монета была забракована последним, потому что на ней не было «царской морды». М. М. не раз повторял это выражение по адресу русского монарха.

Заслуженный деятель науки Н. Ф. Калинин построил свой доклад на археологических данных, сопровождая его многочисленными иллюстрациями.

Н. Ф. Калинин считает совершенно неприемлемыми теории, выводившие казанских татар из Монголии или отождествлявшие их с булгарами, также пришельцами. Общей территорией, на которой исторически, в течение тысячелетий сложилась казанско-татарская народность, были лесостепные и отчасти лесные пространства Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья. Именно здесь, а не в Монголии, не в Приазовье, не в Кипчакских степях начался процесс этногенеза, начальные ступени которого можно проследить вплоть до II тысячелетия до нашей эры. В этот период, в эпоху бронзы, на территории Волго-Камья существовало оседлое население, жившее мелкими родовыми объединениями и составлявшее несколько культурных общностей, более или менее определяющихся и территориально. Первая область — южные степные и лесостепные пространства края, обитатели которых вели оседлое пастушеско-скотоводческое хозяйство, соединенное с мотыжным земледелием. В археологии эта культурная общность носит название срубно-хвалынской культуры. Вторая область — севернее, по низменным побережьям рек лесных пространств. Здесь жило рыболовно-охотничье население, употреблявшее исключительно каменные орудия неолитического облика. Третья область — северные лесные пространства Предкамья и правобережья Волги, вдали от рек и по водоразделам, где население занималось мотыжно-подсечным земледелием, домашним скотоводством и охотой (культуры фатьяновская и последующие абашевская и сейминская). Географические особенности — лесистость, обилие крупных рек — способствовали взаимному проникновению элементов лесных и степных культур. Антропологически (как показал доклад Т. А. Трофимовой) эти народы были европеоидами. В языковом отношении, надо полагать, они переживали яфетическую стадию. Малые «языки», на которых в ту пору говорили отдельные родовые группы, были предками в равной степени и тюркских, и финских, и славянских языков.

В I тысячелетии до нашей эры аборигены Волжско-Камского края вступили в следующий этап развития. С ростом производительных сил, с началом обработки железа начинается разложение родового строя, происходят военные столкновения между имущественно неравными родами, появляются городища, групповое расселение которых свидетельствует о наличии племенных объединений. Происходит обособление культурных областей, явившееся предпосылкой сложения местных народностей. Область так называемой ананьинской культуры на правом побережье Камы — это область позднейшего сложения коми, удмуртов, марийцев; область городищской культуры на правом берегу Волги явилась областью позднейшего сложения чуваш, отчасти мордвы и мари. Преимущественно Закамье стало областью сложения татар. Возникновение в южных степях табунного кочевого скотоводства и возросшая вместе с кочевничеством подвижность племен отразились появлением из-за Урала новых этнических групп, которые уже тогда внесли в местное население четкие черты монголоидности.

Тюркские элементы языка, являющиеся основными в современном языке татар, имелись, можно думать, среди местного населения и в это раннее время. На это указывает упоминание Геродота о тиссагетах (тирагетах) и иирках. Эти ранние тюркские элементы являются древними компонентами татарского и чувашского языков. Можно предполагать, что название реки и название города «Казань», корень которого «каз», по-чувашски «хус», звучит в именах хозар, гузов, казахов, т. е. тюркских народов, было древним племенным названием тюрко-язычного племени, жившего на Казанке.

В дальнейшем тюрко-язычные кочевые племена, проникая в южную часть Булгарии, оседали в лесостепях Закамья. Леса и Кама задерживали их дальнейшее продвижение к северу. Здесь и образовался союз многочисленных булгарских племен — племен тюркоязычных. В значительной степени слившись с местными аборигенами, имея тесные связи и с русско-славянскими народами, булгары в течение семи веков (VII—XV вв.) были основой сложения казанско-татарской народности.

В XVI в. со времени присоединения Казани к Москве, татарская народность влилась в Русское государство, не представляя еще тогда нацию. В нацию она складывалась уже гораздо позднее, в процессе развития капитализма. Установление Татарской Автономной Советской Социалистической Республики было могучим фактором для дальнейшего развития татарского народа в самостоятельную нацию.

В дальнейшем Н. Ф. Калинин (в дополнение к докладу А. П. Смирнова) приводит ряд данных о генетической связи булгар XII—XIV вв. с поволжскими татарами XV—XVI вв. Эта связь устанавливается прежде всего общностью территории Булгарии и Татарии. Докладчик демонстрирует карту, на которой обозначены булгарские археологические памятники IX—XIII вв. Территория их распространения почти полностью совпадает с территорией теперешней Татарской республики.

Затем Н. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпиграфических памятниках конца XIII—XIV вв. (75 шт.) и конца XV — первой половины XVI в. (88 шт.), обследованных археологическими экспедициями Казанского института. Демонстрируя ряд снимков, докладчик показывает разделение памятников на два резко отлича-

щихся стиля, которые сосуществовали параллельно в XIII—XIV вв. Памятники первого стиля отличаются большой величиной, тщательностью отделки, богатым художественным оформлением, применением рельефного шрифта «сулюса», большим текстом и языковыми особенностями: слова текстов исключительно тюркские, близкие современным казанско-татарским, много арабизмов. Памятники этого стиля встречены только на Булгарском городище; они имеют много черт, сходных с памятниками XV в. и 1-й половины XVI в. Памятники второго стиля более широко распространены; они отличаются малыми размерами, упрощенной техникой обработки, применением врезанного и прямолинейных очертаний шрифта «куфи», коротким лаконичным текстом в 4—6 строк с чувашизмами. Наконец, имеются памятники переходного стиля.

Подчеркивая, в противоположность прежним исследователям, одновременность памятников обоих стилей, докладчик считает, что они принадлежали разным социальным группам. Памятники первого стиля можно отнести к верхушке булгарского феодального общества, преимущественно столичного, пользовавшегося литературным языком с сильными элементами арабизма. Памятники второго стиля принадлежали слою, стоявшему ниже на социальной лестнице, купцам, ремесленникам, менее знатым феодалам, язык которых был менее затронут влиянием литературы на арабской образованности. Возможно, что здесь мы имеем также проявление особой этнической группы, которую можно назвать тюрко-чувашской или суварской, имевшей в более ранние века свой политический центр — г. Сувар, свою феодальную знать. Памятники переходного стиля докладчик предположительно считает проявлением традиций «суварской» знати.

В заключение докладчик подтверждает генетическую связь булгар XIII—XIV вв. с татарами XV—XVI вв. сходством керамики Булгарского городища и керамики из Иски-Казани, тождеством и сходством болгарских и татарских украшений (браслеты, серьги и др.), сходством в орнаменте (металл, резьба по камню, ткани).

Основываясь на данных Махмуда Кашгарского (XI в.) и других обширных материалах, тов. Булатов говорит, что прикамские булгарские племена по языку являлись тюрками, родственными кипчакам и другим племенам, кочевавшим на север от Каспийского моря, и что их продвижение в Прикамье следует относить к раннему времени, задолго до переселения булгарских племен в Причерноморье. Преобладали тюркские племена и в Улусе Джучи. Незначительная орда Улуг-Мухамеда, основателя Казанского ханства, была тюркоязычной. Казанские татары являются не потомками пришельцев — монголов, а потомками тюрков — булгар и других тюркских племен, бывших автохтонами в Прикамье и в Дешт-и-Кипчаке.

А. Булатов указывает на архитипность чувашского языка и на невозможность разъяснения ряда его лексических форм из материалов живых тюркских языков и из языка орхонских надписей. Начало самостоятельного развития чувашского языка следует отнести к отдаленным временам. «Чувашизмы» ряда эпиграфических памятников Булгарии не дают основания считать их чувашскими, так как сходны лишь некоторые порядковые числительные, а формальные морфемы — тюркские. А. Булатов обращает внимание на резкое отличие мишарского диалекта от диалекта собственно казанских татар и ставит вопрос о происхождении мишарей.

Старший научный сотрудник Казанского филиала Академии Наук Х. Г. Гибади говорит о большом значении данной научной Сессии не только для Татарской республики, но и для других народов, населяющих Среднее Поволжье. В результате плохого понимания этногенеза казанских татар были сделаны серьезные ошибки в истории татарского народа, вскрытые в постановлении ЦК ВКП(б) от августа 1944 г.: была допущена идеализация отдельных сторон государства Золотая Орда, популяризировался ханско-феодальный эпос об Идееге, неправильно свещался ряд вопросов истории Казанского ханства. Сессия позволяет сделать научно-обоснованный вывод, что на формирование и развитие народности казанских татар решающее влияние оказали местные племена и тюркоязычные народности Поволжья — булгары, кипчаки и другие, а этот вывод даст ключ для разрешения других актуальных вопросов истории татарского народа.

В дальнейшем тов. Гимади останавливается на вопросе, связанном с этногенезом татар Поволжья, но слабо освещенном в исторической литературе — на взаимоотношениях булгар, кипчаков и других народов Среднего Поволжья с теми татаро-монголами, которые завоевали в 1236 г. Булгарское ханство.

Известия персидских писателей и русских летописей, подтвержденные археологическими данными, сообщают о том, что это завоевание сопровождалось страшным огнем и разрушением производительных сил. В Булгарах находилась резиденция баскака, население было взято на учет. Докладчик приводит отрывок из татаро-чувашского предания о том, как «завоеватели ходили по стране толпами, старых убивали, молодых вводили в плен и приручали вместе разбойничать, девиц тоже похищали и бесчестили, золото, серебро и всякое добро отбирали».

Но монголо-татарам не удалось полностью ликвидировать политическую самостоятельность Камской Булгарии. Булгарское ханство вошло в состав Золотой Орды, как вассальное княжество, наподобие русских княжеств. Судя по нумизматическому материалу, в XIII—XIV вв. в Булгарах правили местные князья. Термин

«монголо-татары» не прививался среди местного населения, видевшего в нем символ своего порабощения. Долго жители территории б. Булгарского ханства называли себя «Булгари», «Булгарлык». Ориенталист Григорьев отмечал это явление даже в XIX в. Некоторые соседи казанских татар, как удмурты, и по сей день называют их «бигерами», т. е. булгарами. Многие писатели прошлого подписывались «Булгари»: Гали Булгари (XIV в.), Мухамедьяр оглы Махмуд Булгари (XVI в.) Шарафутдин Булгари (XVI—XVII вв.), Утыз Имяни Булгари (XVIII в.), Каюм Насыри Эль-Булгари (XIX в.) и т. д. «Из книг, написанных 100—150 лет тому назад,—отмечает крупнейший татарский просветитель Каюм Насыров,—видно, что жители тех времен любили называть себя булгарами и из поколения в поколение не забывали об этом».

Но протест местного населения против угнетения выражался не только в этом, но и в форме восстаний. Докладчик приводит сведения источников о такого рода восстаниях, подробно останавливаясь на выступлениях под предводительством Бачмана. Татарские легенды («Алтын Чаг» и др.) говорят о том, как народы Булгарии оказывали сопротивление завоевателям-монголам. Легенда «Алтын-Чаг» (принадлежит не только татарам, но и башкирам)—яркий пример того, как и башкиры и древние предки татар (булгары) вели совместно борьбу против своих поработителей.

Аналогичные восстания происходили и значительно позже, в XIV и в XV вв. ибо политика Золотой Орды приводила к разорению и обнищанию населения. Особенно ухудшилось положение населения Среднего Поволжья к концу XIV и началу XV в. Это было связано с распадом Золотой Орды, с бесконечными междоусобицами и разбойничьими походами Золотой Орды как на территорию Руси, так и других покоренных народов. В результате, как говорит арабский писатель Ибн Арабшах: «жившие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения». В одном из документов говорится о том, как от тяжелого гнета жителей булгарских земель вынуждены были продавать в рабство своих детей.

Против такой политики угнетения булгары оказывали сопротивление и в XIV—XV вв. Не случайно в это время ордынские ханы и князья организовали ряд карательных походов. Так, в 1365 г. ордынский князь Булат-Тимур двинулся на территорию Булгарского ханства и жестоко разгромил его. Город Булгары был разрушен. После этого погрома центр Булгарского государства переносится в район Казани, где находится ныне деревня Князь-Камаево. Впоследствии центр ханства был перенесен ближе к Волге, туда, где стоит современная Казань. Так, город Казань становится центром нового политического объединения—Казанского ханства.

Следует подчеркнуть, что первые попытки восстаний золотоордынские ханы успешно усмирляли: до середины XIV в. военно-феодальная машина Золотой Орды была еще сильна и монголо-татарские завоеватели могли удерживать под своим игом покоренные народы Восточной Европы. Но «всевластие» Золотой Орды все же не могло быть прочным. Золотая Орда не являлась государством единым ни в этническом, ни в экономическом, ни в культурном отношениях. Уже в XIV в. обнаружались явные признаки распада этого агрессивного военно-феодального государства. На его территории стали складываться экономически независимые от Орды политические образования, тяготевшие к политической независимости. Одним из таких образований, возникшим на территории Камской Булгарии, явилось Казанское ханство, где окончательно (в XV—XVI вв.) оформилась тюркская народность казанских татар.

Член-корр. Академии Наук СССР С. Е. Малов выступает как языковед. На территории Среднего Поволжья живут ныне два тюркских народа: чуваш и татары. Несмотря на то, что чувашский и татарский языки одной тюркской системы, они очень разнородны. Трудно хронологизировать появление этих двух языковых стихий, однако есть основания считать, что они уже существовали почти в таком виде, как теперь, за несколько столетий до нашей эры. Основания эти—большая стабильность тюркских языков. Имеются датированные памятники VIII в., писанные древнетюркским руническим письмом,—так называемая орхон-енисейская письменность, имеются тюркские рукописи буддийского, манихейского и христианского содержания, которые относятся к VII—VIII вв., может быть, даже к V в. нашей эры. Эти памятники могут читать современные турки, если они ознакомятся с фонетическими переходами. Такая стабильность позволяет думать, что, встретив предпологаемого древнего «татарина», жителя V в. до н. э., современные татары с ним вполне бы объяснились. Башкиры, известные нам с X в., вполне могут объясняться с татарами. Памятники языка печеногов известны с IX в., главным образом на золотых сосудах из Венгрии. Их язык совсем не чувашский, а ближе к татарскому.

Переходя к чувашскому языку, С. Е. Малов характеризует его как самый древний тюркский язык, в котором больше всего сохранились старые тюркские языковые элементы. В пользу «булгарской теории» происхождения чуваш говорят как этнографические памятники из Булгарии с булгарскими элементами в языке, так и старые тюркизмы венгерского языка, которые объясняются аналогиями из современного чувашского языка и, видимо, были заимствованы венграми от дунайских болгар, когда последние были еще тюрками. Это заставляет говорить о двух исконных тюркских языках в теперешней Татарии—чувашском и «татарском». Т

кова общая схема; однако, нужно иметь в виду, что болгарское государство было конгломератом народностей, что в нем были также и финны.

По мнению члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, языковеды находятся в таком положении, что не смогут сделать определенных выводов по вопросам, изучаемым Сессией, а только смогут высказать свои пожелания и указать, к чему именно нужно стремиться, чтобы увереннее идти к общей цели.

Татарский язык очень мало изучен, хотя территория его находится близко от наших научных центров. Тов. Зялялетдинов правильно выдвигал диалектологию как один из элементов, могущий помочь выяснению проблемы. Но в сущности диалектология находится пока-что в стадии диалектографии.

Диалект мишарей имеет весьма большое значение для всей проблемы. Мещеряки (мишари) по говору отличаются от казанских татар. Количественно они преобладают, и территориально они гораздо ближе к Московской территории. Но что такое мишари, чем характеризуется их диалект? На это мы полностью ответить не можем. Не решен и вопрос о ведущем диалекте для татар, вопрос, который возник, когда татарская делегация еще перед войной приезжала в Москву на предмет перевода на русскую базу татарского алфавита. Если взять базой мещеряцкий диалект, тогда звуки «к» и «г» не являются фонемами. А если остается ориентация на казанский диалект, тогда их надо изображать на письме. Вопрос этот надо поставить заново, чтобы дать татарскому литературному языку твердую научную характеристику.

Далее, Н. К. Дмитриев отметил, что доцент Зялялетдинов предложил перечень тех этнических элементов, из языка которых составил в ходе истории татарский литературный язык: болгары, чуваша, кипчаки, финны, иранцы и, наконец, русские. Можно добавить по линии тюркских элементов и некоторые материалы по огузам. В диалекте мещеряков, кроме кипчацких, вскрываются огузские элементы. Возможно, что они занесены из Средней Азии, где в XIV—XV вв. встречаются элементы кипчацкого и огузского языков в различных комбинациях. Но это стабильный, статический материал. А каков был динамический процесс? Развить эту тему пока нельзя ввиду состояния нашего материала.

Самый больной вопрос в науке о татарском языке — периодизация истории этого языка. Нет общей концепции, так или иначе санкционированной или выдерживающей критику современной науки, нет и утвержденной программы для вузов по истории татарского языка.

Данная тема была поставлена как коллективная (индивидуальной она и не может быть) и была предназначена в первую очередь для работников Казани. Совместно с ними приступил к работе Институт языка и письменности Академии Наук. Теперь эти исследования, прерванные войной, надо возобновить.

Прежде всего необходимо развить работы по татарской диалектографии и диалектологии, затем поставить вопрос о ведущих диалектах в истории татарского языка и, наконец, уточнить источники, которые хронологизированы. В эпоху Казанского ханства должен был существовать официальный язык, язык духовных школ, канцелярий, который захирел после того, как Казань утратила свое политическое значение. Пока никто его специально не изучал, а этим нужно заняться. Нужно внимательно присмотреться к фольклору. Всем известно, что фольклорные памятники с большим трудом поддаются хронологизации, но тем не менее они — основной источник по истории татарского языка. Необходимо подвергнуть фольклор историко-лингвистическому анализу и, по возможности, исчерпать. Необходимо обратить внимание на топонимику. При надлежащих поправках мы сможем получить здесь очень ценный материал.

Какая специфика отличает татарский язык от других тюркских языков? Определенное различие тут есть, в частности сужение и редукция гласных. Общеизвестно, что татары употребляют «у» вместо «о» не только в русских, но и в тюркских словах, «и» вместо «е» и особое «е» вместо «и» других тюркских языков. Эти фонетические особенности, являющиеся типичными, должны быть характеризованы и хронологизированы. Намеки на это имеются в старых памятниках (Кодекс Куманикус и др.).

Важное значение в истории татарского языка и письменности имеет проблема арабского шрифта и арабско-персидских элементов в татарском языке. Как известно, особенности арабской орфографии мало подходили к системе звуков тюркских языков; в частности, в арабской орфографии гласные изображались факультативно, а не принципиально. Поэтому историческая фонетика татарского языка не может базироваться только на анализе этих памятников. Она должна базироваться и на дополнительном материале. Русские летописи, акты, судебные документы пестрят татаризмами; отдельные татарские слова встречаются и в собственно литературных памятниках Московской Руси. Изучить и систематизировать этот огромный материал — сложная коллективная тема, которая даст весьма много. К ней уже подходили крупнейшие специалисты (академик Корш, профессор Мелиоранский и другие), совершенно правильно ограничивая свои исследования древнерусскими памятниками, вроде «Слова о полку Игореве». Но речь идет о систематическом просмотре всех относящихся сюда материалов.

Проблема русско-татарских языковых связей должна быть расширена. Она мо-

жет быть использована не только, как вспомогательный материал по истории татарского языка, но и как самостоятельное целое, которое даст очень много по истории русского языка — в частности, по истории его лексики. Ряд таких мероприятий может быть предложен (в качестве пожелания) вновь открытому Казанскому филиалу Академии Наук, работникам его Института языка, литературы и истории и других организаций. Только тогда лингвисты смогут стать настоящими союзниками в общем деле полного разрешения проблемы этногенеза татар.

Переходя к содержанию доклада, сделанного на Сессии доцентом Залялетдиновым, Н. К. Дмитриев указывает на слишком схематическое изложение старого чередования «л» и «ш». Желательно уточнить границы и хронологию этого чередования. Докладчик оперировал терминами *оканье* и *аканье*. В русских диалектах *оканье* и *аканье* имеют определенное значение, в тюркских языках мы имеем другое, не о, а звук вроде английского *all*. Это — черта второстепенная, она не имеет принципиального значения и не так глубоко выявляется в тюркских диалектах, как в русском языке. Докладчик говорил о взаимоотношении татарского и башкирского диалектов. В связи с этим надо напомнить о работе по изучению фонетики татарского языка, которую вел в своей лаборатории при Казанском университете недавно скончавшийся проф. Богородицкий. Лаборатория эта составляла гордость нашей науки, и ее работу надо возобновить. Тов. Залялетдинов не привел, за недостатком времени, имеющих материалов о лексике. Между тем, это весьма необходимо: лексика указывает на культурное и бытовое общение народов разного происхождения.

Н. К. Дмитриев заканчивает пожеланием Казанскому филиалу Академии Наук обратить внимание на отсталый фронт изучения татарского языка.

Проф. В. В. Богданов исходит преимущественно из этнографических данных. Булгарская культура изображалась некоторыми докладчиками как фундамент, на котором строилась татарская культура на Волге. Но остается сделать еще очень много, чтобы булгарскую культуру разгадать. Ссылаясь на свою статью «К истории женского великорусского костюма», опубликованную еще в 1914 г., В. В. Богданов указывает на сходство костюма дунайских болгар с костюмом волго-финнов, мари, мордвы и южных великорусов. Это сходство подтвердилось данными недавней выставки в Ленинграде, где были представлены костюмы балканских болгар. Если болгары, основавшие Болгарское царство у славян на Балканском полуострове, были в приволжских местах в VII в., то эта этнокультурная связь в costume волго-финнов, чувашей, великорусов и балканских болгар относится к довольно отдаленному времени. Но VII век не является предельным в глубину. Указанное сходство, может быть, и не означает, что болгары и финны VI и VII вв. друг у друга заимствовали схожие черты, — они могли взять их из третьей культуры, которой предположительно можно считать иранскую культуру. Нужно напомнить исследования В. Ф. Миллера об иранцах в Восточной Европе и на Кавказе. В. Ф. Миллер указал два пути проникновения иранской культуры в Восточную Европу — южный и североиранский. Для этногенеза поволжских народов североиранское движение имеет особую важность. Между прочим, иранская культура была указана в Восточной Европе Геродотом в V в. до н. э. Им описана рабочая упряжка домашних животных на пашне, упряжка специфически средиземноморская — с парой волов в дышле и под парным ярмом, целиком сохранившаяся у украинцев, тогда как белорусы, южные и северные великорусы ее не знают.

Обращаясь к монгольской культуре, В. В. Богданов указывает на то, что ее историческое распространение на территории Восточной Европы и в Азии мало выяснено. Исследование Т. А. Трофимовой отмечает малое количество монголоидных черепов среди населения Тарии не древнего времени и значительное количество этих черепов в очень древнем слое на территории Куйбышевской области, южнее которой они не идут. Северная порода монгольской лошади, как установили советские животноводы, распространялась по северным путям, по всему побережью Северного Ледовитого океана, Балтийского моря, Атлантического океана. К ней принадлежит лошадь якутская, сибирка, пермская, шведка, ирландка, английская и др. Колесно-упряжная оглобленно-хомутная система у норвежцев говорит о какой-то очень древней связи с Восточной Азией. Древний слой монгол, отмеченный в антропологических работах, подтверждает раннее распространение монгольской культуры северными путями.

Одной из наиболее неисследованных проблем является вопрос о турецкой культуре. Необходимо изучение древнейших корней турецкого языка.

Проф. Тихомиров указывает на необходимость внимательного рассмотрения вопроса этногенеза татар Поволжья, без разрешения которого нельзя правильно построить историю Тарии. Между тем, некоторые существенные стороны вопроса не получили достаточного освещения в докладах на Сессии.

В докладе А. П. Смирнова, по мнению оппонента, проводился как бы знак равенства между булгарами и позднейшими татарами. Между тем, нельзя забывать, что существовали две ветви булгарского народа. Говоря о судьбе одной ветви, надо вспомнить и о другой, ибо метод аналогии может здесь помочь. Современные исследования говорят, что господствующим ядром булгарской орды были турки. Но на Дунае тюркский элемент совершенно растворился среди элементов

славянства. На севере, на Волге, мы имеем совершенно иное явление. Что же наша северная булгарская орда в приволжских местах, на которых осела? На каком языке говорили те автохтоны, о которых шла речь, и правильно ли вести этих автохтонов от ананьинской культуры, а затем продолжать эту непрерывную линию до современных татар? Можно ли галлов называть французами или антов великоруссами, украинцами или белоруссами? Народ появляется не сразу, а состоит из ряда слагаемых. При разрешении вопроса об этногенезе татар надо обратить внимание на разного рода слагаемые. Спор о том, кто именно является потомками булгар — татары или чуваша, возможно, надо решить так, что ими являются и татары, и чуваша. По мнению проф. Тихомирова, не нашел в докладах правильного освещения и вопрос о Золотой Орде. Одно время, по теории М. Н. Покровского, Золотая Орда признавалась положительным явлением. Эта теория оставлена и правильно признана ненаучной. Золотая Орда и нашествие Батыя причинили колоссальный вред завоеванным странам; не только на Русь, но и в Крыму, и в Поволжье в XV—XVI вв. в некоторых отношениях замечается явный регресс. Но Золотая Орда была явлением мирового порядка, большим государством, связанным со Средней Азией, возникшим на определенном историческом базисе, в тех местах, где были кипчаки, существовали Хазарское и Булгарское царства. По мнению проф. Тихомирова, золотоордынский период является существенным в процессе создания татарского народа.

Недостаточно раскрыты, говорит проф. Тихомиров, и еще две стороны: связь татар с другими народами (чувашами, мордвой и мари), проживавшими на той же территории, и связи татар с русскими в XV и первой половине XVI вв., связи взаимные: не только русские пленные, оседавшие в Казанском ханстве, влияли на татар, но и при посредстве татар Средняя Азия влияла на русскую культуру. Поэтому для русских историков история волжских булгар и татар имеет огромное значение, и без ее изучения нельзя понять связь России с Востоком. Изучить историю татарского народа в ее международном окружении — благодарная задача.

Вопросы этногенеза, говорит член-корр. Академии Наук СССР А. Ю. Якубовский, вопросы сложные и очень ответственные. Нужно всегда отделять историю народа от истории его имени. Иногда мы из имени делаем фетиш, следуем за ним и сокращаем время существования народа, а то и извращаем историю того или иного народа в области его этногенеза.

А. Ю. Якубовский напоминает процесс этногенеза узбекского народа. Узбекский народ сложился из разных этнических групп, населявших в течение долгих веков территорию современного Узбекистана. Процесс этот шел медленно, длительно и до сих пор еще продолжается. Основу узбекского народа составляют все тюркские элементы, которые здесь накапливались, начиная со второй половины VI в. н. э. Особенно мощный слой тюркского населения связан с караханидским движением конца X и XI вв. Вторым слагаемым в составе узбекского народа были те немногие монгольские племена — джелаиры, барласы, которые во второй половине XIII в. появились здесь уже оторченными и окончательно оторчились здесь в XIV в. Важным слагаемым в составе узбекского народа были те иранские — согдийско-таджикские элементы, которые являлись наиболее древним населением областей между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей и в течение долгого времени подвергались отторжению. Группа таджикского населения, подвергнувшаяся в языковом отношении отторжению, долгое время носила имя сартов. Последним весьма важным слагаемым в этногенезе узбекского народа были кочевники-тюрки — узбеки, жившие на территории Белой Орды, в степях на север от нижней Сыр-Дарьи и Аральского моря, появившиеся на территории Средней Азии уже в XV в. и захватившие государство Тимуров в XVI в. Войдя с именем узбеков, как кочевники-тюрки, они в течение последующих веков перешли на оседлый земледельческий труд и только в самое последнее время передали всему перечисленному и органически сложившемуся этническому комплексу, как единому и цельному народу, свое имя узбеков.

Нечто подобное наблюдалось и среди тюркских или близких тюркам народов Нижнего Поволжья. В Поволжье, как известно, в самом раннем средневековье было два народа — булгары и хазары. Хазары в X в. не представляли собой прочного этнического целого. По существу это был конгломерат разных этнических групп, в подавляющем своем большинстве кочевников, остаток тюркской державы — каганата, при сравнительно небольшом слое земледельческого населения по правому и левому берегам Волги. Все эти массы разнородных групп объединены были властью хазарского кагана, опиравшегося главным образом на наемную гвардию из соседних Хорезму тюрков. Иную картину представлял в том же X в. народ булгар. В основном это были уже земледельцы, хотя и не совсем порвавшие с кочевым бытом. Земледельческий характер маленького по сравнению с хазарами Булгарского княжества делал его более устойчивым, чем обширное Хазарское царство. Это мы видим на судьбе того и другого после удара, нанесенного обоим русским князем Святославом в 965 г. Хазарское царство навсегда прекратило свое существование, а Булгарское оправилось и в XI в. даже выросло.

Характерно, что Булгарское княжество рано вошло в оборот культурных связей со всеми своими соседями — с русскими, Кавказом, Средней Азией и отдален-

ным Халифатом. Из Средней Азии оно приняло ислам, который поддержан был халифским посольством из Багдада в 921—922 гг. Город Булгары рано стал культурным мусульманским центром и оказывал немалое воздействие в этом направлении на соседей тюрков-кочевников, особенно на печенегов, а затем и на половцев. Когда в 30-х годах XIII в. южное Поволжье было захвачено татарами (монголами) и образовалась Золотая Орда как новое государственное объединение, она своими монгольскими силами не создала никаких культурных ценностей. Монголы, опираясь на свои хорошо дисциплинированные и вооруженные силы кочевников, создали насильственно действующую военно-административную систему, суть которой сводилась к следующему. Вся огромная территория была поделена на правое и левое крыло войска. Собственно «Золотая Орда» была правым крылом, а Белая Орда (русские летописи называют ее Синей Ордой) — левым крылом войска. Это означало, что тумены (десятитысячные отряды) правого крыла собирались из кочевников Золотой Орды, а тумены левого крыла — из кочевников Белой Орды. Наряду с монголами в войске монгол было много кочевников-половцев. Татарское (монгольское) войско и было той силой, на которой держалась вся эксплуатация победителями-татарами покоренных народов. Золотая Орда насильственно объединила несколько культурных народов: население земледельческого Булгарского княжества, население Крыма и северного Хорезма. Ремесла, искусства и другие культурные ценности создавались не татарами, а этими покоренными культурными народами. Это хорошо видно из всех богатых памятников Золотоордынского периода в Хорезме, Булгарах, поволжских городах и Крыму.

Какое отношение имеют современные казанские татары к татарам Золотой Орды? А. Ю. Якубовский полагает, что в данном случае у некоторых историков наблюдается упомянутый выше случай смешения истории народа с историей имени другого народа. Население Татарской Республики, занимающее территорию бывшего Булгарского княжества, отсюда не уходило, никем не было истреблено и живет по своему. Правда, оно не сохранило ни прежней своей этнической чистоты, ни древнего своего языка, ни, наконец, своего имени. В него вошли новые элементы, новые этнические слагаемые. Едва ли собственно монгольские (татарские) племена там могли осесть. Нам не известно, чтобы там осели кунграты или мангыты, наиболее крупные монгольские (татарские) племена, уже к XV в. совершенно по языку отороченные. Окончательно решить этот вопрос могут лишь систематические археологические и антропологические изыскания, не говоря уже о работе над письменными источниками, что еще совсем не сделано. Требуется тщательного исследования вопрос о половцевом воздействии на булгар, о внедрении половцев и других тюркских элементов в состав булгарской территории в течение XI—XIII вв. и последующего времени. Пока же мы с уверенностью можем сказать, что этническую основу казанских татар или татар Татарской Автономной Советской Социалистической Республики составляют древние булгары, включившие в себя еще новые элементы (пока мало обследованные), только впоследствии получившие имя татар.

По мнению проф. С. П. Толстова, проблема этногенеза поволжских татар находится в счастливом положении по сравнению с многими аналогичными проблемами, касающимися других народов. Доклады, заслушанные на Сессии, основанные на больших монографических исследованиях и результатах многолетних экспедиционных работ. Тот факт, что исследователи, работающие в разных областях, в значительной степени независимо друг от друга, пришли тем не менее к сходным выводам, убеждает, что мы имеем дело не с гипотезой, а с солидно обоснованной научной теорией этногенеза татар Поволжья. Проблема этногенеза татар Поволжья разрешается, как проблема многовековых исторических взаимодействий между средневожскими племенами и их степными соседями, втягивавшимися на протяжении нескольких тысячелетий в процесс консолидации народов вокруг Волго-Камского северного культурного центра.

Высказанные проф. Тихомировым опасения, что проблемы татарского и чувашского этногенеза разрешаются в отрыве друг от друга, неосновательны и вызваны ограниченными рамками доклада А. П. Смирнова. Как раз ему принадлежит специальная работа об этногенезе чуваш. Булгары, по имеющимся у нас данным, представляли единого народа, но совокупности племен, близких между собой. По концепции А. П. Смирнова, имелась западная группа этих булгарских племен — сувары, эсегельские булгары, которая связала свою судьбу с окружающими ее финскими племенами, и восточная группа, исламизированная и связанная со степными. Судьба этих двух групп, которые вычленились из одного этнического конгломерата, различна, в результате чего сложились две различные национальности. С. П. Толстов полагает, что особенно резкие различия в народной культуре чувашей и татар сложились позднее, в XIX—XX вв., когда возникают тесные экономические отношения между поволжскими татарами и Средней Азией и в культуре татар появляется новый пласт среднеазиатских влияний. Можно предполагать, что аналогичный процесс происходил и в языке.

Считая правильной историческую концепцию, данную в сокладе Н. Ф. Калинина (Казань), С. П. Толстов подчеркивает ее совпадение в основных положениях с докладами москвичей. Выдвинутая проф. Тихомировым проблема исторической роли Золотой Орды не совпадает с проблемой этногенеза казанских татар. Ошибка

вызывается самим названием «татары», которое прилагалось к разным народам: татарам казанским, крымским, астраханским, барабинским, ногайцам, черным татарами и т. д., т. е. к народам, не имеющим между собою почти ничего общего, за исключением того, что они говорят на языках тюркской системы, причем всевозможных ее ветвей. Такое распространение названия татар объясняется реминисценциями монгольского завоевания и русской исторической традицией, между тем как сами эти народы почти совсем имени «татары» не употребляли, и только впоследствии этот термин становится этническим именем некоторых из этих групп. Позиция казанских историков, которые отказались от понятия татар вообще и занимаясь особой нацией, сложившейся в Среднем Поволжье в определенных исторических условиях, совершенно правильна.

Для дальнейшей разработки проблемы очень важно усилить лингвистический устакан, являющийся в настоящее время отсталым.

Проф. Толстов высказывает пожелание о более детальном историческом расчленении «степных элементов» в культуре казанских татар, отмеченных в докладе проф. Воробьева, и обращает внимание лингвистов на чередование «к» и «х» в диалектах Хазарского государства.

Тов. Раимов считает, что в докладах не были достаточно раскрыты некоторые узловые вопросы этногенеза татар Поволжья. Недостаточно освещен в докладе А. П. Смирнова вопрос о социально-экономическом базисе. Образование народа надо искать там, где начинается сложение союза племен. В докладе не было конкретизировано, из каких элементов образовался этот союз в добулгарский период и главное, в каких отношениях он находился с булгарами, пришлыми, по мнению А. П. Смирнова, элементами. В докладах не была выявлена неправильность теории Ашмарина, считавшего чуваш потомками булгар. По мнению тов. Раимова, основная ошибка Ашмарина заключалась в том, что он считал булгар более древним народом, а чуваш — их потомками. Но тогда непонятно, почему же тот культурный уровень, который был достигнут в Булгарский период, не сохранился у чуваш. Очевидно, чуваш — более древний народ, а булгары были их потомками, от булгар идет и другая народность — казанских татар, которая сохранила булгарскую культуру и пошла дальше.

А. Ю. Якубовский в своем выступлении восполнил существенный пробел докладов, показав, почему культурное влияние татаро-монгол было незначительно. Выводы докладчика-антрополога о слабом расовом влиянии татаро-монгол представляются оппоненту недостаточно обоснованными.

Сессия убедительно показала неправильность теории чингизидов. Молодая татарская буржуазия, националистически настроенная, стремилась создать в своем народе дух воинствующего национализма и связывала происхождение народа с завоевателями — чингизидами. Так, в конце XIX — начале XX в. через татарскую буржуазную литературу, через мечеть и пр. начинает проникать в народ название «татары».

В выступлении тов. Тилеева было подчеркнуто значение научной сессии не только для историков древности, но и для историков советского периода, не только для историков Татарии, но и Башкирии. Связывая этногенез татар с монголами, националистически настроенные татарские писатели и историки в первых десятилетиях XX в. утверждали, что предками современных казанских татар были монгольские завоеватели. В 1917—1918 гг. эта теория была использована в политических целях. Так, националист Джамалетдин Валиди призывал башкир отказаться от автономии и проповедывал татарский шовинизм, указывая на то, что и татары, и башкиры — монголо-татары, дети чингизидов. Для углубления научных результатов Сессии важно продолжение, лингвистических наблюдений, начатых докладом тов. Л. З. Зялялетдинова.

В заключительном слове проф. А. П. Смирнов подчеркивает, что он не ставит знака равенства между татарами и булгарами, но считает булгар одним из основных компонентов татарского народа. Главные элементы булгарской культуры уже выяснены в научных исследованиях, и можно говорить о ней, как о фундаменте создания более поздней татарской культуры. Конечно, нельзя вести татар прямо от ананьинской культуры, чего и не было в докладе. Чтобы понять этногенез татарского народа, надо начинать не с Ананьина (это уже железо), а с эпохи бронзы. Если доклад не касался этого периода, то по причине его слабой изученности. Именно обращение к материалам ананьинской культуры позволило антропологам уловить древний монголоидный элемент. Вопрос о племенных союзах, отмеченный в выступлении тов. Раимова, может быть освещен более подробно: археологические материалы показывают, что эти союзы возникли как оборонительные против наступления сармат. Предположение тов. Раимова о том, что чуваш древнее булгар, представляется А. П. Смирнову правильным. Повидимому, чуваш надо связывать с культурой городищ рогожной керамики. Но они жили вместе с булгарами и ассимилировались с ними. Основное положение докладов о том, что процесс сложения казанских татар был очень сложным, что татары образовались в основном из автохтонных племен, смешавшихся с рядом пришлых элементов, представляется докладчику не опровергнутым.

Т. А. Трофимова, отвечая на заданные ей вопросы, делает несколько до-

полнений к своему докладу. Антропологические исследования проводились среди крестьянского населения Арского, Елабужского и Чистопольского районов Татарской Республики и не коснулись городского населения и старотатарской социальной верхушки. Географические различия по районам имеются и выражаются в том, что степень концентрации антропологических компонентов различна. У татар собственно Арского и Чистопольского районов сильнее выявляется монголоидная примесь, чем у других групп. В Елабужском районе две этнические группы (татары, кряшены) по сравнению с группами Чистопольского района отличаются большим количеством светлых европеоидных компонентов и значительной долей сублапоноидного типа. Наоборот, группы Чистопольского района (независимо от того, татары это, кряшены или мишари) все отличаются большей выявленностью темного понтийского типа.

Если проследить различия в антропологическом составе по этническим группам татар, то окажется, что татары собственно Елабужского и Чистопольского районов, так же как и татары Арского района, характеризуются наибольшей смешанностью. Кряшены характеризуются преобладанием светлых компонентов, т. е. тех, которые особенно ярко выступают среди соседних финских групп, а также и среди местного русского населения. Кроме того, у них отчетливо выражен также и сублапоноидный тип. У мишарей же особенно заметен понтийский тип.

Какие антропологические черты отличают от казанских татар прочие ветви татар — ногайцев, татар астраханских, западносибирских и др.? Прежде всего, говоря о различиях, нужно всегда иметь в виду историю каждой отдельной группы татар, о которых мы будем говорить. Если взять касимовских татар, то среди них преобладает темный брахикефальный европеоидный тип (памиро-ферганский) и монголоидная примесь. Ногайцы же чрезвычайно сложная группа, там можно выделить три европеоидных компонента (понтийский, памиро-ферганский и «кавказский») и три монголоидных компонента. Третий европеоидный компонент — тип относительно рослых, короткоголовых, с широким лицом и сильно выступающим носом людей, которые ярко представлены среди тюркских и других кавказских народностей, в частности среди кумыков. Из монголоидных мы встречаем центральноазиатский, т. е. собственно монгольский и североазиатский, или уральский, длинноголовый монголоидный компонент.

Ногайцев по антропологическому составу нельзя рассматривать как сохранившийся в чистом виде пережиток татар Золотой Орды. Целый ряд компонентов безусловно объясняется более поздней историей; так, например, брахикефальный высокорослый компонент несомненно является следствием смешения с кавказскими группами, в частности с кумыками. Идет также смешение и с туркменами, длинноголовый, европеоидный компонент которых, вероятно, вторично наслаивается в составе ногайцев. И, наконец, длинноголовый монголоидный компонент, который мы имеем, может стоять в связи с каким-то древним пережитком населения территории степей, в частности с гуннами; может быть, это остатки какого-то древнего населения, часть которого вошла в состав ногайской орды. А может быть, это примесь более поздняя, вошедшая в состав ногайцев в связи с тем, что ногайские орды кочевали в Приуралье, соприкасаясь с местами кочевий сибирских татар. Западносибирские татары — другой пласт, там преобладают длинноголовые компоненты с очень небольшой европеоидной примесью. По палеонтологическим данным мы знаем, что европеоидный расовый тип на территории Западной Сибири бытует чрезвычайно давно, еще в эпоху бронзы.

Проф. Воробьев, считая, что основные положения докладов не встретили серьезных возражений, останавливается на вопросах, изучение которых нужно продолжить для более детального освещения проблемы.

Для изучения древних лесных элементов в культуре татар необходимо более подробное обследование еще слабо изученного быта соседних с татарами лесных (по происхождению) народов — удмуртов, мари и мордвы. Крайне необходимо изучение небольшой группы, живущей в Вятском крае, — бессерми. Можно предполагать, что они являются остатком древней колонии булгар, заброшенной на Вятку в XII—XIV вв. — в их быту и, в частности, в одежде сохранилось немало черт, близких к чувашским.

Чтобы лучше расшифровать степные элементы в культуре поволжских татар, необходимо детально изучить вторую группу поволжских татар-мишарей, которые в последнее столетие культурно все более и более сближаются с казанскими татарами. Изучение истории формирования мишарей может дать многое о происхождении тех степных элементов, которые мы условно называем «кипчакскими».

Отвечая на заданные вопросы, Л. З. Залаялетдинов называет письменные документы, на которые можно ссылаться при установлении связей современного татарского языка с древним языком. Для X—XI вв. таким письменным памятником является «Насыхат-эл-салихин», для XIII—XIV вв. — надгробные надписи. Они были использованы проф. Ашмариным, но односторонне, и выводы советских ученых о том, что булгары и чуваша в древности представляли народы одной системы языка, что между ними в течение многих веков длилось взаимное влияние и что современный язык татар Поволжья больше, чем чувашский язык, сохранил в себе элементы булгарского языка, представляются более правдоподобными.

Исходя из архаичности чувашского языка, можно предполагать, что он являет-

ся более древним тюркским языком в бассейне Волги. Тезис Н. Я. Марра «чувашияфетиды на Волге» имеет сейчас особенно актуальное значение.

Подводя итоги, академик Б. Д. Греков в отмечает плодотворность работ сессии, обусловленную тем, что в ней приняли участие ученые разных специальностей (историки, археологи, этнографы и лингвисты), а это было необходимо при решении сложного и трудного вопроса. Сессия, отразив определенный этап в изучении проблемы этногенеза татар Поволжья, вызвала вместе с тем ряд новых вопросов и наметила задачи завтрашнего дня, подлежащие разрешению общими усилиями.

В заключение было принято постановление о подготовке к созыву сессии Отделения истории и философии для обсуждения темы о Казанском ханстве, как одной из тем по истории Татарии, требующих углубленной разработки.

Е. К.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ НА СЕВЕРЕ (1941—1945 гг.)

В 1941 г. Институт этнографии Академии Наук СССР, в связи с намеченной реэкспозицией Отдела Сибири, предоставил мне возможность выехать на Север в четырехмесячную командировку. Цели ее: сбор материалов по этнографии хантов, по вопросам, малоисследованным или неизученным вовсе, и сбор этнографических предметов для коллекций Музея антропологии и этнографии.

Маршрут поездки был намечен по двум северным притокам Оби — рекам Куноват и Казым, местам расселения представителей северной группы хантов.

Выехав из Ленинграда 17 июня 1941 г., я прибыла на Казым 7 июля и работала до 11 августа, проведя этнографическое обследование хантынского населения (Казымский сельсовет) в Амнинских, Кислорских, Выргимских юртах и на Казымской культурной базе, а затем, согласно намеченному плану, переехала в соседний Полноватский сельсовет, где, пробыв до 9 сентября, провела разъездную работу, с кратким пребыванием в каждом населенном пункте, в следующих юртах: Полноватских, Воньзеват, Сумытнёл и Соцеланы.

После двухмесячного пребывания на Севере мое общение с Институтом, в связи с блокадой Ленинграда, прекратилось, и лишь через год я получила возможность вернуться на Казым и продолжать свою работу, но уже в ином плане: в 1942 г. и в последующие годы мне пришлось вести этнографические наблюдения параллельно с политико-просветительной работой, выполняемой мной в качестве работника Казымской культурной базы.

За этот период, кроме указанных выше юрт Казымского сельсовета, мне удалось побывать и в остальных населенных пунктах этого сельсовета, а именно: Хуллор, Помыт, Юильск и Нум-то. Таким образом, собранный мной этнографический материал в основном относится к казымским хантам. Они из всей северной группы хантов являются наименее изученными. На русском языке казымцам посвящены лишь небольшие работы И. Шухова; в иностранной литературе имеются только отдельные упоминания о них.

Казымские ханты, называющие себя «Казым ёх» (казымские люди), населяют бассейн р. Казым или, по нынешнему административному делению, территорию Казымского сельсовета, охватывающего площадь в 35 700 квадратных километров.

За последние пять лет на Казыме успешно проходил процесс сселения и оседания коренного населения, в основном заверченный к 1946 г. Во всех семи юртах построены новые дома, имеются начальные школы, детские ясли, фельдшерские пункты и торговые точки. Оседание казымцев отразилось на их производстве. До 1940 г. на Казыме практиковалась существовавшая истари перекочевка на летний сезон в низовья Оби для рыбного промысла. Выезжали весной, целыми семьями, в больших крытых лодках с шалашами для жилья («хот пелын юх») и возвращались на Казым осенью. В связи с оседанием казымцы постепенно перешли к эксплуатации местных рыболовных угодий в течение всего года. Теперь выезды в низовья Оби практикуются лишь отдельными рыболовецкими бригадами, не берущими с собой семей. В связи с оседанием отпала также необходимость брать всю семью и на охотничий промысел.

Все трудоспособные женщины участвуют в промыслах наравне с мужчинами.

Основными занятиями казымцев являются: охота, рыболовство и оленеводство.

Промысловой зверь на Казыме: белка, лисица, горностай, выдра, бурундук, росомаха, лось и заяц. Зимняя охота проводится на оленях, осенняя пешком, причем охотник тащит на себе нарточку («лангкыр эхыл» — плечевая нарта) с необходимым провиантом, посудой, одеждой и т. п. Нередко вместо нарт употребляют волокушу из шкуры (постели) оленя, носящую название «тахты хыр» — постельный мешок. Орудиями охотничьего промысла служат: ружья-кремневки, сторожевые луки, слопцы, черканы, капканы и т. п.

Наряду со звероловством распространен и птичий промысел, имеющий потребительское значение. Объекты птичьего промысла — птица водяная (утка, гусь, лебедь) и лесная (глухарь, рябчик, куропатка). Орудиями птичьего лова служат: перевес, ручной лук, ружье, петли и слопцы.

Для рыболовного промысла на Казыме служат две группы орудий: ловушки так называемого запорного типа — запоры, морды, турахи (рукава), вожаны — и орудия сетного типа — ставные сетки и невода. Запоры бывают двух видов: перегораживающий всю реку («вар») или же только частично заграждающий («пол»). В озерах промыщляют рыбу переметами.

В верховьях Казыма оленеводство достигает больших размеров и, возможно, прежде даже превалировало над другими видами занятий. Это видно из того, что у местных хантов в названиях месяцев отражаются моменты, связанные с оленеводством. У хантов Среднего и Нижнего Казыма названия месяцев отражают рыболовство и охоту. Оленей имеет каждый хозяин. До оседания летом пасли оленей вместе, за пастуха оставался тот, кто не мог ехать рыбачить на Обь. Хозяева оленей расплачивались с ним рыбой и оленьим жиром. Осенью оленей отпускали в лес до снега. В октябре их собирали. В конце апреля опять отдавали пастуху.

Меты у оленей вырезаются на ушах («пал'пос»), а при подсчете стад (большей частью осенью) выстригают меты на боках оленей («пун пос»). Связанная с рыболовно-охотничьим типом хозяйства сезонность промыслов вызывала сезонную перемену промысловых угодий, что в свою очередь определяло основные типы селений хантов (зимние, летние, весенне-осенние юрты). Более постоянный тип селения представляли собой зимние поселки. Зимним жилищем («тал'хот») служила бревенчатая изба под двухскатной крышей, крытой берестой, с сенями, чувалом (род камина) и нарами. Места на нарах распределялись строго по половозрастному признаку. Около зимних изб ставили амбары (лабазы); для защиты от сырости и грызунов их устраивали на высоких столбах. Летние жилища были более разнообразны по типу: избы, шалаши и чумы, покрытые берестой.

В тайге, на отдаленных охотничьих угодьях, ставятся промысловые избышки для 2—3 охотников: простые срубы небольших размеров или же шалаши, крытые дерном.

На рыбалках ставились переносные разборные шалаши.

В каждом доме непременимы принадлежностями обстановки и утвари были: сундучки, окованные железом (тюменского и тобольского кустарного производства), мешки из оленьего меха («ёрн хыр») для хранения одежды и разного сырья, требующего обработки (шкур, сухожилий и т. п.), мешки из налиньей кожи для хранения продуктов; берестяная и деревянная посуда, чайная посуда (покупная), бережно хранимая в коробках, плетеных из корней или шитых из бересты; низкий столик («пасан»), вносимый в помещение лишь во время еды.

Материалами для одежды казымских хантов служат: олений мех, оленья кожа (ровдуга), покупное сукно и бумажные ткани.

Мужская одежда состоит из рубахи, штанов, верхней одежды и обуви. Белья не носят. Рубахи украшаются бисером («сякын ернас» — рубашка с бисером) или же вышиваются аппликацией («хорамынг ернас» — узорная рубаха). Верхняя зимняя и осенняя одежда — глухая с кашпоном (малица) или «гусь». Зимние малица и «гусь» шьются из оленьего меха. В остальные сезоны носят суконные «гуси» или же одевают сильно поношенные зимние «гуси». Длина верхней одежды выше колен, но при носке она обычно подтягивается поясом так, чтобы получился большой напуск, пазуха («хэн-хыр» — брюшной мешок), куда складываются табакерка, трубка, кисет, хлеб и пр.

Пояса — широкие кожаные, иногда крытые красным сукном, украшенные медными пуговицами, с прикрепленными к ним на цепочках ножнами с ножом. Обувь зимняя шьется из оленьих или лосиных лап, летняя — из ровдуги («нюки вей» — ровдужная обувь) или из кожи («нир» — черки).

Прежде мужчины расчесывали волосы на прямой пробор, пучки волос за ушами обвивались в виде жгутов шерстяным шнурком красного или малинового цвета. На затылке укреплялось украшение («ох тэс») из кусочка кожи, покрытого сукном, с пятью медными пуговицами.

Женщины носят (на теле) специальный пояс («вэрып»), надеваемый с наступлением половой зрелости, шитый из бумажной ткани, ситцевые или сатиновые, длинные рубашки-платья («ернас»), вышитые бисером и украшенные аппликацией, верхнюю распашную одежду: зимнюю меховую двустороннюю шубу («выл'и сах» — оленья одежда) и летние халаты из сукна или бумажных тканей («нэй сах» — суконный и «сяшкан сах» — матерчатый). Зимнюю и летнюю верхнюю одежду украшают узорами из меха и цветных тканей. Обувь отличается от мужской только украшением; с черками носят чулки из собачьей шерсти.

Волосы женщины причесывают на прямой пробор в две косы, обвивают их цветным шнурком и украшают всевозможными подвесками из колец, цепочек, бус и т. п. В отличие от мужского головного украшения (на затылке) на женском нашиваются четыре пуговицы. В качестве украшений носят нагрудники и шейные подвески из цветного бисера, пальцы рук унизывают большим числом колец.

В связи с рыболовно-охотничьим хозяйством казымских хантов основная их пища — рыба и мясо. В пищу идут почти все виды рыб, птиц и животных, за исключением табуированных для данного рода. Рыбу и оленье мясо едят в сыром, мороженом и вареном виде. Мясо других животных — только вареное. Хлеб ханты пекут сами в специальных глиняных печах, устраиваемых обычно на открытом

воздухе. Из напитков большим спросом пользуются чай и вино. В массовом потреблении — табак («шар»), который курят, жуют и нюхают не только мужчины, но и женщины. Посудой для приготовления пищи служат котлы, подвешиваемые над огнем, и разнообразные сосуды из бересты и дерева, собственного изготовления.

Средствами передвижения у казымцев служат: лодки, нарты и лыжи. Лодки различаются по величине, материалу и способу изготовления: «обласки» с долбленным дном и бортами, пришитыми древесными корнями («ай хон» — маленькая лодка), неводники, изготавливаемые также на Казыме и носящие название «саран хон» — зырянская лодка, и большие неводники, крытые берестой («хбрапп хон»), служившие для семейных перекочевов в низовья Оби. Нарты — грузовые, легкие, женские, для перевозки чума и так называемые «шайтанные» — для перевозки изображений домашних духов («л'энх эхыл»). Лыжи служат хантам главным образом во время промысла (лыжи-голицы — «л'ох» и подбитые мехом — «нимыл»). Лыжный посох («сонгхен») на верхнем конце имеет лопаточку для разгребания снега и для уставки капканов.

Значительную часть орудий материального производства и предметов материальной культуры казымцы изготавливают сами. Обработке подвергаются: кость и рог (табакерки, поясные пряжки, рукоятки ножей и т. п.); береста, дерево, корни (посуда, коробки, люльки и т. п.); трава-осока (циновки); кожа и др. Было распространено литье из олова. Изготовление промысловых орудий и обработка кости и рога выполняются мужчинами, обработка остальных материалов производится женщинами.

В области социальных отношений казымцев мной собран материал по следующим темам: названия родов, тамги — знаки собственности («эш пос» — знак руки), родственная терминология, положение женщины (запреты, период беременности, особые постройки для рожениц: «атым хот» — поганая избушка), воспитание детей (одежда, люльки, соски, игрушки, игры и забавы).

В области верований собран материал о некоторых космогонических представлениях (о земле, светилах и т. п.), о почитании огня, о культе мертвых (погребение, куколки, изготавливаемые из волос покойника, траур); о почитаемых священных местах, жертвенных животных и так называемых «шайтанных» амбарчиках («л'энх л'опас»), содержащих «приклад», т. е. жертвенные предметы; получены некоторые сведения о культе медведя и так называемом «медвежьем празднике» («мой пыр якты хот»).

Сделаны фольклорные записи (сказки, загадки).

Имевшийся в моем распоряжении словарь языка казымских хантов мне удалось значительно пополнить за счет номенклатуры всех орудий труда, предметов материальной культуры, производственных процессов и т. п. Мной составлены схематические карты р. Казыма и Амни с подробной местной географической номенклатурой, записан ряд хозяйственных примет; собран материал по народной медицине.

Художественное творчество казымских хантов очень разнообразно. Из рукоделий распространены: шитье бисером (на одежде, обуви); низаные бисерные украшения; шитье аппликацией по бумажным тканям; узорное шитье из меха (мозаика). Изделия из бересты покрываются орнаментом, выполненным соскабливанием верхнего слоя бересты или же нанесением оленьей кровью. Летняя ровдужная обувь («нюки вей») искусно украшается орнаментом, исполненным растительной краской. Из олова отливались украшения, мелкие бляшки, нашиваемые на верхнюю женскую одежду.

Из народных музыкальных инструментов на Казыме имеются: мужской струнный инструмент «нарс юх» и женский губной — «тумран».

В верховьях Казыма, в районе озера Нум-то живут так называемые «лесные» ненцы («пян-хасово»). При встрече с ними мне удалось сделать записи по их языку и фольклору, а также по терминологии родства и произвести некоторые этнографические наблюдения.

Материал по оленеводству собран мной и у группы зырян-оленьеводов, обитающих на территории Казымского сельсовета.

Мной приобретена на Казыме этнографическая коллекция (80 предметов) — мужская, женская и детская одежда, предметы быта, искусства и техники. Из особенно ценных приобретений можно указать на так называемый «вэршп» — женский пояс (в коллекциях Музея антропологии и этнографии его не было), жертвенное покрывало, археологический бронзовый щиток для предохранения руки от удара тетивой лука и др.

Н. Ф. Прыткова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НИЖНЕЙ ЛЕНЕ

В 1942 и 1943 гг. Ленская историко-археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР, Института языка, литературы и истории Якутской АССР и Якутского республиканского музея впервые осуществила сплошное обследование всего участка Ленской долины от г. Якутска до острова Тинт-Ары в дельте Лены.

Кроме собственно археологических исследований экспедиция предприняла также и этнографические работы. Изучая вещественные памятники всех типов и времен, она, естественно, уделяла внимание и позднейшим из них, в том числе уже чисто этнографическим по их возрасту, изучение которых имеет первостепенное значение и для понимания древних культур Нижней Лены, для освещения ее исторического прошлого в целом.

В ряде пунктов выявлены и частично раскопаны древние якутские этёхи, остатки обожженных дерном балаганов (саха балаган, буор балаган), сопровождаемых валами и характерными прямоугольными ямами, откуда брали землю для засыпания крыши и завалин.

Самый древний дом такого рода оказался на озере Сылах, причем в нем обнаружен целый глиняный сосуд примитивного вида, пользовавшийся религиозным почитанием. У Кюсюра обследованы остатки оленеводческих стойбищ (XVIII — начала XIX в.), давшие любопытный вещественный материал, в том числе остатки кузнечного дела.

В районе устья р. Сола сфотографирована и обмерена башня, построенная известным якутским тойоном XVIII в. Пономаревым, оригинальное устройство которой вносит новые данные в интересную проблему о характере и происхождении якутских «крепостей», известных уже по русским источникам XVII в. Башня Пономарева представляет собой хранилище богатств тойона, а вместе с тем и убежище от врага, почти неприступное для осаждающих, вооруженных только холодным оружием. Внешне она поразительно сходна с башнями русских острогов XVII в., в том числе Якутского острога, немногим уступая им по мощности, но в то же время обнаруживает оригинальные конструктивные особенности, указывающие на местные архитектурные традиции.

В ряде мест обследованы старинные могилы — дохристианские и христианские. Очень интересен один шаманский, повидному, аронгас типа «сайбы», найденный на р. Аякит. Позднейшие могильники на Нижней Лене особенно в местности Хайыргас, обращают внимание изяществом орнаментальной резьбы оградок и крестов.

В Кумахсуре обнаружен «шайтан», т. е. изображение духа-покровителя охотничьего промысла в виде скульптурно вырезанного из дерева человеческого лица, обтянутого сзади шкурой дикого оленя, хранившееся в круглой деревянной коробке. Такая же коробка, но заполненная волчьей шкурой, внутри которой лежал небольшой зверек (хищник), оказалась на заброшенном этёхе в Хайыргасе.

Вещественными памятниками охотничьего культа являются также и повсеместно встречающиеся связки передних концов челюстей дикого оленя. Все эти следы старины исчезают и разрушаются вместе с прежним укладом жизни лесных племен. Необходимы срочные меры по собиранию и изучению этих интересных этнографических реликтов.

Одновременно производились фольклорные записи, в том числе имеющие прямое отношение к археологическим памятникам, — о древнем полумифическом народе сартолах, войнах-хосунах, шаманах, в том числе о последнем из знаменитых нижнеленских шаманов «чудотворце» Егоре, о родах и межродовых войнах. Записан также ряд новых текстов — вариантов «хосчунного эпоса» о борьбе Юнгкэбиля и Чэмпэрэ.

До 1943 г. записи эти вел С. И. Боло, в 1943 г. — автор настоящего сообщения совместно с И. И. Барашковым.

А. П. Окладников

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

За истекшие пять лет Отделом этнографии Института истории Академии Наук Грузинской ССР проделана серьезная работа по этнографии Грузии и Кавказа.

Главными объектами научно-исследовательской работы в области материальной культуры являлись: жилые и хозяйственные постройки грузин, орудия производства (преимущественно пахотные орудия), ремесла, одежда и украшения; несколько тем было посвящено ранним формам народного хозяйства. По линии социальных отношений изучались: структура рода у грузин, особенно институты, возникшие на почве родового строя, а также территориально-общинные объединения. По истории религиозных верований грузин продолжались: разработка календаря народных праздников, изучение астральных культов и наиболее древних религиозных институтов. Велись работы по народной медицине и народному изобразительному искусству (отражение в этих областях религиозных верований).

Жилым и хозяйственным постройкам грузин посвящены труды проф. Г. С. Чигая, подтвердившие ранее высказанные им положения. В частности исследование грузинских землянок вскрыло социальные, экономические и религиозные функции деталей грузинского дома, функции, носящие следы глубокой архаичности и особенно наглядно выраженные в обычаях и обрядах, связанных с «деда-бодзи». Труды, посвященные жилым и хозяйственным постройкам хевсур, аджарцев и лавов, а также Ханисцхальского бассейна, дали возможность установить типологическую классификацию жилых построек грузин с учетом особенностей их основных элементов (план,

перекрытие, расположение очага) и наметить два ведущих типа: западно-грузинский (колхский), характеризующийся четырехскатной крышей, и восточногрузинский (иберский) с плоской крышей. Богатый и разносторонний материал, привлеченный при сравнительном изучении жилых и хозяйственных построек грузин, окончательно утверждает мнение о наличии генетического родства между ними и соответствующими постройками колхов эпохи Витрувия и моссиников эпохи Ксенофонта. Исследование орнаментации лазского дома в свете аналогичных данных древнейших цивилизаций Передней Азии привело к установлению тесных связей некоторых орнаментальных мотивов лазского дома с соответствующими элементами, характерными для хеттской и халдской культуры. Продолжалась и ранее начатая работа по изучению грузинских пахотных орудий. Труды, посвященные сравнительному изучению переднеазиатских и грузинских пахотных орудий, а также пахотных орудий из Абхазии (проф. Г. С. Читая), подтвердили высказанное им предположение о генетическом преемственности между сумерским и грузинским пахотным орудием, наглядно показав этапы развития последнего на почве высокой земледельческой культуры грузин. В этой связи значительный интерес представляет сванский «сакветел» (резец), используемый сванами для предварительной прокладки борозды. Особенности этого орудия, сравнительный материал и свидетельства исторических памятников дают достаточное основание, чтобы высказать положение о возникновении железного пахотного резца в Передней Азии к началу I тысячелетия до н. э., вопреки утверждению некоторых авторов о европейском происхождении железного резца не ранее начала нашей эры.

Продолжалась работа над формами охоты в Грузии (А. И. Робакидзе); изучены грузинские звероловные снаряды; выявлены неизвестные до сих пор типы грузинских и кавказских западней, что дало возможность восполнить существующие их классификации. Наблюдения над охотой с ловчими птицами в Гурии вскрыли ряд существенных особенностей, значительно отличающих гурийскую перепелиную охоту от так называемых «атарского» и «персидского» способов охоты с ловчими птицами. В связи с проблемой охоты изучены способы изготовления пороха кавказскими горцами на базе местного сырья. В кругу вопросов, относящихся к проблеме ранних форм народного хозяйства, выдвигается вопрос о пчеловодстве в Грузии (А. И. Робакидзе). Богатый пережиточный материал и древнейшие исторические свидетельства открывают перспективу критического преодоления теории об индо-германском происхождении пчеловодства. Начато изучение культуры виноградарства в Грузии (Л. И. Бочоришвили). На первой же стадии сбора материала в одном лишь районе Кахетии установлено богатое разнообразие высококачественных сортов винограда, выявлена сложная система ухода за виноградом, берущая свое начало в глубокой древности. В изучении древнейших способов производства керамических изделий приняты новые шаги; уже имеющиеся монографии по кахетинской и имеретинской керамике (Л. И. Бочоришвили) дополнены трудами по карталинской и дагестанской керамике, подкрепившими ранее выдвинутые положения о типологическом единстве грузинской керамики и о далеко идущих аналогиях, связывающих Грузию в один культурный комплекс с Северным Кавказом и Передней Азией. Названные выше работы позволяют предполагать, что керамическое производство в грузинском культурно-этническом мире уже в далеком прошлом достигло высокой ступени развития. В свете культурно-исторического сближения Грузии и Северного Кавказа интересным является дидойский «чарх» — станок для выделки деревянной посуды (А. И. Робакидзе). Привлечением сравнительного материала из быта грузин-горцев установлено типологическое единство указанных станков, причем на основе грузинского этнографического материала прослежены промежуточные формы станка, характеризующие последовательность его развития от простых ручных до сложных водяных станков.

Завершается работа по изучению грузинских водяных мельниц (С. Я. Бедукадзе). В частности, в ущелье Арагвы установлены два основных типа мельниц. В результате выявления особенностей грузинских мельниц и широкого использования сравнительного материала, намечается перспектива культурно-исторической увязки их с мельницами халдско-урартского типа; вместе с тем некоторые основные элементы грузинской мельницы заставляют предполагать наличие существенной разницы между грузинскими и римскими мельницами.

Изучение ремесел в Грузии (основное внимание было уделено ковке благородных металлов) привело к выводам, проливающим яркий свет на ранние формы искусства обработки металлов. Наблюдением над современным золотокузнечеством (проф. Г. С. Читая) установлено, что оно, являясь одним из ответвлений широко известного грузинам еще в древности высокого мастерства обработки металлов, до сих пор почти повсеместно бытует в Грузии, сравнительно хорошо сохранив свои архаические черты. В некоторых местах это ремесло является преимущественным занятием определенных родов; в Верхней Сванетии им занимаются также и женщины. Путем сравнительного анализа пережиточного материала выявлены высокохудожественные формы металлургических украшений, развитая ступень этого искусства среди грузин и чрезвычайно интересные элементы орнаментации, восходящие корнями к глубокой древности, о чем свидетельствуют также магическо-апотропеинные функции золота, серебра и железа, которыми эти металлы наделены в дохристианских народ-

ных верований грузин. Дальнейшие изыскания в этой области (Л. И. Бочоршвили) подтвердили, что в Сванетии искусство обработки металлов имеет давние традиции, хотя ныне здесь имеется лишь ковка серебра. На сравнительно высокую ступень развития этого искусства среди сванов указывает, с одной стороны, богатый набор орудий, необходимых для серебрянойковки, а с другой — художественная ценность сванских серебряных украшений. Здесь же зафиксированы древнейшие предания, сохранившие указания на широко распространенную и длительную практику золотокузнечества. Весь материал, собранный по данному вопросу в Верхней Сванетии, подводит историческую основу под древнейшие свидетельства, дошедшие до нас в легендарной форме аргонавтики.

Продолжалась планомерная работа над изучением структуры рода и систем родства у грузин (Р. Л. Харадзе). В результате ряда исследований добыты ценные материалы, проливающие свет на ранние формы социального устройства грузин. Вопросу о системе родства посвящены две работы, из которых в одной использован гурийский (И. В. Чкония), а в другой — дидойский (Р. Л. Харадзе) материал. В последней работе автором установлена особенность дидойской системы кузенного родства, заключающаяся в богатстве классификационной номенклатуры кузенов. При этом разработан вопрос дидойского «тлибил» — организации, основанной на агнатическом родстве и соответствующей хевсурскому «дзири» (gens). Особенностью «тлибил» является эндогамия. Исследование института «сцорпроба» — формы добрых отношений (Р. Л. Харадзе) выявило наличие в пережиточном быту архаических элементов, позволяющих отнести возникновение этого института к стадиям, предшествующей индивидуальному браку, типа рипаца. К этой группе вопросов относятся труды, посвященные хевсурскому «пехони» (Г. А. Чачашвили), быту чартапцев (И. В. Чкония) и пр. В пережитках племенного объединения «хев» устанавливается институт управления старейшины, стоявших во главе периодически созываемых народных собраний.

Специальное исследование, посвященное древним формам народного ополчения хевсур, вскрывает любопытные параллели со сванской военно-племенной организацией в виде территориально-общинного деления войска на отдельные «садроше».

Значительные успехи достигнуты в изучении древнейших религиозных верований грузин. Помимо уже опубликованной монографии (В. В. Бардавелидзе), посвященной культу древнегрузинской богини солнца Барбар (или Бабар), необходимо указать на две работы (того же автора), ставящие своей задачей восстановление астральных культов. В одной из них, посредством исследования грузинских методов лечения оспы, кори и других детских заразных болезней, вскрываются пережитки культа Великой матери богов Наны. В другой работе, построенной на сванском материале, устанавливаются элементы почитания лунного божества Яна небесного («Ян дешеш»), верховного покровителя древнейшего злака — проса. Подобно грузинской богине солнца, выявляющей генетическое родство с сумерским божеством Баббаром, Великая мать богов Нана и Ян небесный увязываются с религиозными персонажами древнего переднеазиатского культурного типа. В работе, посвященной изучению хевсурского креста (Л. И. Бочоршвили), выдвинуты положения о воспринятии в хевсурских религиозных верованиях божеств, именуемых «хтишвили», в виде креста и о существовании у грузин (возможно, и у других кавказских народов) крестопоклонства, о котором свидетельствует историк царицы Тамары относительно пховцев.

Ценным вкладом в дело изучения религиозных верований грузин являются исследования В. В. Бардавелидзе, посвященные сванскому празднику мертвых «Липанал» и связанному с последним графическому искусству сванов. Вскрыто большое разнообразие обрядов «Липанал», представляющих разительный контраст с древнеримским институтом — лемуриями.

В рисунках сванов, выполнявшихся на гладкой поверхности стен и перегородок дома ежегодно в праздник («Липанал», «Бембогу»), приуроченные к сезону возрождения природы, установлены в качестве наиболее традиционных и архаичных элементов геометрические изображения (точки, дуги и т. п.), генетически восходящие к магическим знакам. Сравнительный материал из сванской религиозной действительности дал возможность восстановить формы осуществления этих древнейших рисунков, заключавшиеся в магическом соединении действия со словом посредством графического изображения знака и одновременного произнесения имени животного (свиньи, овцы, коровы или быка). Магический знак дуги воспроизводил комплексный образ животного и помещения (resp. перегородки помещения) для животных внутри жилого дома. Оригинальная архитектура сванского дома, уникальная конструкция помещения (в частности, перегородки с полуovalными окнами, помещения для скота), обеспечивавшая постоянный контакт между человеком и животным, центральное место этой перегородки в религиозных обрядах, характер самих обрядов, а также значение магического рисунка (дуги) и роль, выполняемая орнаментальным мотивом дуги и полукруглыми арками в сванском искусстве, — заставляют предполагать возникновение такого помещения для скота с оригинальной перегородкой внутри сванского дома еще на стадии одомашнивания животных. В другой работе В. В. Бардавелидзе устанавливаются пережитки тотемизма у сванов и прослеживается дальнейшая судьба тотема-волка, уже в астральной религии выступающего в ка-

честве «собаки» антропоморфных богов. В работе, посвященной изучению обрядов, связанных с почитанием осы у кавказских народов, свидетельствуется, наряду с рациональными средствами защиты от оспенной эпидемии, практика установления молочного родства с божествами осы посредством атальчества и символического усыновления. Дальнейшая проработка этнографического и фольклорного материалов (в частности, нартовских сказаний) и преданий, засвидетельствованных в грузинских исторических источниках, показала широкую распространенность идеи молочного родства в верованиях кавказских народов применительно не только к различным божествам, но и к миру животных (волков, оленей) в целях защиты от данных божеств и животных и приобретения в их лице покровителей и родовых патронов. Пережитки религиозной практики объединения с миром животных посредством атальчества и усыновления дают автору основание выдвинуть рабочую гипотезу о возможной генетической связи тотемизма с институтом молочного родства.

Выполнено несколько работ с целью изучения анимистических представлений у мегрел (Н. В. Рехвашвили) и значения звериных костей у грузин и некоторых других кавказских народов (Т. А. Очаури).

За время Отечественной войны этнографы Грузии приняли участие в разработке тем оборонного характера. Опубликованы статьи и очерки научно-популярного характера, проведена серия лекций на специальную тематику.

Составлена серия очерков по этнографии народов Кавказа и стран, сопредельных с Кавказом.

Таким образом, работа Отдела этнографии Института истории Академии Наук Грузинской ССР ознаменовалась ценными исследованиями, создающими новый этап в развитии грузинской советской этнографии. Эти исследования, построенные главным образом на этнографическом материале многочисленных комплексных экспедиций, осуществленных силами Отдела, открывают новую страницу в деле изучения культурно-исторических и этно-генетических связей грузинского народа с древнейшими цивилизациями Передней Азии.

Зам. директора Ин-та истории
Академии Наук Грузинской ССР *А. И. Робакидзе*

МЕЖАМЕРИКАНСКИЙ ИНДЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ

(Inter-American Indian Institute)

В 1940 г., по решению I межамериканского конгресса по индейским делам, состоявшегося в апреле 1940 г. в Паскуаро, в Мексике, был создан Межамериканский индейский институт. Создание этого Института диктовалось настоятельной необходимостью улучшения положения индейцев путем проведения координированных мероприятий. Самый факт созыва I конгресса индианистов, делегатами которого были как ученые, так и чиновники учреждений по индейским делам, был выражением широкого движения протеста общественных кругов стран Америки против тяжелого положения индейского меньшинства. Речи делегатов конгресса были ярким выражением этого движения. Конгресс разработал межамериканскую конвенцию, которой предусматривалось создание Межамериканского индейского института и связанных с ним национальных индейских институтов. Местом пребывания Института была избрана столица Мексики. Согласно правилам конвенции, участниками Института могут быть все страны Америки, подписавшие конвенцию. К началу прошлого года таких стран было 12, а именно: Колумбия, Эквадор, Эль Сальвадор, США, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Коста-Рика, Боливия. В большинстве этих стран уже созданы национальные индейские институты.

Институт ставит перед собой благородную цель защиты жестоко угнетаемого индейского населения американского континента. «Главной целью Института,— говорит его директор, мексиканский ученый Мануэл. Гамио,— является определение, координирование и проведение в жизнь мероприятий, необходимых для удовлетворения нужд и законных стремлений индейского населения континента. В этом деле Институт рассчитывает на сотрудничество стран континента, институтов по индейским делам, частных организаций и людей, заинтересованных в благополучии индейцев»¹.

Институт имеет связи с индианистами всех почти американских стран, многие из них являются постоянными сотрудниками печатных органов Института. Руководители Института совершают также поездки по странам Америки с целью ознакомления с положением индейцев и мероприятиями, проводимыми в отношении их.

Доходы Института составляются из взносов стран, присоединившихся к конвен-

¹ Manuel Gamio. Actividades del Instituto Indigenista Interamericano. Mexico, 1944, 31.

ции, и пожертвований частных организаций и отдельных лиц. Мексиканское правительство предоставило Институту помещение и оказывает ему большую помощь. Президентом Института является известный американский этнограф и бывший глава Департамента по индейским делам правительства США Джон Коллье (Collier), директором — М. Гамио.

Практическая деятельность Института сводится к обсуждению различных мероприятий, проводящихся правительствами отдельных стран Америки в отношении индейцев. Кроме этого Институт сам проводит ряд мероприятий, затрагивающих интересы индейского населения нескольких стран одновременно. Например, Институт организовал кампанию борьбы с болезнью onchocercosis, широко распространенной среди индейцев Мексики и Гватемалы. Районы, пораженные этой болезнью, лежат на пути предполагающейся пан-американской дороги, почему борьба с нею имеет общеконтинентальное значение. Институтом организуется изучение отдельных групп индейцев, их истории и психологии, с целью определения наиболее действенных мероприятий по улучшению их положения. В мексиканском селении Тепоцтлан установлен пункт психологического изучения индивидуальности индейца. Исследования ведутся американским антропологом Оскаром Льюисом. Результаты этого исследования были опубликованы в 1944 г.² Институт организует также обучение индейцев разведению и употреблению в пищу новых продуктов, как то: соевых бобов, молока и др. Разработан план изучения и записи индейской музыки. Для проведения в жизнь этого плана создан в Панаме межамериканский институт фольклорной музыки.

Институт является организующим центром по обучению индейцев элементарным правилам гигиены. Настоятельность этого мероприятия диктовалась огромным числом заболеваний и высоким процентом смертности в индейских селениях, тысячи которых лишены какого бы то ни было медицинского обслуживания.

Институт имеет два печатных органа: «America Indigena» на испанском языке и «Boletín Indogenista» на испанском и английском языках. Оба журнала печатаются в Мексике и выходят раз в три месяца, начиная с 1941 г. В «America Indigena» печатаются главным образом теоретические статьи о культуре индейцев в прошлом и настоящем, а также обсуждаются проблемы, связанные с приспособлением индейцев к современным условиям в отдельных странах Америки. Например, в № 1 за 1944 г. помещены «Индийская проблема в Бразилии», «Проблема цивилизации индейцев Бразилии», «Основные проблемы образования индейцев» и др. Журнал снабжается хорошим библиографическим обзором книг об индейцах, выходящих в различных странах континента. «Boletín Indogenista» посвящен деятельности Межамериканского индейского института и национальных организаций, связанных с индейцами. Он знакомит с современным положением индейцев в различных американских странах. Большая часть печатаемых материалов касается индейцев Латинской Америки. Благодаря обилию фактического материала, органы Института могут служить хорошим справочным, в частности библиографическим пособием при изучении быта индейцев Америки.

Ю. П. Аверкиева

² Oscar Lewis. Social and economic changes in a Mexican village (Tepoztlan, 1926—1944). Mexico, 1944.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПРОБЛЕМЕ ЮЛИЙСКОЙ КРАИНЫ

Судьбы славянского населения Юлийской Краины и вопрос о Триесте на долгое время приковали к себе внимание общественности во всех странах мира, а в Югославии, — кровно заинтересованной в скорейшем разрешении этой проблемы, — породили богатую научную и научно-публицистическую литературу, посвященную выяснению этнического состава населения Юлийской Краины, географии и экономике области. В этой литературе содержится много новых ценных сведений по истории и этнографии, приводятся данные о численности, национальном составе и географическом размещении населения. Значительная часть этого материала публикуется впервые и представляет особый интерес для этнографа, географа и историка. Большинство изданий снабжено хорошими подробными картами.

Ниже дается обзор наиболее интересных изданий, касающихся проблемы Юлийской Краины.

1. O ko Trsta. Redaktori dr. Viktor Novak i dr. Fran Zwitter. U sastavljanju ove knjige učestvovali su: general Lado Ambrožić, dr. Aleksandar Belić, dr. Lojze Berce, dr. Lavo Čermelj, Dušan Diminić, general Petar Drapsin, Drago Gervais, dr. Petar Jovanović, Milan Marjanović, dr. Anton Melik, dr. Mijo Mirković, dr. Viktor Novak, dr. Petar Skok, dr. Stanko Skerl, dr. Josip Vilfan, dr. Mirko Vratović, dr. Fran Zwitter. Beograd, Državni izdavački zavod Jugoslavije, 1945, 431 + 2 карты.

2. La Marche Julienne. Étude de géographie politique. Publications de l'Institut Adriatique. Sušak, 1945, 312.

3. Ive Mihovilić. Trst. Etnografski i ekonomski prikaz. Predgovor Dr. Ante Mandić. Nakladni zavod Hrvatske. Zagreb, 1946, 386.

4. Josip Roglić (Prof. de géogr. à l'Université de Zagreb). Le recensement de 1910. Ses méthodes et son application dans la Marche Julienne. Publications de l'Institut Adriatique. Sušak, 1946, 70 + 2 карты.

5. Lavo Čermelj, dr. Life-and-death struggle of a national minority (The Jugoslavs in Italy). 2-d edition, Ljubljana, 1945, 219 + 1 карта.

6. Д-р Лаво Чермель. Славянское меньшинство в Италии. Словенцы и хорваты в Юлийской Краине. Любляна, 1945, 64 + 1 карта.

7. Bogo Grafenauer, Ph. d. (Assistant in the University of Ljubljana). The Kanal Valley (ethnographical development). Ljubljana, 1946. Published by the Research Institute, Section for Frontier questions, p. 18.

8. Anton Melik (Prof. of Geogr. in the Univ. of Ljubljana). Gorica (The geographical basis of its foundation). Ljubljana, 1946. Publ. by the Research Institute. Section for Frontier questions, p. 21.

9. Autori Inglesi parlano sul problema della Regione Giulia. Fiume, 1946. Istituto per le ricerche della Regione Giulia, p. 63.

10. Verij Svajger. Trieste — Trst, Jugoslav or international? (Treatise about communications). Trieste, The Julian March Research Institute, 1946, 24 + 1 карта.

11. Dr. L. Trnjevski. Jugoslovenske manjine u inostranstvu. Beograd, 1938. Izd. Biblioteke «Narod i Država», p. 142.

1. Сборник «O ko Trsta» (о Триесте) представляет собой коллективный труд ряда выдающихся специалистов — знатоков географии, статистики, лингвистики, истории, экономики Юлийской Краины и Триеста. Читатель найдет здесь все необходимые сведения по этой области, но самое видное место занимает обстоятельный исторический обзор. К сожалению, в книге не указано авторство отдельных ее глав.

Первая часть ее — «Земля и человек». После краткого физико-географического

введения, из которого, между прочим, читатель видит, что Юлийская Крайна географически составляет часть Динарской горной системы, следует глава: «Антропо-географические особенности». Здесь кратко характеризуются географические условия расселения человека и исторически прослеживается формирование населения. «В течение тысячелетий Юлийская Крайна была пограничной страной» (стр. 44); исключение составляет только эпоха Римской империи. Это наложило отпечаток и на состав населения, и на культурный облик страны. Юлийская Крайна издавна играла и важную роль посредницы в экономических связях Средиземноморья с Центральной Европой, Аппенинскому полуострову с Балканским. Зато, будучи всегда окраиной, эта страна осталась по существу сельской, аграрной и слабо индустриализованной. В отношении культуры населения Юлийская Крайна является типичной переходной областью, где переплетаются элементы двух культурно-географических укладов: средиземноморского и континентального, характерного для Словении и западной Хорватии; оба эти уклада, выражающиеся особенно в типах построек, более или менее разграничены географически. Элементы средиземноморской культуры отнюдь не являются продуктом новейшего итальянского влияния; напротив, они автохтонны, ибо сама Юлийская Крайна есть часть той же Средиземноморской области, составляя одно целое с побережьем восточной Адриатики. При всем том, по составу населения Юлийская Крайна представляет собой славянскую страну, где почти на всей территории живут словенцы и хорваты, тогда как итальянцы сосредоточены лишь на узкой пограничной западной полосе, главным образом в городах. Во второй небольшой части — «Триест и югославская экономика. Пула» — коротко, но убедительно показана тесная экономическая связь Триеста с Югославией, а также роль Пулы (Полы), как экономического центра Истрии.

Очень полезные сведения по статистике национальностей Юлийской Крайны даются в 3-й части сборника — «Национальная структура». Здесь мы находим краткое описание этнической итало-югославской (и фурлано-югославской) границы.

Эта граница начинается на северном берегу Триестского залива, между словенским Девином и итальянским по большинству населения Тржичем (Монфальконе), и идет к северо-западу, выходя на р. Сочу (Изонцо) около впадения в нее р. Випавы, а затем вверх по Соче, примерно до г. Горицы, а оттуда, уклоняясь на северо-запад и оставляя на итальянской стороне Лочник, Мошу, Коприву и Крмин, совпадает почти точно с географической границей между горами, где население целиком словенское, и равниной, населенной фурлано-итальянцами. Пересекая старую австро-итальянскую границу около с. Препотто, этническая граница идет по территории, которая с 1866 г. принадлежала Италии; эта область называется «Бенешской (Венецианской) Словенией» и делится на три округа, которые все населены словенцами: это долина рр. Надижи (Натисоне), Торре и Резьи. Последняя наиболее обособлена. Здесь опять словенцы живут только в горах. От Резьи этническая граница идет на север, примерно на Понтеббу, и вновь выходит на старую итало-австрийскую границу. Авторы сборника подчеркивают, что нельзя считать, как это часто делают, р. Сочу (Изонцо) этнической границей. Эта река служит этнической границей только на небольшом участке между устьем Випавы и Горицей; к югу от Випавы оба берега Сочи до ее устья населены итальянцами, а все течение средней и верхней Сочи, вверх от Горицы, целиком словенское (стр. 114—115). Следует, кстати, заметить, что не совсем правильно говорить об «итало-югославской» этнической границе. Итальянцы являются соседями славян только на южном участке этой границы, в низовьях р. Сочи; по всей остальной границе, от р. Випавы на север, славяне граничат не с итальянцами, а с фурланами (фруламами). Фурланы являются особой народностью, хотя и близкой к итальянцам и находящейся под сильным итальянским влиянием, но самостоятельной. Фурланский язык принадлежит к «рето-романской» ветви романских языков. Очень интересно, что описанная этническая граница является одной из самых старых в Европе. Славяне заселили горную область Юлийских Альп в VI—VII вв. и с тех пор стойко занимают эту область, не уступая чужеземному давлению. Словенские колонии существовали, правда, и далее к западу, в Фрульской равнине; они появились там в X в., и следы их доныне сохранились в топонимике. Но фурлано-итальянские поселения никогда не проникали в горы, которые всегда оставались и остаются славянскими (стр. 115).

Далее приводятся статистические данные о национальном составе Юлийской Крайны и ее отдельных областей. Источниками этих данных служат официальные переписи. Но к ним надо относиться с большой осторожностью. Итальянские переписи 1931 и 1936 гг. вообще не дают никаких сведений ни о национальности, ни о языке населения, ибо по фашистским законам все подданные Итальянского королевства считались официально итальянцами. Более ранняя перепись 1921 г. дает сведения о национальном составе, но эти сведения весьма неточны, ибо сильно преувеличивают численность итальянского элемента в ущерб славянскому. Правда, в Горице, Бенешской Словении и вообще в Словенском Приморье итальянская перепись 1921 г. дала относительно правдоподобные результаты; но зато в Триесте и Истрии имела место прямая фальсификация фактов со стороны итальянских чинов-

ников — агентов переписи. Достаточно привести один пример: в селе Мошченице в Истрии, которое по данным 1910 г. было чисто хорватским, итальянские статистики в 1921 г. записали из 3 060 жителей всего 16 хорватов и словенцев, т. е. около 0,5%, остальные были записаны «итальянцами». (стр. 116).

Австрийская перепись 1910 г. считается обычно более надежным и солидным источником для национальной статистики. Итальянцы даже утверждают, что эта перепись дала результаты, слишком благоприятные для славян. Но это неверно. Материалы переписи 1910 г. тоже искажают факты национального состава Юлийской Краины, преувеличивая удельный вес итальянского элемента. Дело в том, что австрийские переписи вообще регистрировали не национальность, а «общий язык» (Umgangssprache). А этим обиходным языком в пограничных и зачастую двуязычных областях Юлийской Краины, особенно в городах, был итальянский. Многие словенцы и хорваты, вынужденные в своих деловых сношениях, в торговле, в учреждениях пользоваться итальянским языком, причислялись к итальянцам. Сверх того, при самом проведении переписи, которую производили, особенно в городах, итальянские муниципальные чиновники, имели место нередко прямые злоупотребления. Если, например, опрашиваемое лицо отвечало по-итальянски на заданный ему на этом языке переписчиком вопрос, то этого нередко было достаточно, чтобы в переписной бланк вносилась отметка «italiano».

Поэтому в материалах переписи 1910 г. встречаются прямые курьезы. Например, в деревне Крмед (ок. Ровиньо в Истрии), где все население чисто хорватское, в 1910 г. зарегистрировано 296 итальянцев и всего 6 хорватов. В с. Матерада было насчитано всего 49 хорватов, между тем как в этом селе хорватскую школу посещало около 100 детей. На о-ве Лошинь в с. Нерезине все население поголовно было записано как итальянцы. Когда после этого власти открыли там итальянскую школу, то оказалось, что ни один из учеников не понимает, что говорит итальянский учитель. Школу закрыли, и на ее место открыли хорватскую (стр. 118).

Несмотря на эти явные несообразности, приходится пользоваться, за неимением лучших, данными переписи 1910 г., внося в нее по мере возможности поправки.

В сборнике приводятся далее, с этими оговорками, сведения о национальном составе Юлийской Краины по отдельным областям. Наиболее интересен, но и наиболее сложен вопрос о национальном составе Триеста. Этот город расположен на чисто славянской этнической территории. В окрестностях его и во всей округе — почти поголовно славянское население. Население самого города смешанное. В центральных кварталах преобладают итальянцы, на окраинах словенцы. Но дать точные цифры численности национальностей для Триеста трудно. Перепись 1910 г. из общего числа жителей 229,5 тыс. насчитала вначале только 36,2 тыс. славян, но после жалоб славянского населения на допущенные итальянским муниципалитетом вопиющие злоупотребления была проведена ревизия переписи, и число славян увеличилось до 59,3 тыс.; это составило всего 25,9% всего населения. Однако фальсификация была исправлена лишь частично. Целый ряд косвенных данных, в особенности данные о парламентских и общинных выборах, свидетельствуют о том, что славян в Триесте было в то время значительно больше — вероятно, около 80 тыс. (стр. 122—127). Не менее сложны национальные отношения и в Истрии. В целом хорватско-словенское население там, даже и по данным 1910 г., преобладало (51,7% славян, 39,3% итальянцев). Но распределение обеих национальностей неравномерно. Итальянское население Истрии не только не имеет территориальной связи с основной областью расселения итальянцев, но и в самой Истрии не занимает компактной территории, а разбросано отдельными островками, сосредоточиваясь главным образом в городах западной части полуострова. Из 468 кадастровых общин Истрии итальянцы составили в 1910 г. большинство в 79, а славяне в 397. Из 145,8 тыс. итальянцев Истрии 91,5 тыс. было сосредоточено в 17 городах. Напротив, славянское население (193,8 тыс.) расселено единым сплошным массивом, окружая и изолированные итальянские островки (стр. 127—129). Даже западное побережье не сплошь заселено итальянцами, ибо славянские поселения выходят на побережье не меньше как в семи местах (стр. 130). В сборнике приводятся таблицы численности национальностей по общинам по переписям 1910 и 1921 гг. (стр. 141—162).

Последняя и самая обширная часть сборника, составляющая почти две трети его объема (264 стр.), — это «Прошлое Юлийской Краины». В краткой рецензии невозможно изложить содержание этого обширного исторического очерка. Ограничимся перечнем его глав: 1) Древняя эпоха, 2) На развалинах старой империи, 3) Лингвистические и топонимические объяснения, 4) В средние века, 5) Средневековое культурное развитие хорватов и словенцев, 6) Новая эпоха, 7) От революции 1848 г. до первой мировой войны, 8) Первая мировая война, 9) От мирной конференции до Рапалло и Неттунских конвенций, 10) Югославское меньшинство в Италии, 11) Последние расчеты. Отдельные места этого исторического очерка представляют особенно большой интерес. Очень интересны, например, данные о распространении в прошлом славянского элемента далеко на запад от современной

этнической границы. Славянские названия встречаются до настоящего времени по всей Фриулии не только до р. Тильмента (Тальямента), но и к западу от нее, до самой Ливенции, хотя эти названия в большинстве, естественно, итальянизированы или фуэрланизированы. Здесь мы видим, например, названия: Gradisca, Noacco (Novaki), Uanis (Ivanic), Poianes (Poljane), Planina, Belgrada, Jesernic (Jezernik), Grobies (Grobija), Lipe, Sclavons, Sclavagnescis и пр. (стр. 183—189).

Представляют также немалый интерес главы, посвященные культурному развитию края. Любопытны культурные взаимоотношения обеих основных национальностей Юлийской Краины. Были времена, когда существовало благотворное сотрудничество и здоровое соревнование между славянами и итальянцами (особенно в эпоху Реформации: словенец Трубар, итальянцы Бономо и Верджерио). Но в последнее время, с ростом итальянского ирредентизма, преобладала национальная рознь: итальянские националисты подозрительно и враждебно смотрели на культурные успехи славян. Самих себя итальянцы всегда рассматривали как носителей более высокой культуры. Отрицать высокую культуру итальянского народа, конечно, нельзя. Но замечательно, что именно в Триесте, Истрии и вообще в Юлийской Краине творческие силы итальянцев были очень невелики и достижения их незначительны. Может быть, это объясняется тем, что культурные силы итальянцев бесплодно тратились на национальную борьбу,—но, как бы то ни было, можно назвать очень малое выдающихся деятелей литературы, науки и искусства из юлийских итальянцев: историки Россетти, Кандлер, Хортис — наиболее крупные из них. Напротив, славянское население Юлийской Краины, в своей вековой борьбе за культуру и свободу выдвинуло немало видных деятелей науки и литературы. Многие из «итальянских» писателей и ученых были в действительности тоже славянами по происхождению: Кавичч, Томиинц, Маруссинг, Дудович, Метликович, Ступарич, Бенко, Слатап (стр. 313—322) и др.

В новейшее же время, после первой мировой войны, а особенно после прихода фашизма, началось настоящее преследование итальянцами славянской культуры. Уничтожение славянских школ, домов культуры, типографий, просветительных учреждений, книг и газет, запрещение словенского и хорватского языков, систематический и сознательный разгром всех культурных сил славянского населения — вот «культурная политика» итальянцев в Юлийской Краине после 1918 года.

2. Содержание сборника «La Marche Julienne», изданного Адриатическим институтом, во многом повторяет «Око Trsta». Однако изданный на французском языке он более доступен европейскому читателю. В книге собран большой и серьезный проработанный материал, убедительно показывающий законность требований народа Юлийской Краины о воссоединении со своими соотечественниками в Югославию. Сборник состоит из трех частей. Первая из них, составленная зарубежным профессором Рогличем, содержит общий географический и антропогеографический очерк Юлийской Краины с общими статистическими сведениями. Автор хорошо показывает, что Юлийская Краина составляет экономически неделимое целое. Она состоит из двух основных хозяйственно-географических зон: приморской юго-западной и гористой северо-восточной; первая более богата и промышленно развита, вторая характеризуется разведением скота и лесными ресурсами. Одна часть без другой существовать не может, и перерезать ее живое тело политическими границами есть преступление.

Подвергая далее серьезному критическому разбору статистические данные о национальном составе Юлийской Краины, проф. Роглич приходит к выводу, что в этой стране в 1910 г. жило 650 тыс. югославов и около 250 тыс. итальянцев (стр. 69). После всех пертурбаций, последовавших с начала первой мировой войны, численность югославов понизилась, но и сейчас их не меньше 600 тыс. (стр. 70), что признают и беспристрастные исследователи (проф. Мэрц, 1933) и даже сами итальянцы (Alm. passo Italiano, 1938). И это славянское большинство составляет коренное, исконное население страны, тогда как итальянское меньшинство, живущее главным образом в городах, состоит из элементов в значительной мере пришедших («regnicoli» — выходцы из коренной Италии), а частью представляет собой итальянизированных хорватов и словенцев (стр. 71—74).

Во второй части дается обстоятельный историко-этнографический и экономический обзор отдельных областей Юлийской Краины: Истрии, Риеки (Фиуме), Триеста, Горичи, Венецианской Слоveniи. Авторы этой части — Ройнич, Майкснер, Миховилевич, Изеша. Особенно интересен исторический очерк Истрии, где прослеживаются и политические и культурные судьбы этого полуострова и, между прочим, очень убедительно доказывается исконно и глубоко славянский состав его населения.

В культурном развитии истрийских славян большую роль сыграла глаголическая письменность, которая давала им известную независимость от римской церковной иерархии и связывала их с их зарубежными соотечественниками.

В третьей части проф. Лаво Чермель останавливается на положении славянского населения, попавшего под гнет Италии. Итальянцы не скупались вначале на обещания, торжественно гарантируя своим славянским подданным всяческую свободу. Но

они скоро забыли о своих обещаниях и установили в Юлийской Крайне режим террора и самого зверского национального угнетения. Ни о какой свободе, ни о национальных правах не было и речи. Автор приводит факты самых возмутительных зверств, совершавшихся итальянскими националистами в Юлийской Крайне еще до прихода фашистов к власти, в 1920—1922 гг.

3. Книга Миховиловича «Трст» более однородна по своему содержанию. Она посвящена в основном г. Триесту. Автор подробно прослеживает историю города, тщательно выясняя состав и происхождение его населения. Хотя он, повидимому, не пользовался архивными источниками, но зато широко использовал разнообразные литературные материалы. Автор очень тщательно показывает происхождение того итальянского элемента, который сейчас составляет большинство населения города. Очень значительную часть его образуют выходцы из разных национальностей, постепенно итальянизированные, а в числе их на первом месте стоят словенцы и хорваты — основное население окружающей город территории. «Больше половины триестинских итальянцев носят типичные словенские или хорватские фамилии» (стр. 25). В этом легко убедиться, просмотрев любую справочную или телефонную книгу по Триесту. Автор умело подкрепляет свои выводы свидетельствами иностранных исследователей и самих итальянцев. «Мы не приходим непосредственно от семей, которые боролись и торговали 500 лет назад в Триесте...» — писал итальянец Руджеро Фауро в 1914 г. — 240 тысяч перепешных триестинцев не происходят от 5 тысяч триестинцев, которые жили в Триесте два столетия тому назад. Мы пришли со всех стран, оторванные от других народов ассимиляцияй». Англичанин Тэйлор подчеркивает, что по австрийской анкете 1915 г. «более половины населения Триеста славянского происхождения» (стр. 25). Миховилович прослеживает далее историю национального движения славян в Триесте, начиная с основания в 1848 г. «Славянского друштва» (позже «Славянска читальница») и выхода в 1849 г. первой газеты «Славянски родолоб» (впоследствии «Ядрански Славия») и вплоть до разносторонней и энергичной деятельности Народного Дома, главного культурного центра славянского населения Триеста в годы первой мировой войны. Этот Народный Дом был разгромлен и сожжен итальянскими националистами в 1920 г. (еще до фашистов!). Итальянцы были вообще встревожены культурными успехами славян и ростом славянского элемента в Триесте. Тот же Руджеро Фауро писал в 1914 г. с наивным цинизмом: «Нужно убедить и славян в том, что они поступают несправедливо, переселяясь в Триест, и что во имя уважения к справедливости (!) они должны были бы оставаться среди скал Карста и сажать картофель» (стр. 36). Напротив, иммиграция в Триест выходцев из Итальянского королевства («regnicoli») всячески поощрялась. «Рабочие из Королевства теперь являются важнейшим орудием итальянской этнической обороны Триеста... каждый «реньиколо» занимает теперь место, которое иначе занял бы славянин» (стр. 45). И действительно, эти «реньиколы», недавние переселенцы из Италии, составляли значительный процент итальянского населения города. В борьбе нарождавшаяся и укреплявшаяся национальная словенско-хорватская интеллигенция. Итальянец Гайда в 1914 г. с тревогой писал: «Появилась славянская буржуазия, культурная, умная, которая дисциплинирует словенское движение, дает ему тон и живой дух. Прежде в Триесте были словенцы привратники, домашняя прислуга, продавцы овощей и молока, портовые рабочие... Потом стали приходить все большие массы крестьян — рабочих и населили целые кварталы... Затем появились славянские государственные чиновники всех рангов, торговцы, адвокаты, врачи, которые стали организовывать словенскую общину, прежде безымянную, и которые сделали из нее автономное замкнутое содружество, заботящееся только о себе, со своими средствами, со всеми своими потребностями, от пекарни до банка, и отвергающее зависимость от итальянцев» (стр. 47—48).

К началу первой мировой войны славяне в Триесте достигли своей «кульминации». Это видели и друзья и враги славян. Генрик Тума, словенский социалист, писал в 1907 г., что экономические силы итальянцев в Триесте заметно истощаются. «Растет славянский капитал в торговле и в промышленности, в мелком и крупном обороте и в банках, вопреки тому, что итальянцы до конца XIX в. были единственными представителями экспортной торговли... Они неспособны удержать свое господство. Итальянство в Триесте несет внутри себя семя упадка. Отдельные шовинистические всплески итальянской национальной страсти в Триесте суть не что иное, как гаснущее пламя» (стр. 76). Слатапек же (1914) отмечал, что внутри итальянского Триеста зарождается новый город, уже не космополитический, как это было в XVIII в., а славянский (стр. 77). На «славянскую опасность» указывали с тревогой итальянские публицисты того времени: Вирджинию Гайда, Луиджи Барцини, Руджеро Фауро, Марио Альберти и др.

Миховилович разбирает данные статистики национальностей в Триесте. Эти данные, в результате применения принципа «Umgangssprache», сильно преуменьшили действительную численность славянского населения Триеста. Это опять-таки признавали и более добросовестные из итальянских авторов. Например, для словенских рабочих на итальянской фабрике, словенских продавцов в итальянском магазине, словенской прислуги у итальянских хозяев «обиходным языком» обычно оказывался итальянский, и таких случаев было очень много. Миховилович считает, что в 1910 г. численность

словенцев и хорватов в Триесте была фактически свыше 80 тыс., а численность итальянцев вместе с фулранами — меньше 100 тыс. (стр. 54).

Очень серьезный очерк посвящает Миховилович истории экономического развития Триеста как портового города. До первой мировой войны Триест переживал быстрый рост в качестве главного порта Австро-Венгрии. В 1912 г. он стоял по грузообороту на десятом месте среди европейских портов, обогнав Барселону, Амстердам, Венецию, Бордо и ряд других старых и крупных портов (стр. 118). Процветание Триеста было вызвано его связью с обширным хинтерландом, каковым были страны Дунайского бассейна, и в первую очередь — земли, населенные словенцами и хорватами. На словенско-хорватские земли приходилось свыше 50% железнодорожного оборота Триеста. Что касается Италии, то она не играла сколько-нибудь заметной роли в товарообороте Триеста (стр. 151, 152 и др.). Таким образом, идея аннексии Триеста, с которой носились еще до первой мировой войны немногочисленные итальянские ирредентисты, резко противоречила экономической реальности и экономическим интересам самого Триеста. Это видели все более трезвые и дальновидные деятели среди самих итальянцев, и в прежние и в новое время. Доменико Россетти, виднейший из этих деятелей, первый борец за итальянскую национальную идею (1-я половина XIX в.), ясно видел, что благосостояние Триеста возможно только в границах тогдашней Австрии (стр. 162—163). Пачифико Валусси, не менее горячий итальянский патриот, писал в 1848 г. об итальянцах Триеста, что «они чувствуют себя итальянцами в душе, но их коммерческие интересы направлены по преимуществу к северу» (стр. 163). Пьетро Кандлер тогда же заявлял, что «сохранить этот город, как рыночный центр заданьянских провинций, — вот долг любви к этой стране, перед которым все другое второстепенно» (стр. 164). Из позднейших итальянских публицистов решительно выступал против «адриатического ирредентизма» Шипио Слатапер, Анджело Виванте, Чезаре Комби и др. Вот почему ирредентистская идея никогда не была популярна среди итальянцев Триеста. Даже ярый ее сторонник Марио Альберти признавал, что сторонников ирредентистского движения до первой мировой войны в Триесте было мало. По его подсчетам, — не больше 5 000 из четверти миллиона населения, но и из них активных и сознательных ирредентистов было не больше 10%, т. е. около 500 человек. Подавляющее большинство итальянцев видело или смутно чувствовало, что их экономические интересы требуют связи с тем хинтерландом, который тогда был под властью Австрии. Итальянцы Триеста были поэтому в большинстве против отделения от Австрии. «Они были за то, — правильно говорит Миховилович, — чтобы остаться в том государстве, которое является хозяином природного триестинского тыла. В то время это была Австрия. Они были австрофилы не ради Австрии, а потому, что Австрия была государством, вмещавшим в свои границы Триест и его жизненное пространство. Они бы связали себя и с каким-либо другим государством, лишь бы это было государство в тылу триестинской гавани. Они не были за Италию, потому что Италия не была и не могла быть таким государством» (стр. 171). Теперь же так или иначе государство является Югославия. Но итальянская ирредента была совершенно глуха к доводам экономики и здравого смысла. Вразрез с очевидными интересами Триеста она требовала присоединения его к Италии. На справедливые возражения о неизбежном экономическом упадке Триеста в случае его перехода в руки Италии отчаянные головы ирредентизма отвечали: «Пусть трава растет на берегах Триеста, но мы хотим Италию» («Cresca l'erba sulle rive di Trieste, ma vogliamo l'Italia») (стр. 179). Другим же, пытаясь выпутаться из затруднения, забывали всякую меру и требовали присоединения к Италии не только Триеста, но и Риеки (Фiume), Хорватского приморья и Далмации! Что же, они были по крайней мере последовательны (стр. 179—186). Автор анализирует затем экономическое положение Триеста в те годы (1918—1944), когда он все-таки оказался, вопреки здравому смыслу, под властью Италии. Это был период застоя и упадка, в особенности в части товарооборота. За годы между двумя войнами грузооборот порта Триеста так и не смог достичь уровня 1913 г. (тогда как грузооборот Венеции, например, вырос на 60%), а железнодорожный оборот заметно сократился (стр. 215, 236 и др.).

Последние главы книги посвящены обстоятельному анализу взаимоотношений Триеста с Югославией. Автор показывает, что и экономически и политически будущность Триеста тесно связана с Федеративной Народной республикой Югославией.

4. Книга профессора Загребского университета Иосипа Роглича «Перепись 1910 г., ее методы и ее применение в Юлийской Крайне» — только на первый взгляд посвящена узкому и специальному вопросу, в действительности же ее содержание представляет общий и широкий интерес. Австрийская перепись 1910 г. является последней по времени официальной и более или менее общепризнанным источником статистических сведений о населении Юлийской Крайны, в том числе и о его национальном составе. Как уже говорилось выше, итальянцы нередко обвиняют перепись 1910 г. в ее якобы пристрастии к славянам. В действительности перепись 1910 г., несомненно, преувеличивает численность итальянского элемента в Юлийской Крайне. Вот этот-то вопрос и разбирает проф. Роглич в своей книге самым подробным образом. В общем введении автор разбирает принципы определения национальности во время переписи населения. Он наглядно показывает всю непригодность принципа «обиходного языка» (Umgangssprache), применявшегося в австрийской официальной статистике с 1880

Этот принцип был введен умышленно с целью дать перевес господствующей народности, в первую очередь немцам. Но в Юлийской Крайне «обиходным языком», в особенности среди двуязычного и смешанного населения, был итальянский язык, бывший здесь издавна (со времени Венецианской республики) языком мореходства и торговли. Все серьезные исследователи и публицисты, писавшие по этому вопросу, указывали на это преимущество, дававшееся итальянцам. Об этом говорили видный австрийский чиновник и статистик Черниг младший, немецкий профессор Нюрберт Кребс, итальянцы Виванте, Лучинани и др.

Итальянское меньшинство Юлийской Крайны, экономически сильное и покровительствуемое властями, принимало все меры для ассимиляции славянского населения, т. е. для распространения итальянского языка. Итальянизация шла через школу, через государственные учреждения и иными путями.

Анализируя затем данные переписи 1910 г., автор показывает и на цифрах, и на свидетельствах очевидцев, что эти данные преуменьшили численность славянского элемента. Помимо того, что самый принцип «Umgangssprache» давал несправедливые преимущества итальянцам, недобросовестные чиновники-переписчики иногда еще более искажали действительность в их пользу. Роглич приводит ряд фактов этого рода. Достаточно привести один: «В петиции, адресованной провинциальному управлению Триеста хорватскими лидерами (острова) През, фигурируют 179 семейств, записанных при переписи как пользующиеся итальянским обиходным языком, тогда как ни один из членов этих семейств не говорил по-итальянски» (стр. 35). Поэтому проф. Роглич считает необходимым корректировать данные переписи 1910 г. при помощи других, более надежных сведений. Для г. Триеста он пользуется, например, данными парламентских выборов. В выборах 1900 г. из 151 тыс. жителей Триеста считалось 35 тыс. выборщиков, но из них голосовало только 19,4 тыс., в том числе 8,4 тыс.—за славянских кандидатов и 10,7 тыс.—за итальянских. Учитывая воздержавшихся от голосования, Роглич приходит к выводу, что число славянских выборщиков должно было соответствовать 66,5 тыс. населения, а итальянских—76,5 тыс. Невероятно, чтобы итальянцы голосовали за славянских кандидатов, тогда как, напротив, на некоторых славяни—рабочих или домашнюю прислугу могло быть оказано давление их хозяевами—итальянцами. Применяя тот же метод вычисления, Роглич устанавливает, что в 1911 г., когда при выборах за славянских кандидатов было подано 13 486 голосов, а за итальянских—12 337 голосов (не считая отдельного социалистического списка с 6 106 голосами), в городе должно было быть около 83 тыс. словенцев и хорватов и 117 тыс. итальянцев (стр. 43—44). Эти расчеты подтверждаются и другими косвенными данными. Частные обследования, производившиеся в те годы в Триесте, дали приблизительно цифры населения города: 80 тыс. югославов и 98 тыс. итальянцев (стр. 44). В целом проф. Роглич приходит к выводу, что Юлийская Крайна «является славянской этнической территорией». Итальянцы, сосредоточенные в городах, не имеют своей этнической территории в этой стране. Роглич цитирует слова итальянца Анджемо Виванте: «Итальянцы Джулини... не обладают и не обладали, помимо одной полоски в нижней Фриулии, компактной национальной территорией» (стр. 58).

В заключении автор останавливается на проблеме «автохтонного» и «чужеродного» населения. Итальянские националисты любят называть славян «чужеродцами» (allopeni), а себя считают коренным населением. «Идите в Любляну, в Загреб, в ваш дом»,—кричат они славянам. «Мы хотим быть хозяевами в своем доме» (стр. 63). Кто же в действительности хозяин и кто пришелец? Проф. Роглич показывает на свидетельствах исторических источников, что славяне в Юлийской Крайне живут с VI—VII вв. Средневековые тексты изобилуют выражениями: «Istria eadem patria Chrovat», «Istria hodie Schlavonia dicta», «Istri hodie Schlavi sunt» и т. д. Что касается итальянского населения, то лишь очень небольшую его часть—в юго-западной Истрии—составляют остатки древнего романсизированного населения («истриоты»), большинство же—это либо потомки венецианских колонизаторов, либо недавние выходцы из Италии (regnicoli), либо, наконец, итальянизированные славяне. «Таким образом, за исключением очень небольшого числа, итальянцы суть, как правило, иммигранты, сравнительно недавние среди славянских автохтонов» (стр. 68).

К книге Роглича приложены две подробные этнографические карты Юлийской Крайны, составленные по данным переписи 1910 г.

5—6. Работа д-ра Лаво Чермеля о положении славянского национального меньшинства в Италии представляет собой ужасающий обвинительный акт против итальянских националистов. Русское издание книги составляет сокращенный перевод с английского оригинала. Вот ее краткое содержание.

В первой главе даются краткие сведения о территории и населении Юлийской Крайны, во второй—ее правовое положение в связи с переходом под власть Италии: последняя давала торжественные обещания уважать права своих славянских подданных. Но как она выполнила эти обещания!

К политической деятельности славянского населения совершенно не допускалось и представительства в парламенте было лишено (гл. 3). Славянские школы, существовавшие ранее (их было в Юлийской Крайне в 1913 г. 488 с 942 классами и 46,7 тыс. учащихся), начали закрываться с первых же лет итальянской власти, еще до фаши-

стов, а после так называемой «школьной реформы Джентиле» (фашистского министра просвещения) их закрыли все до одной (гл. 4). Начались гонения на словенский и хорватский языки, которые не только были совершенно запрещены в суде и учреждениях, но даже на улице, в трамвае, на рынке было небезопасно говорить по-хорватски или по-словенски (гл. 6). С государственной службы были под тем или иным предлогом устранили все чиновники славянского происхождения; эта чистка распространилась и на моряков торгового флота (гл. 7). Что касается славянских общественных организаций, клубов, научных, художественных и просветительных обществ и пр., то их фашисты кое-как терпели в первые годы, но к 1928 г. распустили, а имущество их было конфисковано (гл. 8). Вся славянская печать, газеты и журналы, типографии, библиотеки — все это постепенно было уничтожено; этот разгром славянской печати был закончен к 1930 г. (гл. 9). Одним из средств подавления славянского национального меньшинства была принудительная итализация местных названий, а также личных имен и фамилий. Последнее делалось самым бесцеремонным образом. Одним взмахом пера Милан, Слава, Данило, Людмила превращались в Эмилио, Фаустину, Джордано, Люциану и пр. Антич становился Анти или Антони, Иветич — Джанетти или Ветти (гл. 10). Преследование всего славянского распространилось и на церковь. Славянский язык был категорически запрещен в богослужении, в церковных книгах и в преподавании религии. Словенское и хорватское духовенство было изгнано или терпело преследования (гл. 11). Экономическая политика фашизма была нарочно рассчитана на то, чтобы разорить словенского или хорватского крестьянина, заставить его продать свой участок земли и эмигрировать либо превратиться в батрака или арендатора. Всего за годы итальянской власти из Юлийской Краины было вынуждено эмигрировать до 100 тыс. словенцев и хорватов, из них более 70 тыс. выехали в Югославию (гл. 12). Далее автор рассказывает о фашистском терроре в Юлийской Краине. Террор начался, собственно, еще в дофашистские годы: еще в 1920 г. в Триесте был сожжен террористами славянский Народный Дом; позже в стране воцарился режим полного беззакония и самоуправства фашистских банд (гл. 13), полицейского произвола и системы депортаций — административных высылков (гл. 14), чрезвычайных судов (гл. 15).

Автор, очевидно, прав, предполагая, что нигде в Европе национальное меньшинство не подвергалось такому жестокому гнету, как именно славяне под властью Италии (стр. 211). Первое издание книги, вышедшее в 1936 г., в разгар фашистского террора, представляло собой крик о помощи его жертвам. Во втором издании автор внес лишь несколько дополнений. Оно очень своевременное, ибо над частью населения Юлийской Краины вновь нависла угроза попасть под власть своих прежних поработителей.

7. Небольшая брошюрка Б. Графенауэра о Канальской долине полезна тем, что она дает необходимые сведения об истории колонизации этого самого северного района Юлийской Краины, составляющего в то же время часть Южной Каринтии (Корушки). Славяне здесь живут с VI в. Они составляют часть каринтийских словенцев («виндов»). В XV в., в связи с торговыми сношениями между Веной и Венецией, в Канальской долине появляются немцы. Словенцы и немцы (австрийцы) и составляли до недавнего времени все население долины: в общинах Липала Вес, Укве, Жабница преобладали словенцы, в остальных четырех общинах — немцы. Итальянцев до 1918 г. в Канальской долине не было совершенно. Но когда данный район («округ Тарвизио») попал под власть Италии, она начала усиленно заселять его итальянскими колонистами. Последние теперь составляют большинство населения, но это — постоянное и случайные элементы, не имеющие никаких прав на территорию.

8. Брошюра Антона Мелика «Горица» написана в другом стиле. Это — небольшой очерк географических условий, определяющих положение г. Горицы как естественного и экономического центра для окружающей территории, славянской по составу населения. Автор хорошо показывает невозможность отделить Горицу от ее сельской территории.

9. В брошюре «Autori inglesi parlano sul problema della Regione Giulia» приведены в итальянском переводе две статьи английских ученых: лондонского профессора Муди и оксфордского профессора Тэйлора. Первый из этих авторов дает краткий исторический очерк итало-югославской границы. Этот очерк он заканчивает следующими словами: «Со времени своего прихода в эту страну в VI в. и вплоть до 1919 г. словенцы не принимали никакого участия в установлении границ территории, которая им принадлежала в течение веков, пока они здесь обитали. Их участь была участь пассивных зрителей, в то время как их более сильные соседи или завоеватели делили их землю и проводили границы сообразно со своими частными интересами» (стр. 20). Автор надеется, что теперь, наконец, будет иначе и что будущие границы определятся не правом сильного, а более серьезными соображениями.

Вторая статья принадлежит проф. Тэйлору и называется «Триесте или Трст?». Автор доказывает, что и с точки зрения этнической, и экономически, и в смысле международного права претензии Югославии на Триест являются вполне законными.

10. Тот же тезис доказывается и в брошюрке Верня Швайгера «Триесте — Трст», но лишь с одной точки зрения, с транспортно-экономической. Автор на основании цифр показывает, что включение Триеста в состав Югославии обеспечивает ему экономическое преуспеяние, тогда как, напротив, интернационализация города привела бы к его упадку и обеднению.

11. Последняя книжка — «Югославское меньшинство за границей» д-ра Тригорского — стоит несколько особняком, так как издана раньше (1938), но она посвящена той же проблеме. В книге приводятся краткие, но полезные сведения — географические, исторические, статистические — о югославском населении в Италии, а кроме того в Германии (Австрии), в Венгрии, в Румынии, в Греции, в Албании и в Турции. Приложенная небольшая этническая карта Юлийской Краины (стр. 15), к сожалению, не очень точна.

Вся эта серия книг по проблеме Юлийской Краины представляет собой хотя неравноценный, но в общем весьма полезный материал, на основании которого можно составить себе ясное представление о существе разногласий и убедиться в правоте дела, за которое борется славянское население Юлийской Краины.

С. А. Токарев

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Х. Вакарелски. *Насоки за събиране етнографски материали*. София, 1945, 16.

Рецензируемая брошюра представляет собой краткое наставление сотрудникам Этнографического музея в Софии при их полевой работе. Не являясь обычного типа программой, наставление это содержит ряд полезных для всякого этнографа указаний. Всю область культуры автор делит на «вещественную», «словесную» и «общественную». Словесная культура, по определению автора, включает все проявления устного творчества народа. Говоря о собирании и изучении народных песен, автор подразделяет их на праздничные, трудовые, обрядовые и хороводные. Выделяет автор юнацкие песни, а среди них — юнацкие песни времен борьбы с Турцией, четнические песни периода македонского революционного движения и партизанские песни периода второй мировой войны. Особое внимание обращает автор на изучение народной магии, характерные черты которой проявляются в народной медицине, клятвах, заклинаниях, благопожеланиях. В области общественной культуры автор выделяет группу правовых и моральных отношений в семье: между родителями и детьми, братьями и сестрами, супругами, пожилыми членами семьи. Из поля зрения автора выпадает, однако, комплекс отношений между более отдаленными родственниками по мужской и женской линии. Говоря о морально-правовых межсоседских отношениях автор останавливается на отношениях при совместном пользовании землей и угодьями, на обычаях общинного управления, частных правах и привилегиях. Указывая на необходимость исследования отношений между отдельными членами, автор обращает внимание на тщательное изучение границ владений, характера и причин вражды между селами. К области общественной культуры Х. Вакарельский относит также совокупность обрядно-магических процедур, бытующих в семье (обычай при рождении, при первой самостоятельной работе, при вступлении в брак, обряды, сопровождающие смерть и погребение), народные религиозные обычаи общинного характера, как то: курбан, молебны о дожде, календарные обряды, обычаи и обряды, сопровождающие начало и завершение хозяйственных работ. Третий раздел своего руководства автор посвящает материальной («вещественной») культуре.

В заключение автор обращает внимание начинающего исследователя народного быта на обязательность точной записи собираемого материала, указание времени и места сбора материала, характеристики лица, давшего сведения; при собирании обрядов и обычаев следует не ограничиваться простым описанием их, но приводить и их народное осмысление.

И. Прокопович

Hutton Webster. *Taboo. A sociological study*. Stanford University, California, 1942, 378.

Труд американского исследователя Хэттон Вебстера — объемистая монография, посвященная одному из самых значительных и сложных явлений первобытной культуры — табу. Вебстер — автор ряда работ по вопросам ранних социальных отношений, обычного права и религии (первая вышла в 1908 г.). Автор не ограничивается рассмотрением табу в этнографическом, историческом и психологическом аспектах, а поставил своей целью «показать, какое значительное место занимает табу в культурной эволюции человечества». Дав определение термина и изложив его историю в науке, автор прослеживает табуации в отдельных жизненных комплексах первобытного общества: в области сексуальных отношений, болезни и смерти, отношений к необычному, к чужеземцам, к священным лицам и вещам; две последние главы описывают табу

в экономическом и социальном аспектах. Указав на первые упоминания о табу в описании путешествия капитанов Кука и Кинга (1784), автор приводит первую подробную характеристику этого явления в полинезийской культуре, данную миссионером Эллисом в 1831 г. Остановившись далее на освещении проблемы табу Фрезера, автор исходит из его постановки вопроса и намечает дальнейший путь исследования. В общем, труд Вебстера можно считать продолжением работ Фрезера с привлечением нового этнографического материала. Вебстер собрал и систематизировал огромное количество фактов разного рода запретов, распространенных по всей эйкумене. Хотя автор оговаривается, что не претендует на исчерпывающее описание табу, и что для этого нужна целая энциклопедия, можно признать его книгу началом такого труда. Но задача, которую ставит себе автор, — исследование и определение роли и значения табу в истории человечества, вряд ли может считаться решенной.

Автор определяет табу как «запрещение», нарушение которого автоматически вызывает в нарушителе состояние ритуальной неполноценности — «болезнь табу», избавление от которой, если оно вообще возможно, достигается только церемонией очищения». Это определение носит формальный характер и ничего не дает в смысле анализа этого явления. Стремясь уточнить понятие табу, автор указывает, что «табу не должны смешиваться с анимистическими запретами, накладываемыми многими ранними законодателями и включенными, при упорядочении, в кодекс морали и религии, которые дошли до нас от древности». Хотя наименование запретов «анимистическими» вряд ли можно считать удачным, с автором можно согласиться, что табу, как социально-исторический феномен, имеет свой процесс развития и проходит ряд стадий. Наиболее ранняя стадия его правильно охарактеризована автором, как такая, при которой наказание за нарушение табу следует непосредственно. Хотя считают, что наказывают духи или боги, но, по словам автора, «их гнев против нарушителя возникает автоматически, и их нельзя умиротворить молитвами или жертвами». Такое понятие табу соответствует ранней стадии религиозного сознания, когда превалирует магический культ, когда не выкристаллизировались еще представления о духах и божествах, направляющих судьбы людей. Однако совершенно выделять запреты, вошедшие в позднейшие кодексы, нельзя. В главе о социальном аспекте табу автор сам показывает, как примитивные табуации трансформируются в нормы обычного права, этики и морали, становятся законами и заповедями. Автор ограничивает свое определение табу и с другой стороны: он считает, что нельзя называть табуациями многочисленные «симпатические запреты», т. е. запреты, основанные на законах симпатической магии: воздержание от мяса лани из боязни стать робким, как лань, стремление есть мясо леопарда, чтобы заимствовать его свирепость, и т. п. Но такого рода запреты составляют значительную часть явлений, обычно именуемых табуациями, и поэтому вряд ли можно их исключать.

Ограничив круг вопросов, связанных с табу, автор подходит к определению природы этого явления. Прежде всего, он рассматривает его с точки зрения психологической. «В своем психологическом аспекте, — пишет автор, — табу может быть определено как представление о мистической опасности отдельных предметов, имеющей следствием принуждения и запреты, центр тяжести которых не в объекте запрещенного, а в самом факте запрета». Автор считает, что сущность табу — в страхе нарушения запрета. Страх, по словам автора, проходит здесь целую гамму, причем выражение его амбивалентно, оно включает как благоговение, так и ужас и отвращение. Последняя мысль давно уже была высказана Дюркгеймом в его определении понятия сакрального, и развитие ее у Вебстера не представляет интереса. Но что порождает самое чувство страха? Автор указывает, что страхи первобытных людей — «продукт живого воображения и бездонного невежества». Автор пытается обрисовать процесс возникновения табуаций из чувства страха и выводит их из инстинктов самосохранения, из опыта, показывающего вредность их нарушения. Однако результаты этого процесса двойственны: «Если предметы, действия и положения, покрываемые запретами, действительно пагубны, тогда эти запреты удовлетворяют тому, что мы называем здравым смыслом. Они полезны. Если запреты связаны с тем, что не является в действительности вредным, они для нас — суеверия». Однако, как известно, большинство табу как раз не имеют утилитарного характера и не отвечают так называемому здравому смыслу. Задача исследователя в том и состоит, чтобы объяснить происхождение этих суеверий и предраусудков. Но в отношении последних автор лишь констатирует, что «у дикаря... причины для них всегда существовали, если даже дикарь сам не может теперь дать отчет в них, и цивилизованный исследователь не может проникнуть в эмоции и мысли, на которых они были когда-то основаны». Автор тоже не делает и попытки такого проникновения и заканчивает ход своих мыслей меланхолическим вопросом: «Кто может истолковать фантазии, странности и детские домыслы примитивного мышления»? Развивая далее мысль о страхе нарушения запрета как основе табу, автор снова указывает, что дальнейшее исследование сможет быть продолжено лишь в будущем, когда мы узнаем больше о первобытном мышлении, «что может быть достигнуто при изучении детского мышления, народного мышления и подсознательного мышления, как при психоанализе». Подводя итоги в конце труда, автор не приходит ни к чему большему и заканчивает книгу.

словами: «Все эти суеверия отражают невежество человека, его незнание окружающего, природы или того, что мы называем сверхъестественным. Они коренятся в страхе перед неизвестным и непознаваемым».

Не освещен автором и момент, так сказать, механики действия табу. Вебстер вывел за пределы этого явления законы симпатической магии, описанные Фрезером, но не ввел ни понятия сопричастия, обобщающего Леви-Брюлем, ни какого-либо иного. Поэтому самую механику осквернения и его следствий он даже не делает попытки объяснить. А главное, в свое определение табу автор не включает представления о санкции со стороны сверхъестественных сил, которое неотъемлемо от этого явления.

Само понятие сверхъестественного, уже достаточно основательно разработанное и зарубежными, и советскими учеными, лишь называется единственным раз в самых последних строчках книги и в сущности совершенно игнорируется в работе, посвященной фактору религиозной жизни. Еще более важным недостатком является то, что автор не связывает табу с общественными отношениями. Хотя две последние главы посвящены экономическому и социальному аспектам этого явления, однако факты сгруппированы здесь по признаку их формальной принадлежности к этим сферам, и внутренняя обусловленность ни в коей мере не доказана. Например, такие факты, как табу на частную собственность, отнесены к разделу экономики. Описывая табу на вождей, царей и жрецов, автор не вскрывает социальных сил, представителями которых они являются.

Совершенно не выявлена роль табу, как отражения начавшейся имущественной и социальной дифференциации первобытной общины, как один из фокусов сакрализации зарождающегося государства.

Вряд ли можно считать задачу, поставленную перед собой автором, разрешенной в научном отношении. Но свою точку зрения на роль табу в истории автор выразил достаточно четко. Описывая формы табуаций, касающихся сакрализованных правителей, Вебстер восклицает: «Насколько труднее было бы управлять диким и непокорным народом без почитания, питаемого представлениями о табу!» Автор приводит многочисленные высказывания миссионеров о «морализирующем», «воспитательном» значении табуаций для туземцев колоний и их предложения поддерживать эту систему запретов, как весьма полезную для той части человечества, «которой недоступен глубокий смысл заповедей, как выражений идеалов». Правда, многие запреты бессмысленны и бесполезны, признает автор, но «с другой стороны, брачные связи охраняются, частная и общественная собственность защищается, и уважение к установленной власти укрепляется благодаря табу». Доктор философии и профессор социологии Хэттон Вебстер примирительно закрывает глаза на дикие суеверия во имя «воспитательной» роли системы табу, так как она может быть использована как один из методов закрепления власти над «неполноценными» народами. Тем самым защищается мракобесная расовая теория.

В целом, рецензируемая монография представляет некоторую ценность с точки зрения собранного в ней материала, но ее нельзя признать стоящей на уровне современной науки.

Б. Шаревская

Annali Lateranensi, Pubblicazione del Pontificio Museo Missionario Etnologico, vol. IV, Città del Vaticano, 1940, 407.

Четвертый выпуск «Латеранских анналов» — начавшего в 1937 г. выходить ежегодника, издаваемого папским Миссионерским этнологическим музеем, первым директором которого был патер В. Шмидт (предшествующие выпуски у нас не получены). Из напечатанных здесь на различных языках статей некоторый интерес представляют: описание находящегося в Музее собрания произведений немецкого скульптора первой половины XIX в. Фердинанда Петриха, работавшего в Америке, представляющих разнообразные изображения североамериканских индейцев; описание там же находящейся этнографической коллекции с о. Бугенвиль; запись (на немецком языке) 50 образцов фольклора австралийцев и описание одного из экспонатов Музея — распятия, курьезной деревянной скульптуры, исполненной христианизированным новогвинейцем, изобразившим Христа в виде распятого туземца.

М. К.

НАРОДЫ СССР

Фольклор Вітчизняної війни. Під редакцією академіка Ф. Колесси. Матеріал, зібраний в західних областях УРСР Львівський, Дрогобицький, Станіславський, Тернопільський фольклорною секцією Львівського обласного Будинку народної творчості. Збірники: т.т. В. Лавриненко, У. Люклян, А. Мацкевич, С. Товарищук. Упорядкувала: А. Н. Мацкевич. Літредактор П. Козлянюк. Львівський обласний будинок народної творчості, 1945, 64.

В этом небольшом сборнике, содержащем преимущественно песни, — восемь тематических разделов, дающих представление о тематике фольклора последних лет в

Западной Украине; первый раздел назван составителями «Конец панской Польши», в нем представлены песни, говорящие о начале новой жизни для Западной Украины с момента ее присоединения к Советскому Союзу.

«Ой кувала зазуленька,
Голосно кувала,
Тепер уже панська влада
Навіки пропала».

Песни второго раздела говорят о тяготах немецкой оккупации, о зверствах захватчиков, о муках Западной Украины под властью захватчиков. Особенно настойчиво звучит тема угона в неволю.

«Чорна хмара наступає
За гори Карпати.
Ой, як тяжко в чужім краю
Вік своїй вікувати».

В третьем разделе даны песни «народной мести», четвертый посвящен разгрому немцев

«Чи то вітер, чи то буря
Гремить, завиває?
Ні, то німець з України
У свій край тікає».

Популярному герою Великой отечественной войны, партизану Ковпаку, вокруг имени которого сложилось не мало русских и украинских песен и легенд, посвящен пятый раздел книги.

«То не орел, то не снізий,
по степу гуляє,
то армія Ковпака
Німців розганяє».

Ярким контрастом разделам, посвященным немецкой оккупации, являются радостные песни пятого и шестого разделов, говорящие об освобождении, о новой жизни, пришедшей на смену страшной године.

«Прийшла влада народная,
Зацвіла калина,
Народилось нове життя
Мов мала дитина».

В последнем разделе даны двадцать три пословицы и три рассказа. В приложениях — несколько текстов в нотной записи.

Сборник, изданный Львовским домом народного творчества, знакомит читателя лишь с небольшой частью того богатого фольклорного материала, который бытует в современной Западной Украине. Это — первый почин в большом и нужном деле публикации фольклора Великой отечественной войны. Положительной чертой сборника является несомненная подлинность представленного в нем материала, являющегося, таким образом, ценным историческим документом, отражающим думы, чаяния и переживания населения Западной Украины в тяжелые годы борьбы с немецкими захватчиками, и характеризующего процессы, происходящие в современном украинском фольклоре. Очень ценно то, что составители сборника не ограничились приведением текстов песен, но дали, правда в незначительном количестве, музыкальные тексты, чего нет ни в одном из русских сборников фольклора Отечественной войны.

Однако ряд досадных недостатков аппарата сборника портит общее хорошее впечатление. Материал — недостаточно точно паспортизован: относительно немногих песен указано, от кого, где и когда они записаны, в большинстве случаев составители ограничиваются глухим упоминанием места, где произведена запись. Совершенно отсутствует научный комментарий; может быть, это объясняется тем, что сборник рассчитан на широкого читателя. Не дано никаких сведений о том, что собой представляют приведенного материала. Один только раз указана профессия певца, ни разу не указан возраст. Ничего не сказано о характере бытования этих песен, об их функции во время немецкой оккупации; об одной только песне сказано, что ее пели девочки, работавшие на кухне немецкого ресторана в Львове, а о другой, что певец пел ее около школы детям. Редки и случайны указания вариантов, приведенных в сборнике песен. Все эти сведения в одинаковой мере были бы интересны как для специалистов-литературоведов и историков, так и для всей читательской массы. Наблюдения над характером бытования и функций фольклора Великой отечественной войны придали бы большую значимость публикуемому материалу и подняли бы сборник на должную принципиальную высоту.

Сами народные поэты, произведения которых напечатаны в сборнике «Фольклор Отечественной войны», частично исправили ошибку составителей: в одной из песен сборника дан замечательный образ кобзаря, поющего на рынке «гарні вірши» о тяжелых днях немецкой оккупации и о Красной Армии, которая покажет «Клятим німцам чиего ми роду».

«Ой зза гори на долину
Вітер повіває,
Сидить кобзар на риночку
Тай на кобзи грає,
Грає кобзар і спиває».

Э. В. Гофман-Померанцева

В. Гирченко. *Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах*. (Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории), Улан-Удэ, 1939, 91.

Полезный и довольно хорошо выполненный сборник, содержащий выборки из описаний путешествий Спафария, Исбрانت Идеса, Лоренца Ланге, И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, Палласа, Георги, Сиверса, Лаксмана, Геденштрома, И. Г. Миллера (директора Иркутской гимназии), Кохрена, Мартоса, Паршина и Эрмана. Вместе с краткими сведениями о самих авторах и выдержками из их писаний дается и характеристика их отзывов. Заключительная глава: «Великодержавно-шовинистические тенденции в высказываниях и сообщениях путешественников».

М. К.

Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Документ подготовил к изданию и снабдил введением проф. Г. Кокнев (Сев. Осетинский Научно-исследовательский институт, Серия публикаций по истории Осетии), Орджоникидзе, 1940, 61.

Дневник путешествия, вернее служебной поездки, по Центральному Кавказу находившегося на русской военной службе в качестве дивизионного квартирмейстера немца Штедера, напечатанный Палласом в 1797 г., остался малоизвестным и почти не использовался в кавказоведческой литературе. Рецензируемая публикация дает перевод той, впрочем основной, части дневника, которая относится к осетинам. Г. А. Кокнев снабдил этот перевод обстоятельным введением — характеристикой содержания публикуемого документа и его оценкой как историко-этнографического источника.

М. Горский

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Георги п. Аянов. *Странджа. Етнографски, географски и исторически проучвания*. София, 1938, 269.

Монографическое описание одного из наименее известных в этнографической литературе районов юго-восточной Болгарии. Первые два раздела посвящены географическому описанию района. В разделе, посвященном хозяйству, автор дает подробную характеристику всех отраслей хозяйственной деятельности населения, в частности земледелия и скотоводства. Интересны сведения об особой форме кооперации странджарских скотоводов — скотоводческой задруге, существование которой автор объясняет необходимостью организации общей зимовки скота. Недостаток плодородных земель обусловил второе явление местной хозяйственной жизни: образование коренным населением новых сел, которые, не отделяясь от своего первоначального центра, продолжают сохранять с последним экономические, административные и культурные связи. Указывая на тесноту этнического состава населения исследуемого района, автор выделяет две основные этнические группы: рупцы и загорцы. На основе лингвистических данных и тщательного изучения народной одежды автор приходит к заключению о культурном преобладании рупцкой этнической группы.

Не преследуя цели дать подробную характеристику духовной культуры данного района, автор обращает внимание исследователей на богатство и разнообразие местного фольклора и необходимость его скорейшей фиксации. Ограничиваясь перечислением основных народных обычаев, автор подробно останавливается на двух из них, являющихся, по его мнению, характерными только для данного района, а именно: нстинарство (весенний сельскохозяйственный праздник) и хождение по росе.

Несмотря на ряд существенных недостатков, отсутствие описания материальной культуры и общественных отношений, рецензируемая работа является все же ценным вкладом в этнографическое изучение данного, малоисследованного района Болгарии.

И. Прокопович

НАРОДЫ ЕВРОПЫ

J. G. Grandjouan. «*Le qui vive*». Deux cents jeux d'observation, recueillis et commentés. Édition des éclaircisseurs de France, 1942, 224.

В недавнее время во Франции появился ряд интересных сборников народных игр¹. Многие из этих сборников выдержали по несколько изданий, а сами игры завоевали большую популярность среди французского народа всех слоев. В массовых играх Франции проявляется традиционное гальское остроумие и веселье, живая повседневная деятельность трудовых масс, неисчерпаемый источник жизненной силы и глубокого оптимизма народа Франции. Игры, как и народные песни, принадлежат всем и никому. Они — результат коллективного творчества многих поколений. Они сохранили печать глубокой старины и отражают быт и нравы, суеверия и предрассудки, материальную и духовную культуру отдаленных времен.

Автор рецензируемого сборника — педагог, имеющий многолетний опыт собирания народных игр в целях их практического использования в школе на занятиях по физической культуре. Публикуемые в настоящем сборнике игры собраны автором в разных местах Франции между 1920 и 1930 гг. В предисловии автор признает, что собранные им игры далеко еще не изучены, и те беглые комментарии, которые он к ним дает, не могут дать исчерпывающей картины всего многообразия и богатства французских народных игр. Чтобы уяснить все фольклорное значение собранного материала, игры должны быть подвергнуты систематическому изучению и не только с узко-педагогической точки зрения, как это пытаются делать многие исследователи народных и детских игр Запада, но прежде всего с историко-материалистической и этнографической точек зрения. Такая работа должна опираться не на случайные комментарии отдельных игр, выхваченных произвольно по каждому практическому случаю, но на многочисленные монографии специалистов в области фольклора народных игр. Особую трудность составляет классификация игр, определение их характера и важности каждой из них для фольклора. Предполагается, что многие из издаваемых автором игр были известны древним народам. Так, современная французская игра «Медведь и его сторож» и бельгийская игра «Коза» (что то же самое), по мнению автора, адекватны примитивной игре древних греков «Котелок». Нечто подобное мы имеем и у римлян. Великие художники Геркуланума и Помпеи воспроизвели эту игру в своих картинах из быта древнего Рима. Но социальное значение многих приводимых автором игр остается невыясненным. Нет сомнения, что часть их восходит к глубокой древности и дошла до нас в сильно обновленном виде. Иногда новые элементы игры до того изменили ее первоначальную идею, что весьма трудно определить ее пережиточное значение. Большая часть игр возникла в последующее время и даже в наши дни. Наиболее интересные быстро стали всеобщим достоянием и даже вывозятся за пределы Франции. Наблюдается обратное явление: автор приводит некоторое число английских, бельгийских и немецких игр, которые попали на французскую почву в виде бродячих сюжетов. Игры сборника разбиты автором на четыре категории соответственно рубрикам: внимание и самообладание, восприятие, память, словарь и комбинации. В описание каждой игры входит: сама игра, условия местности, число участников, материал для игры и обстоятельства, при которых она проходит, затем советы, как лучше организовать игру, и, наконец, замечания о том, как реагируют участники игры на отдельные ее моменты.

Несмотря на тщательный подбор материала и добросовестное их описание, многие игры для практического их исполнения непригодны, хотя имеют несомненный фольклорный интерес.

К. Гагкаев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Hsiao-Tung Fei. *Peasant life in China*. A field study of country life in the Yangtze valley. With a preface by B. Malinowski. New-York, 1939, XXVI—300.

Книга эта написана молодым китайским ученым и представляет собой основанное на материале, собранном в 1936 г., этнографо-социологическое описание небольшого, с населением около 1500 человек, китайского села Кайсенкунг, находившегося в долине нижнего течения р. Янцзы, на побережье озера Тан, в 80, примерно, милях от

¹ Таковы, например: K. Jetzer. *Jeux de plein air et d'intérieur*, Paris, 1927; C. Bruel. *400 jeux pour jeunes filles et enfants*, Paris; M. Lecompte. *L'ancienne et la nouvelle collection des jeux de société*, Paris; B. Jubert. *50 jeux pour nos vacances*, Lyon, 1933; L. de Valaincourt. *Jeux de société*, Paris, 1929; «Cigogne ingénue». *Jouons et crions*. Louvain, 1933; J. Joussetin et R. Lafont. *Quelques jeux pour Louveteaux et Petites Ailes*; Guillen et Grandjouan. *Le livre des jeux*, Paris, 1930.

Шанхая. «Находившегося» — потому что, как сообщает автор, село это оказалось в зоне японской оккупации и было разрушено.

Начав с общего географо-эконом-демографического очерка Кайсиенкунга, автор в последующих главах дает краткие характеристики основной общественной ячейки — семьи, далее собственности и порядка наследования, более широких родственных групп, села в целом, домашнего быта и хозяйственной деятельности, заканчивая главой, посвященной аграрной проблеме в Китае. В приложении — заметка о китайской терминологии родства.

Работа Фей прекрасна по замыслу и является первым в литературе опытом этнографической монографии, посвященной китайской деревне. Как сообщает автор, одновременно с ним такие же работы были предприняты и исполнялись несколькими молодыми китайскими учеными, получившими соответствующее специальное образование в Китае. Фей сверх того два года учился в Лондоне под руководством покойного Б. Малиновского. Отсюда печать «функционализма» и той, свойственной Малиновскому, особой манеры изложения, которая отчетливое описание фактов, необходимое этнографии прежде всего, подменяет своей, весьма субъективной интерпретацией и социологической оценкой этих фактов. Сюда присоединяются, тоже в манере современной зарубежной социологии, настоячивые попытки систематизировать и классифицировать, далеко не всегда удачно, все описываемые явления. В результате, изложение автора таково, что можно, если это кому-либо подойдет, заимствовать его оценки и характеристики, но фактический материал использовать трудно.

Преимущественное внимание и место автор уделяет вопросам экономики описываемого им села, в частности земледелию и кустарному шелкопрядению. Нам лично больше интересовали бы данные о китайских родственных группировках, в частности о большей семье «шиа», о которой много, но малоотчетливо говорилось в старой литературе и которая только в недавнее время сделалась предметом специального внимания и исследования ряда, преимущественно китайских, ученых. Но здесь автор, к сожалению, и краток и неотчетлив. Автор заявляет, что большой семьи в Кайсиенкунге нет, что она здесь исчезла, как и во всем Китае. Последнее не верно, во всяком случае в отношении южного Китая, где, по показаниям других исследователей, большая семья в ее пережиточной форме, сохраняется поныне. Но, сообщая, что семья в Кайсиенкунге состоит обычно из 4—5 человек, Фей рядом рассказывает, что сыновья, женившись, обычно не отделяются, а продолжают вести общее хозяйство и жить с отцом. Одновременно Фей дает такое определение китайской «шиа»: небольшая родственная группа, состоящая из семьи в качестве ее ядра и нескольких связанных с ней родственников. Но это все же не что иное, как большая семья! Китайские исследователи различают три вида родственных группировок Китая: «шиа» — большую семью, «ши» — родственную ветвь и «тсу» — то, что мы называем патронимией. Фей называет наряду с «шиа» «тсу» и указывает на реальное значение в общественной жизни и культе этой группировки, однако необходимого описания ее не дает.

В общественной и духовной культуре Кайсиенкунга, видимо, очень сильны элементы материнского права, как это обнаруживается в среде сельского населения всего Китая. Автор, в качестве ученика Малиновского, не склонен эти элементы выделять, настаивая на сугубо патриархальном характере описываемого им общества, и слов «матриархат» или «материнское право» мы у него не находим. Однако о другом говорит ряд его сообщений: распространенность кузенного, считая по отцовской линии, брака, как наиболее предпочитаемой формы, тогда как брак так называемых параллельных кузенов, например, девушки с сыном сестры ее матери, считается «несчастливым» и избегается; распространенность часто сопутствующего кузенному браку сговора малолетних, тесная связь ребенка со своей материнской родней, которую он обычно посещает несколько раз в году, и пр., обо всем этом автор говорит бегло и кратко. Лишь об авункулате Фей сообщает более подробные сведения: материнский дядя — обязательный участник специальной церемонии, совершаемой по достижении новорожденным одного года, он выбирает имя ребенку, он отводит его первый раз в школу, он — посредник во всех конфликтах между сыном и отцом, защитник племянника от жестокого обращения отца, в случае необходимости племянник убегает к дяде, от дяди получает ценный подарок при женитьбе, дядя — судья при дележе имущества между отцом и сыном или между братьями.

Давая в пространном предисловии весьма высокую оценку книге Фей и отмечая научное значение подобного рода монографии, Малиновский, перейдя к общим рассуждениям, по своему обыкновению, настаивает на прикладном значении этнографического исследования, в данном случае — в плане изучения процесса «европеизации» Китая. Но эта предполагаемая Малиновским «европеизация» была для Кайсиенкунга предвосхищена радикальной «японизацией».

М. Косвен

Мохаммед Бахман Бахман биги, *Обычаи племен Фарса*. Тегеран, 1324 (1945).

Население Ирана, как известно, весьма неоднородно по своему этническому составу. Основная народность Ирана — иранцы (персы) составляют лишь около половины

всего населения страны, в то время как другую половину составляют многочисленные народности, главным образом тюркоязычные и ираноязычные, а на юге — арабы. К этим же трем группам принадлежит кочевое и полукочевое население обширной юго-западной провинции Ирана — Фарса. О племенах Фарса имеется довольно обширная литература. В прошлом столетии, особенно во второй его половине, Фарс посетили многочисленные (главным образом английские) исследователи и путешественники, опубликовавшие более или менее детальные описания края и его населения. Сводку всех этих материалов можно найти у Curzon'a в его «Persia and the persian question», v. II, 1892. Во втором десятилетии нашего века появились работы G. Demorgny «Les tribus du Fars» (Revue du Monde Musulman, v. XXII, Mars, 1913), и Б. Ф. Миллера «Кочевые племена Фарс-систана» (Восточный сборник, кн. II, Петроград, 1916). Обе эти работы, помимо собранных лично авторами материалов (Миллером во время его пребывания в Ширазе в 1906 г., а G. Demorgny в бытность его юрисконсультом иранского правительства), опираются также на персидский труд Хасана Фазаи «Фарснамее Насири». В Сборнике Музея антропологии и этнографии АН СССР (т. V, вып. 2) помещена работа А. А. Ромаскевича «Песни кашкайцев», в которой, наряду с некоторыми сведениями о кашкайцах, приводится подробная библиография по этой народности. Наконец, следует упомянуть статьи в «Энциклопедии Ислама» В. В. Бартольда о кашкайцах и В. Минорского о лурах; в последней из них содержатся сведения о кочующих в Фарсе лурских племенах (см. разделы Кухгелю и Мамасени).

Все опубликованные до сего времени материалы, касающиеся населения Фарса, представляют собой иногда общие сведения, иногда довольно детальные статистические, экономические и политические данные (названия, деление и расселение племен, сведения о занятиях населения, о продукции края, перечисление населенных пунктов, имена племенных вождей и старейшин, наконец, различные теории происхождения племен и их политическая история в связи с историей иранского государства). Помимо отдельных упоминаний о сезонных перекочевках, положений женщины среди кочевников и других подобных замечаний, тщетно было бы искать в литературе какие-либо детальные материалы по этнографии племен Фарса. Именно поэтому вышедшая летом 1945 г. в Тегеране на персидском языке работа Мохаммеда Бахмана Бахман биги, по-видимому долго жившего среди племен Фарса, представляет значительный и, можно сказать, исключительный интерес, несмотря на свой небольшой объем (90 стр.).

Мы даем ниже подробное содержание книги, не придерживаясь, однако, последовательности изложения автора.

Кочевые племена Фарса подразделяются на четыре большие группы: хамсэ, кашкайцы, кух-гелуи и мамасени. Значительная часть этих кочевников совершает огромные сезонные перекочевки, проводя зиму на юге, в непосредственной близости к Персидскому заливу, а лето — в северных районах провинции, причем некоторые племена доходят до окрестностей Исфагана, проходя, таким образом, за год до 1200 километров.

Восточнее остальных расселена группа хамсэ, состоящая из пяти племен — таифе: бахарлю, инанлю, нафар, басери и араб — и нескольких более мелких племен, общей численностью более 15 тысяч семейств. Племена бахарлю, инанлю и нафар говорят на тюркских наречиях, басери — по-персидски и арабы по-арабски. Таким образом, хамсэ, по-видимому, представляют собой конгломерат племен. Каждое племя делится на более мелкие подразделения — тире, которых насчитывается от 6 до 13 в отдельном племени. Центром кочевков являются районы, прилегающие к озеру Нейриз. За последнее время размах кочевков хамсэ сокращается и кочевники постепенно оседают или переходят к незначительным по расстоянию сезонным перекочевкам.

Западнее хамсэ живет тюркоязычная группа кашкайцев, являющаяся наиболее многочисленной, сильной и влиятельной группой среди племен Фарса. Кашкайцы делятся также на пять крупных племен — таифе: дере-шур, шишбулуки, кашкули, фарсмайдан и амале и до десятка мелких племен, общей численностью до 30 тысяч семейств. Эти племена также подразделяются на тире. В своих перекочевках кашкайцы ежегодно проходят путь от районов побережья Персидского залива, расположенных южнее Казеруна, Фирузабада и Джехрума до районов Семирама, Кумише и обратно. Проводя различные мнения о происхождении кашкайцев, в частности мнение Керзона о том, что кашкайцы являются отуреченными лурами, сам автор считает их родственными азербайджанцам и выходцами с Кавказа.

Наконец, в западной части области на сравнительно небольшой территории, между Казеруном и Рам-хармузом, в горах и предгорьях южной оконечности Загроша, живут мамасени и кух-гелуи, племена, говорящие на лурских диалектах и, по-видимому, родственные лурам, и в частности своим непосредственным соседям на северо-западе — бахтиарам. С-бщее количество кух-гелуи и мамасени достигает, по-видимому, 20 тысяч семейств. Мамасени делятся на четыре таифе — джави, бекеш, ростем и дошман-зиари и несколько мелких племен, также с подразделением каждого из них на мелкие группы — тире. Мамасени в настоящее время порывают с племенной организацией и тяготеют к городским центрам. Напротив, кух-гелуи, обитающие в горах и лесах, более других сохраняют первобытный образ жизни. Они делятся на три племена — агаджери, бави и джаки. Первые два из них в свою очередь подразделяются на тире, в то время как джаки делятся на две крупные ветви: лирави

и чахар-пандже. Лирави подразделяются на несколько тире, а чахар-пандже на тире: чуи, душман-зиари, чарам и боюр-ахмеди, опять-таки подразделяющиеся на более мелкие группы. Заслуживает внимания то обстоятельство, что тире боюр-ахмеди настолько усилилось и выросло численно за счет присоединения к себе значительной части представителей других родов и племен, что в настоящее время вся группа кух-гелуи обычно называется боюр-ахмеди. Это — наиболее воинственная и сильная и в то же время наиболее отсталая в культурном отношении группа кочевников Фарса.

Если под терминами тире и таифе мы будем видеть соответственно род и племя, то более высокое соединение типа кашкайцев, кух-гелуи или хамсэ следует считать народностью (кашкайцы) или союзом племен (хамсэ), которые у автора носят название «аиль». Среди племен кух-гелуи мы наблюдаем трехстепенное деление (например: джак — чахар-пандже — боюр-ахмеди), что В. Минорский (см. его статью «Лур» в энциклопедии Ислама) считает вообще характерным для лурских племен. Возможно, что среднюю ступень следует здесь рассматривать как объединение нескольких родов. Б. В. Миллер и Demorgny указывают на наличие такой средней ступени и у племен группы хамсэ. Отметим попутно, что оба указанных автора в своей терминологии, относящейся к племенам Фарса, не проводят четкого разделения между племенами и родами и, называя племена хамсэ племенами, кашкайские племена считают родами, а всех кашкайцев в целом — племенем.

Организация управления племенами Фарса единообразна. Во главе племен (таифе) стоят калантары, во главе родов тире кадхуда, во главе более мелких подразделений, повидимому, больших семей или объединений нескольких семей стоят ришсафид (белобородые) или семейные старейшины. Калантары управляют своими таифе с помощью кадхуда, а эти последние управляют своими тире с помощью ришсафид, или старейшин. Союзы племен или народности («аиль») не имеют общего объединенного управления, за исключением кашкайцев, во главе которых стоят ильханы и его помощник — ильбег. Кашкайские ильханы, играющие в крае, да и во всем Иране большую политическую роль, распространяют свое влияние, помимо кашкайцев, и на другие группы кочевников. Все вышеуказанные должности являются наследственными в определенных семьях и могут перейти в другие семьи лишь в чрезвычайных случаях или в результате кровопролития. Но вопрос о том, кто из членов правящей семьи займет должность ильхана, калантара или кадхуда, зависит от силы и способности того или другого претендента. Это вызывает вражду между претендентами, заканчивающуюся часто вооруженным столкновением. Случается также, что наследники или претенденты полюбовно делят между собой тире или таифе и управляют каждый своей частью. Несмотря на указанные столкновения между вождями, кочевники, по словам автора, предпочитают свои племенные власти центральным властям, поскольку вожди являются выходцами из своей среды, знают лично своих соплеменников, и последние имеют возможность непосредственного с ними общения. Авторитету вождей значительно способствует и то, что они устраивают для своих соплеменников или соседичей массовые угощения и т. п. Вожди не имеют права назначения или смещения нижестоящих руководителей и должны лишь выбирать между наследниками прежних старшин, учитывая при этом желание масс. Значительной независимости кочевников способствует и то обстоятельство, что они все поголовно вооружены. Многочисленные случаи набегов, воровства и других преступлений приводят к взаимным ссорам отдельных таифе или тире между собой, которые, однако, обычно улаживаются вождями и лишь в редких случаях кончаются крупными междуплеменными столкновениями. Главной причиной междуплеменной вражды являются вышеупомянутые вопросы наследования должностей и споры калантаров. Часто спорящие прибегают к содействию другого племени, которое в силу традиции или других причин оказывает претенденту поддержку, и, если нет других способов уладить дело, начинается междуплеменная война. В прежнее время иранское правительство всегда признавало кашкайских ильханей и калантаров племен, не имея сил и возможности изменить сложившийся порядок вещей и положить предел их самостоятельности. Оно обычно отдавало распоряжение об утверждении в должности более сильного претендента, посылая ему калат и саблю. Иногда вожди кочевников настолько усиливались, что не признавали центральной власти и не допускали на свою территорию ее представителей; напротив, в те моменты, когда распри претендентов ослабляли племена, центральная власть всячески старалась прибрать кочевников к рукам. Реза-шах, проводя политику централизации государства, лишил ильханей их власти, назначил для управления кочевниками своих чиновников, всячески притеснявших народ, а также проводил политику последовательного разоружения кочевников и перевода их на оседлость. Однако после падения Реза-шаха кочевники Фарса вновь вооружились и изгнали представителей центральной власти. В настоящее время во главе кочевников Фарса, как и в прежнее время, стоят ильханы и калантары, почти независимые от иранского правительства.

Кочевники Фарса — народ выносливый, здоровый и сильный.

Мужская одежда кочевников состоит из архалука, шали и шапки — кулаха. Верхнюю одежду составляет «чеке», род накидки, набрасываемой на плечи и закрепляемой посредством шелкового шнурка — «зеахаре». Поверх «чеке» кочевники опоясываются

патронным поясом и надевают на себя оружие и другое снаряжение. Женская одежда состоит из рубашки, нескольких халатов, надеваемых один на другой и доходящих до лодыжек, архалука — «ним тане», небольшого тонкого платка и большого шелкового платка, надеваемого поверх. Большинство кочевников живет в шатрах — «чадарах». Наиболее распространенными являются черные чадары удлиненной формы; одна сторона откидывается и служит дверью. Полотнища для этих чадаров изготавливаются на месте из козьей шерсти женщинами. Кроме того, встречаются более дорогие белые, голубые и желтые чадары, приготовленные в Исфагане и приобретаемые более зажиточными кочевниками. Основными продуктами питания кочевников Фарса являются: тонкий хлеб, который пекут на сковороде, молочные продукты, баранина или дичь, вис. В засушливые годы едят ячменный и кукурузный хлеб, травы. На юге большую роль играют финики. Кочевники питают особое пристрастие к чаю, в каждом шатре можно видеть грязный и закопченный чайник, кипящий день и ночь.

Семья у кочевников сохраняет свой патриархальный характер, хотя прежние семейные устои несколько нарушились. Во многих племенах семья представляет собой большую группу, которой управляет старейшина. Он имеет право наказать любого члена семьи, уклоняющегося от исполнения семейных традиций, может также женить или выдать замуж любого юношу или любую девушку по своему усмотрению. После замужества девушки обычно сохраняют крепкую связь с семьей отца и, в случае возникновения вражды между двумя семьями, отдают предпочтение семье отца или брата перед семьей мужа. Продолжателями рода и семейных традиций являются только сыновья и только они могут поддерживать огонь в очаге. Вообще домашний очаг весьма почитается. Клятва очагом считается священной и является достоянием доказательства правдивости слов клянущегося. Очаг человека, не имеющего сыновей, называют «слепым» или «немым». Несмотря на то, что иногда число членов семьи достигает 100 человек, они продолжают жить вместе и совместно владеть имуществом. Старшинство в семье после смерти отца переходит не к старшему брату, а к наиболее способному.

Кочевники часто выдают замуж несовершеннолетних и малолетних девочек. Часто родители мальчика и девочки совершают обряд сговора своих несовершеннолетних детей, а иногда даже выдают замуж двухлетнюю девочку, а лет четырех-пяти — везут в дом мужа. Существует обычай при перерезании пуповины новорожденного посвящать ее ребенку другого пола, который впоследствии должен стать супругом новорожденного. Сватовство ведется через пожилых и всеми уважаемых людей, которые способны оказать влияние на отца девушки в случае его нерешительности. После окончания сватовства ставится вопрос о калыме (башлук). Калым состоит из скота, денег и вещей, которые сватающийся дает отцу или семье девушки. В случае заключения родственного брака размер калыма несколько снижается. Обычай уплаты калыма имеет широкое распространение среди племен Фарса, размеры калыма весьма велики и в несколько раз превышают размеры приданого. Уплата калыма, в особенности для людей мало-состоятельных, является весьма трудным и подчас невозможным делом. Многие после уплаты калыма окончательно разоряются. В некоторых родах кашкайского племени шиш булуки калым достигает такой величины, что руководители родов и племен штрафами и пеней пытаются ограничить его размеры. Расходы жениха и его семьи тем более ощутительны, что они не компенсируются приданым, которое вследствие того, что девушка не наследует имущества отца, очень невелико и состоит из немногих предметов личного обихода девушки, приготовленных обычно ее собственными руками. Размеры мехра, т. е. обеспечения, выдаваемого мужем жене на случай его смерти или развода, тоже очень невелики, женщина в большинстве случаев отказывается от своих прав на мехр, тем более, что разводы среди кочевников встречаются как исключение. Помимо больших размеров калыма, препятствием для заключения брака является также наличие в среде кочевников нескольких сословий, между которыми браки или вовсе запрещены, или весьма ограничены. Сословия эти следующие: 1) калантары, 2) каххуда, 3) райа (собственно народ), 4) табакаи паст (нижнее сословие). Нижнее сословие состоит из лиц, стоящих вне племен и родов и занимающихся главным образом ремеслом. У кашкайцев имеется еще пятое, высшее сословие, которое составляет семья ильхани. Как правило, представители высшего сословия берут в жены девушек из следующего, нижестоящего сословия, но девушек из высшего сословия в нижнее не отдают. Особенно позорным считается родиться браком с сословием ремесленников. Вследствие указанных причин в высших сословиях (ильхани и калантары) встречается много старых дев.

Свадьба, являющаяся делом всего рода, иногда и племени, справляется торжественно и пышно и стоит недешево. На свадьбу (часто издалека) съезжаются сородичи и соплеменники. Брачующимся привозят подарки. Приглашаются танцовщицы и музыканты. Праздничество, в основном, проходит в доме молодого и лишь в последний день переносится в дом молодой. В этот же последний день молодую с многочисленными обрядами торжественно отвозят в дом мужа. Она трижды обходит вокруг отцовского очага и целует его; к ее поясу подвешивают хлеб, чтобы она в первую ночь питалась хлебом из дома отца; на лошадь сзади нее сажают мальчика, с тем, чтобы первенец у брачующихся был мальчик. Молодой, встречая молодую у своего дома,

бросает ей померанец или яблоко. Молодая отказывается слезть с лошади без получения подарка от родни молодого. В шатре против места, предназначенного для невесты, ставится зеркало и сосуд с водой для обеспечения счастья новобрачных. Когда молодая впервые выходит из-за занавески в общее помещение, она должна опустить руку в хурджин с деньгами или в мешок с рисом или мукой, чтобы обеспечить семье благоденствие. Многоженство практикуется у кух-гелун и мамасени, у кашкайцев оно составляет редкое явление. Вдовы редко выходят вторично замуж. Исключение составляют левиратные браки, устраиваемые с той целью, чтобы имущество не ушло из рода или семьи. Развод, как указано выше, обычно не практикуется и осуждается.

В своей повседневной жизни кочевники руководствуются главным образом обычным правом, хотя все они являются мусульманами и их вожди и судьи знакомы с шариадом. Гражданские сделки обычно заключаются без письменного оформления, на основе взаимного доверия, причем показание свидетелей ценится больше, чем письменные договоры, подписи или печати. Суд и расправу обычно производят ильханы и калантары. Мерами наказания служат денежные штрафы, иногда содержание под стражей или телесные наказания. Иногда преступник, спасаясь от ответственности, бежит в какой-либо влиятельный дом или на могилу почитаемого святого и находит там себе убежище.

Обычные бытовые преступления — воровство и грабеж у представителей других племен. Воровство в собственном роде осуждается, в своем племени тоже считается нехорошим делом; напротив, воровство в чужом племени считается деянием весьма почетным. Нередки случаи (особенно среди боюр ахмеди), когда за неумевших воровать отказываются выдавать замуж девушек. Существуют специальные шайки воров, среди членов которых наблюдается строгое распределение обязанностей: одни только пасут украденный скот, другие выслеживают добычу, третьи нападают и т. д. Воры имеют свою «мораль»: случается, что караван не подвергается разграблению только потому, что вместе с ним следуют женщины. Воры, если их настигнут и украденное будет отобрано, не стесняются требовать себе часть имущества в компенсацию за понесенные ими «труды», на что владельцы имущества обычно соглашаются.

Кочевники поголовно вооружены, и убийства, часто печальные, случаются нередко. Убийство обычно рассматривается как преступление, имеющее частный характер, особенно если оно произошло в тесном семейном кругу или в кругу сородичей. Следствием убийства является возникновение между семьями убитого и убийцы кровной мести, в которую вовлекаются иногда целые роды или племена. В таких случаях вожди и старейшины пытаются воздействовать на обе стороны и добиться примирения кровников. Существуют три формы примирения: 1) хунбаха — выплата компенсации за убийство, практикуемая обычно в тех случаях, когда убитый принадлежал к более низкому сословию и к менее состоятельной семье, чем убийца; 2) васалат — примирение путем выдачи замуж девушки из семьи убийцы за кого-либо из родственников убитого; 3) бакшиш — примирение путем прощения убийцы: после предварительной договоренности убийца входит в дом убитого с мечом и с кораном в руках. Если такая договоренность не достигнута и родные убитого отказываются простить убийцу, то иногда последний внезапно входит к ним в дом с мечом и с кораном в руках, рассчитывая на их великодушие, и нередко все же добивается прощения.

Будучи мусульманами-шиитами, кочевники Фарса не являются ревностными исполнителями религиозных предписаний, хотя в их среде иногда имеют место вспышки религиозного фанатизма.

Широко распространено почитание могил святых и сзанных мест, известных в Иране под именем имам-заде. Кочевники делают приношения святым местам, приписывая им свойство творить чудеса, многие тяжбы разрешаются клятвой у имам-заде; имам-заде являются местами убежища для преследуемых преступников. Распространена также вера в «сглаз» со стороны дурных людей, которым опасаются показывать красивого ребенка или хорошую лошадь. Против сглаза применяются магические обряды, наговоры и амулеты. Кочевники верят, что вред и порча происходят благодаря злобному воздействию джинов или пари, и опасаются спать или находиться в таких местах, которые считаются излюбленными пари или джинами. Кочевники верят, что имеется особый злой джин «аль», вредящий роженицам и новорожденным и похищающий печень роженицы. Для изгнания аля применяются различные средства, вплоть до того, что знахарь бьет изо всех сил роженицу. В засушливые годы для вызывания дождя выбирают человека, которого наряжают и гримируют и с криком и песнями водят по шатрам. Эта символическая фигура называется «кусе гелин». Кусе гелин прыгает, кричит и требует у хозяев шатров подношений. Все радуются его приходу, щедро наделяют его сладостями и выливают ему на голову чашку холодной воды. Таким путем кусе гелин якобы может собрать тучи и вызвать дождь.

Сохраняются и пережитки тотемистических представлений. Так, представители рода беи сиах кашкайского племени амале верят, что один из их родовых предков внезапно превратился в горного барана. Вследствие этого члены рода не охотятся на баранов и диких козлов и не едят их мяса, добытого другими. Среди охотников дру-

гих родов и племен распространено поверье, что не следует смотреть в глаза убитому горному барану, так как охотник может от этого заболеть.

Мы дали лишь неполное изложение этнографических материалов о племенах Фарса, приводимых в разбираемой работе. Однако и вышеизложенное позволяет судить о том, что рецензируемая книга является ценным вкладом в дело этнографического изучения Ирана, в частности, весьма мало известных племен юга Ирана.

По дошедшим до нас сведениям, книга Бахмана Бахман биги является дипломной работой автора, студента Юридического факультета Тегеранского университета. Поэтому не случайно автором уделено большое внимание правовым вопросам и обычаям у кочевников. Излагая тот или другой обычай или правовую норму, автор иногда привлекает и сравнительный материал.

Н. А. Кисляков

Новый сборник персидских сказок. Сказки собрал и издал Собхи, Тегеран, 1323 (1944), 157.

Автор книги в предисловии, обращаясь к детям, пишет, что эту книгу он издает для них. В течение последних шести лет автор еженедельно выступает по тегеранскому радио с чтением сказок для детей. Благодаря этому ему удалось собрать некоторое число сказок, присланных ему с разных концов Ирана. Автор сетует на низкий уровень просвещения в Иране и на то, что сбору и опубликованию народных сказок в Иране уделяется очень мало внимания. Действительно, публикации персидских сказок на персидском языке чрезвычайно скудны и до самого последнего времени этому жанру почти не уделялось внимания. Поэтому рецензируемая книга была очень тепло встречена в Иране. Автор рецензии, напечатанной в № 8 журнала «Песме ноу» (орган иранского общества культурной связи с СССР), отмечает, что в Иране так мало опубликовано иранских фольклорных материалов, что выход в свет подобной книги является событием. В последние 2—3 года в Иране начал все же пробуждаться интерес к отечественному фольклору. Созданный несколько лет назад Музей этнографии (Музей мардомшинаси) занимается сбором фольклора, в частности народных сказок; в журнале «Сохан» печатаются пословицы и поговорки, бытующие в различных районах Ирана; в журнале «Песме ноу» печатаются сказки и другой фольклорный материал.

Рецензируемая книга содержит 11 сказок, ко многим из которых добавлены различные варианты, представляющие собой зачастую самостоятельную сказку. Большая часть сказок сопровождается разного рода примечаниями, в которых приводятся другие варианты, указывается лицо, от которого записана сказка, и район, откуда данное лицо родом, перечисляются лица, приславшие автору различные варианты той или иной сказки. Автор рассказывает о судьбе одной из сказительниц, девочки Ахдас из Гольбайгана, выданной замуж за старого хаджу и умершей на чужбине в 16 лет.

Приводим краткое изложение некоторых сказок, помещенных в книге.

«Г о л е х а н д а н» — Смеющийся цветок. Сказка о девушке, у которой, согласно обещаниям четырех волшебниц, из глаз вместо слез падает жемчуг, при смехе изо рта сыплются цветы; под подушкой при ее пробуждении оказывается мешочек с сотней золотых; когда она ступает правой ногой, под ней появляется золотой кирпич, левой — серебряный. Злая тетка овладевает сокровищами девушки и бросает её в колодец, подсунув жениху-принцу свою дочь. Все разъясняется и оканчивается благополучно. В примечании говорится, что эта сказка рассказывается в последний вторник месяца ша'бана за угощением, посвященным Биби Хур и Биби Нур (мифические женские покровительницы).

«М о р д е с а а д а т» — Птица счастья. Сказка о двух братьях Сааде и Сеиде, съевших голову, печень и сердце птицы счастья, и о принцессе Деларам, похитившей у Сеида сердце и печень чудесной птицы. Сеид, обманутый принцессой, добывает ковер-самолет, скатерть-самобранку и ящичек с сурьмой, делающей человека невидимкой. Деларам снова отбирает у него эти предметы. В третий раз Сеид с помощью волшебной палочки превращает Деларам в осла и отбирает у нее все свои чудесные вещи, затем возвращает ей человеческий образ, сам женится на другой принцессе. Очень близкий вариант этой сказки значится у Аарне-Андреева под № 567. Один из вариантов этой же сказки опубликован В. А. Жуковским в его сборнике «Сказки Популярная». В примечании к этой сказке Собхи пишет, что это одна из популярнейших в Иране сказок и была она ему прислана несколькими лицами.

«С а а д в е С е и д» — сказка о шахе, лишившемся трона, его обманом увезенной жене и пропавших двух сыновьях — Сааде и Сеиде. Впоследствии шах становится правителем другой страны, так как выпущенный, согласно обычаю той страны, сокол трижды садится на его голову. Шах устраивает караван-сарай и у его дверей велит караулить по очереди юношам. Таким путем он находит своих сыновей и жену, которая, остановившись в караван-сараях на ночь со своим похитителем, слышит беседу двух юношей и узнает в них своих сыновей. В примечании к сказке говорится, что, согласно существующей легенде, в Куме против гробницы Али бен Джаффара в саду под двумя древними куполами находятся могилы Саада и Сеида.

«Голе зард» — Желтая роза. Сказка о принцессе, которая, сидя у ручья, коснулась плывшей желтой розы и мигом очутилась вдали от своего охотничьего лагеря. В страхе принцесса забралась на дерево. Под этим деревом вскоре раскинул свою палатку принц другой страны. Он увидел девушку, и они полюбили друг друга. Уезжая, принц оставил спящей девушке стихотворение, по которому она впоследствии разыскала его, переодевшись в пастушеское платье. Принц по настоянию матери должен был жениться на своей двоюродной сестре. В день свадьбы девушка оделась в богатые одежды и вскрыла себе живот; принц, увидя ее мертвой, последовал ее примеру. Родные принца, услышав разговор двух голубок, мажут, согласно их совету, влюбленных соком волшебного дерева; влюбленные оживают и женятся. Мотив о беседе двух голубок, которую подслушивает герой сказки, проходит через многие сказки рецензируемого сборника.

«Госфанде» — Барашек. Шах, уезжая на охоту, велит сыну, в случае, если у него родится дочь, убить ее. Принц не решаете убить сестру и скрывает ее в подвале. Девочка разбивает стену, выходит на улицу и попадает на глаза отцу. Шах изгоняет сына и дочь из дома. Расставшись с братом, девушка надевает баранью шкуру и странствует в таком виде. В одном городе она попадает в шахский дворец и там узнает, что пропал принц. Девушка выясняет, что принца спрятали кухарка-негрятка, которая добивается его любви. Сбросив баранью шкуру, девушка следует за матерью принца в баню и на бал. Мать расхваливает девушку принцу, и он, пленившись девушкой, просит ее быть его женой. Девушка велит вывесить свой портрет на городских воротах и привести к ней всякого, кто заплачет, глядя на ее портрет. Таким путем она находит брата.

«Хәлее курбәкә» — Тетушка-лягушка и «Хәлее гарданадарәз» — Длинношея гетка (тетушка-верблюд). Два варианта сказки о глупой жене. В первом говорится о трех глупых дочерях старика, поочередно выходивших замуж за одного и того же человека. Первая из них обмазала протекавшую крышу маслом и патокой, вторая вычистила осла и положила его в комнатах спать, третья призвала лягушку помочь ей готовить угощение для гостей и все припасы бросила в лужу. Взамен плова она вытащила золотой слиток. Эта сказка имеется в сборнике А. А. Ромаскевича «Персидские народные сказки» № 13 под заглавием «Рассказ о слабоумной пряже», причем отлично лишь начало, приведенное нами. В остальном сказка Собхи совпадает с указанной сказкой. В указателе Аарне-Андерсена имеются варианты под №№ 1381, 1385, 1387. Вторая сказка «Длинношея тетка» напоминает первую, но связана и с другой сказкой об умном ювелире, которая также имеется в сборнике «Персидские народные сказки» № 42 под заглавием «Хитроумный золотых дел мастер».

Таково содержание сборника, представляющего несомненный интерес не только для фольклориста, но и для лингвиста, ибо все сказки сборника изложены подлинным народным языком. Единственный упрек, который можно сделать автору книги, — недостаточная документация сказок.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Indians of yesterday and to-day. Information pamphlet, 1. Publication of the Education Division, U. S. Office of Indian Affairs, 1941, 74. Небольшая научно-популярная брошюра, дающая общие сведения по истории заселения Америки, ее развитых культурах и различных культурных районах Северной Америки. Отдельные главы посвящены вкладу индейцев в американскую культуру и их религии. Семь глав посвящены положению индейцев США, начиная с колониального периода по настоящий день. В главе «Занятия индейцев» рассказывается о мероприятиях, направленных на организацию индейской экономики. Специальные главы посвящены постановке индейского образования, индейского здравоохранения, развитию индейских ремесел и реорганизации индейского управления в 1934 г. В конце брошюры — статья Дусона Колье, бывшего главы Индейского отдела Министерства внутренних дел США «Наше индейское меньшинство», в которой характеризуется правовое положение индейцев США после проведения в жизнь нового Реорганизационного акта 1934 года.

Ю. А.

J. W. Johnshoy. *Apaarak in Alaska, Social pioneering among the Eskimo*, Translated and compiled from the records of the reverend T. L. Brevig, pioneer missionary to the Eskimo of Alaska, from 1894 to 1917, Philadelphia, 1944, 325.

Apaarak — по-эскимосски: «отец всех»; так прозвали эскимосы крайнего севера Аляски миссионера Бревига, норвежца по национальности, прожившего на Аляске с 1894 по 1917 год. Книжка дает перевод открыток из дневников Бревига, содержащих преимущественно описание обстоятельств и происшествий его жизни и

деятельности на Аляске. Имеется ряд страниц этнографического содержания, не представляющих, однако, особого интереса. Имеется и краткий очерк истории Аляски, где между прочим Senian Deshniep должно изображать: «Семен Дежнев».

М. К.

Proceedings of the Conference on Latin America in social and economic transition. The University of New Mexico Press, Albuquerque, 1943.

Ряд статей по Латинской Америке. Особенно интересна статья Дональда Бранда «Американский индеец, забытый человек четырех веков». Автор обсуждает вопрос о современной численности индейского населения Америки и приводит результаты различных подсчетов, колеблющихся от 14 до 30 млн. у различных авторов. Сам автор останавливается на цифре 21 млн. Межамериканский индейский институт придерживается цифры 30 млн. В конце статьи — исторический обзор правительственной политики, проводимой в отношении индейцев различными странами американского континента. Автор отмечает определенные сдвиги в этом отношении после межамериканского индейского конгресса, состоявшегося в 1940 г. в Паскуаро, в Мексике.

Ю. А.

W. W. Hill. *Navajo salt gathering.* The University of New Mexico Bulletin, 1940, vol. 3, No. 4, Anthropological Series.

Очень интересное описание ритуального сбора соли у навахов, с параллелями так же ритуализированного собрания соли у других племен юго-запада. Цикл добывания соли у навахов связан с «хозяйкой соли», имя которой фигурирует в мифологических объяснениях происхождения и локализации залежей соли. Экспедиции к соляному озеру связаны у навахов также и с обрядом инициаций: участие в них является одним из тех рубежей, перейдя которые юноша становится равным взрослым мужчинам. Автор приводит данные о сборе соли у зуны, хупа, папаго и других племен юго-запада и, сравнивая их ритуал, заключает, что общие места добывания соли вызвали сходство этого ритуала.

Н. Золотаревская

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Иванов. Памяти В. Г. Богораза	3
---	---

Вопросы общей этнографии и антропологии

М. О. Косвен. И. Я. Бахофен и русская наука	9
---	---

Вопросы этногенеза

А. П. Смирнов. К вопросу о происхождении татар Поволжья	37
Т. А. Трофимова. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии	51
Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии	75
Л. Залый. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка)	87

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Л. А. Динцес. Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края	93
А. П. Окладников. Из области древней культуры якутов	113
С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов	123

Из истории этнографии и антропологии

Г. А. Кокиев. С. В. Кокиев — этнограф осетинского народа	138
--	-----

Сообщения. Заметки. Авторефераты

Н. А. Федорова-Дылева. Великоустюжская художественная резьба на бересте	138
---	-----

Хроника

В. Храмова. Сессия, посвященная В. Г. Богоразу	145
К. Гагкаев. Памяти М. М. Ковалевского	146
Е. К. Вопросы этногенеза татар Поволжья	149
Н. Ф. Прыткова. Отчет о работе на Севере	159
А. П. Окладников. Этнографические и археологические исследования на Нижней Лене	161
А. И. Робакидзе. Этнографическая работа Института истории Академии Наук Грузинской ССР	162
Ю. П. Аверкиева. Межамериканский индейский институт	165

Критика и библиография

Обзоры

С. А. Токарев. Из новой литературы о проблеме Юлийской Краины	167
---	-----

Вопросы общей этнографии и антропологии

И. Прокопович. Х. Вакарелски. Насоки за събиране этнографски материали	175
--	-----

Народы СССР

Э. В. Гофман-Померанцева. Фольклор Вітчизняної війни	177
М. К. В. Гирченко. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах	179
М. Горский. Осетины во II половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера	179

Южные славяне

И. Прокопович. Георги п. Аянов. Странджа	179
--	-----

Народы Европы

К. Гагкаев. J. O. Grandjouan. «Le qui vive»	180
---	-----

Народы зарубежной Азии

М. Косвен. Hsiao-Tung Fei. Peasant life in China	180
Н. А. Кисляков. Мохаммед Бахман Бахман биги. Обычаи племен Фарса . .	181
А. З. Розенфельд. Новый сборник персидских сказок	186

Народы Америки

Ю. А. Indians of yesterday and to-day	187
М. К. J. W. Johnshoy. Apaurak in Alaska	187
Ю. А. Proceedings of the Conference on Latin America in social and economic transition	188
И. Золотаревская. W. W. Hill. Navajo salt gathering	188

SOMMAIRE

S. V. Ivanov. A la mémoire de V. G. Bogoraz	3
---	---

Questions d'ethnographie générale et d'anthropologie

M. O. Kosven. J. J. Bahoven et la science russe	9
---	---

Questions d'ethnogénèse

A. P. Smirnov. Origines des tartars du Volga d'après les données archéologiques	37
T. A. Trofimova. L'ethnogénèse des tartars du Volga d'après les données anthropologiques	51
N. I. Vorobiev. L'ethnogénèse des tartars de Kazan d'après les données ethnographiques	75
L. Zalai. Sur les origines des tartars du Volga (d'après les données linguistiques)	87

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS

L. A. Dintzes. Motifs orientaux dans l'art du pays de Novgorod	93
A. P. Okladnikov. Données sur la culture ancienne des jakouts	113
S. M. Abramson. Sur la sémantique des ethnonimes kirghiz	123

Histoire de l'ethnographie et de l'anthropologie

G. A. Kokiev. S. V. Kokiev — un ethnographe de l'Ossétie	133
--	-----

Informations. Notes. Extraits

N. A. Fedorova-Dileva. Gravures sur l'écorce de bouleau faites dans la région de Veliky Ustug	138
---	-----

Chronique

V. Khramova. Session consacrée à la mémoire de V. G. Bogoraz	145
K. Gagkaev. A la mémoire de M. M. Kovalevsky	146
E. K. Questions d'ethnogénèse des tartars du Volga	149
N. F. Pritkova. Compte rendu du travail fait dans les régions du Nord (1941—1945)	159
A. P. Okladnikov. Explorations ethnographiques et archéologiques dans les régions du Léna	161
A. J. Robakidsé. Travaux ethnographiques de l'Académie des Sciences de la RSS de Géorgie	162
J. P. Averkieva. Institut Interaméricain des Indiens	165

Critique et bibliographie

REVUES

S. A. Tokarev. Littérature sur le problème de la Marche Julienne	167
Questions d'ethnographie générale et d'anthropologie	
I. Prokoovitch. Chr. Vakarelski. Nasoki sa sbirane etnografski material	175
B. Charevskala. Hutton Webster. Taboo	175
M. K. Annali Lateranensi, Pubblicazione del Pontificio Museo Missionario Etnologico	177

Ethnographie de l' URSS

E. V. Gofman-Pomerantzeva. Folklor vitchiznianski vyiny	177
M. K. V. Guitchenko. Ouvrages des voyageurs russes et etrangers du XVII, XVIII et de la première partie du XIX siècles sur les bourjats-mongols	179
M. Gorsky. Les Ossètes au XVIII siècle d'après les observations du voyageur Steder	179

Ethnographie des peuples slaves du Sud

J. Prokopovitch. Georgy p. Aianov. Strandja	179
---	-----

Ethnographie de l'Europe

K. Gagkaev. J. O. Grandjouan. «Le qui vive»	180
---	-----

Ethnographie de l'Asie non-sovietique

M. Kosven. Hsiao-Tung Fei. Peasant life in China	180
N. A. Kisliakov. Mohammed Bahman Bahman bigui. Coutumes des tribus du Fars	181
A. Z. Rosenfeld. Nouveau recueil de contes perses	186

Ethnographie de l'Amérique

J. A. Indians of yesterday and to-day	187
M. K. J. W. Johnshoy. Apaurak in Alaska	187
J. A. Proceedings of the Conference on Latin America in social and economic transi- tion	188
J. Zolotarevskaja. W. W. Hill. Navajo salt gathering	188